

БИБЛИОТЕКА БОМ ОСТРОСЮЖЕТНОЙ МИСТИКИ

ДЖЕФРИ КОНВИЦ

Страж - 2

ГОРДОН МАКГИЛ

Конец
черной звезды

БИБЛИОТЕКА ОСТРОСЮЖЕТНОЙ МИСТИКИ

ДЖЕФРИ КОНВИЦ
Страж - 2
ГОРДОН МАКТИЛ

Конец
черной звезды

МОСКВА
Компания «Ключ-С»
1993

84. 7. США
К 64

Переводы с английского

Составление
Т Чичиной

Иллюстрации
В Федорова

К $\frac{4703010100-8}{И 38(03)-93}$ 8-93

- © Чичина Т. В.
Составление 1993
- © Алукард С,
Терещенко В.
«Страж-2». Перевод 1993
- © Волостникова В,
Яковлева М
«Конец черной звезды».
Перевод 1993
- © Федоров В
Иллюстрации. 1993
- © Брылев Л.
Оформление. 1993

ДЖЕФРИ КОНВИЦ

Страж - 2

ПРОЛОГ

Ноябрь 1963 года

Доктор Мартин Абрамс не спеша набил тяжелую трубку ручной работы и, раскуривая ее, бросил взгляд на бумаги, отодвинутые на край письменного стола.

— Как вы себя чувствуете? — спросил он, хмуря густые черные брови.

— Чувствую... — безучастно откликнулся пациент, пребывающий в глубоком трансе.

Доктор заметил, что ответ был дан будто бы через силу.

— Вы спокойны, — ровным голосом произнес он.

— Да, — как-то неуверенно подтвердил пациент. — Спокоен.

— Все хорошо.

Наступила тишина. Выдержав паузу, Абрамс продолжил:

— Я хочу поговорить с вами о вашей матери.

Пациент зябко поежился.

— Я не помню ее.

— Помните. Вы помните абсолютно все. Расскажите мне про нее.

Запинаясь, пациент стал описывать женщину, а потом и свое отношение к ней.

Абрамс удовлетворенно кивнул.

— Хорошо, — сказал он, одновременно делая какие-то пометки в бумагах. — А теперь расскажите мне о том, как она умерла.

Лицо пациента преобразилось. Его охватил неподдельный ужас.

— Я... я не помню этого.

— Помните. Говорите же!

— Это было... очень давно.

— От чего она умерла?

— От рака.

— Это неправда. Расскажите мне, как она умерла. Подробно.

— Рак. Меланома. Я навещал ее в больнице. Она мучилась, страдала от сильной боли.

— И это все, что вы помните?

Пациент с трудом выдал из себя еще несколько бессвязных фраз, а потом и вовсе умолк. По его лбу и щекам струился пот.

Абрамс разжег потухшую трубку и крепко сжал зубами мундштук.

— Как она умерла? — настоятельно требовал он продолжения рассказа. — Говорите!

Пациент дико озибался по сторонам, не понимая, где он находится.

— Говорите же!

— Потом ее привезли из больницы домой. К нам приходила сиделка, но один раз она заболела и не смогла прийти. А у мамы как раз начался сильный приступ... И она сказала, что если я действительно люблю ее, то должен помочь ей умереть... Я заплакал. А потом выдернул капельницу из ее вены и убежал в школу. А когда пришел домой после уроков, она уже умерла.

— И как вы себя чувствовали после этого?

— Как будто я виноват в чем-то...

— Вы пытались как-нибудь искупить эту вину?

— Не помню.

— Помните! Расскажите мне.

Пациент судорожно задержался в кресле. Он был в крайней степени смятения.

— Я понял, что не смогу больше так жить.

— И поэтому... — подсказал доктор.

— Я пытался покончить с собой!

Абрамс, явно довольный своими успехами, тут же начал расспрашивать о подробностях, одновременно заполняя целые страницы ровным мелким почерком. Наконец он отложил ручку в сторону и не спеша вывел мужчину из-под гипноза. Через минуту тот уже был в полном сознании.

Абрамс вызвал ассистентку и попросил сварить кофе.

— А теперь я хотел бы задать вам несколько вопросов, — сказал он, когда перед ними поставили чашечки с дымящимся ароматным напитком.

Пациент кивнул, охотно давая свое согласие.

— От чего умерла ваша мать?

— От рака. Она долго болела...

— Разве ее не убили? — «удивился» Абрамс.

— Убили? — Мужчина нахмурился. — Вы что, с ума сошли?

— Я нет. И вы, кстати, тоже далеко не сумасшедший. Пациент добродушно рассмеялся.

Доктор озабоченно покачал головой.

— И вот о чем я еще хотел бы узнать...

— Да, слушаю вас...

— Вы когда-нибудь пытались покончить жизнь самоубийством?

— Я? Да что вы! Конечно, нет.

— Вы уверены? — прищурился Абрамс.

— Абсолютно.

— Тогда у меня все. — Психиатр улыбнулся, давая понять, что прием окончен.

Мужчина с облегчением вздохнул, поднялся с кресла и, попрощавшись, быстро покинул кабинет.

Абрамс проводил его до двери, потом вернулся в свое кресло, и, выбив пепел из трубки, крепко задумался. Он снова и снова перелистывал записи, размышляя о самом удивительном случае в своей практике.

Декабрь 1966 года

Артур Селигсон вышел из метро на пересечении улиц Бликер и Лафайет. Теперь уже он нисколько не сомневался, что правильно поступил, хлопнув дверью. К утру Сью забудет о размовке, а он тем временем проведет ночь в городе и где-нибудь от души повеселится. Вообще-то их отношения уже стали для Артура настоящей обузой. Он смертельно устал от бесконечных придилок и постоянного ворчания своей подруги. А особенно сварливой она стала, узнав, что он — бисексуал и любит мальчиков ничуть не меньше ее. Впрочем, если она так и не сможет примириться с этим, то пусть убирается ко всем чертям. Уж он-то без нее как-нибудь обойдется.

Артур свернул на Хьюстон-стрит и направился по ней в сторону Ист-Вилледж, еще издали заметив яркий неоновый щит над ночным клубом «Суарэ». Хоть он и не заходил сюда раньше, это местечко было хорошо известно любому нью-йоркскому гомосексуалисту. Внутри клуб оказался небольшим и был даже немного тесноват для огромного количества столпившихся под низким потолком посетителей. У самого входа располагался бар, еще дальше — сцена, на которой сейчас демонстрировали свое мастерство четыре

бледных худых музыканта и два мускулистых танцора в женских платьях. Артур отметил, что оформлен клуб на удивление скромно, хотя на это, похоже, никто из присутствующих не обращал внимания. Но вообще же сквозь густую пелену табачного дыма было трудно что-либо как следует разглядеть.

Артур проверил карманы — не забыл ли он в пылу ссоры дома бумажник и, убедившись, что тот на месте, поспешил к бару. Там он привстал на цыпочки, перегнулся через стойку и заказал чистый виски со льдом, стараясь перекрычать оглушительный джаз. Потом подождал, пока бармен принесет напиток, и со стаканом в руке стал искать свободное место. Наконец, удобно устроившись в углу тесного зала, он принялся рассматривать посетителей, без стеснения заглядывая им прямо в лица. Артур знал, что в этом диковинном месте царят совсем иные нравы, нежели там, где ему приходилось бывать вместе с Сью. Здесь собиралось совершенно другое общество и было куда меньше церемоний. Артур чувствовал, что с каждой минутой клуб начинает нравиться ему все больше.

Поэтому он снял свой мохеровый свитер и небрежно бросил его на спинку кресла, с удовольствием сознавая, что, наконец, нашел именно то, что искал.

Его хлопчатая рубашка под свитером уже успела основательно взмокнуть, и он попросил у официанта стакан воды со льдом. Потом отпил глоток виски, протянул руку к блюду с солеными орешками, которые стояли здесь на каждом столике, и загреб сразу целую горсть. Сосед Артура внимательно оглядел его, и они тепло улыбнулись друг другу.

Молодой человек оказался весьма приятной наружности: белокурый, на вид — ровесник Артура и очень стройный. Он был в черном шерстяном джемпере поверх белой рубашки и в плотно облегающих джинсах с замысловатой вышивкой на кармане.

— Как дела? — не переставая улыбаться, спросил парень, будто был старым знакомым Артура.

— Как всегда, прекрасно, — охотно отозвался тот.

— Меня зовут Джек. Джек Купер, — представился юноша.

— Артур Селигсон.

Джек улыбнулся, обнажая ослепительной белизны зубы, и отпил немного «бурбона».

— А я вас, по-моему, тут раньше не видел, — заметил он.

Артуру понравился и голос Джека, такой мягкий и отчетливо женственный.

— Это и неудивительно, ведь я здесь впервые.

Позади музыканты объявили антракт и скрылись за сценой. Наслаждаясь тишиной, Артур маленькими глотками допил виски. Джек тут же заказал ему еще одну порцию, и Артур не смог отказаться.

— Вы здешний? — спросил Джек, придвигаясь к нему поближе.

— Нет, — ответил Артур. — Я родился в Йонкерсе, и там же прошло мое детство. — Он улыбнулся. — Но школу я заканчивал уже в Буффало, а потом приехал в Колумбийский университет продолжить образование. И сейчас одновременно учусь и подрабатываю немного в универмаге.

— Вы один живете? — поинтересовался Джек.

— Нет.

— С приятелем?

— Нет, с девушкой.

— Так вы здесь... случайно? — В его голосе послышалось явное разочарование.

— Не совсем. Впрочем, я от нее ничего не скрываю, и она в курсе моих симпатий.

— Вам, наверное, нелегко живется, — посочувствовал Джек.

— Это точно.

Новый приятель Артура понимающе улыбнулся, потом подозвал официанта и, указав ему на пустые стаканы, заказал еще виски.

— А вы? — в свою очередь, спросил Артур, пока ему наливали уже третью порцию.

— Я тоже учусь. Изучаю литературу, а подрабатываю в этом клубе.

— И кем же вы здесь... подрабатываете?

— Барменом, через день. Я живу в этом районе уже четыре года и знаю здесь все кабаки. Приехал из Цинциннати, думал стать актером, но ничего путного из меня не вышло. Сначала снялся пару раз в рекламе какого-то безалкогольного напитка, который сам так ни разу и не попробовал, потом меня использовали в качестве «голоса за кадром» — но ни один из этих роликов почему-то не пошел... Затем я шесть недель колесил по стране с труппой «Фантастикс» в качестве подсобного рабочего, и на этом моя театральная карьера закончилась. Неплохо, да? Шесть недель с такими звездами — и мне не дали на сцене ни слова! Но к черту все это, неохота и вспоминать... Не вышло из

меня звезды, хотя еще довольно долго я не мог в этом признаться даже самому себе.

Артур понимающе кивнул.

Джек достал сигарету и закурил.

— А какие у тебя планы после университета? — спросил он, выпустив дым.

Артур неопределенно пожал плечами.

— Понятия не имею! Но мне кажется, я становлюсь уже профессиональным «вечным» студентом. Конечно, все эти ученые степени звучат красиво, но на одних дипломах далеко не уедешь... А торговать безделушками в универмаге еще скучнее. Повтому или буду учиться дальше, пока меня не вышибут, или женюсь на дочке миллионера!

— Или на сыне? — уточнил Джек.

— Или на сыне, — подтвердил Артур и слегка усмехнулся.

Джек с обворожительной улыбкой нежно обнял Артура за плечи.

— У тебя светлая голова, и ты мне начинаешь нравиться, — сказал он, глядя ему прямо в глаза.

— Взаимно. — Артур отхлебнул еще виски.

Джек протянул пачку сигарет:

— Куришь?

— Нет. — Артур замотал головой и тут же икнул. «Господи, уже нажрался!» — мелькнуло у него в голове. — И никогда даже не пробовал.

Джек спрятал пачку в карман.

— А, ну, извини. Я не знал. А можно тебя кое о чем спросить?..

— Валяй.

— Ты когда начал?

— Еще в колледже, — без колебаний признался Артур, сразу сообразив, о чем речь. — На последнем курсе. Если точнее — во время каникул. Мы с группой отправились покататься на горных лыжах в Стоув, это в Вермонте, и там я познакомился с парнишкой из Нью-Гемпширского университета. Лыжник он был отменный, и взялся меня малость подучить. Всю неделю после тренировок мы с ним волочились за бабами, но ничего у нас толком не вышло. И под конец я стал оставаться у него ночевать, и мы с горя напивались. Так вот, перед самым отъездом — уже в последнюю ночь — все и произошло...

— И ты потом чувствовал себя... неловко? — участливо спросил Джек.

— Ничуть не бывало! — Артур на секунду замолчал, а потом вдруг спросил: — А у тебя как было?

Джек рассмеялся.

— Ну, я в этом деле уже тертый калач! Начал в пятнадцать лет с моряком из Лексингтона. Ты не представляешь, сколько шума было, когда мать однажды выследила нас и поймала в стоге сена прямо «на месте преступления»! Хотя ее в это время не должно было быть дома. Ох, и отколотила же она меня тогда! Слава Богу еще, что отец не дожил до того дня — иначе не сносить бы мне головы. Ну, зато мать постаралась за двоих. А потом начала меня изводить бесконечными расспросами, что да как, да почему... Ну, я и брякнул, что, мол, если бы она была хорошеньким мальчиком и жила с такой мамашей-занудой, когда рядом больше никого, — то сама бы кинулась на шею первому встречному мужику... Однако ей этот довод почему-то показался неубедительным, и она продолжала выколачивать из меня дурь до тех пор, пока мне все это не осточертело, и я сбежал от нее куда глаза глядят. Просто сел в первый попавшийся автобус на восток и... Автобус, как оказалось, шел в Филадельфию, а оттуда — напрямик в Нью-Йорк. И с тех пор я своей мамочки больше не видел. Говорят, она совсем спятила, узнав, что сын у нее — педик, и это скорее всего уже неизлечимо. Хотя я лично не проверял — мне теперь на нее глубоко наплевать. Да и какая она мать, если не смогла как следует разобраться в чувствах собственного сына!

Артур молча переваривал все, о чем рассказывал ему новый приятель.

— А ты пробовал когда-нибудь с женщиной? — наконец спросил он.

Джек отрицательно покачал головой.

Потом они разговаривали о всяких пустяках, снова пили, и вдруг, взглянув на часы, Джек схватил Артура за руку.

— А ты сегодня вернешься к своей подруге? — печально спросил он.

— Надеюсь, что нет, — ответил тот и улыбнулся.

— Послушай, я живу тут неподалеку, в двух кварталах. Давай возьмем еще бутылочку и двинем ко мне! Там тихо. Разожжем камин, продолжим нашу беседу... Есть хорошая музыка. Ну как, согласен?

— Звучит заманчиво, — не устоял Артур.

Они дружно поднялись с кресел и стали пробираться к выходу. Пока швейцар подавал им пальто, подошел ни-

зенький плотный мужчина в дорогом костюме, обхватил Джека за плечи и по-дружески притянул к себе.

— Это Чарли Келлерман,— представил Джек незнакомца.— А это мой приятель Артур Селигсон,— сказал он мужчине.

Келлерман с такой же теплотой обнял и Артура, а потом снова посмотрел на Джека:

— Так вы уже уходите?

— Да. Я буду завтра в двенадцать. И сегодня еще поработаю, но только не за стойкой.— Он многозначительно подмигнул Артуру, а потом схватил Келлермана за ладкан и заговорил громким шепотом, чтобы было слышно и Артуру: — Я очень рассчитываю на крупный куш. Этот красавец недавно сказочно разбогател!

Келлерман рассмеялся и обхватил Артура за талию.

— Неужели вы пойдете к такому заморышу?

Артур молча улыбнулся.

Келлерман глубоко затянулся сигаретой и задумчиво произнес:

— Ну что ж! Со своей стороны я могу дать ему только самые лучшие рекомендации. Но будьте осторожны: я чрезвычайно ревнив!

Все трое громко расхохотались. Наконец им подали пальто. Келлерман на прощание еще раз обнял Джека, сжал Артуру руку чуть выше локтя и весьма развязно послал обоим воздушный поцелуй.

— Не делайте никаких глупостей! — предупредил он и погрозил им пальцем.

Джек улыбнулся.

— Это самый большой сукин сын из всех, кого мне приходилось встречать,— «пожаловался» он Артуру.

Келлерман ухмыльнулся, пустил в лицо Джеку колечко сигаретного дыма и растворился в толпе.

Джек посмотрел ему вслед и взял Артура под руку.

— Ну как, ты готов?

— Вполне.

Они нежно посмотрели друг другу в глаза, улыбнулись и вышли из клуба.

Ноябрь 1978 года

Колеса беспомощно буксовали в жидкой дорожной грязи. Энни Томпсон, съжившись на переднем сиденье, смотрела в боковое стекло, стараясь разглядеть хотя бы обочину

дороги. Но, кроме своего тусклого отражения, она не видела почти ничего, и от этого создавшееся положение казалось девушке еще более ужасным. Сама она тоже выглядела не лучшим образом: глаза покраснели, в лице — ни кровинки.

Бобби Джо Мейсон крепко вцепился в руль «вольво» и еще раз нажал педаль газа, тут же схватив Энни за руку, чтобы она не стукнулась лбом о ветровое стекло.

— По такой круче забраться туда будет чертовски трудно, — сказал он, пытаясь как-то отвлечь Энни разговором.

Он посмотрел на дорогу, ведущую к вершине горы Адирондак, и повторил сквозь стиснутые зубы:

— Чертовски трудно!

— Да, мы ведь всегда выбираем подходящее время и место для отдыха, правда? — пробормотала Энни, удрученно качая головой и прислушиваясь к шуму дождя, барабанившего по крыше автомобиля.

— Ну что за черт! — ворчал Бобби с нарастающим раздражением.

Колеса машины продолжали крутиться на месте, разбрызгивая по сторонам липкую грязь.

Ливень начался час назад. Он пришел из Канады и застал их врасплох, хотя, судя по сводкам, всю неделю до самого Дня благодарения должна была стоять тихая сухая погода.

Вдруг Энни невольно дернулась на сиденье, ударившись коленями о приборную панель — ее напугала ветка, внезапно хлестнувшая по забрызганному лобовому стеклу, через которое почти ничего уже не было видно. Бобби мрачно усмехнулся и полез на заднее сиденье за кожаной курткой.

— Садись-ка лучше за руль, — сказал он своей спутнице, — а я попробую толкнуть сзади. Когда я крикну «газ!» — выжимай педаль до упора и держи ее так.

— И ты думаешь, это поможет? — безнадежно хмыкнула девушка.

— Должно сработать. В противном случае нам придется спускаться задним ходом до самого шоссе.

На лице Энни смешались досада и отчаяние.

— Отлично. Только этого не хватало!

Бобби открыл дверь, выскочил из машины, подбежал к багажнику и, зябко обхватив себя руками за плечи, тряхнул головой, чтобы сбить с лица струйки холодной дождевой воды. Небо над ними стало совсем черным. Дорога впереди таяла в густом тумане, который медленно полз вниз по склону через заросли колючих кустов.

Бобби потер ладони и заметил, что руки уже успели побелеть от сильного холода.

— Газ! — громко выкрикнул он.

Энни нажала педаль акселератора. Брызги грязи тут же ударили Бобби в лицо. Из-под колес машины вырвался пар, и она судорожно заездила из стороны в сторону, все глубже зарываясь в раскишую колею.

— Продолжай! — не унывал Бобби, раскачивая автомобиль снова и снова, пока, наконец, он не выехал на ровное место.

Мотор все еще бешено ревел. Бобби подбежал к передней двери и прыгнул за руль, едва успев крикнуть Энни: «Подвинься!»

— Надо быстрее убираться отсюда, — нервно пробормотал он, стуча зубами от холода и едва переводя дыхание.

Энни вынула платок, наклонилась к нему и стала вытирать брызги грязи с его лица.

— Но все-таки мы победили! — торжествующе улыбнулась она.

Бобби, облегченно вздохнув, направил машину вверх по склону, преодолел перевал и свернул на извилистую дорожку, ведущую в самую чашу старого леса. Но вскоре деревья расступились, и дорога вывела их на небольшую стоянку перед двухэтажным домиком из сосновых бревен. Стоянку и домик амфитеатром окружал густой лес.

— Надо же! Все в точности, как в прошлый раз! — обрадовалась Энни, и лицо ее сразу же засветилось от счастья.

Бобби наклонился и нежно поцеловал ее в щеку.

— Правильно. А я что тебе говорил?

Девушка обняла его, прижавшись лицом к мокрому свитеру.

— Ну все, хватит, — улыбнулся Бобби, легонько отстраняя ее от себя. Потом потер руки, стараясь сбросить с ладоней присохшую грязь, и застегнул куртку.

— Я возьму рюкзаки, а ты хватай сумки с продуктами, — распорядился он.

— Хорошо, — послушно отозвалась Энни.

Они вытащили из машины рюкзаки и разноцветные пакеты с провизией и направились по дорожке к крыльцу. Здесь Бобби достал из кармана целую связку ключей и, найдя нужный, открыл скрипучую дверь. Втащив вещи в дом, они зажгли в холле свет, потом заперлись на замок и сбросили промокшую верхнюю одежду на диван, стоявший

в самом центре комнаты перед старинным камином, сложенным из грубых серых камней.

Внутри домик тоже оказался точно таким же, каким он запомнился им с прошлого года. Тяжелые балки под потолком, умело и со вкусом расставленная мебель. Кухня — направо, а налево — лестница, ведущая на второй этаж к спальням.

— Я пока разберу продукты, — сказала Энни и с видом заправской хозяйки принялась распаковывать сумки.

Бобби согласно кивнул и направился к дровяному сараю.

Энни зашла в кухню и стала методично обследовать шкафы и имевшееся там оборудование. Большинство полок пустовало. Она отыскала лишь банки с солью, сахаром и несколько маленьких коробочек с разными специями. Большая плита была исправна и чисто вымыта. Правда, из холодильника шел неприятный запах оттого, что он долго бездействовал. Энни решила проветрить его и, оставив дверцу открытой, принялась пока разбирать пакеты с продуктами.

— Слушай, а в сарае почему-то дров нет, — растерянно крикнул Бобби, но из-за сильного ветра его голос был едва слышен.

Энни повернула голову.

— Да ты все забыл! — прокричала она в ответ. — Помнишь, агент ведь нам говорил, что дрова лежат внизу, в подвале, в большом ящике.

— Пойду проверю, — отозвался Бобби.

Энни прислушалась. Вот скрипнула дверь подвала, потом шаги стали удаляться по лестнице вниз, затем послышалось какое-то шуршанье и снова шаги — на этот раз приближающиеся. И вдруг — полная тишина.

— Эй! — раздался неожиданный окрик сзади.

Энни вздрогнула и обернулась. Бобби улыбался. В руках у него была целая охапка дров.

— Ящик набит ими доверху, — с довольным видом сообщил он.

— Вот и хорошо, — оживилась девушка. — Тогда растопи камин и сними побыстрее этот мокрый свитер, а то заработаешь воспаление легких.

Бобби вышел из кухни, а она принялась хлопать себя ладонями по плечам и бедрам, пытаясь быстрее согреться. Все ее тело ныло от нестерпимого холода, сырости и пронизывающего сквозняка. И тем не менее Энни была невероятно счастлива. Ведь они сейчас совершенно одни в этом домике, как и тогда, год назад, спустя две недели после их знакомства во время осеннего семестра в колледже. Тогда все каза-

лось ей таким необычным и удивительным! Ведь она, в сущности, впервые жила вдвоем с мужчиной, вдали от родного дома, и знакомы они были всего-то... Но теперь... теперь уже все привычно. Теперь они живут вместе, вместе радуются и горюют, и за этот год до того близко успели узнать друг друга, как не всякой супружеской паре удастся ко дню «золотой» свадьбы.

Энни подошла к открытой двери в гостиную и стала наблюдать, как Бобби возится у камина со скомканными газетами и дровами, а потом незаметно подошла к нему сзади и опустилась на колени, обхватив за шею руками.

— Ну, как идут дела? — шепнула она ему в самое ухо.

— Уже почти все готово, — так же тихо ответил Бобби. Он уложил в камин последнее полено, чиркнул спичкой и поднес ее к смятой газете.

Энни перегнулась через его плечо, схватила лежавшие на полу мехи для раздувки огня и подала их Бобби, не забыв при этом нежно поцеловать его в ухо.

Он коснулся ее руки.

— Я люблю тебя, — тихо произнес юноша.

Отсыревшая бумага нехотя занялась. Бобби раздувал пламя до тех пор, пока нижние поленья не разгорелись как следует. Энни еще сильнее прижалась к его плечу.

— А давай займемся любовью прямо сейчас, — вдруг предложила она.

Бобби виновато улыбнулся.

— Но здесь, по-моему, даже холоднее, чем на Северном полюсе ..

— Ну и что? Зато мы сразу согреемся. Ведь мы займемся этим прямо здесь — перед камином. — Энни лукаво улыбнулась.

— А если кому-нибудь вздумается заглянуть в окно?

— Кому?

— Ну, я не знаю...

— Ну, уж если кто-то и рискнет отправиться сюда в такую погоду, то он, безусловно, заслужит этим развлечение, которое мы сможем ему предложить.

Они засмеялись. Бобби толкнул Энни на ковер и нежно поцеловал. Резкий сквозняк у пола заставил его поежиться. Он внимательно осмотрел окна, желая еще раз убедиться, что за ними и в самом деле никто не подсматривает, а потом повернул девушку спиной к огню.

Энни медленно расстегнула его рубашку, при этом несколько раз коснувшись языком груди Бобби, потом сняла с него брюки, встала и разделась сама. Она делала это нето-

ропливо и грациозно, вызывая в нем неумолимо нарастающее желание, и ее нежная гладкая кожа соблазнительно переливалась в розоватых отблесках пляшущего огня. Потом она медленно опустилась на ковер рядом с Бобби и прижалась к нему своими маленькими, но упругими грудями.

— Ты можешь мне кое-что пообещать, если я тебя попрошу? — неожиданно спросила она, пристально глядя на него своими огромными зелеными глазами, которые сверкали сейчас, словно изумруды при луне.

— Что же именно? — прошептал он и поцеловал ее в глаз.

— Что ты никогда не бросишь меня. И не дашь мне уйти. И не перестанешь меня любить...

Бобби улыбнулся.

— Ну конечно! Я обещаю.

Она положила голову ему на плечо. Монотонный стук дождя по крыше и подоконникам немного успокоил ее. И нежное тепло его большого мягкого тела тоже действовало на нее умиротворяюще. Энни даже подумала, что если бы дождь лил вот так целую вечность, то это было бы для них обоих большой удачей. Ведь тогда они смогли бы лежать так сколько угодно, отрезанные от всей мирской суеты. Ей на самом деле хотелось остаться здесь навсегда и никуда больше не уезжать, чтобы все было именно так, как сейчас. Она почувствовала его руку у себя между ног. Бобби нежно поглаживал ее. Она хотела этого, очень хотела. Но она уже так устала! Шум дождя, казалось, начал уходить вдруг куда-то вдаль, затихать, словно грохот барабанов отступающей армии.

И через несколько мгновений Энни уже спала.

* * *

Когда она открыла глаза, в камине догорали последние угольки, превращаясь в невесомую белую золу. Девушка зевнула и потянулась. В комнате заметно похолодало и, если не считать шума дождя, стало как-то неестественно тихо. Она протянула руку, чтобы нащупать в темноте Бобби, но пальцы ткнулись лишь в ворсистую поверхность ковра, на котором они заснули. Тогда Энни приподнялась и оглядела комнату. Света нигде не было, и сейчас она находилась здесь совершенно одна. Дрожа от холода, девушка встала и надела юбку и блузу. Застегнув пуговицы на рукавах, Энни пошевелила кочергой остатки углей в камине, но они

почти уже не давали тепла. Она проспала, должно быть, не меньше пяти часов. А поскольку они, как помнила Энни, легли где-то в десять, значит, сейчас уже примерно часа три ночи. Кромешная тьма за окнами подтверждала ее предположение.

Энни начала злиться. Выходит, этот негодяй отправился наверх, чтобы поудобней устроиться там в кровати, а ее оставил лежать здесь совсем одну — в холоде, на сквозняке, совершенно голую на полу гостиной!

Девушка встала и щелкнула выключателем настольной лампы. Однако лампа не загорелась. Тогда она попробовала включить верхний свет, но тоже безрезультатно. Может быть, перегорели пробки?

В темноте Энни медленно двинулась к лестнице и, нащупав поручень, стала осторожно подниматься по ней на второй этаж. Деревянные ступеньки отчаянно скрипели под ее ногами. Добравшись до верхней площадки, она щелкнула выключателем в коридоре. Но и там света не было. Тогда она на ощупь отыскала дверь большой спальни и толкнула ее. Никого. И вторая спальня, которая была чуть поменьше, тоже пустовала. Равно как и обе ванных комнаты.

Произошло что-то страшное. Какое-то несчастье. Она интуитивно почувствовала это. Желудок словно стянуло тугим узлом. На теле выступил холодный пот.

Девушка сбежала по лестнице вниз и, кинувшись ко входной двери, схватилась рукой за крючок, на котором Бобби оставил ключи от домика и машины. Крючок был пуст.

— Бобби! — крикнула она, уже чуть не плача.

Ответа не последовало. Только дождь противно барабанил по крыше и окнам. И еще почти осязаемым стало чувство нарастающего ужаса.

Энни распахнула входную дверь, и в лицо ей сразу ударил тугой порыв холодного ветра. Но она все же вышла на крыльцо и с опаской огляделась по сторонам. Туман уже затянул всю поляну и почти растворил силуэт темнеющей на стоянке машины. Но другого выбора не было: девушка шагнула прямо в грязь, медленно добрела до автомобиля и открыла дверцу водителя. Ключей в замке не оказалось. Но что самое страшное — нигде не было видно Бобби! Тогда Энни открыла «бардачок», достала оттуда ручной фонарик, зажгла его и навела тусклый луч на капот мотора. И тут же у нее перехватило дыхание. Капот был приоткрыт, и из-под него на крыло свисали оборванные провода зажигания.

Ужаснувшись при мысли о том, что нигде поблизости нет телефона, а отправиться вниз пешком при такой буре она физически неспособна, Энни бросилась назад в дом, захлопнула и заперла за собой дверь и стала обшаривать лучом фонаря всю гостиную. Потом еще раз обследовала самые дальние ее углы, надеясь обнаружить хоть какие-то признаки жизни. Но, кроме ее собственной тени, все в комнате оставалось неподвижным. В доме стоял уже нестерпимый холод, а она успела насквозь промокнуть, пока бегала за фонарем. Теперь надо было как можно скорее снова развести в камине огонь.

Энни подбежала к двери в подвал, распахнула ее и бросила опасливый взгляд на шаткую лесенку, ведущую вниз. Потом начала осторожно спускаться, предварительно освещая каждую следующую ступеньку. Здесь она еще раз позвала Бобби, но, как и предполагала, никто не ответил на ее зов.

Подвал служил самым настоящим складом. У дальней стены были кучей свалены сломанные диваны и садовые скамейки. По углам возвышались штабели картонных коробок, в которых хранилась старая кухонная утварь и всевозможная мелкая рухлядь. Огромный ящик для дров стоял под лестницей у самой стены.

Положив фонарь на пол, Энни ухватила за металлическую скобу на крышке ящика, но та не поддавалась. Тогда девушка нашла какую-то железяку и, используя ее в качестве рычага, поддела тяжелую крышку, налегая на инструмент со всей силой, на которую только была способна. Наконец петли скрипнули, и крышка отвалилась к стене. Энни сунула руку внутрь, надеясь сразу же нащупать дрова, но ящик, казалось, был совсем пуст. А ведь Бобби говорил, что он забит дровами до самого верха!

Девушка подняла фонарик и, недоумевая, направила луч внутрь ящика. Там лежал Бобби. Он неестественно скрючился в самом углу, причем один его глаз был открыт, горло перерезано, а все тело жестоко изрублено.

Холодный спертый воздух подвала прорезал нечеловеческий вопль. Энни, содрогаясь от крика и ничего не видя перед собой, бросилась по лестнице вверх, судорожно хватаясь за перила и стены, и луч фонаря, как безумный, прыгал по бревенчатым стенам домика. На верхней ступеньке она споткнулась, выронила спасительный фонарик, налетела на ручку кресла и беспомощно распласталась на полу. Кое-как поднявшись на ноги, Энни подбежала ко входной двери и распахнула ее настежь.

И тут же застыла на пороге как вкопанная, испугавшись до такой степени, что крик, готовый вырваться из ее груди, так и не прозвучал, а вместо этого воздух наполнил болезненный хрип, напоминающий последний вздох смертельно раненного животного.

На крыльце стоял мужчина, и рукава его рубашки были до самых локтей пропитаны кровью. Он был старый, худой и довольно невысокого роста. Его запавшие черные глаза источали не оставляющий надежд холод, а длинные грязные волосы в беспорядке спадали на плечи и лицо, покрытое многодневной густой щетиной.

Мужчина смело шагнул внутрь дома и разразился жутким каркающим хохотом.

Энни запричитала и в ужасе отступила назад.

— Заткнись! — рявкнул он, зверски оскалившись.

Энни тут же схватила настольную лампу и без колебаний швырнула ее в прищельца. Когда шнур лампы стегнул его по лицу, глаза старика налились кровью от ярости.

Отпрыгнув назад, Энни бросилась по лестнице на второй этаж, но снова споткнулась и упала лицом на ступеньки. Еще лежа, она взглянула наверх и увидела там двух подростков, неторопливо приближающихся к ней с верхней площадки. Они тоже дико скалились в беззвучном злорадном смехе. Каждый держал в руке по огромному ножу.

— Господи! — в отчаянии закричала Энни. — Помогите мне!

Парни подходили все ближе. Энни попятилась, оступилась и скатилась с лестницы на пол гостиной. Она была уже на грани беспамятства.

Но тут старик резко вздернул ее за волосы, а парни сразу же сорвали с нее юбку и блузку. Энни успела ударить одного из них в пах ногой, но в этот момент старик схватил ее за правую грудь и приставил нож к горлу. А потом несколько раз с силой стукнул кулаком в лицо.

— Проси пощады! — потребовал он.

— Пожалуйста, — взмолилась Энни. — Насилуйте меня, делайте, что хотите, только не убивайте!

И тут все трое разразились диким, безумным, леденящим кровь хохотом. Девушка замолчала, переводя полный ужаса взгляд с одного убийцы на другого. А потом неожиданно присела и из-под ног старика кинулась к закрытой входной двери. Но дверь оказалась предусмотрительно запертой. На мгновение Энни обернулась и увидела, что все трое медленно подходят к ней с разных сторон. И тогда, не раздумывая, она отскочила к окну и прямо через стекло

бросилась на улицу, тяжело упав лицом вниз на мокрую землю. Вся ее кожа была в глубоких порезах, а некоторые осколки стекла так и застряли в теле угрожающими блестящими занозами. Но она уже не замечала этого. Девушка тут же вскочила на ноги и понеслась через поляну к опушке леса, с трудом продираясь сквозь молодую поросль. За спиной она слышала голоса трех мужчин, угрожающих ей самой лютой расправой.

Энни бежала к главной дороге, на которой они застряли вчера. Голоса преследователей звучали все ближе. Она чувствовала, что начинает слабеть от потери крови и почти ничего уже не видит перед собой... Ничего, кроме мягкого света впереди, который возник совершенно неожиданно, как только она взобралась на невысокую каменную стену, внезапно вставшую на ее пути, а потом спрыгнула с нее с другой стороны. С каждой секундой свет становился все ярче и, казалось, исходил откуда-то из-за деревьев по ту сторону дороги. Хотя, насколько она помнила, ничего подобного они с Бобби не проезжали.

Шаги преследователей вывели ее из временного оцепенения. Энни мельком глянула через плечо. Трое мужчин уже стояли на каменной стене и смотрели вниз, не обращая никакого внимания на проливной дождь. И Энни снова побежала вперед, отчаянно продираясь сквозь густые ветви деревьев. Она бежала к этому яркому свету. Хотя, может быть, он был просто обманом зрения или игрой ее воображения... Может, там и нет никакого света, а есть лишь дьявольский трюк природы, мираж, вызванный ее отчаянием?.. Но если это действительно только сон, думала она, с трудом пробиваясь вперед, то кошмар обязательно должен кончиться. Как только она откроет глаза. И окажется, что Бобби лежит рядом с ней и давно уже спит. И огонь в камине горит по-прежнему ярко. А в комнате тепло и спокойно. Только бы все это оказалось страшным сном!.. Энни застонала, услышав, как старик окликнул ее по имени. Откуда он мог знать, как ее зовут?

Девушка спустилась в небольшую лощину и снова бросила взгляд в сторону странного молочно-белого зари. Да, теперь она видела его совершенно ясно. Это не был обман зрения или галлюцинация. И до источника света оставалось уже не больше ста футов. Она удвоила свои усилия, сознавая при этом, что преследователи нарочно идут за ней не спеша, словно наслаждаясь ее отчаянием. И тут, откинув в сторону сразу несколько тяжелых ветвей, Энни очутилась на небольшой лужайке. Прямо перед собой она увидела

сутулую женскую фигуру в одежде монахини. Это от нее исходило то удивительное сияние, которое так манило девушку. Распухшие глаза старухи были затянуты пеленой катаракты, а кожа пожелтела и сморщилась, как глина на солнце. Тонкие синюшные губы ее беззубого рта были плотно сжаты, а неподвижное восковое лицо обрамляли высохшие седые волосы. Женщина медленно и тяжело дышала, сжимая в руках золотое распятие.

Энни приблизилась к монахине и упала к ее ногам.

Следом за ней на лужайку выбежали трое мужчин, но тут же остановились. Увидев монахиню, подростки немедленно отступили и скрылись в тени деревьев. Однако старик остался. Правда, он выронил нож и, подойдя чуть поближе, начал сильно трястись.

— Ты, Божья п...а! — в бессильной ярости заорал он.

Энни съежилась. Его голос, словно кнут, хлестал ее по ушам. Она затравленно взглянула на старика, потом — с мольбой и надеждой — на монахиню.

Старик тянул к монахине свой скрюченный указательный палец.

— Я проклинаю тебя, сестра Тереза! — скрипучим голосом выкрикивал он. — И я еще припомню тебе этот день!.. Так и знай: твоя служба скоро закончится. — Он сделал еще шаг вперед. — И тогда мои слуги переступят эти границы. Я, Чарльз Чейзен, говорю тебе, что этот миг уже близок!

Энни прижалась головой к ногам монахини, и вдруг земля рядом разверзлась и задрожала, а глаза девушки заломило от ослепительно яркого света. Все ее тело нестерпимо ныло, в ушах стоял звон и голова раскалывалась. И тут все завертелось у нее перед глазами. Энни пронзительно закричала и закрыла лицо руками.

Но вдруг настала полная тишина. Девушка медленно подняла голову. Капли дождя падали ей на лицо. Монахиня исчезла. Исчез и старик, назвавшийся Чарльзом Чейзеном. У ее ног лежал только его нож.

Она подняла его и направилась к краю лужайки, бессмысленно глядя перед собой, но не видя вокруг ничего.

Слеза покатилась по ее щеке. Энни почувствовала, что замерзла, как статуя в парке.

Март 1979 года

Стрелки часов на Банко ди Рома приближались к полуночи, когда большой черный «мерседес» выехал из темного

переулкa на залитую светом Виа дель Тритоне, свернул налево и покати́л к Ватикану, пристроившись в среднем ряду за полицейским автобусом.

На заднем сиденье «мерседеса» темнела фигура одинокого пассажира — пожилого монсеньора Гульельмо Франкино. Он задумчиво смотрел на дома, мимо которых проплывала машина. У него было строгое, но не лишенное выразительности лицо. Свои руки, покрытые частыми завитками седых волос, он держал на коленях, крепко сжимая ими две толстых картонных папки. Это был крупный румяный человек атлетического телосложения с резкими чертами лица, характерными для северных провинций Италии. Но на лице этом лежала и холодная печать отрешенной замкнутости — результат долгих лет, проведенных в одиночестве, пока он изучал священную историю и богословие под руководством кардинала Луиджи Реджани, возглавлявшего Управление Делами Ватикана и Духовную академию.

Машина проехала мимо церкви Тринита-ден-Монти, затем через площадь Пьяцца-дель-Пополо, пересекла Тибр, въехала на площадь святого Петра и, наконец, остановилась перед папской резиденцией. Через несколько минут к «мерседесу» подрулила вторая машина. Франкино сидел в автомобиле, не шевелясь, взор его был устремлен вперед. Дверца второй машины открылась. Послышались приглушенные шаги. И вот за стеклом показался сам кардинал Реджани. Он приветливо улыбался.

Франкино вышел из «мерседеса», и они сердечно обнялись.

— Я боялся, что вы не получите моего послания, — начал Реджани, направляясь к зданию.

— Я получил его сразу же, как только вернулся с озера Комо, — ответил Франкино, не переставая улыбаться.

Реджани откашлялся и положил себе в рот маленькую капсулу какого-то лекарства.

— Документы у вас с собой? — осведомился он.

— Да. — Франкино показал ему папки, которые так и держал в руках.

— А как чувствует себя сестра Анжелина? — продолжал расспрашивать кардинал.

— Я постараюсь навестить ее завтра же, — отвечал его спутник.

Наконец они дошли до массивной двери в самом конце длинного коридора. Реджани нажал кнопку звонка. Через

несколько секунд дверь отворилась, и секретарь Папы пригласил их в приемную.

Папа, невзрачный мужчина невысокого роста с правильными римскими чертами лица, сидел за старинным письменным столом неаполитанской работы. Когда секретарь закрыл дверь кабинета, Папа сразу же встал. Франкино и Реджани поприветствовали его, на мгновение преклонив колени, и отступили немного назад, дожидаясь, пока тот усядется в свое массивное кресло.

— Я буду молиться за вас, сын мой,— произнес Папа, пристально глядя на монсеньора Франкино.

— Ваше святейшество...— почтительно ответил Франкино и вежливо поклонился, всем своим видом демонстрируя уважение.

Наступила тишина. Погруженный в свои мысли, Папа подозвал жестом Франкино и указал рукой на его папки.

Франкино подал ему первую.

— Здесь сведения о сестре Терезе — Элисон Паркер,— пояснил он почти шепотом.

Папа быстро просмотрел материалы и вернул папку.

— А здесь информация о преемнике,— сказал Франкино, передавая ему вторую папку.

Эти бумаги Папа читал уже более внимательно и, наконец, выразил свое удовлетворение, коротко кивнув. Затем положил папку на стол и в ожидании откинулся на спинку кресла.

Секретарь открыл шкаф в углу кабинета и достал из него тяжелый фолиант в кожаном переплете, украшенном старинной флорентийской гравюрой. Он не спеша раскрыл книгу, положил ее на стол рядом с папкой и степенно вышел из комнаты, плотно закрыв за собой дверь. Папа надел пенсне и начал читать.

Франкино собрался с силами и приготовился к мучительному неподвижному стоянию в течение нескольких часов. Ему уже приходилось проходить через подобное испытание, когда он сам читал вслух эту книгу во время бдения у гроба своего предшественника монсеньора Вилкинса. Тогда его интуиция выделяла в тексте некоторые места, заставлявшие Франкино с содроганием думать о предстоящей неминуемой схватке с самим Чарльзом Чейзенем. Теперь же, оставаясь неподвижным, он постепенно впал в глубокое оцепенение, из которого, однако, его быстро вывели произнесенные Папой слова из послания архангела Уриила к архангелу Гавриилу:

«О Гавриил, внимли Господней воле:
Судьбою предначертано тебе
Блаженный край сей неустанно охранять
От Зла вторженья или приближенья».

«Но горькой вестью полнится мой слух,
И вижу я, что дух из чуждых Небу —
Один из тех, кто проклят и низвергнут,—
Готов подняться вновь из преисподней;
Твоя забота — отыскать его...»

В воображении Франкино заплясали образы, запечатленные на древних гравюрах. И он будто услышал голос самого Гавриила, приказывающего серафимам лететь в Эдем, где они должны найти Сатану, шепчущего на ухо Еве свои гнусные советы. Он даже представил себе плотский образ Сатаны, который, будучи однажды изгнанным, вернулся как туман в ночи, чтобы заставить человека совершить последнее грехопадение.

Папа подробно остановился на грехопадении человека, затем напомним, как Бог послал своего сына, чтобы тот смертью искупил людские грехи, а потом мог судить за них. И после этого вернулся к чтению книги. Голос его был сухим и резким, а на лице лежала тень крайнего утомления.

Украдкой взглянув в маленькое окно кабинета, Франкино увидел за ним первые признаки зарождающегося утра. А Папа продолжал читать о водворении Сатаны назад, в ад, где тот призвал своих сторонников следовать за ним в новый мир:

«И я, сюда вернувшись, заявляю,
Что вас с успехом поведу вперед
из этой грязной ямы, ямы ада;
Из проклятого дома, где лишь горе;
Из той темницы, что нам дал тиран.»

Франкино вспомнил, как пятнадцать лет назад Зверь уже пытался вырваться из геенны, и почувствовал, что все его тело покрывается холодным потом. Он покосился на кардинала. Глаза Реджани были закрыты, а лицо безмятежно. Казалось, для него слова Папы звучат сладкой музыкой. Конечно, Реджани никогда не приходилось сталкиваться лицом к лицу с Чарльзом Чейзенем. А вот ему, Франкино, к сожалению, довелось!..

К полудню Папа закончил чтение основной части текста. Франкино и Реджани простояли перед ним двенадцать часов. Наконец Папа поднял книгу со стола и зачитал им обращение Всевышнего к своим чадам. Суть его сводилась к тому, что, поскольку человек согрешил в раю, на него воз-

лагается задача впредь самостоятельно защищать сотворенный мир от происков Сатаны. Такую же задачу поставил в свое время архангел Уриил перед архангелом Гавриилом. Но из людей подобные стражи будут выбираться не произвольно, а за совершенный конкретный смертный грех — за попытку самоубийства. Таким образом, эти избранные будут не только охранять Царство Господа, но и нести тем самым искупительное наказание за свои личные грехи, а в целом их божественная миссия будет служить искуплению первородного греха всего человечества.

«Не должен больше человек жить в раю,— говорил Господь, обращаясь к ангелам.— Удалите же их оттуда, дети мои, и знайте, что Сатана, поклявшийся вернуться обратно, должен отныне стать их заботой. И сама жизнь, зачатая во грехе, должна быть положена во искупление их первородной вины. Впредь им надлежит самим, не смыкая глаз, денно и нощно следить за тем, чтобы Лукавый не поднял голову, а врата его узилища были надежно закрыты. И только так они заслужат мое прощение, очистив свои души тяжким трудом вечных стражников у врат адской бездны».

Папа положил книгу на стол и молча указал на входную дверь. Франкино открыл дверь. Вошел секретарь и убрал книгу в шкаф.

Франкино и Реджани поцеловали перстень на руке Папы и, не говоря ни слова, вышли из кабинета. Их шаги гулко отдавались под высокими сводами коридора.

* * *

Машина монсеньора Франкино съехала с автострады и направилась по неосвященной двухрядной дороге к лесистым подножиям Апеннинских гор.

Сидя позади шофера, Франкино неустанно молился про себя. Его глаза были закрыты, голова откинута назад. Он не замечал пейзажа, мелькавшего за окнами автомобиля,— ни живописных ферм, ни разбросанных по холмам домиков, мимо которых петляла извилистая дорога. Было почти одиннадцать вечера. Они находились в пути уже два часа, выехав из Рима, еще когда последние отблески заката тревожными сполохами догорали в вечернем небе.

— Синьор,— вдруг произнес водитель, впервые нарушив двухчасовое молчание. Он притормозил и кивнул на дорожный указатель справа. На нем значилось: «Понте-Норте».

Франкино устало оглядел развилку и указал рукой

вправо. Шофер послушно свернул и повел машину по крутому горному серпантину.

— Дорога впереди очень ужая,— предупредил священник.— Будьте, пожалуйста, осторожны.

Водитель повернул руль, чтобы отъехать немного дальше от края обрыва.

Одобрительно кивнув, Франкино наклонился к шкафчику между передними сиденьями, достал оттуда папки с документами и быстро просмотрел их содержание. И вдруг резко наклонился вперед, схватившись руками за грудь. Острая боль отдалась в спине и левом боку. Горло словно сдавило тисками, дышать становилось все труднее. Насилу расстегнув клапан кармана, Франкино запустил туда руку, выхватил пузырек с нитроглицерином и бросил под язык две таблетки. Они сразу же растворились, и спустя минуту приступ начал стихать. Франкино глубоко вздохнул, убрал пузырек и отметил про себя время приступа — уже четвертого за эту неделю.

Прошедшая по телу волна боли и напряжения сильно ослабила его. Но, даст Бог, он одолеет и это.

— Синьор! — снова громко позвал водитель, указывая вперед.

Франкино все еще держался рукой за грудь. Потом надел очки, чтобы лучше разглядеть угрюмые очертания аббатства Монтересса, построенного над крошечным плато на вершине горы.

— Подъезжайте к восточному входу,— ответил он и застегнул рясу на все пуговицы.

— Да, синьор,— ответил водитель и направил машину на последний подъем перед воротами аббатства.

Франкино взял папки с документами, открыл дверцу лимузина и вышел. Посмотрев вверх, он заметил, что все окна аббатства темны, за исключением одного — на втором этаже.

— Я ненадолго,— предупредил он шофера.

Миновав ворота аббатства, священник перешел двор и поднялся по лестнице на верхнюю галерею. Тут он увидел, что в темноте коридора на втором этаже его ожидает женщина.

— Сестра Анжелина! — воскликнул он и остановился.

— Монсеньор? — ответила женщина.

Франкино улыбнулся. Голос бесстрашной Анжелины не утратил своей твердости за минувшие пятнадцать лет. Но неужели и вправду прошло уже столько времени с тех пор, как он уехал в Нью-Йорк?..

Франкино шагнул вперед, и она вышла ему навстречу в освещенную лунной частью коридора. Тепло обняв женщину, он с улыбкой посмотрел в ее потускневшие серые глаза. Она выглядела гораздо старше своих лет. Морщинистая кожа, потрескавшиеся губы... Из-под головного убора выбивались пряди седых волос. Руки, цепко ухватившие его за одежду на груди, казались бесцветными и были сплошь покрыты желтоватыми склеротическими бляшками. Но с лица не исчезло выражение торжества, и Франкино мог только позавидовать ей. Эта стойкая женщина с честью прошла через все испытания и невзгоды.

— Ты слышала, как подъехала машина? — спросил Франкино.

Старуха кивнула.

— Я увидела вас, еще когда вы свернули у Понте-Норте.

— Ты, как всегда, очень наблюдательна, сестра, — улыбнулся священник.

— И вы тоже, святой отец... Иначе бы вы не оказались сейчас здесь со мной.

Франкино нахмурился.

— Пойдемте, — тихо произнесла монахиня, беря его за руку. — Я приготовила чай в своей комнате. Там горит камин и очень уютно...

— Спасибо за гостеприимство.

Старуха провела Франкино в сумрачную келью и, налив две чашки чая, поставила их на незастеленный дощатый стол, расположенный в центре ее убогого жилища. Потом Анжелина подбросила дров в камин и, отметив, что Франкино неплохо выглядит, сама села рядом.

— Прошло уже так много времени!.. — произнесла она, отхлебывая чай из фаянсовой чашки.

— Да, очень много, — согласился священник. — Ты хорошо себя чувствовала?

— Спасибо, неплохо. Правда, меня иногда мучает подагра — случаются обострения... Но я все равно счастлива. Здесь я обрела покой. А ни к чему другому моя душа и не стремилась.

— Очень рад слышать это, сестра.

— А вы как, святой отец? Где вы были? И что вам принесли все эти годы?

— Большую часть времени я провел в Риме. И в Ватикане, конечно. — Тут его лицо помрачнело. — А в остальные годы мне пришлось прожить в Нью-Йорке.

— Как чувствует себя сестра Тереза? — поинтересовалась Анжелина.

Франкино вздрогнул и машинально бросил взгляд на папки.

— Достаточно хорошо.

— Да пощадит ее Господь! — вздохнула монахиня.

— И защитит... — неожиданно добавил отец Франкино.

Анжелина пристально посмотрела на своего гостя.

— Вы ведь проделали немалый путь, чтобы приехать ко мне. И хотя между нами существует давняя дружеская привязанность, мне все же кажется, что такое посещение связано не только со старыми добрыми отношениями...

Франкино вздрогнул.

— Кардинал Реджани передает тебе свое благословение

Старуха кивнула.

— Что же он хочет от меня?

— Только твою преданность. Искреннюю любовь... и помощь.

— А вы?

— И я прошу лишь о том же.

Она встала, подошла к окну и устремила взгляд в темноту ночи.

— Здесь очень спокойно. И мое место здесь.

Священник озабоченно прикусил нижнюю губу.

— Страж уже отбыл положенное наказание. И Господь Бог коснулся ее своей рукой. Теперь ее служба скоро будет завершена...

Анжелина повернулась к нему.

— Чейзен не будет ждать. Он принесет смерть, — напомнила она.

— Но смерть всегда существовала и всегда будет существовать, — вздохнул Франкино.

— Да, я знаю... Но я приехала сюда, чтобы навсегда распрощаться с прошлым. И я считала — как мы и договорились, — что моим единственным вкладом в эту борьбу станет пребывание здесь...

Франкино не мог не согласиться и поэтому кивнул.

— Разумеется. И я никоим образом не смогу упрекнуть тебя, если ты откажешься. Что ж... Просить человека столкнуться с ним даже один раз — этого уже больше чем достаточно. Но ведь без тебя мы не сможем устроить суд над ним. И Элисон Паркер без твоей помощи никогда бы не смогла сохранить свою душу и стать благословенной сестрой Терезой... Но если ты вдруг откажешься, то вся цепь преемственности будет нарушена... Ты ведь всегда искала, как укрепить свою душу. И теперь ты можешь сделать это еще раз...

Анжелина закрыла лицо руками и стала молиться, а затем обратила взор к небу и прислонилась к стене.

— На этот раз... я не смогу,— раздался ее взволнованный голос.

Франкино встал, взял свои папки с бумагами и подал ей.

— Ты должна! — с отчаяньем в голосе крикнул он и резко отвернулся, остановив взгляд на мерцающей над столом керосиновой лампе.

Женщина подождала немного, а затем стала медленно листать страницы. Франкино заметил, как сомнение в ее глазах сменяется выражением ужаса, и понял, что смысл этих документов дошел до нее и возымел такое действие, что теперь скорее всего он сможет рассчитывать на ее помощь.

Наконец Анжелина подошла к столу, положила на него папки и открыто посмотрела в глаза священнику.

— Можно мне отказаться? — тихо спросила она.

Франкино в отчаянье сжал кулаки, вздохнул и ответил:

— Конечно.

— И что вы тогда обо мне подумаете?

— Может быть, мне покажется, что твоя вера и преданность Иисусу Христу несколько ослабели. И все же я смогу понять тебя и поэтому прошу.

— Ну, а если я скажу «да»? — Анжелина чуть склонилась вбок голову.

— Я подумаю, что ты безумна. Но все равно благословлю тебя.

Франкино отпил еще чаю и стал терпеливо ждать. Прошло пять минут, потом десять. Время будто остановилось в этом томительном ожидании.

— Хорошо, я приду,— наконец твердо сказала она.

Он сердечно сжал ее руку.

— Так что я теперь должна делать? — деловым тоном спросила монахиня, присаживаясь на кушетку.

— Тебе придется поехать в Нью-Йорк, остановиться в Управлении епархии и ждать там, пока я лично не прибуду туда же.

Она ласково улыбнулась.

— Как я могла забыть, что вы так прекрасно владеете даром убеждения, монсеньор!

— Нет, Анжелина, это не я смог тебя убедить. Ты сама убедила себя. Ведь я не открыл в твоём сердце ничего нового. Я лишь простой смертный, а не Господь Бог.

— Верно.. вы простой смертный,— согласилась Анжелина.— Но зато какой сильный!

Он приблизился к ней и нежно взял ее за плечи, пристально взглянув прямо в глаза, а потом молча кивнул. Теперь он больше не сомневался, что они поступили правильно, еще раз прибегнув к ее услугам.

— Я должна вернуться в Рим вместе с вами? — спросила Анжелина.

— Нет,— ответил Франкино и попытался ободряюще улыбнуться.— Я вернусь один. А во вторник за тобой придет машина.

Кивнув в знак согласия, сестра расправила складки на одежде и с тоскливой задумчивостью произнесла:

— Вот уже пятнадцать лет я не покидала этих мест. И думала прожить здесь до самой смерти, целиком посвятив себя служению Богу. Я надеялась, что в конце концов смогу заслужить Его прощение. Он отпустит мне все грехи... И все же я чувствовала, что в один прекрасный день вы появитесь и заберете меня отсюда. Я знала это даже в самые тихие ночи, когда горный воздух так безмятежно овеивает аббатство, а поскрипывание лестниц и стропил будто сливается в колыбельную песню... Каждый раз я чувствовала, что это не может продлиться вечно. И знала, что мне придется покинуть этот райский уголок, куда я пришла ради спасения своей души. Это место, которое я так долго искала.

Франкино как бы ненароком взглянул на свои наручные часы.

— Прости, мне уже пора ехать. Не надо меня провожать.

— Но мне очень хочется проводить вас.

Он помог ей подняться и пошел следом по длинному коридору.

— Скажи, сестра, а ты пользуешься какими-нибудь другими комнатами в этом здании? — поинтересовался священник, когда они начали долгий спуск по центральной лестнице.

— Только одной — той, что рядом с моей. Ну и, разумеется, часовней. Но здесь очень много помещений, в которые я так ни разу и не заглядывала.

Они вышли за ворота аббатства и приблизились к автомобилю. Шофер стоял, прислонившись к калитке, и курил дешевую сигарету, распространяющую противный кислый запах. Услышав шаги, он открыл дверцу машины и сразу же сел за руль.

Франкино остановился, окинул прощальным взглядом аббатство, а потом снова посмотрел на сестру Анжелину.

— Увидимся в Риме,— через силу улыбнулся он.

— Если так будет угодно Господу Богу,— тихо ответила старая женщина.

Франкино опустил на сиденье и захлопнул дверь.

— Поехали,— коротко сказал он водителю.

Машина двинулась вперед по узкой дорожке. Франкино обернулся и еще долго смотрел на удаляющуюся фигуру бесстрашной монахини, пока ее очертания не поглотила ночная тьма.

— Ну и слава Богу,— устало подумал он и закрыл глаза.

* * *

Анжелина повернула назад в аббатство, моля Бога лишь о том, чтобы Он дал ей силы и указал верный путь. Все эти годы она надеялась, что ей не придется больше покидать это святое место и вспоминать о том, что случилось тогда в Нью-Йорке... Об Элисон Паркер... Но сейчас ей почему-то особенно ярко вспомнилось, как она впервые увидела эту девушку. В тот день Элисон вошла в контору по аренде жилья и обратилась к ней, ссылаясь на газетное объявление. Для Анжелины это оказалось весьма мучительным. Ведь ей пришлось выдавать себя за агента по недвижимости Джоан Логан. Анжелина вспомнила долгие часы слезки за Элисон и все прочее, что пришлось предпринять, лишь бы это юное создание не поддавалось сатанистской воле Чарльза Чейзена. И вот теперь все должно повториться снова. И участвовать в этой страшной цепи событий опять предстоит именно ей.

Анжелина обвела отсутствующим взглядом стены старого аббатства, покинутого всеми почти столетие назад, но ставшего ее последним приютом. Потом не спеша поднялась по лестнице на верхнюю галерею и там остановилась возле темного проема в стене. Внизу за каменным парапетом еще виднелись огни машины, уносившей в Рим монсеньора Франкино. И вот она снова одна, в покое и безопасности за этими древними священными стенами.

Она вошла в свою келью и села у окна, чтобы собраться с мыслями и окончательно обдумать свое решение.

Внезапно тишину разорвал пронзительный писк.

Женщина вздрогнула и обернулась. В комнате что-то двигалось. Похолодев от испуга, она схватила лампу и стала освещать ею погруженные в тень углы кельи, пытаясь

определить, кто таится в этой уже пугающей темноте. И вдруг она вскрикнула и отскочила к дальней стене. Рядом со столом восседала огромная крыса. Таких Анжелине видеть еще не приходилось. Ее глаза светились яростью, как раскаленные угли.

Крыса поднялась и вышла в полосу света. Анжелина протянула руку к камину за увесистым медным чайником. Но крыса медленно приближалась, будто не замечала никакой угрозы со стороны женщины, хотя на самой середине комнаты она вдруг остановилась, словно в ожидании чего-то.

И тут послышался новый писк. А потом еще и еще. На подоконник вспрыгнула вторая крыса, за ней третья. А самая большая уже сидела в углу кровати. И вдруг как по команде все четыре твари двинулись на женщину, хищно лязгая челюстями.

Анжелина швырнула чайник в самую крупную, но промахнулась. Охваченная ужасом, она бросила лампу и кинулась к двери. Одна из крыс тут же вцепилась зубами ей в ногу и вырвала большой кусок мяса. Женщина вскрикнула, распахнула дверь и замерла на пороге.

В коридоре притаилось еще несколько крыс, а на площадке лестницы и выступах стен их было и того больше.

Снизу и сзади женщина слышала, как скребутся по каменному полу их маленькие острые коготки. А выглянув из окна коридора во двор, увидела, что к подножию лестницы приближается целая армия хвостатых чудовищ. Анжелина сжала руками голову — она не могла больше слышать пронзительного писка этой дьявольской нечисти.

— Боже милостивый! — закричала она, чувствуя, как набухают вены у нее на висках.

Крысы стали прыгать на нее одна за другой. В отчаянии Анжелина даже не пыталась отбиться от них, а медленно шла по коридору к лестнице, стремясь пробраться во двор к часовне. Минуту спустя она уже скользила рукой по перилам, чтобы второпях не споткнуться и не полететь кубарем вниз по крутым ступеням. Но когда в конце лестницы она обернулась, одна крыса изловчилась и прыгнула ей прямо в лицо, успев при этом впиться когтями в щеки. Женщина схватила зверька и, рванув прочь от лица, с рыданием упала на влажную землю. Тут же вторая крыса вонзила ей зубы в бедро.

Казалось, мохнатые твари заполнили все вокруг. Они были внизу, наверху. Они визжали, впивались и вгрызались в ее тело зубами и когтями.

С большим трудом Анжелине удалось встать на ноги, но вскоре она снова упала и теперь уже на коленях поползла к часовне, оставляя за собой страшный кровавый след. От заливающей глаза крови она почти ничего не видела, но все же, напрягая остатки зрения, сумела заметить дверь часовни футах в двенадцати впереди. Но перед ней стояли полчища крыс и неподвижно наблюдали за ее медленным движением к спасительной двери.

Возле самой часовни Анжелине удалось еще раз подняться на ноги. И тогда сотни тварей с остервенением набросились на нее. Задыхаясь, из последних сил она стала открывать тугой тяжелый засов, навалиясь на него всем своим весом. Но вот, наконец, засов поддался, и дверь с громким скрипом нехотя отворилась. В тот же миг Анжелина без чувств свалилась на каменный пол часовни.

Лунный свет заиграл на белом мраморном распятии над головой старой женщины, и все крысы в аббатстве с адским визгом забились в страшных конвульсиях.

Монсеньор Франкино уже бежал по двору, позабыв закрыть за собой входную калитку. Весь двор аббатства был буквально завален тысячами крысиных телец, бившихся в предсмертной агонии. Франкино нашел на земле толстую палку и принялся с остервенением добивать ею проклятых тварей. Те из них, кто еще оставался в живых, огрызаясь, набрасывались на священника, сбиваясь в грязные кучи у его ног.

Продолжая размахивать своей палкой, он направился вверх по лестнице, громко зовя сестру Анжелину. Но ответа не было. С трудом пробиваясь через полчища серых тварей, он добрался, наконец, до верхней площадки. Весь коридор, словно сплошным ковром смерти, был покрыт трупами этих мерзких животных. Некоторые еще хрипло дышали.

Спотыкаясь о горы мертвых телец, Франкино двинулся назад, к открытой кем-то двери часовни, и с опаской заглянул внутрь.

Распластанная в луже крови на полу под распятием сестра Анжелина застонала и слегка повернула голову. На ее теле лежала четкая тень от креста, висевшего над входом в часовню. Жизнь едва теплилась в старой женщине. Она попыталась что-то сказать, но изо рта лишь вытекла струйка жидкой слюны. Франкино прочел над ней прощальную молитву и приподнял голову бедной женщины.

— Я виноват, — с трудом сдерживая слезы, проговорил он. — Я знал, что тебе грозит опасность, и не должен был уходить.

Он почувствовал, как по телу монахини пробежала предсмертная судорога, опустил ее голову и расстегнул воротник сутаны. На шее сестры Анжелины не было нательного креста.

Глядя на тысячи мертвых тварей, явившихся сюда прямо из ада, он поднял безжизненное тело женщины и отнес его в келью. Там он осторожно положил труп на кушетку. У Франкино уже не было времени, чтобы привести все в должный порядок. Следовало срочно возвращаться в Рим. А там уж он даст все нужные распоряжения насчет похорон.

«Прости меня»,— уже мысленно произнес старый священник и нежно коснулся пальцами ее холодеющего лба.

После этого он вышел из комнаты, спустился по лестнице и, на секунду остановившись во дворе, ударом каблука прикончил одну из оставшихся в живых крыс. Взглянув в ее остекленевшие глаза, он посерьезнел. Лицо его выражало решимость.

— Итак, начинается? — произнес Франкино с вызовом в голосе.— Начинается.

Глава первая

— Ну, как тебе? — спросил Бен Бэрдет, повернувшись перед зеркалом в просторной каюте.

Фэй Бэрдет поднялась с дивана.

— Застегни пиджак, — ответила она, окинув мужа критическим взглядом.

Он застегнул смокинг на среднюю пуговицу и встал прямо, опустив руки по швам.

Фэй пригладила его атласные лацканы, проверила, нет ли складок на рубашке, и поправила галстук, который чуть-чуть сбился вправо.

— Вот теперь, милый, ты выглядишь просто на миллион долларов! — прошептала она.

Фэй поцеловала мужа и присела к туалетному столику, чтобы закончить свой макияж и проверить, нет ли каких изъянов в одежде. На ней был черно-серый брючный ансамбль и черная шелковая блузка. Стоя за спиной жены, Бен снова оглядел себя в зеркало и одобрительно кивнул. Потом повернулся и склонился над кроватью их восьмимесячного сына, продолжая расправлять складки на своей нарядной рубашке.

— Ну, а что ты скажешь, Джон? — спросил Бен сынишку.

Джон с благодушной улыбкой посмотрел на отца и зашлепал ручонками по матрасу. Бен ласково поцеловал его и сел на диван, ожидая, пока жена, наконец, закончит свой туалет. Неожиданно он зевнул от усталости. Две недели на теплоходе успели порядком утомить его и притупить чувства. Все это время он усердно занимался на тренажерах, стремясь сбросить за круиз лишний вес. Свежий морской загар припекал кожу, а выражение лица свидетельствовало лишь о том, что он безумно соскучился по городской жизни. Хотя, конечно, он не мог пожаловаться на то, что путешествие не доставило ему абсолютно никакого удовольствия.

вия. Он был очень доволен: даже слишком, до тошноты. Но, к счастью, утром они уже должны были причалить в Нью-Йорке. И теперь ему оставалось помучиться лишь на прощальном банкете, который, кстати, отец Макгвайр почему-то решил пропустить. И тогда уже все, считай, позади.

Наконец Фэй отвернулась от зеркала и весело улыбнулась, отчего ямочки на ее щеках проступили еще сильнее. Брючный ансамбль сидел на ней просто великолепно. Это была очень стройная женщина с длинными ногами и белокурыми вьющимися волосами. Она не отличалась пышной грудью, зато ее лицо, по словам большинства поклонников и воздыхателей, было чистым, милым и словно выточенным из мрамора.

— Который час? — спросила Фэй.

Бен приподнял рукав рубашки и нажал кнопку цифровых наручных часов.

— Без десяти восемь, — сообщил он.

Фэй бросила нетерпеливый взгляд на дверь каюты.

— Мисс Иверсон может появиться в любую секунду, — заволновалась она.

— Не надо быть такой нетерпеливой, — нравоучительно произнес Бен.

Через двадцать минут пришла няня — симпатичная тридцатипятилетняя женщина, которая в дневное время работала в музыкальном салоне теплохода. Из-за путаницы с поясным временем она опоздала на целых полчаса. И теперь, по ее милости, супруги Бэрдет, конечно же, опоздают к началу и пропустят самые вкусные закуски и пару коктейлей. Ведь по радио объявили, что банкет назначен на девять.

Когда они вышли из кормовой двери коридора «Б» на главную палубу, теплоход делал плавный вираж. Супруги направились к главному ресторану. Сейчас на палубе было прохладней, чем в прежние вечера. Оно и понятно, ведь они уже покинули тропики. С носа слышались глухие ритмичные удары волн о форштевень корабля, в чистом небе догорал короткий океанский закат, а с левого борта дул свежий прохладный бриз. Кроме двух официантов и серой чайки, свидетельствующей о том, что земля уже близко, на палубе никого больше не было.

Бэрдеты торопливо прошли по пустым переходам во внутренний коктейль-бар, но, как и ожидал Бен, он почти уже опустел. Через открытую дверь главного ресторана было видно, как гости поспешно усаживаются за банкетные

столы. Ресторан был шикарно украшен, будто в канун Рождества. С потолка свисали вьющиеся ленты яркого серпантина и гирлянды разноцветных шаров. На эстраде играл оркестр из десяти музыкантов.

— Эй,— окликнул супругу Бен, торопясь вдоль буфетной стойки.

Фэй повернулась к нему уже с набитым икрой ртом.

— Кажется, мы еще успеем поесть. Пошли-ка!

— Хорошо-хорошо.— Фэй облизала пальцы и глотнула шампанского из бокала, который уже успела подхватить где-то и теперь держала в руке.

Бен схватил ее за свободную руку и заглянул в глаза.

— А после банкета мы трахнемся! Договорились?

Фэй озорно кивнула, с радостью давая свое согласие.

— Это самое лучшее предложение, какое я слышала за последние две недели,— улыбнулась она.

Супруги со смехом обнялись и, протиснувшись между столиками и эстрадой, растворились среди сотен воздушных шаров и перекрученных лент серпантина.

Банкет закончился в половине двенадцатого. И хотя большинство пассажиров осталось в ресторанном зале, Фэй и Бен решили сменить обстановку и отправились в кают-компанию — небольшое помещение на носу теплохода,— чтобы выпить по бокалу вина.

Отец Джеймс Макгвайр уже поджидал их там, стоя у бара и потягивая через соломинку легкий коктейль.

— Святой отец! — радостно воскликнул Бен, подойдя к стойке.

Священник отставил бокал и тепло обнял обоих Бэрдетов по очереди.

— Если бы вы знали, как нам не хватало вас на банкете! — вздохнула Фэй, откидывая со лба непослушную прядь волос и обворожительно улыбаясь. Ей нравилось в отце Макгвайре буквально все: и очертания подбородка, и добрые голубые глаза, и классические ирландские черты лица.

— Я должен извиниться перед вами,— застенчиво произнес священник и повел их к ближайшему свободному столику, не забыв прихватить свой недопитый бокал.— Конечно, мне очень не хотелось пропускать такое захватывающее мероприятие, но, трезво все взвесив, я понял, что если уж решил закончить здесь свой богословский трактат, то должен все-таки остаться в каюте и как следует поработать. Что я и сделал.— И он снова улыбнулся.

— Что вы, не нужно никаких извинений! — поспешно остановил его Бен. — Мы же понимаем...

— Конечно, — согласилась с мужем Фэй и нежно коснулась руки отца Макгвайра. — Все равно мы рады, что смогли встретиться с вами хотя бы здесь, в этом уютном салоне за бокалом легкого вина.

Вскоре кают-компания начала понемногу заполняться и другими пассажирами. Бен направился к стойке бара и вскоре вернулся с двумя бокалами. Только на этот раз вместо «легкого вина» он решил взять чистый ликер «амаретто».

— Ну, а теперь рассказывайте, как прошел банкет, — улыбнулся Макгвайр, поудобнее усаживаясь на своем стуле.

— Превосходно! — отозвался Бен и начал подробно описывать все, что подавали на стол. При этом он не забыл добавить, что отсутствие священника на приеме сделало его не таким интересным, как рассчитывали Бэрдеты.

С самого начала круиза получилось так, что у Бена и Фэй не оказалось общих интересов с соседями по столику номер 17, который им отвели в ресторане для ежедневных приемов пищи. Почти все отдыхающие на корабле оказались жителями каких-то заштатных городков со Среднего Запада. Поэтому Бен был несказанно счастлив, когда на второй же день за их стол посадили отца Макгвайра вместо молчаливой и угрюмой четы из Биллингса, что в штате Монтана. Этот священник, как вскоре выяснилось, преподавал в католической духовной семинарии в Нью-Йорке и оказался умнейшим человеком и прекрасным собеседником. К такому заключению супруги Бэрдет пришли единодушно. К тому же отношения между Беном и священником заметно оживлялись тем фактом, что оба они были профессиональными писателями. Правда, темы их книг весьма различались. Отец Макгвайр посвящал свободное время сочинению пространных теологических трактатов, а Бен пока что приступил к своей первой книге — это был довольно занятный политический роман, как считали сам Бен и его супруга. Что касается Фэй, то она работала в рекламном агентстве и по роду деятельности могла помочь им обоим. Отец Макгвайр, например, был очень заинтересован в связях с общественностью, особенно когда дело касалось религии.

— Ну, а пока вы развлекались в ресторане, я оставался в своей каюте и могу уверить, что обслуживание сегодня было не очень навязчивым, — шутливо заметил отец Макгвайр, как только Бен закончил свой длиннющий монолог о диких яствах. Он раскурил сигару и предложил та-

кую же Бену. Тот не отказался, и они дружно выпустили синеватый дым, наслаждаясь безмятежностью отдыха.— А впрочем, это, наверное, и к лучшему. Ведь вместо того, чтобы терять попусту время, ублажая свою плоть, я посвятил себя работе и теперь могу с уверенностью сказать, что сегодня остался собою доволен.

— А я вот что хочу сказать вам, святой отец,— начал Бен, обнимая Фэй чуть ниже талии.— Вы заставляете меня испытывать чувство вины.

— Это каким же образом? — удивленно вскинул брови священник.

— Вот у меня, например, почему-то за целых две недели не нашлось времени, чтобы написать хоть одно предложение для своего романа, а вы успели закончить целый трактат!

Священник дружелюбно улыбнулся.

— Бен, не забывайте, что вы пишете художественную прозу... Вы создаете литературные образы, выдумываете новые идеи... А все это очень сложно. Я же просто излагаю на бумаге различные выводы и заключения, к которым пришел после многих лет, посвященных изучению интересующих меня проблем.

— Даже не вздумайте умялять свою работу, святой отец! — решительно запротестовал Бен, для большей убедительности подняв вверх указательный палец.— Вы пишете не менее важные вещи, которые, я уверен, по достоинству оценят не только ваши ученики. Я же ни в коей мере не склонен принижать значения вашего творчества, и вам не позволю этого делать. А что касается той книги, над которой работаю я, то, по сути дела, это же обычная макулатура!..

Фэй склонилась к Бену и нежно поцеловала его в щеку, поспешив успокоить мужа:

— Милый, я думаю, что твоя книга тоже многим понравится.

Отец Макгвайр согласно кивнул и не замедлил возразить своему собеседнику:

— Я уже говорил вам, Бен, и готов повторить еще раз: если хотя бы половина писателей занялась тем же, что пишу я сам, то мир литературы сразу стал бы скучным и бедным. Поймите: стремление развлекать книгами не менее важно, чем желание поучать ими и просвещать. И никто не вправе судить, чья книга окажет человечеству большую услугу — моя или ваша. Верно?

— Вы оба так добры ко мне,— растрогался Бен, потягивая ликер и робко глядя на священника и Фэй, словно стеснясь незаслуженной похвалы.

В этот момент в зал вошли два гитариста и, устроившись возле бара, стали наигрывать тихую приятную мелодию.

Бен наклонился вперед и почти на ухо зашептал священнику:

— Мы с Фэй хотим, чтобы вы знали, насколько нам дороги ваша дружба и внимание, святой отец. И говорю я это вовсе не потому, что наше путешествие подходит к концу, а при прощании люди просто привыкли делать друг другу комплименты... Нет, это идет от чистого сердца.

Слушая его, Макгвайр вдруг почувствовал, что воротничок сутаны неожиданно начал сдавливать ему шею. Он был вынужден ослабить его рукой.

— Тогда позвольте и мне вас заверить, что эти чувства взаимны,— ответил священник.— Теперь, оглядываясь на проведенные вместе дни, мы можем только поблагодарить супругов из штата Монтана, что они попросили пересадить их за другой стол. Ведь именно этот случай и свел нас вместе.

— А я и не знала, что они сами попросились за другим столиком! — удивилась Фэй, прикуривая сигарету.

— Я вообще-то не до конца в этом уверен,— быстро поправился священник.— Но мне помнится, кто-то говорил, что это было именно так. Я, кажется, краем уха слышал, как один официант рассказывал другому, что между пассажирами за одним из столиков произошел вроде бы какой-то спор, и двое попросили их отсадить. Правда, я не уверен, что речь шла именно о вашем столике...— И он смущенно пожал плечами.

— Странно.— Бен задумался, а потом добавил:— Может быть, их не устраивало расположение этого стола или просто захотелось сменить обстановку?..— «Пожалуй, не стоит продолжать эту тему»,— подумал Бен, все еще сомневаясь и размышляя над словами священника. Но внезапно его охватило сильное любопытство. Поскольку официант, обслуживающий их столик номер 17, говорил, что священник сам попросился к ним в соседи и велел ему узнать, не согласится ли кто-нибудь пересесть так, чтобы освободилось место именно за семнадцатым столиком. Странно... Но если официант не лжет — а причин для этого у него, видимо, нет — то почему же тогда Макгвайр так уверенно

и обстоятельно утверждает обратное?.. Зачем ему все это? Непонятно...

Его размышления были прерваны веселым смехом и шутками Фэй. Она что-то рассказывала священнику, и оба они от души хохотали. Наконец Фэй направилась к бару, чтобы заказать себе еще ликера. В общей сложности к часу ночи она выпила целых четыре порции, и Бен, к своему неудовольствию, отметил, что жена стала выглядеть немного подавленной.

— Милая, как ты себя чувствуешь? Может быть, тебе стало нехорошо? — поинтересовался он и многозначительно подмигнул отцу Макгвайру.

— Нет-нет, все в порядке. — Фэй постаралась выпрямиться и улыбнулась.

Бен посмотрел на часы. Перед тем как отправиться на банкет, они твердо решили, что не будут засиживаться допоздна, так как теплоход прибывал в семь утра, а им еще предстояло собирать и упаковывать вещи.

— Может быть, нам всем лучше выйти сейчас на палубу? — предложил он.

— Ну разумеется! — поддержал Макгвайр, поднимаясь из-за стола. Вместе с Беном они с обеих сторон подхватили Фэй под руки и помогли ей, слегка пошатывающейся, выбраться на палубу, где свежий воздух сразу благоприятно подействовал на нее.

— Отец Макгвайр, вы мне очень нравитесь. Я от вас просто без ума! — призналась Фэй, чувствуя, что от свежего ветерка ей становится легче. — Знаете, я хоть и католичка, но не хожу в церковь и никогда не питала особых симпатий к священникам. Но вы совсем не такой, как они все...

— Фэй, я весьма польщен и ценю ваши чувства. Но не забывайте, что до того, как стать священником, я был самым обыкновенным человеком...

— Хорошо сказано, — неожиданно вставил Бен.

Макгвайр гордо выпрямился и продолжал:

— Когда я жил в Дартмуте, я даже играл в футбол. И, конечно, со всеми остальными регулярно принимал участие во всех беспорядках. Верите?

Фэй улыбнулась.

— Позвольте мне сказать вам кое-что еще, святой отец. С точки зрения женщины, вы очень красивый мужчина. И весьма сексуально смотрите.

Макгвайр громко расхохотался.

— Нет, это правда! — настаивала Фэй, облизывая губы.

Священник покраснел, вслед за ним залился краской и Бен.

— Ну, что я могу на это возразить? — покачал головой Бен. И тут неожиданно на лице Макгвайра появилась ухмылка, совершенно не вязавшаяся с его саном. Бена это почему-то насторожило. — Послушай, Фэй, — обратился он к жене. — Мы немедленно возвращаемся в свою каюту.

— Хорошо-хорошо. Разве я против? — Она нетвердой походкой прошла между мужчинами. Теперь и теплоход начало мерно покачивать, и они все втроем двинулись в обход палубы, на всякий случай придерживаясь за поручни. Перед тем как расстаться у коридора «Б», они остановились.

— Ну что ж, — улыбнулся Макгвайр. — Встретимся утром на палубе перед бассейном. Идет?

— В восемь? — уточнил Бен.

— Да. — Макгвайр наклонился и довольно бесцеремонно, как показалось Бену, обнял Фэй. — А теперь желаю вам доброй ночи. И поцелуйте за меня Джои.

— Непременно, улыбнулась Фэй. — И вам спокойной ночи, святой отец.

— Всего хорошего, Фэй. — Он кивнул и пожал руку Бена. — Ну, до утра.

Отец Макгвайр повернулся и твердой уверенной походкой зашагал по палубе, держась на удивление прямо. Правда, он упомянул, что в юности был спортсменом и, вероятно, в душе оставался им по сей день.

— Ну, а теперь, дорогая, тебе пора спать, — сказал Бен и многозначительно посмотрел на супругу.

Фэй громко икнула, согласно кивая, и, пошатываясь, вошла в каюту.

Бену снился какой-то волнующий сон, отчего он даже метался в постели, но, проснувшись, так и не смог вспомнить, что ему привиделось в эту ночь. Посмотрев на часы, он удивился: была всего лишь половина пятого. Тогда он повернулся на другой бок и немного поерзал на мягком матрасе в надежде устроиться поудобней, чтобы снова заснуть. Рядом с ним спала Фэй. Голова ее буквально утопала в подушках, а одеяло сбилось в ногах. Бен приподнялся, вытащил одеяло из-под ног жены, потом накрылся простыней и натянул часть одеяла на себя. Неожиданно он

почувствовал, что качка усилилась по сравнению с тем, что было в середине ночи. Бен попробовал хотя бы расслабиться и просто полежать спокойно с закрытыми глазами, раз уж все равно не удавалось заснуть. Но что-то мешало ему и не давало успокоиться. И тут он ясно услышал тихие шаги на палубе. Кто-то шел очень медленно и, видимо, старался, чтобы его не было слышно. Наверное, боялся кого-нибудь разбудить. Этот неизвестный, страдающий бессонницей человек почему-то вызвал у Бена раздражение. «А впрочем,— решил он,— какое мне до него дело? У каждого хватает своих собственных забот, чтобы еще думать о странных типах, разгуливающих по палубе в столь ранний час. Надо успокоиться и заснуть». Но он уже знал, что заснуть ему вряд ли удастся. И вдруг совершенно неожиданно на него словно накатилась сонная волна.

Но в тот самый сладкий момент, когда Бен начал проваливаться в забытие, он вдруг отчетливо услышал, как медленно поворачивается ручка во входной двери их каюты.

Одним движением он сел в кровати.

Кто-то явно пытался проникнуть внутрь.

В тот же миг Бен вскочил на ноги, накинул халат и, резко распахнув дверь, вылетел в коридор.

Но там никого уже не было.

Тогда он решил прогуляться по палубе и направился на бак корабля, надеясь встретить там заплутавшего незнакомца. Затем обогнул бассейн на носу судна, зашагал назад вдоль другого борта и вдруг заметил вдали чью-то фигуру, тут же скрывшуюся в двери за музыкальным салоном.

Бен кинулся вперед вдоль правого борта к тому месту, где только что исчезла подозрительная фигура. Но очень скоро, устав от быстрого бега, прислонился к перилам наружного ограждения, жадно хватая ртом свежий океанский воздух. Он простоял так в оцепенении несколько минут, лихорадочно соображая, кто это мог быть и куда он, черт возьми, делся. Руки его заметно дрожали. Наконец Бен выругался про себя и решил, что после этой неудачной погони теперь самое время вернуться в каюту и заснуть.

Но проходя через верхнюю палубу, он вдруг заметил возле шлюпок мужчину. Подойдя немного поближе, он с удивлением обнаружил, что это не кто иной, как сам отец Макгвайр, задумчиво созерцающий пурпурное рассветное небо.

Вздрогнув от неожиданности, Бен приблизился к своему приятелю.

— Отец Макгвайр! — произнес он таким тоном, словно боялся, что обознается, или что священник сейчас растворится, как привидение, прямо у него на глазах.

Но тот спокойно повернулся на оклик и удивленно воскликнул:

— Бен! Неужели это вы? Что вы тут делаете в такую рань?

— Я мог бы задать вам точно такой же вопрос, — парировал Бэрдет.

— Видите ли, я никак не мог заснуть, — спокойно объяснил Макгвайр. — А воздух здесь такой свежий! Вот я и решил подышать напоследок, прогуляться по палубе, подумать о жизни...

— Понятно, — с подозрением в голосе констатировал Бен.

Макгвайр как ни в чем не бывало тронул его за плечо.

— Мой друг, мне кажется, вы чем-то расстроены. И дышите как-то слишком уж тяжело... Что-нибудь случилось?

— Да, мне пришлось сейчас совершить небольшую пробежку.

— Я что-то не совсем понимаю, — насторожился священник. — Расскажите толком, в чем дело.

Бен кивнул и сразу же посерьезнел.

— Только что, буквально несколько минут назад, кто-то пытался проникнуть в нашу каюту.

Казалось, Макгвайр был поражен не меньше самого Бена.

— Я проснулся и сперва услышал шаги, — продолжал тот. — А потом ручка в двери начала медленно поворачиваться, словно кто-то хотел незаметно пробраться внутрь. Я моментально выскочил в коридор и — поверите? — там никого уже не было!.. Тогда я прошелся по палубе и вскоре заметил убегающего мужчину. Но едва я бросился вслед за этим незваным гостем, он как будто сквозь землю провалился. А когда, отчаявшись, я решил возвратиться, то заметил здесь вас...

— Надеюсь, вы не думаете, что этим ночным грабителем был именно я? — озабоченно нахмурился Макгвайр.

Бен пристально посмотрел на него, задумавшись, насколько искренне говорит сейчас священник. Хотя еще минуту назад ему и в голову не пришло бы заподозрить своего друга в чем-либо подобном. Да и зачем ему делать это?

Ведь если бы ему что-то понадобилось в их каюте, он мог бы просто постучать и зайти, а не пробираться туда тайком.

— Ну что вы! Конечно, нет,— сказал он, отметя подозрения.— Ни в коем случае.

Макгвайр улыбнулся и с облегчением вздохнул.

— Хотя у меня на всякий случай есть алиби: как вы видите, я совсем не запыхался, и поэтому не подхожу на роль вашего таинственного беглеца. Ведь ему, наверное, тоже пришлось недавно изрядно поработать ногами...

Бен поразмыслил над этим и с сожалением произнес:

— Прошу прощения, святой отец, если я вас как-то задел.

— Не стоит. Хотя мне, конечно, было бы неприятно, если бы вы вдруг заподозрили меня в причастности к этому таинственному происшествию. Тем более что я просто ума не приложу, что все это могло означать.

Бен устало прислонился к перилам и не мигая уставился на корабельные трубы, из которых в небо поднимался легкий дымок.

— Черт побери! — пробормотал он, все еще с волнением думая об этом странном случае.— Но ведь кто-то же пытался открыть мою дверь!..

Макгвайр только пожал плечами. Он вполне верил Бену, но тоже находился в полном недоумении.

— Ну, ладно,— начал успокаиваться Бен.— Во всяком случае, чего бы ни хотел добиться этот негодяй, ему это не удалось. Так что, по большому счету, все в порядке, верно? — Он тронул священника за руку.— Я еще раз прошу прощения. что так беспокоил вас, святой отец.

— Ничего страшного, Бен,— примирительно ответил Макгвайр.— Все уже позади.

Бен спустился на нижнюю палубу и по коридору «Б» направился к своей каюте. Еще издавлекa он заметил, что на ручке двери каюты что-то висит. Подойдя ближе, он от изумления раскрыл рот. Это было распятие.

Бен осторожно снял его и взял в руки. Крест оказался довольно большим, высотой около двенадцати дюймов, и очень тяжелым, так как сделан был из какого-то темного блестящего металла.

Зачем кому-то понадобилось оставлять эту вещь именно здесь?

Войдя в каюту, Бен скинул халат и бросил распятие на диван, потом проверил, крепко ли спит сынишка, и сам

улегся в кровать. Фэй спала и, очевидно, за все это время ни разу не просыпалась.

Бен намотал цепочку от креста на ладонь и в задумчивости поднял его перед собой, тут же почувствовал, как по спине пробежал неприятный холодок. Его томило какое-то необъяснимое предчувствие. Вроде бы ничего особенного не произошло... Но в то же время теперь что-то терзало его и не давало окончательно успокоиться.

Наконец Бен положил распятие под подушку и, повернувшись на бок, решил забыть о нем хотя бы на пару часов.

* * *

Отец Макгвайр внимательно осмотрел распятие, засмеялся, при этом закашлявшись, и вернул его вконец растерявшемуся Бену.

— Вы знаете, я тоже не могу представить, кто и зачем мог оставить его на вашей двери,— признался он.— Но мне почему-то кажется, что не стоит особенно мучиться из-за этого, теряться в догадках или, тем более, строить всякие невероятные теории. Забудьте об этом. Просто по воле случая вы стали обладателем чудесного распятия. Так пусть же Господь Бог отныне всегда улыбается вам.— Он дружески похлопал Бена по спине.— Я вам серьезно говорю. Ничего дурного здесь и быть не может.

Бен подозрительно посмотрел на священника, а потом, покачав головой, сунул распятие в сумку с детским питанием. Как раз в это время к ним подошел носильщик и сообщил, что багаж отца Макгвайра благополучно прошел таможенный досмотр и его уже можно получать.

— Скажите, а вы сообщили о своей находке жене? — поинтересовался Макгвайр.

— О распятии? Разумеется! — сразу же оживился Бен, оглянулся и помахал Фэй рукой. Она стояла немного поодаль и с улыбкой подошла к мужу, держа на руках ребенка.

— У нас все готово,—радостно сообщила она.—Носильщики уже сносят багаж на берег.

Бен удовлетворенно кивнул и взял сынишку к себе на руки.

— Ну, что вы скажете, святой отец? — спросил он и поднес мальчика сбоку почти к самому своему лицу.— Мы с ним похожи как две капли воды, а?

Макгвайр внимательно осмотрел Бена, потом Фэй и, наконец, малыша.

— Только глаза,—безапелляционно заявил он.— А в остальном — вылитая Фэй. Кстати, я вам уже говорил об этом. У вашего сына поразительное сходство с матерью.

Малыш будто понял, о ком идет речь, и что-то весело агукнул. Бен засмеялся и вернул ребенка жене. Сейчас она была одета довольно скромно: в длинную серую юбку и белую блузку из искусственного шелка.

Впереди всей группы вышагивали два носильщика и толкали тележку с багажом. Макгвайр, Бен и Фэй с сыном шли за ними.

— Может быть, подвезти вас до дома? — предложил священник, когда они подошли к выходу с пирса.— Из семинарии за мной послали машину.

— Нет, спасибо, святой отец,—поблагодарил его Бен.— За нами обещал заехать один из наших друзей. Мы с ним соседи...

Они вышли на улицу к тротуару.

Фэй еще раз спросила священника, что он думает по поводу таинственного распятия, но тот лишь весело рассмеялся. А потом вполне серьезно пояснил, что само по себе оно никакого значения в общем-то не имеет и лучше всего не думать о нем слишком много. Это не более чем сувенир.

— Но оно почему-то внушает мне страх,—пожаловалась Фэй.— Может быть, лучше вообще его выбросить?

Макгвайр задумался, медленно кивая головой.

— Я могу понять ваши чувства,—протянул он.

Фэй с тревогой посмотрела на Бена, но он лишь улыбнулся ей в ответ и пожал плечами.

— Ну ладно, дорогая. Раз тебе не по душе держать его дома, я его сегодня же выкину. А еще лучше — подарю какой-нибудь больнице при католической церкви, где ему, по моему, самое место.

К тротуару подъехал лимузин за священником. Из машины тут же выскочил шофер, уложил в багажник чемоданы и открыл для Макгвайра заднюю дверь. Сам Макгвайр в это время обсуждал с Бэрдетами планы их будущей встречи, а потом обнял маленького Джозефа и ласково улыбнулся ему.

— Я буду скучать без вас,—с искренней грустью сказал он,—и с нетерпением ждать вашего звонка, как условились.

— Я уверен, что долго ждать вас не придется,—заверил его Бен.

Священник сел в лимузин и на прощанье помахал им рукой из заднего окошка.

Бэрдеты, улыбнувшись, замахали ему в ответ, а когда машина отъехала, вернулись к своим чемоданам.

Глава вторая

Машину Сорренсона не узнать было невозможно, и Бэрдеты заметили ее еще издалека. К ним приближался «Десото» 1956 года выпуска. Этот невероятный «дредноут» обогнул угол и направился к ним, изрыгая клубы черного дыма и грохоча, как железный сейф, набитый столовым серебром. Но самым замечательным было то, что остатки правого крыла свободно трепыхались по ветру, издавая оглушительный ритмичный лязг. Машина напоминала гигантскую тропическую рыбину с длинными хвостовыми плавниками, а крыша была до такой степени разъедена ржавчиной, что вполне могла бы сойти за рыбью чешую. За рулем подпрыгивала седовласая голова самого владельца этой диковинной колымаги — Джона Сорренсона. Руками он отчаянно сжимал руль и так пристально следил за дорогой, что казалось, будто его взгляд просто приклеили к лобовому стеклу. Это зрелище развеселило Бэрдетов, однако смех их был вполне дружелюбным. Теперь, когда цены на ремонт автомобилей безбожно подскочили и положение все больше усугублялось инфляцией, Джон Сорренсон, первая виолончель Нью-йоркской филармонии, каким-то чудом все же ухитрялся содержать такой антиквариат, выкраивая на это деньги из своего скромного бюджета. Наконец машина со скрежетом остановилась, и из нее буквально вывалился радостный Сорренсон.

— Чертова калоша! — сердито пробормотал он, шутя замахнувшись на автомобиль. — Сломалась как раз в самом подходящем месте — на 48-й улице.

— Правда? — расстроилась Фэй, подходя ближе с малышом на руках.

«Ну, теперь уже наверняка все в порядке», — подумал Бен. Еще бы! Им пришлось ждать его больше часа. Уже несколько раз Бен порывался плюнуть на все и поймать такси, но поскольку Сорренсон еще ни разу не нарушал своих обещаний, супруги запаслись терпением и твердо решили ждать его до победного конца.

Бен начал грузить чемоданы в багажник.

— Ну и что же стряслось с ней на этот раз? — скорее из вежливости, чем из любопытства, спросил он, между делом взглянув на Сорренсона.

— Понятия не имею! — ответил тот, с крайне растерянным видом пожав плечами. — Я спокойно ехал себе по Девятой авеню, как вдруг эта зараза подняла стрельбу и из нее повалил черный дым. Представляете? Это было просто неопишимо! Я приткнулся к обочине и начал судорожно соображать, что делать дальше, потому что поблизости не было даже бензоколонки, откуда есть шанс допроситься помощи. И тогда я просто поднял капот и решил дать ей остыть и очухаться. Ну, повертел еще кое-какие железяки в моторе. И разумеется, прочитал ей хорошую лекцию. — Для убедительности он снова погрозил машине пальцем. — В результате, как видите, мы достигли взаимопонимания, потому что сразу же после этого она завелась и как миленькая довезла меня к вам.

Фэй поцеловала его в щеку.

— Я никогда не сомневалась в ваших способностях, Джон. Вы всегда прекрасно ладили и с машинами, и с женщинами...

Сорренсон зарделся, обнял ее и пощекотал малышу подбородок. Потом предложил свою помощь Бену, но тот решительно замахал руками и наотрез отказался — он не мог позволить, чтобы их семидесятилетний друг перетаскивал такие тяжести.

Погрузка не заняла много времени, и уже через пару минут они ехали по 12-й улице.

— Ну, а теперь вы должны мне подробно все рассказать. Как вам понравилось путешествие, что вы видели интересного, где побывали? — потребовал Сорренсон.

Бен повернулся к жене и взял у нее малыша.

— Мне очень жаль, что все это время вас не было вместе с нами, — начала Фэй и оборвала себя на полуслове, услышав сзади выстрел из выхлопной трубы. — Поездка оказалась на редкость увлекательной. Это просто фантастика!

— А я вам что говорил! Я и не сомневался, что вам понравится! — радостно воскликнул Сорренсон, оглядев св-ругов с отеческой гордостью.

— Да, вы оказались правы, — поддержал его Бен, неожиданно вспомнив, что именно Сорренсон посоветовал им совершить океанский круиз, когда они обсуждали проблему отдыха — куда ехать, как и на чем. — Вы знаете, мы с Фэй тут подумали и решили на будущий год снова отправиться

на теплоходе по тому же маршруту,— добавил Бен и загадочно улыбнулся.

— Да-да, именно так,— подхватила Фэй, заметив его улыбку и решив тоже сделать старику приятное.

— Вы серьезно? Ну это просто великолепно! — Сорренсон был очень польщен, что сумел выбрать для супругов такой замечательный способ отдыха.

— Все было идеально,— продолжала Фэй.— Особенно погода и солнце.

— Я уж вижу, как вы «поджарились»,— улыбнулся Сорренсон.— Оба просто чудесно выглядите. А ты, Бен, вообще исключительно Я прямо слов не нахожу.

Фэй, улынувшись, незаметно толкнула мужа локтем в бок.

Сорренсон откашлялся и обрушил на них целый поток вопросов. В ответ супруги, возбужденно перебивая друг друга, начали с восхищением рассказывать о своем отдыхе. Наконец, улучив момент, когда старик замешкался с очередным «а дальше?», Фэй опередила его и сама поинтересовалась, чем он сам занимался тут в их отсутствие в течение целых двух недель.

— У меня все по-прежнему,— вздохнул Сорренсон.— сворачивая на Бродвей и задев при этом край тротуара 74-й улицы.— Сначала несколько концертов Баха подряд, потом постоянные репетиции с квинтетом — мы готовимся к летнему сезону... А еще успели записать пластинку. И я надеюсь, что вы сегодня будете в числе первых ее слушателей, потому что в честь вашего возвращения я решил организовать вечеринку. Там будут наши общие друзья. Как вы на это смотрите?

От неожиданности Бен чуть не поперхнулся. Ведь он-то рассчитывал сегодня пораньше лечь спать. Но так как именно Сорренсон посоветовал им ехать в этот круиз, а теперь еще встретил и успел уже пригласить всех друзей, ни о каком отказе не могло быть и речи.

— Ну и как они поживают? — спросил Бен, уже заметив их дом номер 69 по 89-й улице.

— Слава Богу, все живы-здоровы,— ответил Сорренсон, не сводя глаз с дороги.— А вчера Макс и Грейс Вудбриджи даже давали обед по случаю того, что Макс наконец-то начал собственное дело. Поставки сантехники или что-то в этом роде — я и сам толком не разобрался.

— А как Ральф Дженкинс? Уже вернулся из Европы? — подала голос Фэй.

Сорренсон кивнул.

— Да, несколько дней назад. Я, кстати, случайно встретил его в холле и сообщил, что вы сегодня возвращаетесь из круиза, а я в вашу честь устраиваю вечеринку. И пригласил его. А вы же знаете, каков он, этот самый Ральф Дженкинс?..

— Не совсем,— уклончиво ответил Бен, не понимая, на что именно намекает старик. Дело в том, что Дженкинс переехал на их этаж всего лишь три месяца назад, и соседям пока не представлялось случая узнать друг друга поближе. К тому же Ральф был членом правления Международного Общества античного искусства, и по делам службы ему частенько приходилось ездить в Европу.

— О, это такой парень! — воскликнул Сорренсон.— Вы только наметьте ему, что где-нибудь устраивается вечеринка, обед или просто будут давать коктейли,— и вы обязательно встретите его там.

Еще несколько минут Сорренсон медленно катил по улице, а потом свернул в боковой проезд и поставил машину под навес у десятиэтажного дома, в котором прожил уже целых двенадцать лет. Напоследок из глушителя прогремел еще один выстрел. Сорренсон сердито пробурчал что-то себе под нос, видимо, делая автомобилю строгое предупреждение по поводу его возмутительного поведения, и в очередной раз пригрозил в самом ближайшем будущем сдать свою колымагу в металлолом.

С помощью привратника Бен перетащил чемоданы в лифт. Следом в кабину вошли Сорренсон и Фэй с ребенком, и все вместе поехали на десятый этаж.

Квартира Сорренсона находилась сразу слева от лифта, а Бэрдеты жили напротив, по другую сторону холла. Всего в южном крыле здания на их этаже располагалось восемь квартир: кроме Бэрдетов и Сорренсона, здесь жили Лу Петросевич, Ральф Дженкинс, Дэниэл Батилль, мистер и миссис Вудбридж, еще в одной квартире обитали сразу две секретарши, а последнюю занимала пожилая монахиня, которую, правда, никто ни разу не видел, потому что она никогда не выходила из комнаты даже в коридор.

Войдя в комнату Бэрдетов, все тут же направились в прямоугольную гостиную, которая плавно переходила в столовую и заканчивалась просторной кухней. Бен не забыл дать привратнику чаевые, а потом перетащил весь багаж по коридору в спальню. Фэй зажгла верхний свет.

— Неужели за две недели может накопиться столько пыли? — изумилась Фэй, проведя ладонью по мебели.

— А ты как думала? — усмехнулся вернувшийся из спальни Бен, присаживаясь на диван. — Хорошо, что не больше. Здесь еще сравнительно чисто!..

Сорренсон согласно кивнул и напомнил, что если бы ему дали ключи и разрешили время от времени приходить сюда протирать пыль, как он и предлагал перед их отъездом, то сейчас квартира была бы просто в идеальном порядке.

— Я понимаю вас, Джон, — улыбнулась Фэй. — Но если бы мы разрешили вам делать для нас все, что вы предлагали, то у вас наверняка не осталось бы времени даже для репетиций в оркестре.

— Ну, в моем возрасте тратить время уже особенно не на что, — важно объявил Сорренсон и сел рядом с Беном. Бен дружески похлопал его по руке.

— Я ни за что не проболтаюсь об этом остальным членам вашего квартета, — доверительно сказал он.

— Да говорите им все, что заблагорассудится, Бен. Я разрешаю.

Бен и Сорренсон закурили сигары, а Фэй в это время уложила ребенка, потом быстро приготовила кофе и вернулась в гостиную с подносом. Сорренсон тут же предупредил ее, что ровно в час он должен ехать на очередную репетицию.

— Ну, тогда у вас остается еще ровно полчаса на то, чтобы посмотреть наши фотографии, — сообщила Фэй.

— Как? Вы успели проявить пленки?

— Нет. У нас был с собой «поляроид».

Пока они рассматривали снимки и восхищались чудными видами южных стран, стрелка часов приблизилась к половине второго. Заметив это, Сорренсон как ошпаренный вскочил с дивана, но на прощание не забыл дать указания относительно предстоящего вечера:

— Не вздумайте надевать никаких вечерних нарядов. У нас все будет по-домашнему. Кое-какая закуска, выпивка и, разумеется, музыка. Ровно в девять часов. И попросу не опаздывать! А то получится очень неудобно, если почетные гости появятся как раз в тот момент, когда остальные уже все съедят.

Бен и Фэй проводили его до двери.

— Джон, неужели мы хоть раз к вам опаздывали? — укоризненно покачала головой Фэй.

— Нет... Но это с каждым может случиться в любой момент.

Фэй поцеловала Сорренсона в морщинистую щеку и поправила его свитер, чтобы он сидел на плечах поровнее.

— Как же я все-таки рад, что вы наконец вернулись,— признался старик.

— Возвращаться всегда приятно,— улыбнулся ему Бен.— Особенно, когда знаешь, что тебя ждут верные друзья.

Сорренсон залился краской и поспешил к лифту.

* * *

Вскоре после того, как ушел Сорренсон, Фэй выставила Бена за порог и разрешила ему делать «все что угодно вплоть до шести ноль-ноль». Она решила, что заниматься разборкой вещей и наведением порядка в квартире будет гораздо удобней одной. Бен же постоянно шатался бы из комнаты в комнату и только замедлял бы этот процесс.

Собрав целую кучу белья, которое срочно нужно было в стирке, она решила сегодня же вечером спуститься в прачечную в подвале и заложить его в машину, чтобы к утру все уже было готово. После того как квартира приняла божеский вид, Фэй одела малыша для прогулки и заодно решила пройтись по магазинам, чтобы купить на завтра свежих продуктов.

* * *

Когда на обратном пути Фэй с покупками поднялась в подъезд дома, из каморки вахтера навстречу ей вышел радостный Джо Бирок.

— Миссис Бэрдет! — воскликнул он со славянским акцентом, от которого ему так и не удалось отделаться, хотя он прожил в Нью-Йорке уже Бог знает сколько.

Фэй улыбнулась в ответ.

— Рада видеть вас, Джо.

Они дружески обнялись.

— Джои!.. Мой любимый маленький Джои! — Бирок выхватил ребенка из рук ошеломленной мамы и принялся тискать его и подбрасывать к потолку. Малышу, казалось, все это очень нравилось.

— Не хотите ли подняться со мной и выпить по чашечке кофе? — предложила Фэй.

Бирок посмотрел на часы.

— Знаете, в пять часов я заступаю на смену... Но если речь идет о растворимом кофе, то у меня, пожалуй, найдется еще несколько минут.

— Договорились.

Войдя в квартиру Бэрдетов, Бирок тут же уселся с мальшом в кресло и стал возиться с ним, ожидая, пока Фэй принесет кофе. Бирок был довольно крупным, широкоплечим мужчиной с огромными руками и крепкими мускулами. Джои рядом с ним выглядел совсем крошечным.

— Ну, Джо, что у нас нового? — спросила Фэй, вынося из кухни две дымящихся чашки.

— Да вроде ничего особенного, — начал Джо. — Кроме того... что моя дочь родила сына.

— То есть у вас теперь внук? Ну это же замечательно!

Джо виновато кивнул, словно уже сожалел о том, что начал говорить о своей личной жизни.

— Ох, Джо, вы даже не представляете, как я за вас рада! — не умолкала Фэй. — Ведь это ваш первый внук?

— Конечно. Неужели я выгляжу настолько старым, что может показаться, будто у меня целая куча внуков и внучек? — И они оба рассмеялись.

— Дочь назвала его Тоддом, — продолжал Бирок. — Тодд Мелинчек. Хорошее имя, правда?

— Просто чудесное! Когда у нас с Беном родился сын, мы тоже долго думали, как нам его назвать, и почти уже согласились, что назовем его Тоддом. Так что и наш Джон чуть не стал тезкой вашего внука.

— Неужели?

Фэй кивнула и улыбнулась.

— А где живет ваша дочь? — поинтересовалась она.

— На Лонг-Айленде.

— А муж у нее работает в городе?

— Нет... У него маленькая фабрика около дома. Он производит дамские свитера.

— Свитера? Это замечательное дело. Если бы у всех женщин в стране вкусы были похожи на мои, то ваш зять давно бы уже стал миллионером! Если, конечно, он им еще не стал, — поспешила добавить Фэй.

— Такая возможность не исключена, — согласился довольный Бирок. — Но дело ведь не в богатстве. Деньги, конечно, очень важная вещь, но не главное в жизни. Гораздо важнее, что он любит мою дочь и хорошо относится ко всей нашей семье. Вот это действительно многого стоит.

— Да. Я полностью с вами согласна, — кивнула Фэй.

Бирок не спеша отпил еще глоток кофе.

— Ах, да! Чуть не забыла,— вдруг спохватилась Фэй и вскочила с дивана, бросившись в спальню.— Мы ведь кое-что привезли вам из нашего путешествия.

Бирок открыл было рот, собираясь запротестовать или сослаться на то, что ему пора уже заступать на службу, но Фэй моментально вернулась назад.

— Мы с Беном просто не могли удержаться, увидев вот это... А вы ведь всегда были к нам так добры и внимательны!

С этими словами она протянула ему завернутую коробку. Джо аккуратно принял подарок и поднес сверток к уху.

— Не тикает,— заметил он.

— А вы откройте!

Джо развернул цветастую бумажную обертку. Под ней оказалась деревянная шкатулка длиной около десяти дюймов. Он приподнял крышку, и глаза его засияли от радости.

— Вам не надо было так тратить!..— укоризненно начал он и достал из шкатулки великолепную трубку ручной работы.

— Мы же хорошо помним, что вы просто сходите с ума по трубкам,— зашебетала Фэй.— А эта — самая красивая, какую мы только сумели отыскать.

Бирок положил мундштук в рот, покачал головой, а потом так же аккуратно убрал трубку назад в футляр и нежно обнял Фэй.

— Я буду держать ее на самом видном месте за моей конторкой, чтобы все проходящие завидовали, а сам я мог бы постоянно любоваться ею.

Вскоре после этого Бирок ушел. Все еще улыбаясь, Фэй заперла за ним дверь и вернулась на кухню разбирать продукты, довольная тем, что подарок пришелся Джо по душе.

* * *

Бен вернулся домой ровно в шесть. По пути он задержался немного внизу и поболтал с сияющим Бироком, а потом поднялся наверх и постучал в дверь квартиры Макса Вудбриджа. На стук вышла Грейс Вудбридж — маленькая седая женщина лет пятидесяти, одетая, как всегда, в одну из своих любимых шелковых блузок с вышивкой и длинную юбку.

— Бен, как я рада вас видеть! — закричала она на весь коридор, держа в руках сковородку с дымящимися куку-

рузными оладьями.— Макс, к нам Бен пожаловал! — сообщила она мужу, обернувшись в прихожую.

Из столовой показался Макс Вудбридж.

— Бен, мальчик мой! — обрадовался он, заспешив к двери.— Как хорошо, что вы уже вернулись!

Бен улыбнулся.

— Я зашел просто поздороваться и поблагодарить за то, что вы все это время так прилежно поливали наши цветы.

— Даже не напоминай об этом! — запротестовала Грейс.— Лично мне это просто доставляло удовольствие. А кроме того, Фэй уже опередила тебя и успела поблагодарить нас чуть раньше. Ну, проходи, садись. И отведай-ка моих кукурузных оладьев. Ты ведь, как я помню, их обожаешь?

— В самом деле, это мое любимое блюдо,— смущенно согласился Бен.— Но я тут заскочил в магазин деликатесов и там уже перехватил кое-чего.

— Ну хоть кусочек!

— А вы принесите их к Сорренсону, там все вместе и попробуем, идет? — предложил он.

— Так я и пеку их специально для этой вечеринки,— с негодованием фыркнула Грейс.

Макс Вудбридж улыбнулся, провел рукой по своим седеющим волосам и затянул потуже пояс на длинном банном халате.

— Бен, а вы точно уверены, что не хотели нас ни о чем попросить? — спросил Макс.

— Абсолютно. Я же объяснил, что забежал всего на секундочку, чтобы поздороваться.

— Хорошо. И все же: если вы вдруг вспомните, что забыли что-то сказать, обязательно возвращайтесь. Вы же знаете — мы всегда дома. А если что-то придет вам в голову уже вечером, тогда...

— Тогда в квартире Сорренсона. Ровно в девять часов. И никаких опозданий. Спасибо, это я тоже помню,— улыбнулся Бен.

— Добрый старина Сорренсон,— произнес Макс Вудбридж и дружелюбно рассмеялся.— Умеет делать людям приятное, верно ведь?

— Да, именно так,— подтвердил Бен.

Когда Бэрдет добрался наконец до своей квартиры, он застал Фэй спящей прямо на диване в гостиной. Рядом с ней на журнальном столике стоял полупустой стакан сухого вина.

Бен аккуратно поднял жену, перенес ее в спальню и уложил на кровать. Потом вернулся в гостиную, взял продурковатую сумку и вытащил оттуда распятие. Решив все же не выбрасывать его, он выдвинул ящик письменного стола и положил крест под стопку бумаг.

Вернувшись в спальню, он разделся, кинул одежду на туалетный столик, поцеловал сынишку, который мирно сопел в своей колыбельке, а потом лег рядом с женой и сразу же погрузился в сон.

Глава третья

Ральф Дженкинс рассказывал гостям о всяких забавных случаях из его недавней европейской поездки, когда Джон Сорренсон открыл дверь и сообщил, что наконец-то явились виновники торжества — Бен и Фэй.

— Вы опоздали на целых полчаса! — с упреком произнес он и осуждающе покачал головой.

— Простите нас, — виновато опустила глаза Фэй. — Но мы с Беном прилегли буквально на минутку, и тут же заснули... Да так, что не слышали даже будильника.

Сорренсон ничего не смог возразить против такого чистосердечного признания.

— Что же тут удивительного? — примирительно улыбнулся Дженкинс, поправляя очки с толстыми бифокальными стеклами. — Люди только что вернулись из утомительного двухнедельного путешествия, и вы хотите, чтобы они в первый же вечер, не отдохнувши как следует, резвились и прыгали, переполненные энергией?

— И правда, Джон, — заступился за Бэрдетов Макс Вудбридж. — А потом, если бы им и в самом деле захотелось опоздать немного, так ведь это же в конце концов их исковое право...

— Но вы ведь знаете... — начал Сорренсон.

— Ничего я не знаю и не желаю знать, — перебила старика Грей Вудбридж.

Сорренсон только покачал головой, поправил галстук и засмеялся, признавая свое полное поражение. Особенно за-

бавно это смотрелось из-за того, что на нем сейчас был невероятной расцветки костюм, а на ногах,— если только зрение не обманывало Бена,— один коричневый ботинок и один черный. Но ведь это же был Джон Сорренсон — музыкант, принципиально покупающий всю одежду только на распродажах случайных вещей. Но тем не менее его внешний вид не производил удручающего впечатления, хоть он и находился сейчас рядом с безупречно одетым Ральфом Дженкинсом.

— Не хотите ли вина? — предложил Бену и Фэй Дэниэл Батилль, высоко подняв вверх обе руки, в которых крепко держал по бутылке.

— Мне белого,— сказала Фэй.— А тебе тоже? — Бен согласно кивнул.— Тогда два бокала белого.

Батилль учился на юридическом факультете, а по вечерам подрабатывал барменом и сейчас с профессиональной ловкостью наполнил супругам бокалы.

— Вино и музыка! — объявил Сорренсон, направляясь к проигрывателю.

— Поставьте что-нибудь мелодичное,— попросила одна из соседок-секретарш.

— Есть как раз такая пластинка.— Сорренсон отыскал ее среди груды других на диване и поставил на диск проигрывателя, переключив скорость вращения на сорок пять оборотов в минуту.— Это ранний Синатра! — с гордостью сообщил он.

— А кто такой Синатра? — тут же спросила вторая секретарша с выражением искреннего недоумения на лице.

Все засмеялись и начали наперебой предлагать тосты, а потом разбрелись по гостиной, уставленной разномастной мебелью, множеством безделушек и разным старьем, купленным, разумеется, на распродажах. Смех постепенно становился все громче.

— Вы, кажется, недавно побывали в Европе? — обратился Бен к Ральфу Дженкинсу после того, как Батилль снова наполнил гостям бокалы, а на пластинке отзвучали последние аккорды.

— Да. Это была деловая поездка...— Дженкинсу стукнуло уже шестьдесят, но он до сих пор не смог отделаться ни от официальной манеры разговаривать, ни от легкого акцента, который, правда, Бен никак не мог определить. Сам Дженкинс утверждал, что он родом из Баварии, но его акцент почему-то не походил на немецкий.

— Мои коллеги и я,— продолжал Дженкинс,— начали работу в Англии, а заканчивать поиски пришлось в Стамбуле. Мы пытались обнаружить какие-либо предметы старины, относящиеся к периоду правления династии Бурбонов, но, увы, не нашли ничего интересного. Однако нам удалось собрать кое-какую информацию о том, в каком направлении следует продолжать наши поиски, и уж в следующем месяце, когда мне снова придется ехать в Европу, я уверен, что сразу выйду на нужный след. Нет сомнений.

— Выходит, эта поездка все-таки не принесла вам сто процентного разочарования?

— Что вы! Конечно, нет. К тому же я рад любому случаю побывать в Европе просто потому, что это чудесная возможность посмотреть мир, приобрести себе новых друзей...

Бен улыбнулся.

— Что ж. Ральф, такие путешествия, как я вижу, идут вам на пользу: вы прекрасно выглядите — отдохнувшим и полным жизни.

— И вы тоже,— не замедлил ответить Дженкинс.— Но знаете, дома все равно как-то лучше. А кроме того, сейчас мне предстоит здесь масса работы: надо написать статью для журнала «Лейдиз хоум джорнел» и начать, наконец, книгу об искусстве Золотого века.— Вдруг он улыбнулся, будто вспомнив о чем-то.— А как подвигается ваш собственный роман?

— Ужасно.

— Вот как?

— Да. Представляете, во время кризиса я не написал ни единой строчки!

Тут из кухни появился Сорренсон, неся в руках огромное блюдо со всевозможными бутербродами, которые тут же начал предлагать всем подряд, и гости охотно разобрали их за считанные секунды. Бен и Дженкинс подошли к незадернутому окну. Дженкинс задумчиво посмотрел на улицу и надолго замолчал.

— Ну и что вы думаете по поводу этой стройки? — наконец спросил он после затянувшейся паузы.

Бен тоже выглянул в окно. Прямо напротив их дома был вырыт глубокий прямоугольный котлован, обнесенный деревянным забором. Он видел его и раньше, но не интересовался стройкой, считая, что здесь скорее всего вырастет очередной многоэтажный жилой дом.

— А что здесь будет? — насторожился Бен.

— Как? Вы разве не знаете?

— Нет. Откуда мне об этом знать?

— А по-моему, я как раз перед вашим отъездом говорил об этом.

— Ни слова, смею вас уверить.

Дженкинс понимающе кивнул.

— Ну, тогда слушайте сейчас. Управление нью-йоркской епархии решило выстроить здесь новый кафедральный собор.

В эту минуту к ним присоединились Дэниэл Батилль и Джон Сорренсон.

— Мы как раз говорим о соборе святого Симона,— пояснил Дженкинс, чтобы все были в курсе дела.— Кстати, очень многие, живущие по соседству, не выражают радости по этому поводу.

— Да. И я — один из них,— со всей прямоотой заявил Сорренсон.— Я не желаю, чтобы шпиль этого собора загораживал вид из моего окна.

— А может быть, стоит что-нибудь предпринять, чтобы помешать этому строительству? — без особой уверенности предложил Бен.

Но Дженкинс только грустно покачал головой.

— Видите ли, незадолго до того, как отправиться по делам в Европу, я уже пытался кое-что выяснить. Для этого я связался с канцелярией архиепископа, но все оказалось пустой тратой времени. Потом я справился об этом строительстве у городских властей, и мне любезно ответили, что епархия действует в соответствии с существующим законодательством. Тогда я стал наводить всевозможные справки в Налоговом Управлении и только там сумел выяснить, что эта земля была передана Церкви еще пятьдесят лет назад. Причем не только тот участок, где возводится сейчас этот собор, но и весь прилегающий квартал, включая землю, на которой стоит наш с вами дом.— Он замолчал и оглядел окружающих, ожидая их реакции. Все молчали. Тогда Дженкинс продолжил: — Кроме всего прочего, я обнаружил также, что корпорация «Эквити», которой мы платим ренту, принадлежит... кому бы вы думали? Правильно. Католической церкви. Причем на все сто процентов.

— Как? Вот этот наш с вами дом принадлежит Церкви? — изумился Сорренсон.

— Да,— простодушно улыбнулся Дженкинс.

— Мне это совсем не по душе,— признался старик.

— Интересно, что же вы теперь собираетесь делать? — усмехнулся Бен. — Немедленно съезжать отсюда?

— Пока не знаю, — вздохнул Сорренсон. — Но только все это мне начинает уже серьезно не нравиться,

— Джон! — вступил в разговор Макс Вудбридж. — Вы не понимаете своего счастья. Ведь может статься, что это и есть единственный путь к спасению. Предположим, мы останемся здесь. А когда наступит наш черед покидать этот мир, мы просто войдем в лифт и отправимся на нем прямо в рай!

— Не вижу здесь ничего смешного! — вспыхнул Сорренсон.

И Бен, едва оглянувшись на него, понял, что вся обида и возмущение старика идут от чистого сердца. Нет, этот человек не умел притворяться. Но, с другой стороны, стоит ли так расстраиваться, что этим домом владеет Управление местной епархии. В конце концов какая разница?

— А может быть, этот факт и объясняет, почему на нашем этаже в квартире 10-С живет эта таинственная подруга? — усмехнулся Батилль.

— Не исключено, — кивнул Дженкинс, подхватывая тему. — Конечно, должна быть какая-то связь между Церковью и монахиней, которую Церковь содержит. Тут все вполне логично.

Грейс Вудбридж, которая все это время лишь молча прислушивалась к разговору, теперь решилась высказаться сама. И ее сообщение тут же привлекло всеобщее внимание.

— Мне рассказывали, — начала она, — что эта монахиня была схвачена коммунистами во время событий в Венгрии в 1956 году. Тогда она служила в Будапештской епархии, но большую часть своего времени посвящала организации антикоммунистических выступлений. И как только в Венгрию ввели советские войска, она была арестована КГБ и подвергнута жестоким пыткам. Ватикан начал переговоры об ее освобождении, вскоре монахиня оказалась здесь. На родине ее до сих пор помнят как мученицу. — Грейс выдержала паузу и покачала головой. — Но КГБ окончательно подорвал ее здоровье. И теперь она полностью парализована, ничего не слышит, не видит и не говорит. Она навечно прикована к своему стулу у окна комнаты.

— Неужели все это правда? — ужаснулся Бен.

Грейс неопределенно пожала плечами.

— Я не могу гарантировать это на сто процентов, но именно так мне рассказывали.

— Интересно, кто же? — осведомился Дженкинс.

— Иммигрант из Венгрии, Ян Надь. Он жил здесь на пятом этаже, помните? Так вот он сказал, что поддерживал связь с этой монахиней, когда пытался выехать в Америку.

— Занятная история, — подытожил Сорренсон. — Правда, я не стал бы особенно верить подобным рассказам.

— Отчего же? — удивился Ральф Дженкинс.

— Да оттого, что Ян Надь был душевнобольным. Или, попросту говоря, психом. Он страдал шизофренией и мог напелсти черт-те что.

Дженкинс загадочно улыбнулся.

— Старая монахиня. Парализованная, слепая, глухая, немая. Постоянно сидит у окна в своей комнате. Никогда не двигается, никогда не выходит за пределы квартиры. И никто ее не навещает. То есть никаких видимых признаков жизни. Я уверен, что и в менее просвещенном обществе, чем наше, такая личность породила бы самые невероятные слухи или даже легенды. — Он натянуто улыбнулся. — Еще один граф Дракула. Вернее, на этот раз уже графиня. Звучит вполне интригующе.

Фэй зябко обхватила плечи руками. Ее начала бить мелкая дрожь

— Ральф... От ваших слов у меня просто мурашки по всему телу.

— Да что вы, Фэй! Успокойтесь. Я ведь просто фантазирую. А на самом деле уверен, что она всего лишь симпатичная пожилая дама.

— Симпатичная дама? — Сорренсон скептически покачал головой. — Что-то я в этом сильно сомневаюсь... И еще мне почему-то кажется, что нам надо постараться выяснить поточнее, кто она такая и что из себя представляет.

Фэй бросила на него встревоженный взгляд.

— Джон, я думаю, всем будет только лучше, если мы как можно скорее забудем о ней и оставим ее в покое.

— А почему, собственно? — с вызовом хмыкнул Бен.

— Не знаю. Просто у меня такое предчувствие... С тех пор как мы сюда переехали, я изо всех сил стараюсь забыть, что по соседству с нами живет эта монахиня, и наша спальня находится как раз за стеной ее комнаты, где она постоянно сидит. Меня это всегда нервировало. И вот еще что, Бен: когда мы вернулись сегодня утром, я ощутила

на себе ее взгляд. Я никогда не чувствовала этого раньше и не знаю, что сегодня произошло, но я явно ощущала на себе ее взгляд!

Дженкинс включил в гостиной еще одну лампу, чтобы стало повеселее, и бодро произнес:

— Знаете что, друзья? Я думаю, нам давно пора сменить тему разговора.

— Неплохая мысль,— поддержал его Бен, надеясь, что присутствующих еще не успела до конца захватить идея начать охоту на ведьм. Но ведь эта старая монахиня жила в их доме уже очень долго, и за это время ничего плохого в здании не случилось. Поэтому никому и в голову не приходило, что с ней может быть связано что-то зловещее.

Сорренсон подошел к проигрывателю и поставил новый диск с записью его струнного квартета. И квартира, в которой воцарилась было напряженная тишина, вновь наполнилась звуками жизни.

Бен подошел к Дженкинсу, который по-прежнему с отрешенным видом стоял у окна.

— О чем замечались? — окликнул его Бен. И тут же заметил, что из другого конца комнаты за ними с любопытством наблюдает Фэй.

Дженкинс неожиданно чихнул, и, как бы возвращаясь в реальный мир, потер переносицу пальцем.

— Да так.. Я просто думал...— нехотя отозвался он.

— О чем же?

— Об этой монахине. И еще о словах вашей жены. Действительно, может быть, для всех будет лучше забыть о ней и оставить ее в покое.

— Фэй просто напугана этой старой бабой, как маленькая!

Дженкинс через силу улыбнулся.

— Да, я с вами согласен. Она напугана. И все же права.

Бен прижался лбом к холодному оконному стеклу. Фэй. Батилль. Сорренсон. Грейс Вудбридж. А теперь еще — Дженкинс... И все эти милые, образованные люди верят в какую-то чертовщину. Непостижимо!..

* * *

— Мне кажется, я начинаю сходить с ума,— неожиданно заявила Фэй, складывая приготовленное для стирки белье в проволочную тележку.

— Что-нибудь случилось? Ты нездорова? — заволновался Бен.

— Да нет. Может быть, я и не совсем еще спятила, — поспешила успокоить его жена. — Но тем не менее... Не кажется ли тебе, что все происходящее вокруг нас носит какой-то таинственный характер? — Фэй опустилась на диван рядом с мужем. — Неужели ты думаешь, что все это так — совпадение, простая случайность? Я имею в виду, что католическая церковь вдруг начала дышать нам прямо в затылок, а?

— Что-то я перестаю улавливать ход твоих мыслей, — нахмурился Бен.

— Ну, послушай. Сначала мы встречаемся на теплоходе с отцом Макгвайром. Далее. Среди ночи ты просыпаясь и находишь на двери нашей каюты оставленное кем-то распятие... Ладно, тут еще можно допустить, что все это случайность. Но вот мы возвращаемся домой и вдруг обнаруживаем, что именно католическая епархия не только владеет всей землей вокруг нашего дома, но ей принадлежит даже сам этот дом! И, разумеется, в нем живет таинственная монахиня... Послушай, Бен, уж не слишком ли много совпадений?.. Тебе это не приходило в голову?

Бен скривился, застонал и тяжело поднялся с дивана.

— Что ни говори, дорогая, а все это действительно совпадения. И ничего больше. Я, конечно, не прочь поболтать с соседями, пофантазировать, послушать о чудесах, творящихся прямо у тебя за окном... Но давай не будем связываться во всю эту чушь, договорились?

— Ну, Бен, пожалуйста!.. — взмолилась Фэй.

— Родная моя, мы только что вернулись домой после длительной поездки. И если честно, то сегодня нам вообще не надо было ходить ни на какие вечеринки. А сейчас я уже настолько вымотался, что мечтаю только о том, как бы побыстрее растянуться на кровати и «вырубиться» часов на десять.

Он пристально посмотрел на жену, и та обиженно прикусила губу. Бен же, взглянув на часы, вдруг забеспокоился.

— Эй, дорогая! Уже почти двенадцать. Если ты собираешься стирать сегодня, то я бы посоветовал тебе немного поторопиться.

— Хорошо-хорошо, я уже лечу, — кротко кивнула Фэй.

— Может, ты хочешь, чтобы я помог тебе? — спросил

Бен усталым голосом, и Фэй сразу же поняла, что ему ужасно не хочется куда-либо идти.

— Нет, не надо. Я сама управлюсь.— Фэй схватила тележку с бельем, выкатила ее в холл и, вызвав лифт, стала нетерпеливо поглядывать на световое табло над дверью. Ей казалось, что цифры на нем меняются слишком медленно.

«Черт бы побрал этого Бена! — с раздражением думала она.— Он стал просто невыносим в последнее время. Особенно, когда узнал обо всех этих совпадениях».

Наконец кабина поднялась на этаж, и створки дверей с мерзким гулом разъехались в стороны. Фэй вкатила тележку внутрь и нажала крайнюю кнопку. Лифт послушно двинулся вниз. Слышалось лишь унылое гудение мотора и шум воздуха в узкой бетонной шахте. Потом кабина замедлила движение и плавно остановилась. Дверцы открылись, и Фэй очутилась в коридоре подвального этажа здания, облицованного темными плитками из прессованного шлака.

Комната, где находилась прачечная-автомат как назло была в самом конце коридора, за темным поворотом возле лестницы в холл. Впереди Фэй отчетливо слышала рев большого газового котла, снабжающего дом горячей водой. Сзади захлопнулись створки лифта, и кабина начала подниматься — видно, кто-то уже успел вызвать лифт с верхнего этажа.

Фэй медленно двинулась по подвальному коридору к прачечной, всеми силами заставляя себя не волноваться. Это место она по-настоящему ненавидела. Но что поделать — стиркой надо было заняться немедленно. Если ждать до утра, то все стиральные машины будут заняты «ранними пташками», которых в доме было великое множество.

И тут до ушей женщины донесся какой-то новый, необычный звук. Словно кто-то двигался там, впереди. Или это ее воображение играет с ней злые шутки?.. Нет. Вот еще. Значит, еще одна домохозяйка, спешащая постирать на ночь глядя. Фэй остановилась, прислушалась и опасливо огляделась вокруг.

Никого.

— Эй, там! — громко сказала она, проходя мимо закрытой каморки дворника.

Но ей ответило лишь гулкое эхо. Других голосов не последовало.

— Есть тут кто-нибудь? — переспросила Фэй, стараясь, чтобы голос звучал твердо и смело. Но в ответ услышала лишь собственное тяжелое дыхание.

Вроде все тихо. Причин для волнения никаких. Она приблизилась к повороту. Теперь перед ней находилась комната с электрическим компактором для прессовки мусора, а дальше — прачечная, над дверью которой всегда горела красная лампочка.

Черт побери!.. Внезапно тележка с бельем показалась Фэй такой тяжелой, словно ее нагроулили кирпичами. Ноги стали ватными и потеряли всякую чувствительность, как при параличе. Она сделала еще несколько нетвердых шагов по коридору и в тревожном замешательстве остановилась. Перед самой комнаткой с прессом для мусора на полу коридора темнело какое-то странное пятно. От ужаса Фэй померещилось, что пятно это растет на глазах. Но все же женщина пересилила себя, подошла ближе и наклонилась над ним. Это была кровь, густая струйка которой вытекала из-под дверцы компактора.

Ей захотелось сию же секунду бросить все и сломя голову бежать к лифту. Но как она могла это сделать? Ведь там наверняка кто-то ранен. И скорее всего довольно серьезно. Возможно, он по нелепой случайности попал под пресс и теперь не может сам выбраться. Фэй потянула за ручку дверцы и открыла ее. Внутри было темно.

— Здесь есть кто-нибудь? — дрожащим голосом спросила она.

Ответа не последовало. Тогда Фэй нащупала на стене выключатель и повернула пластмассовую рукоятку. Над серым железным бункером зажглась лампочка, и Фэй, осторожно заглянув внутрь, издала пронзительный вопль. Но крик сразу же оборвался: горячий воздух обжег ей легкие, а кожа на теле начала морщиться и чернеть от нестерпимого жара.

* * *

— Какого черта? — недовольно пробурчал Бен, с трудом разлепив веки и окинув взглядом темную спальню.

Кто-то бешено колотил в дверь их квартиры и срывающимся криком звал его по имени.

— Иду. Уже иду, — вздохнул Бен. «Этот чертов идиот, кто бы он ни был, чего доброго еще разбудит ребенка и Фэй. Она ведь должна уже вернуться... А если нет?...» — Эй там, полегче! Погодите немного.

Он наспех накинул рубашку и вышел в прихожую.

— Ну, что там еще стряслось? — недовольно спросил он, отодвигая щеколду, чтобы впустить странного ночного посетителя. И тут же вытаращил глаза от испуга. — Джо! Что случилось?! Да не молчите же вы!

В квартиру нетвердой походкой вошел Бирок, держа на руках обмякшее тело Фэй. Она была без сознания. В лице — ни кровинки, губы синие.

— Мистер Бэрдет! Боже мой!..

Бен тут же перехватил у него жену и уложил ее на диван.

— Фэй... — Он похлопал ее по щекам. — Фэй, милая!

Но в ответ женщина пробормотала лишь что-то невнятное. Бирок открыл в гостиной оба окна, чтобы дать приток свежего ночного воздуха.

— Так что там произошло? — выкрикнул Бен, а сам уже рванул в кухню, схватил полотенце, намочил его холодной водой и, прибежав назад, тут же положил его на лоб жене.

— Ох, мистер Бэрдет... — дрожащим голосом еле слышно выговорил Джо. — Я и сам еще точно не знаю, но только там, в подвале, случилось что-то ужасное... — Он замолчал, а потом неожиданно разрыдался.

Бен грубо схватил его за воротник и хорошенько потряс, желая быстрее закончить эту истерику.

— Да возьмите же себя в руки, черт побери! — Все это уже начинало надоедать Бену, и, тряхнув старика для профилактики еще раз, он толкнул его на диван.

— Сейчас же выкладывайте все, что вам известно! Что там, в подвале?

Бирок схватился обеими руками за голову, пытаясь побыстрее успокоиться и сосредоточиться, и несколько раз глубоко вздохнул.

— Понимаете, я дежурил у входной двери... И вдруг открывается лифт, а оттуда буквально вылетает миссис Бэрдет и пронзительно кричит. Потом она еще что-то бормотала, но довольно бессвязно. Я так ничего и не смог разобрать... Но по обрывкам фраз понял, что в подвале дома находится труп. Тогда я оставил ее на первом этаже, с мистером Специо — он из квартиры 3-Н, — а сам взял фонарь, прихватил из шкафа дубинку и отправился вниз.

— Ну и что же там оказалось? — Бен и сам уже начал терять хладнокровие.

— Тело, мистер Бэрдет. И кровь. Много крови!.. В ко-мпакторе. О Боже мой! Боже мой...

— Вы уже звонили в полицию?

— Нет.

Бен взял ладонь Фэй в свою, продолжая другой рукой аккуратно прижимать полотенце к ее лбу.

— А скорую помощь вызвали?

Старик лишь отрицательно и беспомощно замотал головой.

Руки у Бена сильно тряслись, и телефонный диск несколько раз срывался, так что приходилось набирать заново. Наконец он услышал голос оператора на том конце провода и попросил связать его с полицией. Едва соединение установилось, он повторил в трубку все, что минуту назад услышал от Бирока, и тут же вернулся назад к Фэй.

Она лежала на диване, раскинув руки, и сильно дрожала. Во рту виднелась густая липкая пена. Бен всем телом прижался к ней и сильно стиснул жену в объятиях. То, что Бирок видел в подвале, и в самом деле должно было быть чем-то невысказанно жутким, раз потрясло не только эту слабую женщину, но и такого мужественного и уравновешенного человека, как старина Джо. Бену хотелось еще расспросить Бирока, но он не мог заставить себя. Вместо этого он просто сидел рядом с Фэй, тихонько поглаживая ее, и ждал.

* * *

В квартире 10-С почти не было мебели. Лишь у окна в гостиной стоял один стул. Дверь квартиры была заперта на три замка. Свет не горел. На стуле сидела монахиня, сестра Тереза. В руках она сжимала золотое распятие. В обычное время старуха была совершенно неподвижна, но сейчас ее корчило, и все тело сводили судороги. Черты лица были искажены до неузнаваемости, а волнение все росло и росло с каждой минутой.

Потому что в этот момент уже совсем рядом был Чарльз Чейзен.

Глава четвертая

Старший инспектор Джейк Бурштейн из манхэттенского отдела по расследованию убийств чувствовал, что его желудок стягивается в тугую комок. По роду службы на своем веку он повидал немало трупов, но то, что сейчас

предстало его взору, было поистине отвратительным. Все тело сожжено, а затем спрессовано в компакторе, как мешок с мусором. Каким-то чудом осталась нетронутой только правая рука. Она нелепо торчала из-под пресса и была обуглена до костей. Череп оказался сильно помят, хотя и не раздроблен полностью. Торс трупа представлял собой чудовищный обрубок горелого мяса. Ноги были обожжены до черноты, кости раздроблены.

Бурштейн, только что прибывший на место происшествия, расстегнул мокрый от дождя плащ и внимательно осмотрел тесную каморку. Она была совсем крошечной — не больше десяти футов на семь, стены покрывала облицовка из шлакоцементной плитки. На полу он сразу же заметил свежую кровь. Струйка липкой багровой жидкости все еще вытекала из-под дверцы стального бункера.

— Кто обнаружил тело? — без предисловий спросил он у своего помощника, прибывшего на десять минут раньше с бригадой экспертов.

— Женщина с десятого этажа, — ответил сержант Уосо, стоявший с правой стороны от инспектора.

— Кто такая?

— Некая Фэй Бэрдет. — Уосо на всякий случай заглянул в блокнот, с которым никогда не расставался, и сейчас тоже держал в руке. — Нам позвонил ее муж. А еще тело видел привратник по фамилии Бирок.

Бурштейн аккуратно обошел криминалиста из Полицейского Управления Нью-Йорка, который тщательно осматривал пол в поисках каких-либо следов, а потом подошел к группе людей, изучающих бункер компактора при свете единственной лампочки, подвешенной к потолку.

— Кто здесь старший? — первым делом осведомился он.

Мужчина, стоявший ближе всех к агрегату, кивнул и представился.

— Есть какие-нибудь следы, отпечатки пальцев? — поинтересовался инспектор.

— Пока никаких.

Бурштейн достал из кармана зубочистку и принялся задумчиво ковырять ею в зубах.

— Когда произошло убийство? — процедил он через пару минут.

— Точно мы еще не можем сказать, но, разумеется, не очень давно. Мы не обнаружили здесь признаков разложения. Думаю, он встретил свою смерть этим вечером.

— Он? — удивился Уосо.

— Да. Судебно-медицинский эксперт категорически нам заявил, что, судя по останкам половых органов, в этом можно не сомневаться.

Бурштейн кивнул и тяжело вздохнул. Приторный запах горелой плоти чувствовался везде и усугублялся почти полным отсутствием вентиляции в комнате. Инспектор вытер рукавом лоб и устало прислонился к стене. Он был высок, строен и лыс, отчего его гладко выбритое лицо казалось каким-то слишком уж мягким.

— Так сколько же времени понадобится, чтобы опознать тело? — поинтересовался он.

— Трудно сказать. Но скорее всего мы вообще никогда не сможем его опознать, — ответил хмурый криминалист.

— Как прикажете вас понимать? — изумился Бурштейн. — Снимите отпечатки пальцев, проверьте по зубам, наконец!

В комнату вошел следивший за разговором из коридора судмедэксперт с сигаретой в зубах и, как бы нехотя, поднял руку трупа, показывая ее инспектору. Кончики пальцев на обгорелой руке были срезаны.

— Тут не с чего снимать отпечатки пальцев, понимаете? И все зубы тоже предусмотрительно удалены.

Бурштейн некоторое время смотрел на эту страшную скрюченную руку, а потом отвел эксперта в сторону.

— Мы сейчас прочедем весь подвал в поисках недостающих частей трупа. Я имею в виду кончики пальцев и зубы. Но, может быть, вам удастся еще как-нибудь опознать тело? Вдруг имеются какие-то шрамы, татуировки, ну, и так далее... Поработайте над этим, я вас очень прошу.

— Послушайте, инспектор, не обманывайте себя. Если на теле этого бедолаги и были при жизни какие-то шрамы, родинки или другие особые приметы, то теперь уж ничего не осталось, можете не сомневаться.

Расстроенный, Бурштейн повернулся к Уосо.

— Где сейчас привратник и женщина?

— Наверху, в ее квартире, — ответил помощник.

В сопровождении Уосо Бурштейн вышел в мрачный коридор подвала. Сейчас тут сновало множество полицейских и сотрудников экспертных бюро.

Управляющий домом, пуэрториканец по фамилии Васкес, сидел на табуретке возле закрытой дворничкой. Бурштейн

представился и тут же осыпал его градом вопросов. Васкес четко перечислил ему всех служащих дома, подробно объяснил обязанности каждого, а потом рассказал, как собирается и прессуется мусор. Большая часть работы выполняется утром. В это время мусор, который за ночь накапливается в шахте мусоропровода, прессуется в компакторе дворником, упаковывается в полиэтиленовую пленку и добавляется к тем мешкам, что были собраны за предыдущий день, а потом выносятся наружу, чтобы его забрали мусоросборщики. В течение дня дворник еще несколько раз бывает в этой комнатке, однако после шести вечера сюда никто не заходит.

— Ну, и какие у тебя имеются соображения? — спросил Бурштейн Уосо, направляясь с ним к лифту после беседы с управляющим.

Сержант уныло покачал головой.

— Ума не приложу, с чего тут можно начать.

— Да уж, действительно. Утешительная новость, — усмехнулся инспектор.

* * *

— Меня зовут Джейк Бурштейн. Я старший инспектор манхэттенского отдела по расследованию убийств, — официально представился он, оглядев мрачные лица собравшихся в комнате.

— Бен Бэрдет, — назвал себя Бен, а потом представил Джо Бирока, Ральфа Дженкинса и Джона Сорренсона.

— Это вы сообщили об убийстве? — спросил инспектор.

— Да.

Бурштейн прошелся по комнате, с видимым равнодушием оглядывая обстановку. Уосо остался возле двери. Сорренсон присел на диван и расстегнул воротничок рубашки. Дженкинс последовал его примеру.

— Где ваша жена? — наконец обратился инспектор к Бену.

— Сейчас она в спальне. Мне пришлось дать ей три таблетки валиума — это сильное успокоительное, его прописал ей наш врач. Понимаете, она была в шоковом состоянии... Я позвонил доктору, и он предупредил, что ее пока нельзя ни будить, ни тем более о чем-либо расспрашивать.

Бурштейн понимающе кивнул и заговорил уже более весело:

— А доктор не сказал вам, когда она сможет со мной побеседовать?

— Нет, — коротко ответил Бен.

— Понятно. — Инспектор подошел к дивану, на котором расположились Дженкинс и Сорренсон.

— Скажите, был ли кто-нибудь из вас здесь в тот момент, когда мистер Бирок принес в квартиру миссис Бэрдет?

Оба отрицательно покачали головами.

— Мы пришли сюда потом, чтобы оказать какую-нибудь помощь, если понадобится, — пояснил Сорренсон.

Бурштейн сел рядом с Бироком.

— Как вы себя чувствуете? — спросил он.

— Хорошо, сэр. То есть довольно сносно, — тут же поправился Джо без особой уверенности в голосе.

— Послушайте, а нельзя ли отложить все это до утра? — начиная раздражаться, спросил Бен, подойдя ближе к сидящим.

— Прошу прощения, — усмехнулся инспектор. — Но если бы этот убийца имел хоть каплю уважения к нашему с вами спокойному сну, то он, несомненно, подождал бы до утра со своей расправой. Однако он, как видите, ждать не стал. Поэтому, к моему глубочайшему сожалению, я тоже не могу ждать. Итак, мистер Бирок, я хочу, чтобы вы рассказали мне все, что здесь произошло. И, по возможности, поподробнее.

Бирок кивнул и описал по порядку все события этой страшной ночи. Бурштейн внимательно слушал, а Уосо делал заметки в своем блокноте. Когда Бирок умолк, Бурштейн поправил носовой платок, аккуратно вложенный в нагрудный карман его спортивного пиджака, и начал бесцельно прохаживаться перед диваном, бросая взгляды то на Бена, то на Бирока, то на Дженкинса с Сорренсоном и вызывая у них тем самым вполне естественное раздражение.

Однако, подумав о чем-то пару минут, инспектор снова заговорил:

— Итак, мистер Бирок, вы сообщили мне, что компактор выключается ровно в шесть часов вечера. Это верно?

— Да, сэр.

— И кто же его выключает?

— Я, сэр. Вчера вечером я тоже выключил его в шесть. Вернее, в четверть седьмого.

Бурштейн сел на ручку дивана.

— А в это время в подвале был еще кто-нибудь, вы не заметили?

— Нет, сэр.

— А не могли бы вы сказать, после вас кто-нибудь еще заходил в подвал?

— Я не знаю. Но в прачечной, конечно, было несколько женщин. А потом, там ведь есть еще черный ход — через него обычно выносят велосипеды. Так что днем внизу всегда находятся люди, господин инспектор.

Бурштейн повернулся к Бену, который все это время не сводил с него глаз, наблюдая за полицейским, как ястреб за своей жертвой.

— Так почему же ваша жена так поздно оказалась в коридоре подвала?

— Она хотела заложить белье в стиральную машину, чтобы вернуться за ним уже утром. Впрочем, она часто так поступает. Как и многие другие жильцы нашего дома. В этом нет ничего странного, уверяю вас.

Бурштейн недоуменно вскинул брови.

— А разве я сказал, что это странно? Мистер Бэрдет, я не считаю, что ваша жена имеет непосредственное отношение к убийству. Мне бы такое даже в голову не пришло.

Бен понимающе кивнул.

Бурштейн улыбнулся и снова обратил свое внимание на привратника.

— Мистер Бирок, а скажите, имеются ли в этом доме жильцы, которые вызывают у вас подозрение? Ну, может быть, некоторые иногда совершают нечто такое, что выходит за рамки нормального поведения...

Бирок глубоко задумался и вздохнул.

— Нет. Я не могу назвать никого, кто вызывал бы желание сразу показать на него пальцем. Хотя, знаете, в любом большом здании, вроде нашего, всегда есть сумасшедшие... Например, мистер Крэм с четвертого этажа имеет привычку часами разговаривать со своим английским бульдогом. А у миссис Шварц с седьмого просто отвратительный характер...

Но его тут же прервал Сорренсон:

— Я живу в этом доме с тех пор, как его выстроили, и знаю все обо всех, кто здесь жил и живет сейчас. И я могу с уверенностью сказать, что искать тут убийцу не имеет смысла. Бен, вы со мной согласны?

Тот утвердительно кивнул головой.

— Так что, кто бы это ни сделал, он непременно человек со стороны,— добавил Бен.

— Позвольте мне самому делать выводы, мистер Бэрдет,— довольно резко заметил Бурштейн,— чтобы никто из вас не оказался вдруг в неприятном положении.

— Послушайте, инспектор, мне не нравится тон вашего разговора,— внезапно заявил Дженкинс.— Уже вполне очевидно, что никто из нас не имеет отношения к этому делу. А вы ведете себя так, будто мы и есть ваши главные подозреваемые...

— Прошу прощения, но я с вами не согласен,— учтиво улыбнулся ему Бурштейн.— Видите ли, в силу специфики моей работы с этого момента каждый из вас, к сожалению, находится под подозрением. Это, я надеюсь, понятно?

Ему никто не ответил.

— Есть тут одна вещь...— вдруг неуверенно произнес Бен.

— Какая же? — мгновенно отреагировал полицейский.

— Ну... Я, правда, не знаю, как это может вам помочь... И все же...

— Ну, говорите же! — не отставал от него инспектор.

И тогда Бен шагнул вперед.

— Дело вот в чем... В нашем доме живет одна монахиня — здесь, в соседней квартире. Правда, ничего особенного в ней, наверное, нет, как, впрочем, и во всех остальных жильцах дома. Но есть одно странное обстоятельство. Вчера вечером мы с друзьями собирались в квартире мистера Сорренсона, и внезапно эта старуха стала главной темой нашего разговора. Хотя лично с ней никто из нас не знаком, а просто каждый слышал какие-то сплетни, слухи, и все... Но я еще раз хочу повторить, что не знаю, каким образом она может быть замешана в этом деле... Мне говорили, что она полностью парализована, глуха, нема и слепа.

Лицо Бурштейна по-прежнему оставалось непроницаемым, но Бен сразу почувствовал, что его монолог задел полицейского, и теперь тот о чем-то напряженно раздумывает. Словно он уже знал об этой монахине или тоже кое-что слышал. А может быть, он заметил ее еще с другой стороны улицы, когда приехал сюда. Она ведь всегда сидит у окна своей комнаты на десятом этаже... Но, так или иначе, слова Бена тронули его, а может, и подсказали что-то ценное или навели на важную мысль.

— А как зовут монахиню? — как бы между прочим осведомился инспектор.

— Не знаю,— пожал плечами Бен.— Хотя этого, наверное, и никто не знает...

Бурштейн медленно зашагал по комнате, потом снова подошел к окну и выглянул в ночь. На город опускался туман. «Неужели это простое совпадение?» — в который раз спрашивал он себя. А потом изо всех сил напряг память, пытаясь восстановить в ней события, со времени которых прошло уже столько лет, что отчеты о них в полицейских архивах покрылись дюймовым слоем пыли. Там еще вроде была замешана какая-то девушка. И старый слепой священник. Вспомнилась запутанная цепь убийств. Но тогда осталось множество вопросов, на которые так и не удалось найти ответа. И все это чуть не привело его предшественника и тогдашнего начальника Томаса Гатца в психиатрическую больницу. Постепенно он начал припоминать все более подробно. Теперь следовало выяснить адрес того дома, где все случилось. Где-то в районе 80-х улиц в Западной части города. Значит, это совсем недалеко от того места, где он находится сейчас... Инспектора все сильнее разбирало любопытство. Решено: утром он первым делом затребует все архивные материалы о том следствии и проверит адрес. И тогда все встанет на свои места. Может быть.

Бурштейн отвернулся от окна и заметил, что все присутствующие пристально смотрят на него.

— Вы не знаете, кто владелец этого дома? — поинтересовался он.

— Управление нью-йоркской епархии римско-католической церкви, — отчеканил Дженкинс.

Инспектор обратился к Бену:

— Скажите, а сейчас монахиня тоже там? — Он указал пальцем на стену, за которой находилась квартира 10-С.

— Да, — кивнул Бен. — Впрочем, она всегда там. Когда вы выйдете на улицу, не забудьте посмотреть на ее окно. Правда, сейчас ночь, и вы мало что разглядите, но очертания ее фигуры легко различимы даже в темноте. Если нет, попробуйте зайти завтра.

— Утром мне хотелось бы переговорить с доктором вашей жены, — после долгой паузы сообщил инспектор. — Надо выяснить, когда я смогу допросить ее. И еще одно: никто из вас, господа, впредь не должен покидать города, не уведомив предварительно меня или сержанта Уосо. Это понятно?

Все согласно кивнули.

— Тогда у меня все, — с мрачным видом произнес Бурштейн.

Вместе с Уосо они вышли в коридор и остановились перед соседней дверью с латунной табличкой «10-С». Инспек-

тор прислушался. Тишина Он легонько постучал в дверь. Ответа не последовало.

— Я думаю, вы не отнеслись слишком серьезно ко всей этой белиберде? — устало усмехнулся сержант.

Бурштейн подошел к лифту и нажал кнопку вызова.

— Вот что, Уосо. Я хочу, чтобы завтра ты нашел для меня в архиве одно дело примерно пятнадцатилетней давности. Речь идет о серии убийств. Дело расследовал инспектор Гатц. Поищи его в алфавитном каталоге по именам: Элисон Паркер, Майкл Фармер, Джозеф Бреннер. Скорее всего материал зарегистрирован на одну из этих фамилий. Когда найдешь — ознакомься с ним сам. А потом уже скажешь мне, что ты думаешь о старой парализованной монахине. Договорились?

Подъехал лифт.

— Хорошо, — коротко кивнул Уосо, заходя в кабину.

— А еще постарайся придумать какой-нибудь веский предлог для ордера.

— Для какого ордера? — не понял Уосо.

Все еще стоя в коридоре, Бурштейн оглянулся и обвел взглядом холл десятого этажа.

— Мне необходимо побывать в квартире монахини.

Он зашел в лифт, двери закрылись, и начался плавный спуск.

* * *

Дыхание Фэй было медленным и тяжелым. Пожалуй, даже чересчур медленным. Но, значит, она спит спокойно, и никакие кошмары ее не мучают. Наконец-то на щекахжены обозначился легкий румянец.

Бен склонился над ней и нежно поцеловал ее в щеку. Лекарство действовало, как и обещал доктор. Теперь Бену лишь оставалось надеяться, что и он сможет так же безмятежно заснуть.

Маленький Джои спал спокойно, проснувшись за все это время лишь однажды, когда в комнате поднялся шум, да и то ненадолго: похлопав глазенками, он тут же заснул опять.

Бен снял брюки, подержал их в руках с сильным желанием зашвырнуть куда подальше, но потом передумал и аккуратно повесил на спинку стула. Надо, чтобы Фэй утром проснулась в хорошем настроении, и ее ничего не расстраивало. В том числе вид его одежды, разбросанной по всей квартире где ни попадя. Теперь ее нельзя беспокоить даже

по мелочам, а, наоборот, надо удвоить свое внимание и работу и быть предупредительным как никогда.

Бен шагнул в ванную, наскоро почистил зубы, посмотрелся в зеркало и покачал головой, оставшись крайне недовольным своим измученным, разбитым видом. А потом погасил свет и отправился спать.

Постель была мягкая, одеяло теплым. Рядом слышалось тихое и ровное дыхание Фэй. И еще убаюкивающее тиканье часов.

На несколько секунд Бен даже задержал дыхание, боясь нарушить эту гармонию темноты и тишины.

И тут ему страшно захотелось спать, и он без колебаний закрыл глаза.

«Так что там говорила Фэй? — думал он, погружаясь в сон. — Лучше всего забыть об этой монахине и оставить ее в покое... Пожалуй, она была абсолютно права».

Он повернулся на левый бок и, глубоко зевнув, сладко заснул.

Глава пятая

Инспектор Бурштейн появился у себя в отделе в одиннадцать утра.

— Вам удалось хоть немного вздремнуть? — завидев своего шефа, первым делом спросил осунувшийся детектив Уосо.

Бурштейн отрицательно покачал головой и подавил зевок, стараясь не обращать внимания на головную боль, которая мучила его с половины пятого, когда он решил все же лечь и заснуть.

Они вошли в кабинет инспектора. Бурштейн повесил шляпу и плащ на вешалку и сел за письменный стол, заваленный всевозможными бумагами. Налив себе чашку кофе из термоса, который он предусмотрительно захватил из дома, Бурштейн мельком взглянул на рабочее расписание сотрудников отдела, потом посмотрел в потолок и снова зевнул.

— Ну, как у нас обстоят дела на 89-й улице? — спросил он, расстегивая ворот рубашки и ослабляя галстук.

Уосо откашлялся и поправил на переносице очки в оправе из черепахового панциря.

— Я тут побеседовал с криминалистами, — доложил он. — Они обшарили весь подвал в поисках недостающих частей трупа, но, как я и предполагал, ничего не нашли.

Так что нет никаких отпечатков. Их отчет будет у нас к полудню.

Бурштейн медленно кивнул, одновременно кое-как приводя в порядок разбросанные по столу бумаги.

— Жильцов в доме проверили?

— Да, осталось разыскать лишь троих. Но двое из них — женщины.

— А кто мужчина?

Уосо раскрыл блокнот.

— Его зовут Луис Петросевич. Он тоже, кстати, живет на десятом этаже. Как раз напротив Бэрдетов, через холл.

Бурштейн потянулся, потом схватил карандаш и начал что-то быстро писать в своем рабочем журнале.

— Когда его видели последний раз?

Уосо перелистал несколько страничек и только потом ответил:

— Вчера на работе. Он занимается продажей копировальной техники. Мы позвонили к нему в контору и поговорили с секретаршей. Она сообщила, что вчера в пять вечера Петросевич ушел на встречу с клиентом. А после этого собирался ехать прямо домой. Но, насколько нам известно, в квартире он с тех пор так и не появлялся.

Карандаш сломался. Бурштейн отбросил его в сторону и потер лоб руками.

— Так, хорошо... — задумчиво произнес он и отпил большой глоток кофе. — Вполне возможно, что как раз он и есть жертва.

— На всякий случай я собрал о нем кое-какие сведения...

— Правильно, Уосо.

В этот момент зазвонил телефон. Бурштейн поднял трубку, некоторое время слушал, а потом посоветовал говорившему обратиться к одному из дежурных детективов.

— Ну, а как насчет дела, о котором я говорил тебе вчера?

— Его нет, — смущенно пробормотал помощник.

— Что?!

— Я проверил везде, где только возможно, — пытался оправдаться сержант. — Под каждым именем, которые вы мне дали. Но такого дела нигде нет.

— И что, о нем нет даже упоминаний в каталоге?

— Как раз в каталоге оно есть. Название занесено в компьютер. Но самого дела нет. Или его по ошибке переложили куда-то, или оно просто украдено. Я на всякий слу-

чай проверил, не осталось ли копий каких-нибудь материалов... Но здесь тоже тупик.

— Черт побери! — Бурштейн с досадой стукнул кулаком по столу. — Только этого еще не хватало! Проверь еще раз все, что можно. — Он нервно зашагал по кабинету. — А что слышно с ордером на обыск?

Уосо торопливо положил в рот пластинку жевательной резинки.

— Я говорил с прокурором округа. Но для того, чтобы получить такой ордер, надо представить что-то более убедительное, чем догадки...

— Ясное дело!.. — Бурштейн тоскливо посмотрел на улицу через зарешеченное окно. Вид из окна был на редкость унылый. Край замусоренного двора и стена соседнего дома мышиного цвета. Он снова повернулся к сержанту.

— Мне надо еще раз тщательно все обдумать.

— Хорошо, я буду рядом, — ответил Уосо и вышел из кабинета.

Бурштейн достал новый карандаш, сделал какие-то записи, потом резко схватил телефонную трубку и стал медленно набирать номер. Сперва слышались громкие помехи на линии, а потом раздались длинные гудки.

* * *

— Для меня, конечно, твой звонок был приятной неожиданностью, — врасяжку говорил бывший старший инспектор Томас Гатц знакомым низким гнусавым голосом, который слегка раздражал Бурштейна. — Так сколько же мы с тобой не виделись? — Внимание Гатца было целиком сосредоточено на бесстрастном лице его собеседника.

— Год, — тут же ответил Бурштейн, не обращая внимания на шум в переполненной закуской, куда они зашли побеседовать. — А может, и больше.

Гатц посмотрел в тарелку куриного бульона, которую ему только что принесли, и шумно вздохнул. Он был крепким коренастым мужчиной невысокого роста с резкими чертами лица. Отличали бывшего сыщика чуть припухшие внимательные карие глаза, длинный нос с шишкой на переносице и неестественно тонкие, почти бесцветные губы. А еще он постоянно носил старый фетровый котелок, который удивительно шел к его плотной, слегка сутулой фигуре. На рубашке Томаса Бурштейн сразу же заметил многочисленные сальные и кофейные пятна. К тому же Гатц умудрялся про-

сыпать на нее пепел с сигары, которую беспрерывно держал во рту.

— Год — это слишком много для таких старых друзей, как мы, — саркастически хмыкнул и покачал головой Гатц. — Значит, у тебя, сукин сын, опять возникла проблема, которая тебе не по зубам, раз ты удосужился вспомнить обо мне. Я угадал?

— Можно сказать и так, — обезоруживающе улыбнулся Бурштейн.

— Как? После всего, чему я тебя научил, у тебя еще бывают проблемы? — удивленно поднял брови отставной детектив.

В ответ Бурштейн лишь двусмысленно усмехнулся. А действительно, научился ли он чему-нибудь у этого придирчивого старого дурака? Бурштейн улыбнулся, а потом откусил кусочек бутерброда с грудинкой.

— Конечно, вы научили меня многому, и я вам за это весьма признателен... Но в нашей практике бывали случаи, которые даже вас ставили в тупик, помните?

— Ну, таких было совсем немного! — хвастливо отмахнулся Гатц.

Бурштейн с сомнением хмыкнул.

— Ну, а как у вас вообще дела? — поинтересовался он. — Чего вы достигли с тех пор, как перестали ловить убийц?

— Очень немногого, — вздохнул Гатц. — Но я ведь, по совести, никогда и не был готов к отставке... Конечно, в мире много интересных занятий и хороших профессий, но мне всегда хотелось работать только в полиции. Ты знаешь, временами мне даже снится, что я опять работаю в нашем отделе...

— А почему бы вам, в самом деле, не устроиться снова в полицию? Хотя бы на неполный день...

— Ну уж нет! Я уже нашел свое место. Теперь я работаю ночным сторожем. Всего три смены в неделю, в фирме «Кон-Эдисон». Работа, конечно, не пыльная, но, честно говоря, скучноватая. Но ты же знаешь, что для человека, которому стукнуло шестьдесят пять, большого выбора уже нет, так что приходится довольствоваться этим.

Бурштейн хотел как-то приободрить старика и начал бормотать всякие сочувственные слова, но тот сразу же остановил его:

— Закрой клапан! Больно нужно мне твое сострадание!.. Неужели ты думаешь, что я нуждаюсь в соболезнаваниях

лысого легавого еврея, у которого сварливая жена и хронический геморрой?

— А у вас и его нет, старый пердун! — прыснул инспектор

Гатц показал своему воспитаннику язык, и они оба добродушно рассмеялись.

— Нет, серьезно, как ваше здоровье? — спросил Бурштейн. — По-моему, неплохо...

Гатц кивнул.

— У меня только артрит, который донимает иногда в плохую погоду. А кроме этого, все вроде бы в полном порядке. К тому же я ведь занимаюсь каким-никаким делом, и это помогает мне держать себя в форме. Но вообще-то теперь у меня много свободного времени... По вечерам, когда нет дежурства, я частенько хожу в кино на старые фильмы. Кстати, недалеко отсюда есть кинотеатр, где крутят допотопные ленты. За один вечер показывают сразу три картины. Сеанс начинается в восемь, а заканчивается иногда уже за полночь. Вчера, например, показывали «Крылья», «Горбун собора Парижской Богоматери» и «Детство Цезаря».

— По-моему, я эти фильмы даже не видел. И названия какие-то незнакомые...

— Ну ты же всегда был бескультурный, ограниченный остолоп, Бурштейн. Хотя это ты признаешь? — Гатц не стал дожидаться ответа. — И почему я тебя так любил? . Никогда не пойму. Это останется для меня загадкой на всю жизнь.

Бурштейн засмеялся. Подошла официантка и поставила перед ними две чашки кофе. Инспектор придвинулся к своему бывшему начальнику и сказал:

— А где же я, черт возьми, найду время, чтобы смотреть все эти старые фильмы? У меня ведь двое сыновей, которым еще надо дать образование. И жена, сосущая деньги на хозяйство, как пылесос.

Гатц заулыбался, вспомнив о мальчиках Бурштейна.

— Семья в порядке?

— Конечно! — просиял Джейк. Потом достал бумажник и вынул из него три фотографии.

— Вот они все здесь. Это Майкл, старший, — показал он пальцем. — Вы его помните?

Гатц утвердительно кивнул.

— Он сейчас на третьем курсе в Бостонском колледже. А когда закончит его, будет поступать на юридический фа-

культет. Он не хочет начинать работу на вторых ролях, как это пришлось делать нам с вами.

— Да уж... Но если бы не твоя собачья работа, у него была бы сейчас менее приятная юность,— заметил Гатц и улыбнулся.— Ну, а теперь, раз уж он станет адвокатом, то непременно разбогатеет.

Бурштейн указал на вторую карточку.

— А это Рикки. Он уже поступил в Сиракузский университет. Сейчас на первом курсе. Хороший парень. Учится на фармацевта.

Гатц взял фотографию младшего сына Бурштейна

— Симпатичный парнишка, Джейк. Удивительно, как быстро растут дети!.. А ведь я помню еще то время, когда ты только пришел в наш отдел. Рикки тогда было два или три года, не больше.

— Верно.

— Когда я смотрю на эти карточки, мне кажется, что я тоже должен срочно жениться и занять своих собственных детей.— Гатц засмеялся.— Но, впрочем, как ни крути, а два сына у меня все-таки было... в каком-то смысле. Ты и Риццо. И я искренне любил вас обоих. Когда Риццо погиб в этой чертовой катастрофе, он словно унес с собой часть меня самого...

— Я знаю,— тихо сказал Бурштейн.

Этот пожилой человек обнажал душу в поисках доброго собеседника. И упоминание о Риццо, должно быть, сильно растрогало старика, потому что он вдруг ни с того ни с сего изменил тему разговора и начал взахлеб пересказывать содержание старых фильмов.

— Давай лучше я расскажу тебе об этих картинах,— предложил он, вынимая изо рта сигару и принимаясь за бульон.

— Вот, например, в фильме «Горбун собора Парижской Богоматери» Чарльз Лотон играет роль звонаря. Квазимодо. Кстати, ты помнишь сержанта из полиции нравов со 188-й улицы? Кажется, его звали Мелвани.

— Да.

— Так вот он был малость похож на этого Квазимодо. Боже мой!.. Мелвани, наверное, считался самым уродливым мерзавцем во всей полиции. Страшнее его мне в жизни видеть не приходилось.

Бурштейн внимательно изучал лицо Гатца. Казалось, оно не выражало сейчас никаких чувств.

— Я бы хотел поговорить с вами кое о чем,— наконец начал инспектор.— Как вы выразились, «о проблеме»,

ради которой я, собственно, и попросил вас прийти сюда...

— Квазимодо еще ребенком нашел верховный судья, и мальчик стал жить в соборе Парижской Богоматери. А епископом в том соборе был брат судьи. Так вот...

— Послушайте же меня! — перебил его Бурштейн.

— И еще там была девушка — цыганка по имени Эсмеральда, которую любил судья...

— Том!

— И судья убил возлюбленного этой девушки...

— Том! — в отчаянии закричал Бурштейн. — Я хочу поговорить с вами об Элисон Паркер!

— А что с ней? — тут же холодно спросил Гатц. Теперь в его голосе слышалась глубоко запрятанная горечь.

— Произошло убийство.

— Ну и что?

И тогда Бурштейн подробно рассказал ему все, что случилось в доме номер 69 по 89-й улице. Он еще никогда не видел, чтобы Гатц проявлял такое внимание к его рассказу. А заканчивая повествование, инспектор многозначительно добавил:

— Дело из полицейского архива каким-то таинственным образом исчезло.

Гатц молча уставился на него.

— Ну? И что вы об этом думаете? — наконец спросил его Бурштейн.

— А что я, по-твоему, должен думать?

— Мне кажется, я уже кое о чем начинаю догадываться...

— Ну, не знаю... Сперва мне надо увидеть эту монахиню, поговорить с людьми... И, конечно, получить твое разрешение на все эти действия, — с долей горькой иронии усмехнулся отставной детектив.

— Пожалуйста! Но только при условии, что вы не станете вмешиваться в расследование, которое веду я.

— Нет-нет, Боже упаси! Но я очень благодарен тебе за то, что ты обратился именно ко мне. Ты даже не представляешь, как это для меня важно... Ну, ладно, как только что-нибудь прояснится, я тут же дам тебе знать.

— Да уж, пожалуйста.

Разговор закончился, и так же внезапно прервался и их обед. Гатц встал и полез в карман за мелочью, чтобы оплатить свой бульон. Но Бурштейн успел перехватить его руку и укоризненно покачал головой.

Гатц понимающе кивнул.

— Ты хороший парень, Джейк,— сказал он.

А потом повернулся и молча вышел из кафе на улицу.

Бурштейн потер гладко выбритый подбородок и, рассеянно глядя в сторону длинного ряда столиков, еще раз пришел к выводу, что поступил сейчас правильно. Ведь он не мог допустить, чтобы в его работу вмешивались посторонние. Пусть даже Гатц. Но, с другой стороны, если бы он не ввел в курс дела своего бывшего шефа, он не простил бы себе этого до конца дней. Ведь Гатц ждал этого момента целую вечность. И теперь он просто не мог отказать ему. Он лишь надеялся, что тот не пойдет слишком далеко и не попадет в беду, увлекшись своим расследованием.

* * *

Через несколько часов после разговора с Бурштейном Гатц уже сидел с банкой пива за письменным столом в своей крошечной квартире на окраине Бронкса.

Два тома следственного дела, которые он тайно изъят из полицейского архива несколько лет назад, лежали сейчас перед ним. До этого они долго пылились на нижней полке его книжного шкафа. Так что не было ничего удивительного в том, что он успел уже подзабыть некоторые подробности того крайне необычного дела. Правда, это стало ясно только к двум часам дня, когда он прочел все документы по первому разу. К своему удивлению, Гатц весьма болезненно отреагировал на этот факт и поспешил пересмотреть все материалы еще два раза подряд. Однако не удовлетворенный и этим, он твердо вознамерился читать некоторые бумаги снова и снова, чтобы к полуночи уже наизубок помнить все факты и обстоятельства давно минувших событий, столь круто изменивших всю его жизнь. Он прекрасно понимал, что, если ему предстоит появиться в доме номер 69 по 89-й улице, он должен быть соответственно подготовлен, а значит, придется, не мешкая, тренировать память.

Гатцу давно уже не верилось, что когда-нибудь ему выпадет шанс восстановить свою профессиональную репутацию. Но если Бурштейн прав, то именно сейчас у него в руках оказались все козыри. И теперь все зависит только от него самого. А упускать такой шанс Гатц вовсе не собирался. Поэтому он поправил настольную лампу, надел очки, отпил глоток пива прямо из банки и начал заново перечитывать материал.

Джо Бирок прикусил мундштук своей любимой трубки и глубоко затанулся, наслаждаясь нежным ароматом голландского табака. Ночь выдалась холодной, и он порядком продрог. Пришлось даже поднять воротник пальто и все время переминаться с ноги на ногу, чтобы хоть как-то сохранить остаток тепла. Бирок нервно посмотрел на часы. Десять вечера. Он стоял здесь уже целых четыре часа, укрывшись в глубине темной аллеи за сетью спутанных веревок для сушки белья. Присев за термосом с кофе, Джо зевнул и прислонился к стене гаража, рядом с которым так «удобно» устроился. Потом посмотрел вверх на окно третьего этажа. Бывший детектив Томас Гатц все еще сидел у себя в гостиной за письменным столом. Снизу его было хорошо видно. Гатц сидел совершенно неподвижно вот уже второй час.

Бирок налил в колпачок термоса кофе и поднес его к губам. Кофе еще не успел остыть и был по-прежнему ароматным и приятным на вкус. Бирок улыбнулся и поставил термос на землю.

Глава шестая

Высокий, пронзительный рев реактивных двигателей разрывал холодный ночной воздух над международным аэропортом Кеннеди. Самолет компании «Алиталия», прибывший рейсом номер 7 из Рима, совершил посадку и теперь подруливал к месту высадки пассажиров.

Наверху, на обзорной площадке, неподвижно стоял отец Макгвайр, крепко вцепившись в поручни ограждения. Он ждал прибытия этого самолета уже более часа. Пронизывающий ледяной ветер с бухты Джамейка бил ему прямо в лицо, но Макгвайр ощущал в крови мощный приток адреналина. Так с ним случалось всегда в минуты тревожного ожидания важных событий. А прибытие Франкино в Нью-Йорк как раз и означало наступление последней фазы этих событий, в чем бы они ни заключались. Со времени их первой встречи в июле священник полностью следовал всем инструкциям монсеньора и не задавал никаких лишних вопросов. Он понимал, что, если ему уготована какая-то неведомая роль в этом секретном процессе, разработанном в Ватикане, у него все равно нет другого выхода, кроме как безропотно подчиниться. Но теперь эта напряженная неоп-

ределенность должна, наконец, закончиться. В телеграмме от Франкино на то был явный намек...

Внизу один за другим пассажиры начали выходить на трап. Франкино оказался четвертым. Отец Макгвайр не видел его целых шесть месяцев.

Макгвайр вернулся в здание аэропорта и на эскалаторе спустился в зал ожидания прибывающих пассажиров, чтобы там в тепле подождать, пока Франкино получит свой багаж и пройдет паспортный и таможенный контроль.

Франкино появился в зале уже через пятнадцать минут.

— Монсеньор! — громко позвал его Макгвайр, когда тот вышел из дверей зоны досмотра.

Они сердечно обнялись, искренне радуясь долгожданной встрече.

— Ваш самолет прибыл точно по расписанию, — с улыбкой заметил отец Макгвайр.

— И мы должны быть благодарны за это Господу, — смиренно отвечал монсеньор Франкино. — Ведь в Италии теперь мало что делается, как надо. — И они оба сдержанно улыбнулись.

Макгвайр указал рукой на стеклянные двери выхода в город.

— Пойдемте, машина уже ждет вас.

Франкино кивнул, и они направились к выходу.

— Давайте, я помогу вам, — предложил Макгвайр и взял из рук прелата тяжелый кожаный чемодан.

— Очень любезно с вашей стороны, брат. Знаете, полет был довольно длительный, и я, признаться, порядком устал. Возможно, начинаю стареть, как любит говорить кардинал Реджани. — В глазах Франкино блеснул огонек: сам-то он в это не верил. — Ведь когда человеку переваливает за пятьдесят, с ним может случиться всякое... Причем не всегда это зависит от желаний самого человека. Как бы он ни заботился о себе, возраст — дело серьезное... — Франкино умолк и с лукавой ухмылкой посмотрел на священника. — А вы, наверное, как всякий истинный американец, не забываете заботиться о своем здоровье?

— Боюсь, ваше преосвященство, я уделяю ему даже слишком много внимания, — скромно потупился отец Макгвайр. — Как только у меня появляется возможность, я совершаю по утрам пробежки, а вечером, перед сном, регулярно занимаюсь гимнастикой.

На протяжении всего разговора, пока они выходили из здания аэропорта и усаживались на заднее сиденье роскошного черного лимузина, с лица Франкино не сходила при-

ятная мягкая улыбка. Наконец Макгвайр постучал пальцами по стеклянной перегородке за спиной водителя и дал тому знак трогаться. И только тогда Франкино положил на сиденье между собой и священником черный атташе-кейс, с которым до этого ни на секунду не расставался.

— Надеюсь, монсеньор, ваш полет был спокойным и обошелся без всяких неожиданностей? — вежливо поинтересовался Макгвайр.

— Да. И слава Богу, он уже кончился. Честно говоря, мне больше нравятся обратные перелеты — из Нью-Йорка в Рим. Потому что я обычно сажусь на ночной рейс и сплю всю дорогу до самой посадки. Но лететь из Рима сюда — всегда для меня большая проблема. А вы ведь еще не бывали в Европе, если не ошибаюсь?

— Нет, не приходилось, — ответил Макгвайр с ноткой сожаления в голосе.

— Ну, ничего; мы исправим эту оплошность, как только закончим наши дела в Нью-Йорке. Я могу взять вас с собой в Ватикан. Будете работать со мной. А возможно, мне удастся устроить вас и в аппарат кардинала Реджани.

— Монсеньор! Вы, должно быть, переоцениваете мои возможности. Я не уверен, смогу ли оправдать ваше доверие и достоин ли вообще столь высокой чести...

Франкино внимательно посмотрел Макгвайру в глаза.

— Я ценю вашу скромность, святой отец. Но уверен, что за ней кроются не менее замечательные достоинства... Ведь вас выбрали, чтобы оказать мне помощь в одном очень специфическом деле, именно благодаря вашим способностям и таланту. Вы — один из самых образованных и опытных священников во всей здешней епархии. И вас ждет блестящее будущее.

Лицо Макгвайра залилось краской. Мысль о такой головокружительной карьере ему даже не снилась.

Они ехали молча до тех пор, пока машина не оказалась на Лонг-Айлендском скоростном шоссе.

Макгвайр повернулся к Франкино.

— Монсеньор, у нас возникла одна проблема... — осторожно начал он.

— Проблема? — встрепнулся Франкино.

— Ну, в общем, произошло нечто незапланированное... Совершенно неожиданное.

Франкино совсем не нравились всякие неожиданности. И он ясно дал это понять еще в самый первый день их знакомства.

— Так что случилось? — взволнованно спросил он.

— Вчера ночью в этом доме произошло убийство.

Франкино чуть не застонал от досады и неподвижно уставился перед собой, с горечью осознавая услышанное.

— Да-а...— только и смог выговорить он.

Макгвайр сообщил ему все подробности происшедшего, а потом откинулся на сиденье, ожидая, как Франкино отреагирует на эту новость. Сам он не был уверен, что убийство имеет какое-то отношение к их сугубо церковному делу.

— Конечно,— начал Франкино ровным, лишенным всяких эмоций голосом,— это не кто иной, как заклятый хитрец Чарльз Чейзен. Таков его способ заявлять о своем появлении.

— А кто такой Чарльз Чейзен, монсеньор? — осторожно поинтересовался Макгвайр. Ему вдруг показалось, что Франкино начал молиться про себя.

Но тот как-то странно улыбнулся и тут же ответил:

— Чарльз Чейзен — это Сатана!

Макгвайр почувствовал, как по спине его пробежал холодок.

— Сатана? — переспросил он.

— Да. Это пугает вас?

— Конечно... Но я не уверен, что вы имели в виду...

— Я имел в виду именно то, что сказал,— перебил Франкино.— Человек по имени Чарльз Чейзен и есть Сатана в своем земном воплощении.

Макгвайра сковало оцепенение.

— Но в этом доме нет жильца с таким именем...

— Боюсь, что теперь уже есть,— горько усмехнулся Франкино.— Я бы очень удивился, если б это убийство оказалось случайным.

— Я не понимаю... Ничего не понимаю,— сокрушенно вздохнул Макгвайр, устремив взор вперед, на небоскребы Манхэттена, до которых было уже рукой подать.

— А вам и не следует понимать все! Пока от вас требуется лишь внимательно слушать и выполнять все, что вам говорят. Но самое главное — вы должны хранить тайну и ни в коем случае никому не рассказывать о том, что узнаете, увидите или сделаете.

— Монсеньор, вам не стоило напоминать об этом!.. Ведь именно так мы и договорились с самого начала. И я дал вам клятву... Но, может быть, у вас возникли сомнения по поводу моей преданности или вы не уверены в силе моего характера?

— Нет, друг мой. Я не сомневаюсь ни в том, ни в другом. Но хочу предупредить вас, что на самом деле и пре-

данность, и сила воли — все равно что пыль на ветру перед могуществом Сатаны. И вы должны всегда помнить об этом. До сих пор вы не знали, с чем вам предстоит иметь дело. И даже сейчас я, к сожалению, не могу рассказать вам многого. Но теперь вы по крайней мере знаете самое главное. Мы столкнулись с Сатаной во всем его зверином неистовстве!

Отца Макгвайра буквально передернуло от этих слов. Он почувствовал озноб и какую-то внутреннюю пустоту, словно его заперли одного в огромном темном холодильнике. Неужели все это правда?.. Ну, разумеется... Ведь Франкино не большой любитель шутить, особенно таким образом. И все же... Человеческий разум просто отказывался воспринимать это. Даже имея такое духовное образование, которое получил Макгвайр, он очень медленно, с большим трудом осознавал только что услышанное.

— Монсеньор, а я когда-нибудь узнаю об этом больше? — наконец спросил он.

— Да, со временем. Но не теперь.

— И я смогу все это понять?

— У нас нет никаких сомнений относительно ваших способностей адаптироваться и быстро реагировать на обстановку. Однако лишь время покажет, сумеете ли вы понять все до конца, сын мой. Но вы должны верить в Иисуса Христа, и он укажет вам истинный путь.

Макгвайр достал из кармана носовой платок и вытер вспотевший лоб.

— Пока что вы вернетесь к своим обязанностям в семинарии, — ровным голосом продолжал Франкино. — А я буду держать с вами постоянную связь. Но имейте в виду, что вам придется проявить терпение, достойное святого...

— Я буду молить об этом Господа Бога, — смиренно отвечал Макгвайр.

Пока лимузин ехал по тоннелю в Манхэттен, Франкино сидел молча и неподвижно. Но когда впереди замаячил свет уличных фонарей, он озабоченно покачал головой и сказал:

— Если Чейзен убил этого человека, значит, у него были на то причины. И я склонен думать, что он успел уже занять место жертвы. Вот почему он так тщательно уничтожил все признаки, по которым можно было опознать труп. — Франкино замолчал, погрузившись в раздумье. — В этом доме очень много людей. Но мы должны найти его!

— Я сделаю это, — твердо заверил его Макгвайр.

— Кстати, как чувствует себя Фэй Бэрдет?

— Пока не очень хорошо,— вздохнул священник.

Лимузин сделал поворот и направился к жилым кварталам.

— Вот что, Макгвайр,— как бы между прочим заметил Франкино.— Моя работа опасна... И со мной в любой момент может случиться непоправимое... Так знайте: если я погибну, вы должны будете стать моим преемником!

От неожиданности Макгвайр рывком развернулся на своем кресле.

— Но я ведь даже не знаю...— начал он, но Франкино тут же прервал его:

— Если меня не станет, то выполнять мои обязанности будете именно вы. На этот счет вас проинструктируют. И тогда вам станет известно все, что знаю сейчас я. И вы сможете делать то же, что делаю сейчас я. Единственная разница между нами заключается в том, что мне уже приходилось сталкиваться с Чейзенем, и я примерно представляю себе его возможности. Но все это не столь важно. У вас тоже будет немалая сила...

— И все-таки мне хочется верить, что с вами, монсеньор, ничего такого не произойдет,— ответил Макгвайр.

— Если будет угодно Господу Богу...

Лимузин миновал центр города и выехал на Бродвей. Франкино ловко сменил тему разговора, хотя и чувствовал, что Макгвайр порядком озадачен его предложением и, конечно, хочет расспросить обо всем поподробнее. И тогда он вспомнил свою собственную реакцию, свое смятение и испуг, когда он впервые узнал о существовании Стража. Но это было уже так много лет назад!.. И не стоит теперь ворошить старое и вспоминать о собственных слабостях. Ни к чему хорошему это не может привести.

Автомобиль свернул на 89-ую улицу и остановился перед старым особняком, расположенным в пятидесяти футах от строительной площадки собора святого Симона. Когда Франкино выходил из машины, он почувствовал легкое головокружение. Это случалось с ним всякий раз, когда он возвращался сюда. Каждый раз, когда он находился в поле зрения сестры Терезы.

Макгвайр вышел из лимузина вслед за ним. Франкино поднял голову и посмотрел на окна десятого этажа дома номер 69 по 89-й улице. Но место для наблюдения было неподходящим, и он так ничего и не увидел. Однако сестра Тереза была там. И хотя за ней никто не следил, она бдительно выполняла свой долг. Франкино чувствовал ее присутствие. И связь между ними была вполне очевидной, ведь

силы и способности сестры Терезы были несопоставимы с возможностями обычного человека. Она могла незримо проникнуть в любое место и понять мысли и состояние кого угодно.

Он взглянул на Макгвайра. Тот тоже внимательно смотрел на дом.

— Вы заметили ее?

— Да. Но... Кто она?

— Ее зовут сестра Тереза.

— И она тоже будет участвовать в нашем деле?

— Возможно.— В голосе Франкино зазвучали нотки отчаяния, и это не ускользнуло от отца Макгвайра.

Они спустились в полуподвальный этаж особняка, который тускло освещался единственной лампочкой. В коридоре был свален всевозможный хлам, в затхлом воздухе пахло плесенью и мышами.

Дверь в конце коридора оказалась закрытой. Макгвайр тихо постучал. С другой стороны двери тут же послышались быстрые шаги. Дверь открылась. Стоящий в почти полной темноте мужчина наконец включил верхний свет. Макгвайр и Франкино вошли в комнату и сели на старый, продавленный велюровый диван. Они молчали. Молчал и открывший им дверь. Потом он медленно опустился на колени и поцеловал правую руку Франкино.

— Монсеньор...— произнес Бирок дрожащим от волнения голосом.— Я ваш верный слуга.

Глава седьмая

— Меня зовут Гатц. Детектив Гатц. Гэ-А-Тэ-Це.— И он улыбнулся, обнажив полный рот зубов, отчего сразу стал похож на крокодила. Могло даже показаться, что вся нижняя часть его головы состоит сейчас из одних лишь зубов.

— Входите, пожалуйста,— сказал Бен, обезоруженный такой улыбкой.

Гатц решительной и твердой походкой вошел в квартиру. На лице его было написано, что он по роду своей профессии подозревает всю жизнь всех и каждого.

— Я все-таки не понимаю причин вашего визита,— недовольно пробормотал Бен.

Гатц расстегнул пальто и поискал глазами место, куда можно присесть. Бен молча указал ему на диван. Гатц нерв-

но пожевал кончик сигары, которую уже полчаса держал во рту, и грузно опустился на подушки дивана.

— Видите ли, мистер Бэрдет, я не имею привычки обсуждать подробности по телефону,— как бы в продолжение разговора пояснил бывший инспектор.— Вы знаете, телефоны ведь частенько прослушиваются...

— А по-моему, мистер Гатц, все это вздор и откровенная чушь! — не выдержал Бен.

Гатц окинул квартиру внимательным взглядом.

— Поверьте, мне самому не раз приходилось устанавливать подобные устройства. Так что это, увы, совсем не плод моего воображения.

Бен молча кивнул. Вероятно, детектив Гатц в свое время действительно был «крутым» полицейским и хорошо знал свое дело.

— Позвольте, я еще раз повторю вам то, что уже сообщал по телефону,— продолжал он.— Итак, я был начальником крупного полицейского подразделения. А именно — манхэттенского отдела по расследованию убийств. Инспектор Бурштейн тогда работал у меня. В связи с убийством в вашем подвале он попросил меня посмотреть, что тут у вас делается. Вот я и смотрю.

— И что же вы ищите?

— Пока я и сам точно не знаю,— признался Гатц, откусил край сигары, скатал его в шарик и бросил в пепельницу.

— Но я уже, кажется, сообщил полиции все, что мне было известно,— недоуменно пожал плечами Бен.

— В этом я несколько не сомневаюсь,— устало ответил Гатц, закидывая ногу за ногу. На подметках обоих его ботинок обнаружились приличные дыры. Бен тут же подметил, что и воротник пальто детектива немного оторван.

— Здание, в котором вы живете,— продолжал тем временем Гатц,— существует уже около четырнадцати лет. А раньше на этом месте стояло несколько старых особняков. И в частности, был тут один особнячок... В общем, с виду он ничем не выделялся среди соседних. Обычный домишко... Но незадолго до того, как его снесли, там произошло несколько убийств. И я был как раз тем следователем, который вел это дело. Официально эти убийства так и остались нераскрытыми. Расследование зашло в тупик.

— Это, конечно, очень интересная история, мистер Гатц, но с тех пор прошло, как вы говорите, целых четырнадцать, вернее, даже пятнадцать лет!.. Не можете же вы

серьезно предполагать, что убийство в подвале нашего дома имеет какое-то отношение к тем давним событиям...

— Я пока еще ничего не предполагаю.

— А тогда почему, черт возьми, именно мы с Фэй стали центром вашего внимания? — Бен начинал всерьез раздражаться. — Только потому, что именно она обнаружила труп?

— Отчасти, мистер Бэрдет. Только отчасти!

— Хорошо, тогда сообщите мне остальные причины.

Гатц встал, подошел к стене и прислушался.

— Остальные?.. Мои причины — монахиня! — неожиданно выпалил он.

— А теперь послушайте меня! — взорвался Бен. Он подбежал к детективу вплотную и уставился на него горящими от гнева глазами. — С меня хватит! Я уже сыт этой чушью по горло! Старая монахиня живет здесь дольше всех, и за все это время она никого ни разу не беспокоила. Если же она не нравится полиции или хозяевам дома, они могут спокойно выселить ее. Лично мне на это глубоко наплевать. Вам понятно? Она нас не трогает, и мы ее не трогаем. И нам нет до нее никакого дела, а ей соответственно до нас.

— Думаю, как раз в этом вы ошибаетесь, мистер Бэрдет, — скептически заметил Гатц.

— Нет, не ошибаюсь! — закричал Бен.

— Мистер Бэрдет, — уже несколько тише произнес детектив, стараясь не волновать собеседника и смягчая выражение лица. — Я ведь пришел сюда вовсе не для того, чтобы спорить с вами. Я хочу вам помочь... Кое-кто в этом доме находится сейчас в серьезной опасности. Но пока я не могу сказать точно, кто именно. Хотя не исключено, что это может быть даже ваша собственная жена. Понимаете?

Бен весь напрягся и подался вперед.

— Послушайте же меня... — продолжал Гатц. — Тот особняк, о котором я говорил, только внешне был обычным старым домом. Только внешне... Но там было нечто такое, что отличало его от всех других домов по соседству.

— И что же именно? — с надменной холодностью спросил Бен.

— В одном из окон пятого этажа, в самом центре здания, всегда можно было увидеть силуэт человека. Священника. Это был старый, слепой и парализованный священник, который неподвижно сидел там на стуле и никогда не покидал своего места. Это вам о чем-нибудь говорит?

— Простое совпадение! — отрезал Бен.

— Да? Вы действительно так считаете, мистер Бэрдет? Бен внимательно смотрел на сыщика.

— А кстати, где сейчас ваш сын? — поинтересовался Гатц.

— Внизу. С ним гуляет в парке сосед.

— А ваша жена?

— Она в спальне.

— Я хотел бы с ней побеседовать.

Бен отрицательно покачал головой.

— Она еще не совсем здорова, и врач запретил ей любые нервные перегрузки.

— Но ведь прошло уже целых два дня, мистер Бэрдет! Все-таки не она же подвергалась этому нападению. Она лишь обнаружила тело несчастного... Я, конечно, понимаю, что для нее это было большим потрясением, но все же...

Бен нахмурился. Ему и самому казалось несколько странным, что Фэй так долго остается в шоковом состоянии.

— Если она спит, — добавил Гатц, — я только одним глазком взгляну на нее и не стану тревожить. Но мне сейчас очень важно хотя бы просто увидеть ее.

Они вошли в спальню. Жалюзи на окнах были опущены, и только слабый луч света пробивался из-под них в помещение.

Фэй дышала спокойно, и мужчины подошли ближе. Бен осторожно взял ее за руку. Она открыла глаза — красные и воспаленные, с полопавшимися сосудами.

— Ну, как ты себя чувствуешь? — Бен попытался улыбнуться.

Фэй облизала пересохшие губы и слегка пошевелила пальцами.

— Устала. Очень устала. И сильно кружится голова.

Бен присел на краешек кровати и погладил ее спутанные волосы. Фэй еще что-то пробормотала, и Бен пододвинулся к ней ближе, пытаясь разобрать слабый шепот.

— Мистер Гатц — наш друг, — успокоил он жену, так и не поняв ее слов.

Гатц внимательно смотрел на ее руки и лицо.

— Это мой друг, — поправил Бен. — Он просто зашел навестить меня, узнать, как ты, и пожелать тебе скорого выздоровления...

Гатц одобрительно кивнул.

— Бен рассказал мне, что с вами случилось, миссис Бэрдет... Я выражаю вам свое глубочайшее сочувствие.

Фэй лежала почти неподвижно. Глаза ее устало закры-

лись. Она приняла слишком много снотворного, и потому ей тяжело было как-то реагировать на обращенные к ней слова.

После долгой паузы Бен, наконец, поднялся.

— Ну, мистер Гатц, вы видели ее. Этого достаточно?

— Вполне.

Они вернулись в гостиную.

— Вы думаете, она все еще в шоке? — неожиданно спросил Гатц и, бесцеремонно положив ногу на кофейный столик, раскурил потухшую сигару.

— Разумеется.

— Знаете, Бэрдет, мне хотелось бы серьезно побеседовать с вами... Но только не здесь, а в каком-нибудь другом месте, чтобы не беспокоить вашу жену.

Бен посмотрел на дверь спальни.

— Ну, хорошо. Только не долго. Я же не могу оставлять ее здесь одну...

— Нет, мистер Бэрдет. К сожалению, это будет длинный разговор.

Они вышли из квартиры и спустились на лифте в просторный холл. Потом, перейдя на другую сторону улицы, остановились, и Гатц указал рукой на окно монахини. За стеклом застыл четкий силуэт старухи в черной сутане.

Бен заметил, как напряглись, перекатываясь, мышцы на лице бывшего инспектора. Казалось, Гатц до предела сосредоточил свое внимание на этом окне.

— Она сидит там все время. Я вижу ее с того самого дня, как мы только переехали в этот дом, — заметил Бен.

Он ждал, что Гатц как-нибудьотреагирует на его слова. Но тот ничего не ответил. Он сосредоточенно всматривался в окно на десятом этаже.

* * *

Пивной бар О'Рейли на углу авеню Колумба был идеальным местом для приватной беседы.

Они сразу же заняли столик в углу бара, заказали по кружке пива и стали ждать, когда его подадут.

Наконец официант принес пиво, Гатц откашлялся и наклонился через столик к Бену.

— Я знаю, что вы относитесь ко мне с предубеждением, — начал он. — И после всего, что я вас сейчас расскажу, вы можете послать меня куда подальше и заявить, что вам на это наплевать. Но я не уверен, что вы поступите именно так, потому что человек вы неглупый, и мне кажется, что

я смогу вас кое в чем убедить. Причем сделать это мне будет гораздо легче, чем вы думаете.

Бен скрестил руки на груди и откинулся на спинку стула.

— Я пока еще ничего не думаю, мистер Гатц. Ровным счетом ничего. И готов выслушать вас. Начинайте.

Гатц отхлебнул большой глоток пива и отогнал муху, усевшуюся ему прямо на кончик носа.

— Итак, все это началось лет пятнадцать тому назад,— заговорил он после короткой паузы.— Помощником окружного прокурора тогда был здесь некий Майкл Фармер. И вдруг он начал стремительно богатеть. Он брал взятки при всяких судебных разбирательствах, и многие в полиции знали об этом, но к нему никак нельзя было подступить, потому что не было прямых доказательств. Очень скоро Фармер и я стали заклятыми врагами. Впрочем, мне он и раньше не нравился. Уже с первой нашей встречи я понял, что он — первостатейный сукин сын с непомерно большими амбициями.— Гатц замолчал, а потом улыбнулся и продолжил: — Так вот, он был женат на особе с девичьей фамилией Бирмингем. Карен Бирмингем. Она не слыха красавицей и не могла даже похвастаться большим состоянием. И Фармер женился на ней исключительно для того, чтобы добиться положения в обществе, поскольку ее отец, партнер в одной из юридических фирм на Уолл-стрит, был важной шишкой в Республиканской партии. Но, к сожалению, Фармер не умел держать свой хрен в штанах и очень скоро воспылал страстью к молодой манекенщице Элисон Паркер, которая тоже по уши влюбилась в него, еще не зная, что он женат. Когда же мисс Паркер выяснила это, она устроила грандиозный скандал и поставила Фармера перед выбором: либо он разводится с женой, либо Элисон сама бросает его. Фармер попросил у жены развод. Но Карен закапризничала и ответила отказом. А через неделю ее нашли мертвой у подъезда дома, где супруги снимали квартиру. Мне поручили вести это дело. С виду все выглядело как самоубийство, но я-то знал, что это Фармер убил свою жену. Вероятно, она пригрозила мужу, что сообщит его шефу, окружному прокурору, о взятках, и он решил попросту избавиться от нее. Но, к сожалению, я и этого не смог доказать. Медицинский эксперт дал заключение, что смерть явилась результатом самоубийства. И никаких обвинений против Фармера выдвинуто не было. А меня тут же сняли с этого дела, хотя я мог бы уже распутать его и доказать, что это самое настоящее убийство. Впрочем, вам надо знать только, что жена Фармера умерла, и я был уверен, что ее

убили. А два месяца спустя подруга Фармера, замученная угрызениями совести из-за смерти его жены, попыталась покончить с собой, перерезав вены. Мне снова пришлось расследовать это, и опять я оказался в тупике.

Гатц замолчал, подозвал официанта и заказал себе еще кружку пива. Бен видел, как на лице инспектора, словно в калейдоскопе, выражение гнева то и дело сменялось отчаянием.

Гатц достал из кармана недокуренную сигару, сунул ее в рот и зажег.

— В течение двух последующих лет ничего интересного не произошло,— продолжал детектив.— Но вот однажды ночью меня вызвали по очень странному поводу. По городу — а было это в четыре часа утра — бегала девушка в одной ночной сорочке и истерически кричала, то она убила собственного отца. Я отправился в больницу, куда ее отвезли, и кого бы, вы думали, я там нашел?.. Правильно — Элисон Паркер! Из того, то она говорила, нам удалось понять следующее: после того, как мисс Паркер оправилась от неудачной попытки самоубийства, она переехала к Майклу Фармеру и занялась у него домашним хозяйством. Все шло нормально в течение целых двух лет, пока ей не позвонила мать, которая сообщила, что отец Элисон умирает от рака. Девушка отправилась домой в Индиану, чтобы побыть там с семьей в трудные дни, и на это время запретила Фармеру навещать ее. Старик Паркер протянул еще пару месяцев. Но пребывание дома для Элисон было тягостным, поскольку она давно уже ненавидела своего отца, считая его откровенным мерзавцем. Но наконец отец умер, и Элисон возвратилась назад в Нью-Йорк, теперь уже полностью убежденная в том, что ей надо уйти от Фармера и найти себе какую-нибудь квартиру. Она стала просматривать газеты и наткнулась на объявление о сдаче жилья агентом по недвижимости по имени Джоан Логан. Встретившись с ней, мисс Паркер осмотрела предложенную квартиру на третьем этаже особняка по адресу 89-я улица, дом номер 69.— Когда в этом месте детектив сделал паузу, Бена передернуло от услышанного. Но Гатц, словно не заметив его реакции, продолжал: — Осматривая здание, мисс Паркер обратила внимание на священника, сидевшего у окна своей комнаты на пятом этаже. Но женщина-агент успокоила ее и посоветовала ей не обращать на него внимания, поскольку этот священник из квартиры 5-А, некий Мэтью Галлиран,— безобидный старый, слепой и парализованный человек.

Мисс Паркер сняла предложенную квартиру. Но вскоре после переезда туда у нее начались внезапные обмороки. Затем в течение нескольких недель она познакомилась со своими новыми соседями. Сначала со стариком, назвавшимся Чарльзом Чейзенем, который пришел навестить ее вместе со своей кошкой Джезабель и волнистым попугайчиком Мортимером. Старик обитал в квартире 5-В, через холл от священника. Потом появились две лесбиянки из квартиры 2-А, но они вели себя настолько распущенно, что Элисон решила больше с ними не встречаться. И наконец ее пригласили на день рождения кошки Чейзена, где она познакомилась с его друзьями — Эммой и Лилиан Клоткин, Анной Кларк и супругами Стинетами, родственниками мадам Клоткин. Всю ту ночь Элисон не давал заснуть топот и шум из верхней квартиры — короче, веселье продолжалось и после того, как она первой покинула эту шумную компанию. Тогда мисс Паркер решила пожаловаться на беспокойных соседей агенту Джоан Логан, но та заявила, что, кроме самой Элисон, и того старого слепого священника, в доме никто больше не живет уже много лет. Однако Элисон все же уговорила мисс Логан показать ей весь дом, и они вдвоем совершили полный обход квартир, обнаружив, что все они необитаемы и находятся в запустении. По понятным причинам не ходили они только в квартиру священника.

Когда мисс Логан ушла, Элисон Паркер безуспешно пыталась связаться с Фармером и своей лучшей подругой Дженнифер Лирсон, которая работала вместе с ней манекенщицей. Но поскольку это не удалось, ей не оставалось ничего другого, как продолжать пока жить в своей новой квартире. В ту ночь около четырех утра Элисон проснулась, потому что ей снова послышались шаги из верхней квартиры. Она взяла нож, фонарь и смело направилась наверх. Но на полпути Элисон оступилась, споткнувшись о кошку мистера Чейзена, и когда она осветила ее фонарем, то увидела, что Джезабель держит во рту растерзанного попугайчика Мортимера того же Чейзена. После этого кошка убежала куда-то. Девушка зашла в квартиру 4-А и в темной спальне тут же наткнулась на человека, которого приняла почему-то за своего покойного отца. В ужасе она нанесла ему несколько ударов ножом и выбежала из дома. И снова я взялся за это крайне странное дело. Мы тщательно исследовали весь особняк, но никаких следов насилия или пятен крови не обнаружили. Равно как и соседей, которых тоже, по всей видимости, в реальности не существо-

вовало. Тогда мы попытались выйти на мисс Логан, но она словно сквозь землю провалилась. Наконец я добился разрешения на эксгумацию тела покойного отца Элисон и убедился, что труп спокойно гниет в своем гробу. Тогда мы взяли на исследование кровь, которой были перепачканы руки мисс Паркер, и она оказалась идентичной крови самой Элисон, а следовательно, могла вытечь из ее собственных ран. Ведь не исключено, что девушка и сама порезалась, когда била «отца» ножом. Итак, исходя из всех этих фактов, мы могли сделать только два заключения; первое — что у девушки начались галлюцинации или ей просто приснился кошмар, что было вполне вероятным, если учитывать ее тогдашнее психическое состояние. И второе — что она действительно встретила кого-то наверху и убила его. Если брать этот второй вариант, то тут, скорее всего, не обошлось без участия Майкла Фармера. Но, к сожалению, не имея трупа, я не мог ничего доказать. Однако не прошло и недели, как этот труп мы все-таки обнаружили. Им оказался частный детектив Джозеф Бреннер — мелкая сошка, специалист по копанию в грязном белье за соответствующую плату. Работал он нелегально, но умел держать язык за зубами. Его труп нашли в багажнике автомобиля неподалеку от 89-й улицы. Он умер от многочисленных колото-резаных ран. И его группа крови совпадала с той, что была обнаружена на руках Элисон. Я сразу догадался, что Майкл Фармер специально подослал Бреннера в дом Элисон, заставив его загримироваться под отца мисс Паркер, и она убила его, приняв за покойника. Я также не сомневался, что Бреннер имел какое-то отношение и к убийству жены Фармера Карен. Но довольно долго я никак не мог доказать сам факт связи Бреннера с Фармером. И вот наступила та роковая ночь, когда произошло самое страшное. Мои помощники при обыске квартиры Бреннера нашли записи, подтверждающие его прямую связь с Майклом, а также то, что именно он сначала нанял его для убийства жены, а потом для того, чтобы проникнуть в дом Элисон, предварительно загримировавшись под мертвеца. Ордер на арест Фармера был у меня на руках, и я отправился к нему на квартиру. Но в это время нам позвонила Дженнифер Лирсон и сообщила, что Элисон, которая до этого была у нее, сбежала в свой особняк, куда чуть раньше отправился и сам Майкл. Дело касалось какого-то жуткого религиозного заговора, связанного с католической церковью. Мы сразу же поехали в особняк и обнаружили там труп Майкла Фармера с раздробленным

черепом. Отец Галлиран тоже оказался мертв по причине сердечного приступа. А Элисон Паркер исчезла. Естественно, мы получили ордер и на ее арест тоже.

Гатц замолчал и перевел дыхание.

— И это все? — разочарованно спросил Бен.

— Нет, — хладнокровно ответил Гатц. — Несколько дней мы упорно допрашивали Дженнифер Лирсон, и она помогла нам заполнить кое-какие пробелы в информации обо всем этом деле. В частности, она показала, что после выписки из больницы Элисон и Фармер долго спорили по поводу того, что же в действительности произошло в ту ночь, когда она якобы убила отца. В отчаянье мисс Паркер решила еще раз встретиться с Джоан Логан, но та пропала, а ее контора оказалась закрытой. Причем мисс Логан пропала как раз в тот день или ночь, когда произошло «убийство отца». Это вполне совпадало и с нашими данными, поскольку именно с того дня мы тоже начали поиски этого неуловимого агента, которые так ни к чему и не привели. А однажды вечером Фармер и Элисон пошли пообедать в ресторан и затем, проходя мимо небольшой экспозиции восковых фигур в галерее Рипли возле Бродвея, от нечего делать решили туда заглянуть. И там мисс Паркер увидела восковое изваяние Анны Кларк — известной преступницы, казненной много лет назад в тюрьме «Синг-Синг», той самой Кларк, которая присутствовала на дне рождения кошки Чейзена. Элисон в ужасе бросилась бежать из музея. А Фармер, снова оставшись в одиночестве, решил сам раскрыть эту тайну и пошел в редакцию газеты «Таймс», чтобы выяснить, кто давал объявление о сдаче квартиры в особняке номер 69 по 89-й улице, на что удивленный редактор ответил ему, что такого объявления никто не давал и оно никогда не появлялось на страницах газеты. Сильно озадаченный этим обстоятельством, Фармер вернулся домой.

В тот вечер мисс Паркер приехала к Дженнифер довольно поздно, объяснив, что по дороге заходила в церковь. А вскоре Фармер признался мисс Лирсон, что он нанял детектива Бреннера, поручив ему выяснить, существуют ли реально все те соседи, о которых так подробно рассказывала Элисон.

В конце концов и ему начало казаться, что в особняке творится что-то неладное. Тогда вдвоем с Элисон они еще раз обыскали весь дом, кроме квартиры священника, но никаких следов убийства или присутствия посторонних не обнаружили. Зато нашли одну занятную книгу. Когда в

нее смотрел Фармер, он видел обычный английский текст. А для Элисон книга была будто бы написана по-латыни. Тогда Фармер попросил Элисон переписать от руки то, что ей видится, и отправился с этой записью в Колумбийский университет. Там профессор Рудзински перевел написанное. И вот что у него получилось:

«Судьбою предначертано тебе
Сей край блаженный
Неустанно охранять
От зла вторженья или приближенья».

После этого мы безуспешно пытались разыскать самого Рудзински, а через год его тело было найдено близ Медвежьей горы... Но вернемся немного назад. Фармер с переводом отправился в Управление нью-йоркской епархии и показал его одному священнику — монсеньору Франкино, который оплачивал счета за квартиру Галлирана. Но Франкино по поводу этих странных слов ничего не смог объяснить, а также заявил, что к отцу Галлирану не имеет никаких претензий.

Однако это не убедило Фармера, и чуть позже он тайно проник в кабинет Франкино, вскрыл его сейф и выкрал оттуда несколько папок с документами, которые впоследствии показал Дженнифер Лирсон. Некоторые бумаги оказались многовековой давности, другие посвежее, и рассказывали они о судьбах сотен разных людей. Но у всех этих личностей была одна общая черта: все они в свое время пытались покончить жизнь самоубийством, и все в один прекрасный день исчезали, появляясь вновь уже под новыми именами и совсем в другом качестве — как священники или монахини, причем слепые и парализованные.

Почему так случилось — ни Фармер, ни Дженнифер понять не могли. Но Фармер обнаружил среди бумаг и самую последнюю папку — дело на Элисон Паркер и некую сестру Терезу, в которую ей суждено было превратиться. Тогда он пришел к заключению, что Элисон под гипнозом была «закодирована», и именно поэтому ей так неожиданно понадобилось съехать от него на собственную квартиру; по той же причине она нашла в газете никогда не печатавшееся там объявление и латинские фразы в самой обыкновенной книге. Он также сделал вывод, что именно Элисон должна стать преемницей отца Галлирана, выполняющего долг какого-то Стража или Часового. Причем ее превращение в сестру Терезу должно случиться не далее как в ближайшую ночь. Поэтому он отправился в особняк, что-

бы помешать этому и предупредить Элисон об опасности. Ну, а остальное вам уже известно: Фармера нашли мертвым... отца Галлирана тоже... А Элисон Паркер исчезла. Дженнифер Лирсон сказала также, что все документы Фармер взял с собой в особняк, но мы их там, естественно, не нашли.

После этого мы проверили буквально всех. Даже владельца дома — человека по имени Карузо. Кстати, он тоже работал у архиепископа и тоже впоследствии бесследно пропал. Но что самое странное, в Управлении епархии нам категорически заявили, что никогда не слышали о таком священнике, как монсеньор Франкино. Что же произошло той ночью в особняке, нам так и не посчастливилось выяснить, и через шесть месяцев дело было закрыто.

— Чего и следовало ожидать, — сорвался Бен и стукнул кулаком по столу. — Потому что это самая идиотская история, какую мне когда-либо доводилось слышать!

— Послушайте, мой неверящий друг!.. — печально усмехнулся пожилой детектив. — Нравится вам все это или нет — вопрос уже далеко не первой важности. Ведь все дело в том, что монахиня, живущая по соседству с вами, как раз и есть та самая сестра Тереза. То есть Элисон Паркер, сменившая отца Галлирана... Теперь настало время менять ее. И я бьюсь об заклад, что на эту должность подобрали не кого-нибудь, а вашу собственную жену. Следующим Стражем должна стать именно она!

— Но почему? Зачем? — растерялся Бен.

Гатц лишь вздохнул и пожал плечами.

— Чтобы охранять этот мир от приближения Сатаны

— Что?!

— Вы слушали меня очень внимательно, и за это вам большое спасибо, — серьезным тоном прервал его детектив. — Но мне нужна еще буквально минута вашего внимания... Поверьте, я совсем не собираюсь разыгрывать вас. Да и не считаю это возможным при таком количестве трупов... Просто из попавших ко мне церковных документов следует, что Страж — это как бы ангел божий на Земле, своего рода преемник архангела Гавриила, которому Господь Бог приказал следить за Сатаной и не допустить его появления в нашем мире...

Бен вскочил на ноги.

— Гатц, да вы просто спятили! Неужели вы думаете, что кто-нибудь поверит хоть одному вашему слову?

Сыщик неторопливо поднялся из-за стола.

— Да. Я думаю, что вы мне поверите. Тем более что я обнаружил место, где имеется надпись, которая очень многое вам подскажет... И еще кое-что мне удалось выкрасть из офиса архиепископа. Но это уже дополнительная информация... И если вам будет угодно навестить меня завтра в моей квартире, я с радостью представлю вам все необходимые доказательства.

— А если я откажусь?

— Значит, вы обыкновенный дурак... Правда, я знаю, что вы придете.— И он написал на салфетке свой адрес.

Бен выхватил у него салфетку, нахмурился и сунул ее в карман. Наступила долгая пауза. Потом Бен медленно кивнул и чуть слышно проговорил:

— Хорошо.

Гатц молча кивнул в ответ.

Официант подал счет, и Бен, ни слова не говоря, оплатил его.

* * *

— Бен, мы чудесно отдохнули в парке! — с доброй улыбкой сообщил Джон Сорренсон. Он держал на руках маленького Джои и направлялся к Бену и Гатцу, еще издали заметив их приближение.— Правда, я немного с ним вымотался, но сегодня, слава Богу, нет репетиции.

Бен взял у него малыша, который, узнав отца, тут же потянулся к нему.

— Очень хорошо, Джон. И огромное вам спасибо за помощь.

— Ну, какие тут могут быть разговоры! Я всегда к вашим услугам. А потом, когда я гуляю с ним, я и сам будто начинаю себя чувствовать моложе...

Бен повернулся к Гатцу.

— Это мой сын Джозеф,— улыбнулся он.— А это — наш сосед по этажу Джон Сорренсон.

Гатц и Сорренсон пожали друг другу руки.

— Мистер Гатц — частный следователь, он помогает полиции раскрыть то убийство...— пояснил Бен.

Сорренсон побледнел.

— Давайте лучше не будем об этом... Я и так уже две ночи не могу нормально заснуть.

Они подошли к подъезду, и Бен с удивлением взглянул на привратника.

— Бирок неожиданно прихворнул,— объяснил Сорренсон, заметив на лице Бена недоумение.— И его временно замещает мистер Суарез.

— Надеюсь, ничего серьезного? — нахмурился Бен.

— Нет-нет. У Джо самый обыкновенный грипп. В понедельник он уже выйдет на работу, — поспешил успокоить Сорренсон.

Тут Гатц выступил вперед и неуверенно произнес:

— Мистер Бэрдет, мне нужна еще минута вашего драгоценного времени...

— Хорошо. — Бен обратился к Сорренсону: — Джон, вы не могли бы отвезти малыша наверх?

— С удовольствием! — обрадовался старик. — И заодно погляжу, как там чувствует себя Фэй.

— Да, пожалуйста. Дверь открыта.

Сорренсон подхватил мальчика и вместе с ним скрылся в подъезде. Гатц отвел Бена за угол дома и полез во внутренний карман пиджака. Оттуда он извлек фотографию женщины и вручил ее Бену.

— Это Элисон Паркер.

Бен повернулся к солнцу спиной, чтобы яркие блики на глянцевом фото не мешали как следует рассмотреть его. Да, Элисон Паркер, несомненно, была очень привлекательной девушкой. Высокая, стройная... Кожа, как шелк, и длинные темные волосы, волнами спадающие на округлые плечи. Огромные голубые глаза, чувственные губы и маленький аккуратный носик.

— Оставьте этот снимок себе, — сказал Гатц.

— А зачем? — удивился Бен.

— Ну, просто так. Вдруг пригодится... У меня еще есть такие.

Бен облокотился о крыло стоящей рядом машины.

— Ну, теперь все, мистер Гатц?

Детектив кивнул.

— Да. Приходите ко мне завтра ровно в час дня. И будьте добры, сделайте мне еще одно одолжение... Не говорите никому ни слова о том, что я рассказал вам в кафе.

— Договорились.

Гатц резко повернулся и, даже не простившись, зашагал прочь.

Бен рассеянно смотрел ему вслед, но перед глазами у него все плыло, как в тумане. И неожиданно весь мир показался каким-то ненастоящим.

Он снова посмотрел на фотографию Элисон Паркер, сунул ее в карман, покачал головой, вздохнул и пошел домой.

Глава восьмая

На следующий день Бен взял такси и отправился в Бронкс по адресу, написанному на салфетке Гатцем. Выбравшись из машины, он подождал, пока та скроется за поворотом, а потом огляделся по сторонам. Представший его взору квартал был, конечно, не самым лучшим местом на свете. На углу виднелся крошечный бакалейный магазинчик, через дорогу от него — старая замызганная забегаловка. Все здания вокруг отличались ветхостью и наводили тоску своими искореженными пожарными лестницами и прожавевшими водосточными трубами. Стены же домов изобиловали уникальными по грубости и цинизму надписями. Загаженные тротуары обрамляли грязную мостовую с глубокими ямами, доверху заполненными черной вонючей жижей. В воздухе пахло разложением и нищетой. Словом, место было довольно странным для бывшего начальника отдела по расследованию убийств. Правда, мизерная пенсия полицейского, вероятно, и не позволяла ему ничего лучшего...

Дом, где жил Гатц, представлял собой пятиэтажное кирпичное сооружение, походившее на уродливого древнего монстра, и располагался в самом центре этого убогого квартала. Опасливо озираясь по сторонам, Бен зашел внутрь и осторожно поднялся по темной скрипучей лестнице на третий этаж. Здесь он увидел сразу четыре квартиры. Та, что требовалась ему, находилась в самом конце короткого коридорчика.

Он трижды постучал в дверь. Ответа не было. Сверившись с часами, Бен убедился, что уже без пяти минут час. И следовательно, Гатц должен ждать его дома. Особенно после того, как сам назначил встречу именно на это время. Не мог же он в конце концов позабыть о ней. Вряд ли... Скорее всего ему просто понадобилось ненадолго отлучиться куда-то, и очень скоро он вернется назад.

Постояв у двери еще пару минут, Бен спустился на первый этаж и позвонил в квартиру управляющего. Ему открыл низенький лысый мужчина, с виду похожий на Уинстона Черчилля и одетый в мешковатые полосатые штаны и синюю майку. В руке мужчина крепко сжимал пивную бутылку.

— Свободных квартир нет, — усталым голосом произнес он, перед этим смачно рыгнув. — А для ожидающих есть список очередников.

— Мне не нужна квартира,— поспешил успокоить его Бен.

— А-а... Значит, вы занимаетесь мелкой торговлей? Так нам тоже ничего не надо.

С этими словами он хотел уже закрыть дверь, но Бен удержал ее.

— Послушайте же!.. Я не торговец. И квартира мне не нужна.— Он запнулся, лихорадочно соображая, что сказать дальше.— Я страховой инспектор из полиции.— По мнению Бена, это должно было произвести должное впечатление.— И на час дня у меня назначена встреча с мистером Гатцем относительно его пенсии. Но, похоже, его нет дома.

— Нет? — безразлично переспросил управляющий и лениво почесал под мышкой. Это был самый вульгарный и грязный тип из всех, с кем до сих пор приходилось общаться Бену.— Ну, значит, его и в самом деле нет.

— А вы не знаете, давно он ушел?

— Нет. Я не требую от жильцов отчета. Если хотят уходить, то уходят. Если хотят срать, то срут. И пусть они хоть из окон прыгают, лишь бы квартплата вносилась вовремя. Понятно?

И снова толстяк попытался закрыть дверь, но Бен крепко держал ее.

— Послушайте, а вы не возражаете, если я от вас позвоню?

— Не возражаю. Но позвонить вы все равно не сможете. Телефон не работает. И не откажите в любезности, не шатайтесь тут по холлу, пока будете его ждать. А то жильцы начинают от этого нервничать.

— Хорошо, я подожду в подъезде,— предложил Бен маленький компромисс. Ему совсем не светило стоять в таком районе у всех на виду.— А можно задать вам еще несколько вопросов?

— Послушайте, мистер, как вас там...

— Всего несколько. Все-таки дело касается полицейского... — не унимался Бен.

Управляющий помолчал, потом нехотя кивнул. Табличка на его двери гласила: «Хардман»¹. И эта фамилия как нельзя лучше характеризовала своего владельца.

— Вы хорошо знаете мистера Гатца? — начал расспрашивать Бен.

— Так себе.

¹ Хардман — букв.: трудный, тяжелый человек (прим. перев.).

— А он давно здесь живет?

Хардман почесал лысину и попробовал втянуть живот, свисающий у него над ремнем.

— Ну, лет десять, а может, и все двенадцать,— неуверенно протянул он.— Но он тихоня... Никогда ни с кем не разговаривает. Выходит из дому редко. И на беседу его особо не раскачаешь — он же ведь бывший полицейский... А теперь вот на пенсии. Никому хлопот не доставляет, платит регулярно, без задержек. Ну, все выяснили? Больше я, один черт, ничего не знаю.

— А он никогда не упоминал при вас об Элисон Паркер?

— Как-как? Кто это?

— Да так. Просто девушка.— Бен сразу понял, что Гатц, разумеется, не говорил о ней с управляющим.

— Вы знаете, половая жизнь мистера Гатца меня совсем не волнует. У него есть своя конура, и слава Богу. Если он с кем-то и развлекается, то это его личное дело. Лишь бы не мешал соседям, и тогда все о'кей — пусть трахается хоть круглые сутки. Только чтоб не водил сюда всяких проституток. Никакой грязи в этом доме я не потерплю!

Бен уже успел заметить желтое пятно от мочи на штанах этого «поборника нравственности». И он еще рассуждает о грязи и проститутках! Ему бы стоило прежде посмотреть в зеркало на самого себя...

— Скажите, а вы не могли бы впустить меня в квартиру мистера Гатца? Тогда бы я подождал его там...— попросил Бен.

— Вы, мистер, случайно не спятили? Впустить вас в чужую квартиру? — изумился толстяк.

— Именно так. Гатц сказал, что если он немного и припозднится, то вы обязательно проведете меня к нему,— твердо заявил Бен.

— Черта лысого! И он об этом прекрасно знает. Кстати, если вы действительно из полиции, так предъявите, наконец, ваш значок,— спохватился Хардман.

— Значок? — Тут Бен замешкался. — Понимаете... Я ведь не совсем полицейский. Просто страховой инспектор. Насчет пенсии...

— А-а, понятно. Ну раз вы никакой не полицейский, тогда поскорее убирайтесь отсюда и возвращайтесь с кем-нибудь, у кого есть настоящий блестящий значок. И оставьте свои идиотские расспросы при себе. Вообще я не люблю, когда здесь шляются всякие и начинают вынюхивать, что

да как... А еще я не желаю понапрасну тратить на вас свое время.

И он теперь уже окончательно собрался захлопнуть дверь перед носом развенчанного Бэрдета, как вдруг кто-то окликнул его из глубины квартиры. Хардман обернулся. Из кухни вышла хрупкая миловидная женщина в длинном желтом халате, с аккуратной прической и с тарелкой какого-то кушанья в руках.

— Дорогой, я тут случайно услышала ваш разговор... — застенчиво начала она.

Женщина произвела на Бена очень приятное впечатление, заставив его искренне удивиться, насколько разные люди могут оказаться супругами.

— Гатц сейчас у себя, — твердо заявила жена Хардмана. — Полчаса назад я выносила мусор и встретила его во дворе. Он как раз возвращался откуда-то домой и сказал, что на час дня у него назначена очень важная встреча, от которой зависит чуть ли не вся его дальнейшая жизнь. И еще он попросил меня купить для него кое-каких продуктов, потому что сам никак не мог отлучиться из квартиры. Я сразу поняла, что эта встреча действительно важная, раз уж он так спешит. Так что он наверху, молодой человек.

— Но это невозможно! — пробормотал Бен. — Правда, пока я стучался, он мог принимать душ и не слышать меня...

— Нет тут у нас никаких душей, — мрачно буркнул Хардман.

— Значит, он должен был слышать. Я ведь колотил по его двери минуты две или три... — Бен был озадачен. — Что ж, пойду попробую еще раз.

Управляющий недоуменно посмотрел на жену.

— Он точно у себя, — еще раз подтвердила она.

— Тогда я тоже пойду с вами, — заявил толстяк, вышел на лестницу и первым зашагал вверх.

— Кстати, моя фамилия Хардман, — представился он по пути к двери Гатца.

— Бен Бэрдет, — в свою очередь, отозвался Бен.

Дойдя до квартиры, они снова, теперь уже вдвоем, стали громко стучать по двери, но ответа так и не дождались. Бен выжидающе уставился на управляющего, тот недовольно буркнул что-то себе под нос, а потом достал связку дубликатов ключей и открыл замок.

Оба мужчины вошли в переднюю.

В квартире кто-то основательно перевернул все вверх дном. Ящики шкафа были выдвинуты, белье разбросано по

всей комнате. Даже занавески с окон кто-то умудрился сорвать. Матрас на кровати оказался вспорот и нещадно разодран, словно в нем что-то искали.

«Что же могло здесь случиться? — терялся в догадках Бен. — И куда подевался сам Гатц?.. Ведь если миссис Хардман полчаса назад видела его в полном здравии, значит, нападение произошло совсем недавно — буквально за несколько минут до его прихода сюда. Но Гатц, естественно, не стал бы молча стоять и смотреть на происходящее. Он или сам начал бы защищать свое жилище или позвал бы на помощь. Однако, судя по всему, он не сделал ни того, ни другого. А что, если все это случилось еще ночью? Впрочем, нет, такого тоже не может быть. Ведь тогда бы Гатц непременно сказал о взломщиках миссис Хардман».

— Я думаю, сейчас лучше всего вызвать полицию, — посоветовал Бен, мрачно оглядывая помещение.

— Д-да уж, — запинаясь, произнес Хардман, протянул руку к лежащему на полу телефону и дрожащим пальцем стал крутить диск. — Дайте полицию, — пролепетал он, услышав голос телефонистки.

Бен начал осматривать разгромленную квартиру. Что же грабители могли искать в этом убогом жилище? И уж не связано ли это как-нибудь с Элисон Паркер?..

Он тщательно обыскал спальню, потом крошечную ванную комнату, но ничего интересного не обнаружил и перешел в кабинет Гатца.

— Что вы тут рыщете? — нахмурился управляющий.

— Сам не знаю, — безразличным тоном ответил Бен.

— Лучше подождать, пока прибудет полиция, — посоветовал Хардман.

Бен повернулся и с невинной улыбкой на губах произнес:

— Видите ли, друг мой, когда они будут здесь, я уже вряд ли смогу что-нибудь отыскать.

Ответа на это странное заявление не последовало — вся спесь с управляющего уже слетела. Опустив голову, он медленно побрел в кухню, и Бен услышал, как там с ревом открылся водопроводный кран.

Сам Бэрдет в это время исследовал полки и ящики письменного стола в кабинете. Большинство книг валялось на полу. Он начал поднимать их одну за другой, но ничего заслуживающего внимания не нашел. Потом Бен внимательно осмотрел следы, оставшиеся на пыльной мебели от стоявших на ней предметов — видимо, Гатц редко протирает пыль в своей холостяцкой норе. На нижней полке книж-

ного шкафа остались прямоугольные отпечатки от каких-то лежавших тут папок или журналов. Исследовав пол, Бен понял, что как раз этих-то папок и недостает.

Из кухни раздался сперва пронзительный вопль, а потом Хардман начал истошно звать Бена на помощь. Тот сломя голову рванулся к нему.

Хардман стоял возле холодильника. Дверца была открыта, а внутри находилось мертвое тело детектива Томаса Гатца.

— Господи! — ахнул Бен.

— Что же нам теперь делать? — еле слышно прошептал вконец раздавленный Хардман.

— Ничего. Сейчас приедет полиция. Пусть они и разбираются, — твердо заявил Бен.

— Надо же! Прямо в моем доме... — причитал толстяк — Прямо у меня под носом... И всего-то полчаса назад он разговаривал с моей женой... Нет, не могу в это поверить... — Он с ужасом закрыл холодильник и теперь в любую минуту мог грохнуться на пол без сознания. — О Боже!..

— Бог нам теперь вряд ли поможет. А вам сейчас лучше всего присесть. И если хватит сил, хорошенько умыться холодной водой — полегчает... — инструктировал Бен.

Хардман, пошатываясь, побрел в ванную. А Бен, не теряя времени, вернулся в комнату и еще раз обшарил все уголки. Наконец, так и не найдя ничего, он поднял с пола перевернутый стул и уселся на него верхом, сложив руки на спинке. Теперь главное — взять себя в руки и сосредоточиться. Через пару минут сюда прибудет полиция. Естественно, они начнут допрашивать его и первым делом поинтересуются, чего ради он пришел к Гатцу. Значит, надо заранее придумать версию, которая могла бы их удовлетворить. Разумеется, если он упомянет об убийстве в компакторе, они начнут тут же сопоставлять факты. Но уйти от этого все равно невозможно. И бежать уже поздно. Хардман видел его, к тому же Бен успел представиться, и теперь его непременно разыщут.

Наконец из ванной появился бледный как смерть управляющий. Он проковылял в комнату и со стоном плюхнулся на край перевернутого дивана. С подбородка у него стекала слюна. Видимо, его сильно рвало.

— Наверное, теперь вопрос о пенсии уже мало волнует беднягу Гатца, — заплетаящимся языком пробормотал Хардман.

— Согласен с вами, — мрачно кивнул Бен.

Управляющий тяжело вздохнул и закрыл руками лицо. Бен в прежней позе сидел на стуле. В комнате воцарилась полная тишина. Они ждали полицию.

* * *

Как Бен и предполагал, полицейские допрашивали его больше часа. Он рассказал им, что по приказу и с согласия инспектора Бурштейна из манхэттенского отдела по расследованию убийств мистер Гатц был подключен к следствию об убийстве в их доме. Заодно пришлось подробно пересказывать и всю историю со злосчастным трупом в компакторе. Потом Бен пояснил, что при их первой встрече Гатц ничего особенного ему не сказал, а пригласил к себе домой для обстоятельного разговора. И добавил, что если им захочется все это проверить, то надо будет справиться у самого инспектора Бурштейна, который ведет дело об убийстве в подвале.

Полицейские, в свою очередь, сообщили Бену, что они уже давно и безуспешно пытаются найти лейтенанта Бурштейна, а потом связались с его помощником Уосо, и тот в общих чертах подтвердил историю, рассказанную Беном. Хотя сам ничего определенного о связях своего шефа с Гатцем сказать не мог.

Около четырех часов дня Бена, наконец, отпустили. Он с радостью покинул злосчастный дом и тут же, поймав такси, отправился прямиком в манхэттенский отдел по расследованию убийств.

Всю дорогу он тупо смотрел в окошко автомобиля, думая о том, что могло случиться в квартире Гатца, и как это связано с его вчерашним рассказом. Цепь происходящих событий еще вчера начала серьезно тревожить Бена. А убийство Гатца совсем выбило его из колеи. Ведь этот пожилой джентльмен был довольно крепким малым и вовсе не из робкого десятка, так что нужна была немалая сила, чтобы придушить его. Но как бы там ни было, Гатц погиб и унес с собой в могилу все обещанные доказательства и разъяснения. И если теперь Бен вздумает идти дальше самостоятельно, то ему придется иметь дело уже с Бурштейном, а может быть, и с самой Элисон Паркер, у которой наверняка есть ответ на все волнующие его вопросы.

Выйдя из автомобиля возле полицейского Управления, он поднялся в отдел по расследованию убийств и тут же попросил дежурного позвать инспектора Бурштейна. Тот позвонил куда-то, и через несколько минут перед Беном предстал сержант Уосо еще с каким-то полицейским.

— Мистер Бэрдет, если не ошибаюсь? — вежливо спросил Уосо, протягивая Бену руку.

Бен ответил рукопожатием, а в это время Уосо представил ему второго полицейского — детектива по фамилии Якобелли.

— Давайте, пройдем в свободную комнату, — предложил Уосо и жестом указал в другой конец этажа.

— Но мне хотелось бы поговорить с Бурштейном, — заметил Бен, когда все трое зашагали по коридору.

— Да, но сначала я должен задать вам несколько вопросов относительно Гатца, — безапелляционно заявил сержант.

— Послушайте, мистер Уосо, меня только что допрашивали в течение двух часов, и я рассказал уже все, что мне известно, в отделе по расследованию убийств в Бронксе. Поговорите с ними. Вы, правда, с ними уже связывались, но раз так надо, позвоните еще, и они вам все подробно изложат. Что же касается меня, то мне надо увидеться с мистером Бурштейном, а потом торопиться домой к жене. Это, я надеюсь, понятно?

— Расскажите мне все о Гатце, — еще раз неумолимо потребовал Уосо. — С самого начала. И по порядку.

Бен вздохнул и снова начал рассказывать. Он не упустил ничего, кроме разговора в пивной. Об этом он будет говорить только с Бурштейном. Тем более, что сам Гатц просил его не особо распространяться на этот счет.

Уосо задавал все новые вопросы и строил самые невероятные теории относительно таинственной связи между убийством в подвале и смертью отставного инспектора.

Когда запас вопросов иссяк и полицейский замолчал, Бен сложил руки на груди и сердито спросил:

— Ну теперь, может быть, хватит? Я сижу в вашей комнате для допросов уже столько времени, что вы успели выжать из меня абсолютно все, что я знал, кроме, пожалуй, таблицы умножения. А теперь уж, будьте любезны, пригласите сюда лейтенанта Бурштейна. Я надеюсь, вы не станете отказывать мне в этой маленькой просьбе?

— Нет, — согласился Уосо. — Но это будет чертовски трудно.

— Почему же? — удивился Бен.

— Да потому что он умер! — отрезал Уосо.

Бен почувствовал, как сердце его куда-то проваливается, а перед глазами все начинает плыть и размазываться в цветные пятна.

— Он сгорел в своем собственном доме вместе с женой, прямо во сне,— продолжал Уосо.— Мы узнали об этом всего час назад. По предварительным данным, там был поджог.

Бен онемел. Уосо помог ему встать и посоветовал ехать домой, на прощание напомнив, что если Бен понадобится, его сразу же вызовут.

Минуту спустя Бен на ватных ногах вышел из полиции и, не в силах идти дальше, остановился на углу. А потом закинул голову и посмотрел прямо в небо.

— Господи! — невольно вырвался у него отчаянный крик. И настолько громкий, что если бы Бог слушал его в этот момент, то непременно услышал бы...

Глава девятая

Сначала неопознанное тело в компакторе. Потом смерть Гатца. И, наконец, Бурштейна.

Есть ли между всем этим какая-то связь?.. Возможно. Но, разумеется, все можно объяснить и простым совпадением. И старая монахиня, скорее всего, не имеет отношения к труп в подвале. А Гатца задушил обыкновенный вор-взломщик, забравшийся к нему в квартиру... Что же касается Бурштейна, то он вместе с женой стал жертвой какого-то маньяка пиромана. Но в глубине души Бен чувствовал, что все эти убийства связаны, и Гатца с Бурштейном убрали лишь потому, что им слишком многое стало известно. И Майкл Фармер тоже погиб из-за этого, равно как и тот старый священник — как его? — отец Галлиран. А теперь вот Бурштейн и Гатц...

Бен подвел итог кровавой статистике. Получилось, что одна лишь Дженнифер Лирсон еще в силах пролить свет на всю эту тайну, но и она уже давно куда-то исчезла. И если действительно кто-то пытается замести следы, то и мисс Лирсон наверняка уже следует искать среди трупов. А если нет, то она непременно станет следующей жертвой. Вот только чьей именно?.. Если верить рассказу Гатца, то заговорщики каким-то образом связаны со старой монахиней, а значит, следы приведут его в Управление нью-йоркской епархии. Но сейчас это казалось Бену совершенно невероятным, ведь он уже полчаса сидел не где-нибудь, а в соборе святого Луки, пытаясь привести в порядок свои мысли и чувства. Эх, если бы нашелся хоть один человек, который помог бы ему разобраться в происходящем и по-

советовал, как узнать правду!.. Но такого человека, увы, больше не было. И Бен чувствовал себя одиноким и беспомощным. А дома в глубоком шоке лежала такая же беспомощная Фэй — она никак не могла оправиться после случившегося. Но если, опять-таки, верить Гатцу, то именно она имела самое прямое отношение ко всем этим устрашающим событиям. И была связана с цепью убийств не меньше, чем Элисон Паркер и все ее многочисленные предшественники.

Бен открыл глаза. Солнечный свет, проникающий в храм через цветные стекла витражей, еще больше усиливал впечатление нереальности всего, о чем он только что размышлял. И вдруг сама церковь стала казаться Бену какой-то зловещей и грозной. Но этого не может быть! Это ведь священное место!.. Хотя, если проследить всю цепочку событий, то в святости сего заведения можно запросто усомниться.

Под сводами церкви было прохладно и тихо. Но хотя уличная жара не проникала сюда, Бен вдруг вспотел и воздух показался ему каким-то спертым и душным. А через минуту даже почудилось, что еще немного — и он всерьез начнет задыхаться. Бен поднялся со скамьи, оглянулся, растегнул воротничок рубашки, и тут увидел позади себя приближающегося священника.

— Святой отец! — позвал он и подошел к священнику. — Святой отец, я думаю, вы можете мне помочь...

Капеллан улыбнулся.

— Слушаю вас, сын мой.

Спокойное выражение его умиротворенного розового лица немного подбадривало Бена.

— Мне говорили, что каждые несколько лет церковь выбирает среди мирян определенного человека, чтобы изменить его внешность и сделать каким-то часовым или стражем... — Тут Бен замолчал, ожидая реакции на свое заявление.

Священник выглядел озадаченным.

— А с какой целью, сын мой? — ласково спросил он.

— Я и сам точно не знаю...

— Сын мой, если бы вы рассказали мне об этом подробнее, то я, может быть, и попробовал бы как-то помочь вам...

— Но я сам больше ничего не знаю, святой отец. Мне только известно, что уже очень многие люди погибли от этого заговора. И у меня даже сложилось впечатление, что с помощью служителей церкви в последнее время было со-

вершено несколько убийств, чтобы сохранить в тайне личность этого стража.

Священник пришел в неподдельный ужас.

— Сын мой, все это кажется мне маловероятным. Предположить, что церковь участвует в каком-то насилии, противном Господу Богу, не говоря уже об убийстве?.. Нет, этого не может быть! Это оскорбительно даже слышать!.. Кто вам все это рассказал?

— Один полицейский.

— И где же он сейчас?

— Сейчас? Скорее всего, в морге Бронкса. Его убили сегодня утром.

Священник только покачал головой.

— Вы знаете, мне кажется, что вся эта история — сплошная ложь. Правда, я не знаю, кому понадобилось сочинять все это, но твердо уверен, что церковь никогда не стала бы заниматься такими вещами.

— Пожалуй, вы правы, — проговорил Бен после долгой паузы. — Возможно, это был просто страшный сон. А может быть, я схожу с ума.

«И с чего это мне вдруг вздумалось заговорить с ним? — укорял себя Бен. — Ведь даже если этот священник каким-то образом замешан в деле со стражами, то он, разумеется, никогда не признается в этом постороннему. Хотя, скорее всего, рядовой капеллан и вообще не в курсе всяких заговоров и интриг, которые плетутся высшими церковными иерархами. Так что я попусту теряю с ним время. А может, и того хуже — подвергаю себя лишней опасности. Надо быстрее убраться отсюда».

— Скорее всего, вы правы, святой отец! — С этими словами Бен начал пробираться к выходу. — Полицейский, очевидно, что-то напутал. А может быть, он страдал паранойей. И потом, еще совершенно неизвестно, почему его убили. Наверное, у кого-то был на него зуб. Ну, старые дела, понимаете?.. Все-таки он работал в полиции. И у него могли быть враги. Много врагов...

Бен дошел до крутых ступенек, ведущих в маленький сквер перед храмом, и заметил, что священник по-прежнему удивленно смотрит ему вслед. Теперь Бен не сомневался, что тот принял его за сумасшедшего.

— Спасибо вам, святой отец. Вы мне здорово помогли! — на прощанье выкрикнул он. — Огромное спасибо!

Выйдя на улицу, Бен ускорил шаг. Теперь — быстрее домой, к Фэй, расслабиться и хотя бы на время забыть обо всем.

Но в то же время Бен прекрасно понимал, что все как раз только и начинается, и если он не хочет, чтобы судьба дальше сама диктовала ему будущее, он должен действовать. Смело и решительно. Теперь он сам выяснит все до конца.

И начнет это завтра же утром!

* * *

— Что произошло? У нас вечеринка? По какому же поводу? — Бен стоял в дверях и растерянно улыбался.

— Я уже чувствую себя значительно лучше, — сообщила ему Фэй, а потом прыгнула с кушетки, подбежала к мужу и обняла его.

— Вот видите! — усмехнулся старик Сорренсон, сидевший в кресле в гостиной. — Я же говорил вам: еще пара дней, и все это пройдет. Надо лишь проявлять к ней побольше внимания и заботы.

Из кухни появилась Грейс Вудбридж с подносом, уставленным чашками и блюдами.

— Вот, — сказала она, — чай и кофе. Разбирайте, кому что нравится.

— Поставьте лучше на стол, — предложила Фэй, провела Бена в комнату и усадила на диван рядом с Ральфом Дженкинсом.

— Милая, а ты уверена, что хорошо себя чувствуешь? — с сомнением в голосе произнес Бен.

— Да, я проснулась где-то час назад и уже почувствовала себя на миллион долларов! — С этими словами она взяла малыша из рук Дженкинса, который до сих пор нянчил его, и начала нежно укачивать. — Ну, а когда я увидела Джона, Ральфа и Грейс, мне стало еще лучше. Веришь?

— Да... Могу представить себе.

— А где ты был? — поинтересовалась Фэй.

— Выходил ненадолго. А что, кто-нибудь звонил?

— Пока я был здесь, телефон молчал, — сообщил Сорренсон. — А я здесь, между прочим, с того самого момента, как ты ушел.

— Так значит, вам пришлось пропустить репетицию? — расстроился Бен.

— Да ладно!.. Какая там репетиция, когда здесь я нужнее. Мы ведь друзья... И кстати, я не единственный, кто пошел на такую жертву, если уж тебе больше нравится именно так воспринимать помощь друга. Вот Ральф, напри-

мер, пропустил конференцию по проблемам античной культуры...

— Это все пустяки,— перебил его Ральф.— Так вы встретились с полицейским?

— Да,— коротко ответил Бен. Он не стал объяснять Дженкинсу, зачем идет к Гатцу, а просто упомянул, что такая встреча должна состояться сегодня в час дня. Теперь же Бен надеялся, что ни голос, ни выражение лица не выдадут его волнения.— Все в порядке,— добавил он.

— Ну и чудесно! — подвела итог Грейс, заканчивая сервировку стола.— Пора уже забыть обо всех печалях и начать говорить в этом доме только о приятном. А то Макс сегодня тоже ушел на работу со стонами и вздохами. А когда я появилась здесь, то первым делом услышала, как Джон с Ральфом беседуют о конце света и о том, что скоро на всей земле начнутся страшные катаклизмы. Слава Богу, Фэй спала и ничего этого не слышала. Почему-то у всех мужчин вдруг разыгралось мрачное воображение. И, надо сказать, я успела уже порядком устать от этого. Да и Фэй сейчас нечего нервничать и вступать в подобные разговоры. Так что все кончено и забыто!

— И вы, кстати, мне это обещали,— напомнила Фэй.

Она встала и закружилась по комнате с малышом на руках. От этого он начал громко смеяться, и вслед за маленьким Джои рассмеялись все остальные. Да так весело и непринужденно, как не смеялись уже давно.

Грейс начала передавать по кругу закуски. Бен усадил Фэй рядом с собой на кушетку и возбужденно заговорил:

— Ты даже не представляешь, как я рад снова видеть тебя здоровой! И всех наших друзей рядом с тобой. Джона, Ральфа, Грейс... Спасибо вам всем, что остались сегодня с Фэй. Вы настоящие друзья. Может быть, действительно все уже кончилось?.. Ну, а ты как считаешь, сынок? Наша мамочка и в самом деле поправилась?

Малыш помахал ручкой и губы его растянулись в беззубой улыбке. Все опять рассмеялись.

Бен поднялся и отошел к окну. Тут только он обратил внимание на пишущую машинку и толстую папку, в которой лежал его неоконченный роман. Он совсем забросил его.

— Дорогой, я хочу, чтобы ты скорее вернулся к своей работе,— проговорила Фэй, отхлебывая чай.

— Конечно,— неуверенно произнес Бен, перелистывая уже наполовину забытые страницы.

— Я ожидаю от вас шедевра,— сказал подошедший к нему Дженкинс.

— Правда? — удивленно спросил Бен, а сам подумал: «Да уж, Ральф... Если б вам было известно то же, что мне, то вам бы меньше всего хотелось сейчас заниматься этим проклятым романом».

— Тут уж я знаю все наперед, — похвастался Ральф. — Вы закончите роман, доведете его до совершенства, потом — к издателю; и очень скоро станете автором замечательного бестселлера.

— Вашими бы устами мед пить, — смущенно усмехнулся Бен.

Дженкинс довольно кивнул. Тут к ним присоединился Сорренсон, а Фэй и Грейс стали рассматривать последний журнал мод.

— Знаете, а я все же занялся нашей старой монахиней, — почти шепотом сообщил старик.

Бен резко взглянул на него.

— Это правда?

— Конечно. Я ведь обещал... Только не спрашивайте, как мне это удалось, но я выяснил, что ее счета за жилье оплачивает некто Леффлер.

— А кто это? — заинтересовался Дженкинс.

— Это я тоже установил. У меня один приятель работает в Управлении нью-йоркской епархии. Я попросил его навести справки, и он выяснил, что Леффлер — казначей в канцелярии архиепископа.

— И что это нам дает? — спросил Бен.

— Пока не очень многое. Мы ведь и так знали, что домом владеет Церковь, и подозревали, что они же платят и за квартиру монахини. А теперь мы знаем это наверняка.

— Эй, о чем вы там снова шепчетесь? — раздался недовольный голос Фэй.

— Да о всяких пустяках, — тут же с улыбкой ответил Бен.

— Нет, вы разговаривали о монахине. Я угадала?

Бен прокашлялся.

— Ну, что-то вроде того.

— Да сколько можно! Я уже устала говорить, чтобы вы оставили ее в покое. Если сестре Терезе так хочется сидеть у окна, то пусть себе сидит.

— Что ты сказала? — вздрогнул Бен.

— Сестре Терезе... Так зовут эту монахиню.

— А откуда тебе это известно? — насторожился Бен.

Фэй неопределенно пожала плечами.

— Кто тебе сказал ее имя?

— Никто.— Она растерянно улыбнулась.— Просто я знала его...

Бен посмотрел на Ральфа и Джона, но они сами были удивлены не меньше него. Потом он сел рядом с Фэй и осторожно взял ее за руку.

— А что тебе еще известно о ней?

— В каком смысле, Бен?

— Ты сама знаешь, в каком.

Фэй промолчала. Тогда он попытался взять ее за плечи, но она вывернулась.

— А как ее звали до того, как она стала сестрой Терезой? — не отступал Бен.

Сорренсон, Дженкинс и Грейс Вудбридж застыли как вкопанные.

— Как ее звали?!

Фэй задрожала.

— Элисон,— хрипло произнесла она.— Элисон Паркер.

Бен тяжело опустился на диван. Все молчали, боясь произнести хоть слово.

— Элисон Паркер,— повторил Бен, чуть не плача.— Да. Все верно. Элисон Паркер.

* * *

Гости давно уже разошлись, но вдруг в прихожей раздался звонок. Бен вышел из спальни, чтобы открыть дверь.

— Надеюсь, я вас не потревожил? — извиняющимся голосом спросил Бирок.

Бен устало посмотрел на часы.

— Нет, Джо. Мы только собирались ложиться. Что-то я вас не видел ни вчера, ни сегодня...

— Вчера меня весь день не было, а сегодня я вышел поздно, во вторую смену. Мне разрешили немного отдохнуть... После того, что случилось, я неважно себя чувствовал.

— Понимаю,— кивнул Бен.— Вы что-то хотели?

— Нет, мистер Бэрдет, просто узнать, как чувствует себя миссис Бэрдет. Я не хотел беспокоить вас, но меня это так волновало, что я не удержался — и вот пришел...

— Да ладно вам, Джо! Мы рады видеть вас в любое время. А Фэй уже значительно лучше. Я передам ей, что вы заходили справиться о ее здоровье, она будет очень довольна.

Бирок улыбнулся.

— Вот это приятные новости! А то я так волновал-

ся...— Он открыл дверь и уже на пороге обернулся к Бену.— Мистер Бэрдет, я завтра на службе; если вам что-нибудь будет нужно,— сразу звоните мне вниз. Неважно, что именно. Я все устрою.

— Спасибо, Джо. Вы настоящий друг.

— Спокойной ночи, мистер Бэрдет.

— Спокойной ночи, Джо.

Бен закрыл за ним дверь и, уже лежа в кровати, вдруг почувствовал, будто его окатили ледяной водой. Но это был не обычный холод, какой люди ощущают зимой. Холодно было не коже, а где-то внутри. Бену даже подумалось, что у него начала замерзать душа.

Фэй лежала рядом и читала книгу. Он искоса смотрел на нее и прислушивался к малышу, ворочавшемуся в своей кроватке, которую сейчас скрывала густая тень. После того как Бен проводил Бирока, он на цыпочках прошел в спальню, лег в кровать и надолго задумался. Теперь он был готов задать давно наболевший вопрос.

— Фэй,— позвал он жену.

— Да, дорогой,— ответила она, не отрывая глаз от книги.

Он придвинулся к ней.

— Ты можешь оставить на минутку чтение? Я хочу тебя кое о чем спросить.

Она положила книгу на стеганое одеяло.

— Конечно. Спрашивай.

— Тебе не кажется странным, что ты знаешь имя этой монахини?

Фэй удивленно посмотрела на мужа, а потом неуверенно пожала плечами.

— Наверное, мне его кто-то сказал. Откуда бы я еще могла знать?

— Но ведь ты не помнишь, чтобы кто-то тебе его говорил, верно?

— Не помню. Но ты уже спрашивал об этом,— Фэй недовольно нахмурилась.

— Хорошо. Оставим это. Тогда еще кое-что...

Она снова кивнула.

— Ты когда-нибудь пыталась покончить с собой?

Лицо Фэй приняло до того странное выражение, что Бен даже перепугался.

— Было такое? — уже тише спросил он.

— А зачем тебе это знать?

— Ну, просто все это сейчас очень важно. Это касается и меня тоже...

— Послушай, Бен. Мы женаты уже семь лет, а знакомы целых двенадцать. И вдруг тебе в голову приходит задавать такие вопросы...

Он поерзал на кровати, помолчал и повторил свою просьбу.

— Ну ладно. Мне просто интересно узнать.

Фэй с обидой посмотрела ему в глаза и часто заморгала.

Бен почувствовал, как тревожно забилося его сердце. Он приподнялся на подушках и быстро заговорил:

— Фэй, милая, это же так просто! Если такого не было, что тебе стоит сказать, что не было, а?

Она сердито отбросила книгу и натянула одеяло повыше, почти до самого подбородка. Глаза ее смотрели куда-то в сторону.

— А что если я пыталась убить себя? — с вызовом спросила Фэй, и голос ее показался Бену таким далеким, словно эти слова произнес кто-то другой. — Это что-нибудь изменит?

— Конечно, нет! Просто мне надо об этом знать.

— Ну, хорошо, — сдалась Фэй, сверля его ледяным взглядом. — Я пыталась покончить жизнь самоубийством. Но это было очень давно, еще до нашего знакомства.

Бен долго молчал, а потом еле слышно произнес:

— Зачем? Почему?..

— Давай закончим на том, что это было, и все. Я поклялась, что никогда не буду говорить об этом. И долго пыталась забыть о том случае.

— Фэй... Я...

— Я не хочу больше говорить об этом. Не надо, пожалуйста... Я даже вспоминать об этом не могу. Обещай, что никогда больше не будешь меня расспрашивать, ладно?

— Ладно, обещаю, — после некоторой паузы, вздохнув, выдал из себя Бен. Это признание было последней каплей, окончательно побудившей его к действиям. К каким именно действиям — Бен пока что не знал, и поэтому просто спросил: — Кстати, почему мы до сих пор не спим?

Фэй ничего ему не ответила.

Он протянул руку к лампе и щелкнул выключателем, а потом сразу же повернулся на другой бок. И все равно чувствовал, что Фэй не спит, а смотрит ему в затылок. Но он не стал поворачиваться обратно — он и так уже сказал достаточно много. И теперь ему надо было все хорошенько обдумать, выспаться и рано утром приниматься за дело.

Глава десятая

Бен вышел из дому в восемь утра. На улице бушевал проливной дождь, и не было видно ни одного свободного такси. Ему пришлось сесть в автобус и сделать несколько пересадок, чтобы добраться до Центрального парка, откуда он решил начать поиски. Когда Бен выходил из метро, в лицо ему хлестнул сырой порывистый ветер, и он поспешил укрыться в ближайшем баре, где заказал себе чашку кофе, достал из кармана плаща краткий справочник нью-йоркских агентств по найму манекенщиц и домов моделей и принялся изучать адреса. Некоторые находились совсем близко, другие — ближе к пригороду. Если ему повезет с такси, то, в принципе, можно объехать все центральные дома моды и за один день. Правда, он рассчитывал, что ему не придется слишком долго колесить по городу, втайне надеясь выйти на Дженнифер довольно быстро. Хотя он и отдавал себе отчет в тех сложностях, которые могут встать на его пути. Ведь прошло уже целых пятнадцать лет! А для профессии манекенщицы, где главное — молодость и красота, это очень большой срок, и мало кто остается в этом бизнесе настолько долго. Но, может быть, она продолжает работать уже в какой-нибудь другой должности?

После второй чашки кофе Бен обошел пешком все агентства, расположенные в центре города. Но никто там даже не слышал ни о какой Лирсон, и хотя две-три бухгалтерши все же вспомнили имя Элисон Паркер, они так и не смогли рассказать толком, что с ней случилось и куда она делась.

Чем больше агентств обходил Бен, тем сильнее он склонялся к мысли, что попусту теряет время. Но наконец в одном доме мод ему сказали, что помнят какую-то манекенщицу, чье имя было связано с некими загадочными убийствами. Вместе с ней работала и другая девушка по имени Расти. Но то агентство вскоре закрыли, хотя Расти продолжает еще работать, правда, теперь уже в другом месте — в доме моделей миссис Бланшар.

Бен поблагодарил женщину, уточнил адрес фирмы Бланшар и вышел на улицу. Ему сразу же посчастливилось поймать такси, которых в этот дождливый день словно смыло с центральных улиц, и, объяснив водителю, куда надо ехать, очень скоро он оказался возле бывшего жилого дома, переделанного под офисы.

Агентство миссис Бланшар располагалось на втором этаже. Владелица оказалась приятной женщиной лет соро-

ка. Кроме нее здесь работало еще восемь женщин, и одной из них была та самая Расти.

— Меня зовут Бен Бэрдет,— представился он, пожимая худую веснушчатую руку Расти.

Расти была высокой стройной блондинкой с румяным лицом и мягким, располагающим к себе голосом.

— А я — Расти,— просто ответила она.

Бен кивнул.

— Послушайте, Расти... Вы меня очень обяжете, если поможете мне в одном деле...

— Я постараюсь, если смогу, конечно.— Женщина видела, что Бен напряжен и взволнован.

Он присел рядом с ней на краешек кресла.

— Я разыскиваю одну девушку по имени Дженнифер Лирсон.

Казалось, эти слова несколько озадачили Расти.

— Дженнифер Лирсон? — переспросила она, словно боялась, что ослышалась.— О Господи, я сто лет уже не слышала ее имени... Ну, разумеется, я была с ней хорошо знакома. В свое время она считалась одной из лучших манекенщиц Нью-Йорка.

— Да, мне об этом тоже говорили,— подтвердил Бен. Он смотрел на Расти умоляющими глазами и ждал, когда она начнет рассказывать о Дженнифер.

— Она была лучшей подругой другой манекенщицы по имени Элисон Паркер. Я тогда занималась ими обеими — искала им выгодные контракты. Но то, что произошло с этими девушками,— просто трагедия...

Бен придвинул свое кресло поближе к женщине, так, что почти уже чувствовал ее дыхание.

— И что же с ними случилось?

— Ну... Я, конечно, не знаю всех подробностей. Вам, наверное, лучше обратиться в полицию... Они были прекрасными манекенщицами. И если бы ничего не произошло, они наверняка стали бы весьма популярными в своей области. Особенно Элисон. Нет, звездами им стать было не суждено, но я точно уверена, что будущее было бы за ними. Они всегда ходили вместе, как сестры, и вечно о чем-то болтали и хохотали, как заведенные. Если я не ошибаюсь, Элисон приехала из Индианы, а Дженнифер — из Мейкона, это в штате Джорджия. Они и прожили-то здесь всего по два года. Сначала они снимали одну квартиру, а потом Элисон переехала к своему парню, юристу. Его звали Майкл Фармер.

Бен достал сигару и закурил. Он понял, что эта женщина знает многое, но по тому, с какой легкостью она начала свой рассказ, он сразу же успокоился. Расти расскажет ему все, что ей известно.

— А потом произошло несчастье. Элисон бесследно пропала, будто ее и вовсе никогда не было, а ее друга убили. Да... Об этом тогда много писали в газетах, велось полицейское расследование, только, мне помнится, они так ничего и не выяснили.

Бен облизнул пересохшие губы и кивнул, давая понять, что он с нетерпением ждет продолжения этой истории.

Расти вздохнула и опустила руки на колени, переплетая пальцы.

— Но особенно мне жалко Дженнифер.

— А почему?

— Ну... потом для нее наступили трудные времена. Конечно, то же самое могло случиться и с Элисон, но Элисон так никто больше и не видел, поэтому трудно судить, что с ней стало и что ей пришлось пережить. Вы меня понимаете?..

— Да, конечно,— тут же участливо откликнулся Бен.

— После этого убийства Дженнифер долго не могла прийти в себя. А когда она снова появилась на работе, ее было не узнать. Перед нами будто предстал совсем другой человек... Я уже, кажется, говорила, что Дженнифер отличалась редкостной красотой. У нее были густые черные волосы, смуглая кожа, великолепная фигура и улыбка, способная растопить лед... И что же с ней стало! Бледная как смерть, похудевшая на двадцать фунтов — просто скелет, обтянутый кожей!.. Можно было подумать, что она только что сбежала из концлагеря. Под глазами — синяки и морщины, и вдобавок ее все время трясло. Когда мы ее увидели, у нас как раз был обеденный перерыв, и у всех сразу же пропал аппетит. Она говорила, что ее замучили бесконечными допросами в полиции, а потом понесла какую-то несусветную чушь насчет Майкла и Элисон. Я сразу поняла, что у нее не все дома. Мысли ее сильно путались, и из того, что она говорила, было трудно что-либо понять. Ну, вы, наверное, знаете — это как будто слушаешь бред сумасшедшего. И еще у нее, очевидно, началась мания преследования. Она твердила о каком-то заговоре религиозных фанатиков, которые выслеживают ее, и тому подобное... Она даже носила в сумочке пистолет на случай их нападения, чтобы обороняться. Я попробовала, как могла, успокоить ее, но она и слышать ничего не хотела. А скорее

всего, просто уже была не в состоянии. Она сказала, что давно уже вообще ни с кем не встречается, из квартиры на улицу не выходит, потому что боится, что они схватят ее и убьют. Ну и что мне оставалось с ней делать?.. Я была просто шокирована. Она, конечно, снова рвалась на работу, но это было уже невозможно. Кто бы стал заключать контракт с девушкой, которая по внешнему виду словно только что поднялась из могилы?.. Я посоветовала ей хорошенько отдохнуть, уехать куда-нибудь на годик-другой, а потом возвращаться. Но она твердила, что ей нужна работа, потому что четыре раза в неделю она ходит к психиатру, а денег на оплату счетов у нее нет.

Потом она исчезла на несколько месяцев. А когда появилась — выглядела еще хуже. Паранойя полностью одолела ее, и начался маниакально-депрессивный психоз. Она из наших девушек даже решила, что Дженнифер — настоящая шизофреничка. И я не могла спорить с этой девушкой... А примерно через год после первого появления Лирсон я попыталась связаться с ней, потому что у нее остались неоплаченные чеки от фирмы. Но к телефону никто не подходил. Тогда я поехала прямо к ней на квартиру и позвонила в дверь. Дженнифер открыла мне ипустила внутрь. Она пояснила, что не подходит к телефону, потому что думает, что это звонят «они», а она не хочет, чтобы «они» знали, когда она дома. Да, эту квартиру надо было видеть!.. Уборки там не производилось уже несколько месяцев. Везде лежал мусор — на полу, на мебели... Грязные тарелки с недоеденной пищей, раковина тоже забита грязной посудой... И по всей квартире стоял жуткий запах человеческих экскрементов и мочи. Бог мой, это было действительно ужасно! Я попыталась убедить ее переехать отсюда, но, разумеется, безрезультатно. Теперь она объявила, что с профессией манекенщицы решила покончить, так как нашла себе более подходящий способ зарабатывать деньги. Я сразу поняла, что ей требуется много денег — на руках у нее были бесчисленные следы от уколов. Теперь она еще и кололась наркотиками. Может быть, героин или морфий... Я уточнять не стала.

— И такое случилось с ней всего за один год? — изумился Бен.

— Да. Но с тех пор прошло уже четырнадцать лет... — Раста немного помолчала, а потом продолжила свой страшный рассказ: — Через пару месяцев я все же узнала, как именно Дженнифер зарабатывает на жизнь. Мне рассказывала об этом другая манекенщица, Виктория, которая хо-

рошо знала и ее, и Элисон. Виктория в тот вечер гуляла со своим приятелем по Бродвею, и вот после театрального представления они вдруг заметили на углу девушку, пристающую к мужчинам. Она была в сильном наркотическом опьянении. И ею оказалась Дженнифер. Она, конечно, сильно сдала... Виктория пыталась заговорить с ней, но Дженнифер не отвечала. А потом из соседнего подъезда вышел сутенер и предложил ее какому-то пуэрториканцу, который тут же подхватил Дженнифер и затащил в свою машину. Они сразу уехали, а Виктория, потрясенная этой встречей, еще долго не могла сдвинуться с места. Она хотела расспросить о ней сутенера, но тот отказался отвечать на вопросы и сразу скрылся в подъезде.

Расти замолчала. Она тяжело дышала, и на лбу у нее выступил пот. Бен предложил ей платок, и она с радостью взяла его.

— Потом я не слышала о ней очень долго, — продолжала женщина. — Наверное, года два... И вот как-то вечером... Я хорошо помню это. Был как раз канун Рождества... Зазвонил телефон, я сняла трубку и услышала голос Дженнифер. Он был какой-то слабый и дрожал. Она объяснила мне, что ввела себе очень большую дозу наркотика. Я сразу же позвонила в полицию, и Дженнифер отвезли в психиатрическую лечебницу. Потом я разыскала телефон ее родителей и связалась с ними. Но отец Дженнифер заявил мне, что к судьбе своей дочери он не имеет больше никакого отношения и ему теперь на нее наплевать. Если умрет, значит, пусть умирает. И повесил трубку. Это было невероятно!.. А через пару месяцев я сама попробовала поговорить с Дженнифер — ее выпустили из больницы и теперь она лечилась амбулаторно. Но на этот раз ее фантазии приняли совсем уж угрожающий характер, и сразу после этого она снова исчезла. А объявилась только через полтора года, сообщив, что ее насильно уперли в психушку, но зато там окончательно вылечили и она стала совершенно нормальным здоровым человеком. Она снова хотела вернуться к своей профессии манекенщицы. Я попросила ее заехать, хотя прекрасно понимала: неважно, как выглядит теперь Дженнифер, — прошло уже слишком много времени... Слава Богу, она приехала перед самым закрытием, когда из агентства уже почти все ушли. Ей ведь не было еще тридцати, но выглядела она, как старуха. А ее взгляд мог напугать кого угодно — безумный, блуждающий, как у загнанного зверька. Я попросила задержаться еще одну нашу сотрудницу, потому что оставаться с Дженнифер на-

едине мне уже было страшно. И я попыталась толково объяснить ей, что с этой работой у нее пока ничего не выйдет. Я боялась, что она начнет психовать, но все обошлось — она вела себя спокойно и тихо. Просто стояла и слушала, будто знала заранее, что я отвечу ей именно так. А потом повернулась и молча ушла. И больше я ее с тех пор не видела.

Бен судорожно курил сигару. Неожиданно он почувствовал, что его охватывает неуправляемая нервная дрожь. «Боже мой! — пронеслось в голове. — Как же все это получилось?!» Во рту пересохло, как на дне степного солончака.

— Так вы точно ее больше не видели? — напряженно спросил он.

Расти подняла глаза вверх, словно напрягая память, и тихо произнесла:

— Да, я уверена.

— И теперь вы даже не знаете, где ее можно найти?

— А вот этого я не говорила.

Бен подался вперед.

— Так где же она?

— Теперь она постоянно находится в психиатрической клинике.

— В какой именно?

— В Риверхеде, на Лонг-Айленде. Правда, что с ней сейчас стало, я не знаю, но не надо меня вмешивать, если можно. Я не хотела бы снова встречаться с ней.

— Ну разумеется! — поспешил заверить ее Бен.

Расти медленно поднялась с кресла. Она дрожала.

— Не знаю, как вас и благодарить, — сказал Бен и тоже поднялся.

— Не стоит. Надеюсь, я была вам полезной.

— Конечно! Огромное вам спасибо.

Он не забыл поблагодарить за содействие и миссис Бланшар, а потом направился к выходу. Расти проводила его.

— Мистер Бэрдет, — вдруг сказала она, когда Бен уже собирался выйти за дверь. — Я забыла спросить вас, а зачем вам понадобилось так подробно узнавать судьбу Дженнифер? Почему вы ею так интересуетесь?

Бен улыбнулся и внимательно посмотрел в зеленые, как у кошки, глаза Расти.

— Почему? — повторил он. — Потому что, сдается мне, я нашел Элисон Паркер.

— За последние шесть или семь лет,— начал свой рассказ доктор Тагуичи,— ее клали в больницу несколько раз. Хотя диагноз был ясен с самого начала. Но что странно: несмотря на свой тяжелый психоз, она проявляла симптомы и других болезней.

— Я вас что-то не понимаю,— признался Бен.

Они направились к больничному корпусу через ухоженный зеленый дворик.

— Видите ли,— продолжал врач,— в большинстве случаев мы наблюдаем комплекс характерных симптомов, которые позволяют нам безошибочно установить у больного шизофрению. А вот у Дженнифер Лирсон проявились еще и другие депрессивные и параноидальные тенденции. Она всегда была напряжена, подозрительна, а иногда даже враждебно и агрессивно настроена. И при этом она постоянно развивала одну и ту же теорию преследования, которую никогда не меняла, а только расширяла год от года.

— И что же это за теория?

Тагуичи рассказал ему о всех навязчивых страхах Дженнифер, и рассказ его был очень похож на то, что сам Бэрдет чуть раньше слышал от Гатца. Тогда он спросил доктора, а что если во всем этом есть доля правды? И Тагуичи, к его удивлению, согласился, что это вполне возможно и частично даже соответствует истине, а потом продолжил рассказ:

— Но даже если предположить, что этот бред преследования насчет заговора против нее католической церкви и имеет под собой какие-то основания, то все равно кроме него у Дженнифер возникала и масса других версий, которые уж точно никак не назовешь истинными. Так, она убеждена, например, что священники постоянно выслеживают ее с целью убить. Был, правда, и еще один вариант: она считала, что ее хотят захватить и сделать преемницей ее подруги Элисон Паркер, то есть живой жертвой церкви, выполняющей роль некой Божьей стражницы на Земле. Вообще, судьба и личность Элисон занимали очень большое место в ее голове. И вместе с этим у нее начался бред величия. Она возомнила о себе, что является никем иным, как самой девой Марией. А потом появились галлюцинации. Она слышала голоса, видела устрашающие картины. Сначала ей померещилось, будто ее сжигают на костре, как Жанну д'Арк, потом показалось, что у нее начало расти сердце... Мистер Бэрдет, это классический случай ослож-

ненной галлюцинаторно-параноидной шизофрении. Но, как я уже говорил, кроме этого у нее есть признаки и других расстройств психики. Так, с некоторого времени у Дженнифер начались речевые нарушения. Иногда было совершенно невозможно понять, что она хочет сказать. Потом она заговорила отдельными словами, словно это были какие-то одной ей понятные символы, а затем стала отвечать на любые вопросы уже совсем абсурдной «словесной крошкой». У нее наступала немота, эхолалия, вербигерация¹ — коротче, все возможные расстройства речи. И каждый раз, когда ее снова доставляли сюда, эти симптомы все больше усиливались. Менялась и ее внешность, и поведение. А как-то раз мы застали ее за весьма удручающим занятием — она поела собственные экскременты.

Бен скорчил такую гримасу, словно его вот-вот должно было вырвать.

— И кроме того, она совсем перестала реагировать на окружающую действительность, потеряла всякую способность эмоционального восприятия мира.

— Доктор... Но вы ведь описали мне абсолютного инвалида! Как же вы могли в таком случае выпускать ее из больницы?

Тагуичи медленно кивнул, словно крепко задумался над этим вопросом. К этому времени они уже миновали двор и теперь подходили к большому кирпичному зданию с правой стороны.

— Понимаете, поначалу мисс Лирсон добровольно принимала курс лечения. Тогда еще ее болезнь поддавалась контролю, и мы имели возможность на время выпускать ее, когда не было обострений. Дома она сама принимала лекарства, которые мы ей рекомендовали. Когда какой-то препарат переставал действовать, мы назначали новый... Мы пробовали и различные методы психотерапии, правда, к сожалению, без особого успеха.

— А возвращалась она к вам добровольно?

— О нет! Каждый раз ее доставляли к нам силой родители. Несколько раз она пыталась изувечить себя, а однажды чуть не убила какого-то мужчину, который, очевидно, пытался расплатиться с ней за сексуальные услуги. К тому же галлюцинации стали учащаться и приобрели затяжной характер.

¹ В е р б и г е р а ц и я — навязчивое повторение бессмысленных слов или фраз психическими больными (прим. перев.)

Бен и доктор поднялись на второй этаж и двинулись вперед по длинному белому коридору.

Бен тяжело вздохнул.

— Может быть, мне удастся как-то улучшить ее состояние,— робко предположил он.— Может, то, что я ей расскажу, как-нибудь сдвинет дело с мертвой точки?

— Боюсь разочаровать вас, мистер Бэрдет,— грустно покачал головой доктор,— но она — одна из неизлечимых пациенток нашей больницы. Это очень тяжелый случай. Хотя, конечно, это только мое личное мнение. Правда, оно подтверждается тем, что мы сейчас увидим... Но даже если бы она находилась сейчас в параноической фазе, вы вряд ли смогли бы поговорить с ней. Дело в том, что вот уже четыре года после принудительного помещения сюда дела у мисс Лирсон идут все хуже, и, вероятно, сейчас она находится уже в самой последней стадии заболевания.

Бен непонимающе посмотрел в глаза доктору.

— Она стала кататоником.

— Кем? — переспросил Бен.

— Видите ли, мистер Бэрдет, она совсем утратила связь с действительностью. Сейчас такое состояние встречается довольно редко, но раньше оно было весьма распространенным среди подобных больных. Современная терапия в большинстве случаев позволяет вывести человека из этого состояния. Но, к сожалению, ни один из существующих методов на мисс Лирсон не подействовал. Ей не помогли ни нейролептики, ни инсулиновые комы, ни электрошок. Ничего. Вот уже два года она неподвижно лежит на своей кровати, иногда проявляя полную каталепсию — ее конечности остаются в том положении, которое вы им придаете, постоянно течет слюна... Короче, сейчас сами увидите.— Заметив ужас и отчаяние в глазах Бена, доктор лишь сочувственно поглядел на него и беспомощно развел руками.

Наконец они остановились перед одной из дверей, врач открыл ее, и они вошли внутрь.

Бен едва сдержал крик. Ему сразу стало невыносимо плохо. Казалось невероятным, что женщина, которую он сейчас видит, была когда-то красавицей. Перед ним лежала грязная уродливая старуха. Сморщенное пожелтевшее тело, лицо без всякого выражения и пустые бессмысленные глаза.

Пока они стояли в палате, доктор продолжал рассказывать о незавидном состоянии Дженнифер. Один раз Бену даже почудилось, что она пошевелила губами, но потом

он понял, что, конечно, ошибся. Он пробовал заговорить с ней, перечислял имена, которые могли бы, по его мнению, разбудить ее спящий мозг: Элисон Паркер, Майкл Фармер, следователь Томас Гатц, монсеньор Франкино... Но она была немой и безучастной ко всему, оставаясь в аду, созданном ее собственным рассудком Бен почувствовал, что еще немного — и он сам начнет сходить с ума. Он с тревогой посмотрел на Тагуичи. Но сейчас он не мог позволить себе проявить слабость перед этим врачом

Бен попытался улыбнуться.

— К сожалению, мы ничего пока не можем с ней сделать,— как бы извиняясь, сообщил доктор.— Но мы, конечно, не оставляем надежды и продолжаем пробовать разные методы...

Бен тоскливо оглядел палату: деревянная кровать, простенький стол из струганых досок, голые серые стены. Такие комнаты описывались в классических книгах. Наверное, в них даже можно было жить когда-то в девятнадцатом веке...

— Я хотел бы уйти отсюда,— наконец проговорил он, чувствуя, что реальность начинает отползать от него при виде живого трупа мисс Лирсон.

Тагуичи понимающе кивнул и проводил его к выходу. Здесь мужчины остановились.

На Бена посещение больницы произвело очень тяжелое впечатление. Доктор мог ему только посочувствовать. Ведь каждый, кто приходит в мир душевнобольных, сам выходит из него с душевной травмой.

— Доктор, если наметятся какие-нибудь сдвиги... Ну, вдруг наступит какое-то улучшение... Я хочу, чтобы вы сразу дали мне знать,— попросил Бен.

— Ну, разумеется,— охотно согласился Тагуичи.

Бен глубоко вздохнул. Сейчас ему нестерпимо хотелось рассказать доктору, зачем он приходил сюда, какие у него были причины, и почему он просто соврал, что является дальним родственником несчастной Дженнифер.

Но ради собственной безопасности, ради спасения Фэй, он не мог позволить себе сделать это.

Бен посмотрел на врача, снова вздохнул и опустил глаза в полной беспомощности

Через несколько секунд доктор скрылся за дощатой калиткой, а Бен медленно побрел к железнодорожной станции.

Он прождал поезд почти двадцать минут, но наконец по звенящим рельсам к платформе с гулом подкатила нью-йоркская электричка.

Бен осторожно подошел к краю перрона и, держась рукой за поручень возле двери, вошел в вагон, внимательно глядя себе под ноги. Он вдруг испугался нечаянно свалиться на рельсы — теперь он, кажется, начал бояться буквально всего

Поезд тронулся. Бен снял куртку и с тяжелым вздохом опустился на свободное сиденье в конце вагона напротив веселого седого старичка с длинными закрученными усами и коричневой кожаной спортивной сумкой. Молния сумки была расстегнута, и оттуда торчало десятка два пожелтевших старых газет и бутылочки с апельсиновым соком.

— Алекс Харди,— тут же представился чудаковатый попутчик.

— Бэрдет,— буркнул Бен, одарив старика долгим тоскливым взглядом.

Тот понял его по-своему.

— Скучаете, молодой человек? — со знанием дела осведомился он, усмехнувшись в усы.

Бен неопределенно пожал плечами.

— Да-а, до Нью-Йорка еще часа полтора,— тоном знатока сообщил старик.— Хорошо хоть, после Манорвилла — без остановок.

Бен согласно кивнул, уже по опыту зная, что вступать в разговор с таким типом — значит, всю дорогу только и слушать его рассказы.

— Я в свое время торговал машинами,— продолжал между тем мистер Харди.— Много пришлось поездить... И вот что я вам скажу: лучшее дело в дороге — это чтение.— Тут он опять усмехнулся чему-то.— Правда, читать последнее время особенно нечего. И лично я всему прочему предпочитаю теперь старые газеты.— Он одними глазами с заговорщическим видом указал Бену на свою сумку.— Да и как-то спокойнее на душе, когда знаешь, что все эти события, о которых там пишут, давно уже кончились...— С этими словами бывший торговец автомобилями извлек из сумки «Нью-Йорк Таймс» двухгодичной давности, «Уолл-стрит джорнэл» и биржевое приложение к «Вашингтон пост».— Вот, очень рекомендую.— Он протянул Бену потрепанную «Таймс».— Чего-нибудь узнаете, а заодно и время убьете...

Бен поблагодарил старика, с облегчением подумав, что дальнейшей беседы, кажется, не последует, и от нечего делать развернул газету на середине.

Неожиданно его внимание привлекла маленькая статья под заголовком «Призрак-заступник?..». Чуть ниже жирным шрифтом было набрано: «Девушка из Сиракуз, пережившая страшную трагедию на вершине горы Адирондак, рассказывает историю об убийстве, граничащую со сверхъестественным».

Бен устроился поудобней и погрузился в чтение.

Глава одиннадцатая

В начале четвертого утра Бен вылез из люка на крыше и двинулся в сторону фасада здания.

— Мы здесь,— раздался из темноты чей-то голос.

Бен напряг зрение, но все равно разглядеть ничего не смог. Ему казалось, что с таким же успехом он мог бы всматриваться в черную дыру.

— Мистер Бэрдет! — снова окликнул его кто-то сзади.

Он оглянулся и только теперь заметил двух мужчин в спортивных тапочках и черных комбинезонах, которые шли ему прямо навстречу.

— Простите, я немного опоздал,— извинился Бен.

— Ерунда,— отмахнулся Зеленский — бригадир высотников в строительной компании «Уайгатч-9». — Познакомьтесь — это Фил Тэрнер.

Бен кивнул второму мужчине, тот улыбнулся и поправил лыжную шапочку, поглубже натянув ее на уши.

— Люлька готова? — осведомился Бен.

Зеленский довольно кивнул.

— Да, мы подвесили ее еще днем.

— Как же вы прошли в дом? — удивился Бен. — Вас никто не остановил?

— Даже не пытался. Мы сказали привратнику, что управляющий заказал нам кое-какие работы, и нас пропустили без разговоров.

Бен подошел к самому краю крыши и посмотрел вниз. Люлька висела прямо перед ним на расстоянии примерно трех футов. Он пощупал крюки, и они показались ему довольно надежными.

— А вы уверены, что эта конструкция выдержит нас троих? — спросил он.

Зеленский только рассмеялся в ответ.

— Послушайте, мистер Бэрдет, нам приходится делать это каждый рабочий день. Неужели мы стали бы рисковать своей жизнью, как вы считаете?.. Каждую неделю мы тщательно проверяем всю систему. Канаты, блоки, крепеж... Короче, все до мелочей.— Он улыбнулся и ловко перелез через невысокое ограждение крыши, оказавшись в люльке. Тэрнер еще раз проверил крепление и последовал за своим напарником.

— Мистер Бэрдет, не делайте никаких резких движений,— посоветовал Тэрнер.— Представьте себе, что вам предстоит сейчас залезть в теплую ванную, и действуйте.

— Понял,— коротко ответил Бен и перелез через ограждение.

Зеленский и Тэрнер подхватили его и помогли устроиться в люльке, которая немного покачнулась под тяжестью его тела.

— Не волнуйтесь,— успокоил его Зеленский.— Мы все сделаем сами. Спуститься надо всего на несколько футов — это пустячное дело не займет и минуты.

Напарники разошлись по разным концам люльки и принялись тянуть за канаты, заставляя платформу медленно ползти вниз.

— Знаете что, мистер Бэрдет,— заговорил вдруг Зеленский.— Я, конечно, не очень любопытный человек и не хочу навлекать на себя лишние неприятности, но скажу вам, что это самое сумасшедшее предприятие, в котором мне приходилось участвовать. Я видел вашу монахиню в окне и думаю, что она не очень-то обрадуется нашей затее.

— Успокойтесь. Она глухая, немая, слепая, и к тому же полностью парализована.

— Все равно...

— И потише, пожалуйста,— предупредил Бен.

Люлька доползла до верхнего края окна монахини.

— Теперь помедленней,— шепотом скомандовал Зеленский.

— Все в порядке,— кивнул Тэрнер, крепко держась за канат руками в толстых прорезиненных перчатках.

Бен встал на колени и прижал ладони к стеклу. Вот появилась кружевная занавеска, потом лицо и фигура сидящей женщины. Но даже вблизи он не мог как следует разглядеть ее — слишком уж темно было на улице и за окном.

— Закреплай! — отдал команду Зеленский.

Тэрнер укрепил канат со своей стороны и кивнул, давая понять, что все сделано, после чего остался на месте. Зе-

ленский же, зафиксировав канат на своем конце люльки, подошел к Бену и заглянул в окно.

— Спать можно от всего этого, — вздохнул он и недовольно покачал головой. — Старая баба с распятием у окна... На вашем месте я не стал бы даже близко подходить к ней.

— Я ценю вашу заботу о моей персоне, мистер Зеленский, — ответил Бен. — Но как мне помнится, я плачу деньги за вашу работу, а не за лекции, которые вы тут вздумали мне читать. Это ясно?

— Конечно. Уже молчу.

Порыв ветра неожиданно качнул люльку, и Бен судорожно вцепился в перила. Зеленский не смог сдержать смеха.

— Да успокойтесь вы, мистер Бэрдет! Ничего с вами не случится.

— Помогите-ка лучше поднять раму. Надо открыть окно.

Некоторое время они безуспешно пытались сделать это, потом Бен еще раз внимательно осмотрел его и снова опустился на колени.

Странно. Замок открыт. Наверное, просто раму где-то заело.

Зеленский достал из кармана пару отверток, дал одну Бену, они воткнули инструмент под нижний край рамы и стали расковыривать присохший к ней слой грубой фасадной краски. Потом Бен снова попробовал поднять раму, и на этот раз она поддалась. Еще несколько движений отвертками — и окно, наконец, послушно открылось.

Бен отодвинул в сторону тюлевую занавеску.

— О Господи! — ахнул он и едва сдержал крик, готовый в любую секунду слететь с его губ.

Женщина представляла собой самое уродливое создание, какое ему только доводилось встречать. Высохшая, вся в трещинах кожа, вздутые вены на шее и руках, распухшие сосуды на лбу и глубокие морщины, избороздившие каждый дюйм ее тела. Спутанные седые волосы напоминали ком заплесневелой паутины, а глаза были затянуты плотными бельмами катаракты.

Одета старуха была в черную монашескую робу. На костлявых руках бугрились страшные окостенелые мозоли, а нестриженные ногти угрожающе торчали в разные стороны. И если она еще дышала, это было очень трудно заметить.

— Эй! У нас, кажется, начинаются неприятности... —

содрогнулся Зеленский, напряженно прислушиваясь к глухим шелчкам наверху.

— Что там стряслось? — прошептал Тэрнер со своего конца люльки.

— Ничего. Оставайся пока на месте. — Он повернулся к Бену. — Знаете что, давайте-ка побыстрее сматывать удочки. Что-то не нравится мне все это...

— Но я сделаю все очень быстро. Прошу вас!

Бен вынул из кармана стеклянный стакан, обернутый носовым платком, и попробовал высвободить руку монахини. Но та сжимала крест с такой силой, словно успела уже прирасти к нему. Бену пришлось просить помощи у Зеленского. Тот нехотя потянул монахиню за руку, и наконец ее левая ладонь соскользнула с металла, Бен расправил пальцы старухи, аккуратно прижал к ним стакан, чтобы остались все отпечатки, а потом снова завернул его в платок и бережно положил в карман.

Неожиданно поднявшийся ветер начал угрожающе раскачивать люльку перед окном.

— Все. Поднимаемся, — сказал Зеленский тоном, не терпящим возражений.

— Ну, еще секунду! — взмолился Бен, доставая фотоаппарат.

— Вверх! — скомандовал Зеленский Тэрнеру.

Тот начал медленно тянуть канат.

Бен наскоро установил выдержку и стал шелкать затвором, пытаясь запечатлеть монахиню как можно большее число раз.

— Вверх! — что есть сил закричал Зеленский и, рванувшись на свой конец люльки, всем телом повис на канате.

Тэрнер продолжал тянуть свой край люльки вверх.

— Ну, теперь держитесь покрепче, мистер Бэрдет, — предупредил Зеленский. Но тот, казалось, не слышал его, а продолжал, как сумасшедший, делать снимок за снимком.

Очередной порыв ветра теперь уже чуть не перевернул всю платформу, и только тогда Бен поспешно сунул фотоаппарат в карман.

— Ладно, поднимаемся, — сдался он. — Только надо же закрыть окно...

— Да к черту окно! Вы что, не соображаете? Мы же сейчас разобьемся! — орал на него Зеленский.

Вдруг Тэрнер указал куда-то наверх.

— Смотрите!

Бен и Зеленский одновременно посмотрели туда, куда указывал Тэрнер.

— Канаты! — закричал бригадир.

Правая подвеска на глазах стала ослабевать, будто порезанная.

— Господи! — Бен покрылся холодным потом.

Люлька угрожающе накренилась, прижавшись поручнями к стене дома. Бен вцепился в свободный конец каната.

— Не поможет! — выкрикнул Тэрнер и осторожно двинулся к центру платформы. — Надо прыгать в окно!

Зеленский ухватился за нижний край рамы. Тэрнер едва успел уцепиться за подоконник. А Бен не удержался на ногах и упал. Фотоаппарат вывалился у него из кармана и отъехал к самому краю люльки. Но он пополз за ним и, дотянувшись рукой, сунул его за пазуху.

В это время Тэрнер уже ввалился через окно в квартиру монахини.

— Ребята, скорее! — нервно кричал он.

Зеленский подтянулся и, весь взмыленный, тоже запрыгнул в комнату. Один канат уже лопнул. Крепко держась за край люльки, Бен, дюйм за дюймом, двинулся к распахнутому окну.

Зеленский и Тэрнер высунулись по пояс, пытаясь схватить Бена за куртку и втащить в проклятую квартиру.

Мир перед глазами Бена перевернулся, и теперь он висел над улицей вниз головой. Казалось, асфальт сейчас врежется ему в лоб. А там, наверху, было слышно, как один за другим лопаются канаты.

Наконец порвался последний канат с правой стороны, платформа стала уходить у него из-под ног и повисла вертикально. Теперь она держалась лишь на остатках левой подвески. Откуда-то неслись крики, но Бен их уже не слышал. Он вцепился в последний спасательный канат на высоте десяти этажей над землей.

— Попробуйте раскататься! — крикнул ему Зеленский.

Бен попробовал лезть по канату вверх, но он был слишком тонким и впивался ему в ладони, разрывая их в кровь. А тело, казалось, становилось тяжелее с каждой секундой, будто наливалось свинцом.

Ветер беспощадно хлестал в лицо. Он в ужасе смотрел то вниз, то наверх и видел, что последний канат тоже начинает ослабевать.

— Помогите! — взмолился Бен.

Но ни Зеленский, ни Тэрнер уже ничего не смогли сделать.

— Подтягивайтесь! — кричал над головой Зеленский. — Сильнее!

Бен сжал канат с такой силой, что на глаза навернулись слезы. А внизу под собой он увидел, как в квартире у Вудбриджей зажегся свет.

Наконец последний крепежный блок развалился и платформа с диким лязгом грохнулась оземь, пролетев все десять этажей.

В квартирах стали зажигать свет.

Бен с выпученными от ужаса глазами начал раскачиваться на последнем канате, как Тарзан на лиане. Зеленский и Тэрнер тянули руки, пытаясь схватить его. Наконец Бен качнулся так сильно, что буквально влетел в объятия Зеленого и вместе с ним повалился на пол в квартире монахини. Он был не в силах пошевелиться; все его тело тут же беспомощно обмякло, и начала бить крупная дрожь.

В квартире было темно, но Бен заметил, что кроме стула, на котором сидела монахиня, никакой другой мебели здесь вообще нет.

Зеленский и Тэрнер, отдуваясь, привалились к стене. Из-за закрытой входной двери слышались голоса сбежавшихся на шум соседей. Бен узнал голос Сорренсона, потом Дэниэла Баттиля и одной из секретарш.

От того, что могло случиться минуту назад, у Бена перехватило дыхание. Еще один дюйм, еще несколько секунд — и он был бы уже мертв.

— Если не ошибаюсь, вы уверяли меня, что канаты проверены и надежно закреплены, — сердито проворчал он.

Зеленский закашлялся.

— Все правильно. И они совсем новые — куплены меньше месяца назад. И пользовались-то мы ими всего раз десять, не больше... Я могу еще допустить, что один канат по какой-то дикой случайности мог порваться. Но чтобы все четыре?!

— А может быть, их специально кто-то подрезал? — прищурился Бен.

— Исключено. Они хранятся у нас под замком. И к тому же, перед тем как отправиться сюда, мы их еще раз проверили. Все было нормально.

Бен оглядел комнату. Сейчас он видел перед собой только сгорбленную спину монахини, которая зловещей тенью возвышалась над ним, словно тягостное видение из кошмарного сна.

— Но ведь что-то же заставило эти веревки порваться! — с отчаянием в голосе выпалил он.

— А почему бы вам не спросить об этом у самой монахини? — огрызнулся Зеленский. — Я ведь предупреждал, что ей вряд ли понравится наша затея. Да вы только посмотрите на нее! Неужели вы думаете, что это нормальный живой человек, а? Ну, если так, то вы просто сошли с ума. Это кто угодно, только не человек. Я не знаю, откуда и как она появилась здесь, но мне ясно одно: я не хочу больше участвовать в этом деле. — С этими словами он поднялся с пола, помог встать Тэрнеру и пошел к двери. Шум в коридоре к этому времени уже окончательно стих.

— Теперь она в вашем полном распоряжении, мистер Бэрдет, — на прощанье сказал Зеленский. — Но позвольте дать вам один совет... Как-никак это приключение стоило мне новой люльки...

— Я возьму убытки, — прервал его Бен.

— ...и чуть не закончилось для всех нас трагически. И если после этого вы будете продолжать свои авантюры в том же духе, то я должен сказать вам, что вы настоящий псих.

Зеленский открыл замок, вытолкал в коридор Тэрнера, потом вышел сам и захлопнул за собой дверь.

Бен остался в комнате наедине с сестрой Терезой. Проверив фотоаппарат и убедившись, что тот на месте, он слегка успокоился. На месте был и стакан. И камера, и стакан каким-то непостижимым образом уцелели.

Бен осторожно шагнул к монахине и вдруг замер как вкопанный. Только теперь до него дошло, что распятие, которое она держала в руках, было точной копией того, что лежало сейчас в его собственном письменном столе под бумагами.

Бен почувствовал, как вокруг сгущается темнота, и внезапно его охватило тревожное ощущение безысходности, замкнутости пространства, которое часто испытывают страдающие клаустрофобией¹. Что-то будто мешало ему подойти к монахине ближе, словно между ними возник незримый барьер.

— Что вам нужно от нас? — жутким голосом спросил он старуху.

Она молчала. Бен попятился к двери, и с тяжелым стоном закрыл глаза. Как ему хотелось бы, чтобы эта дьявольская фигура сейчас исчезла!..

Потом он открыл дверь и выскользнул в коридор.

¹ Клаустрофобия — патологическая болезнь закрытых пространств (прим. перев.).

Бен вытер пот со лба и продолжил рассказ:

— Ты представляешь, когда я вернулся домой, Фэй мирно спала. Шум и грохот даже не разбудили ее, хотя все остальные соседи тут же повскакивали с постелей. Например, утром, выходя из дому, я встретился у подъезда с Дэниэлом Баттилем — он тоже с нашего этажа, — и он был сильно удивлен, когда я сказал, что Фэй никакого шума ночью не слышала... Потом я оставил ее с сыном в парке, а сам вот пришел к тебе. Ну, как идут дела?

— Прекрасно, батенька, — ответил Виктор Рубцевич, проворно обрабатывая стакан под косыми лучами настольной лампы. — Думаю, через минуту уже будут первые результаты.

Бен смотрел, как он водит по стеклу магнитной кистью с налипшей на нее гроздью мелкого железного порошка.

Он познакомился с Виком в спортивном клубе. Это был крупнейший специалист по дактилоскопии во всей нью-йоркской полиции. И хотя он уже несколько лет не работал там, а содержал теперь небольшой ресторанчик в Гринвич Вилледж, он не успел еще растерять былых навыков.

— Значит, так и не удалось выяснить, почему лопнули все канаты? — озабоченно покачал головой Вик.

— Не удалось, — вздохнул Бен и прислонился плечом к стене крошечного кабинета, в котором они сейчас находились. — Наверное, они были с каким-то браком.

Рубцевич кивнул.

— И все равно я не могу представить себе, что заставило тебя пойти на такой риск.

Бен поднял брови и развел руками.

— Вик, к сожалению, пока что не могу тебе всего рассказать, так что поверь уж мне на слово, что все это для меня очень важно. Договорились?

— Ну, разумеется! Я и не собирался вмешиваться.

Вик еще несколько минут занимался стаканом, окуривая его парами йода и внимательно осматривая на свет, а потом наконец повернулся и вручил стакан Бену.

— Прими мои поздравления, — сказал он. — Ты прошел сквозь огонь и воду напрасно. Никаких отпечатков здесь нет.

— Как это нет? — изумился Бен. — Я же плотно прижимал пальцы, чуть не изо всей силы!

— Очертания пальцев есть, но внутри — пусто, никаких папиллярных узоров.

— Ничего не понимаю,— растерялся Бен.

— Я и сам пока понять не могу.— Рубцевич пожал плечами.— Но это именно так.

— Проклятье! — Бен в сердцах стукнул кулаком по столу.

— Ну и что ты теперь собираешься делать? — поинтересовался Вик.

— Угостить тебя обедом, чтобы хоть как-то компенсировать твои труды и потраченное время.

— Ты лучше пригласи свою жену в ресторан, когда ей станет немного лучше. Впрочем, я имел в виду не себя, а эту монахиню. Что ты с ней собираешься делать дальше?

Бен лишь замотал головой и как-то натянуто улыбнулся.

— Понятия не имею! — произнес он.

* * *

Расставшись с Рубцевичем, Бен наскоро выпил кофе в ближайшей закусочной и на такси отправился в театральный район города, попросив водителя остановиться на 47-й улице перед фотолабораторией «Техниколор».

Его уже ждал специалист по обработке пленок, с которым он договорился заранее по телефону. Взяв у Бена кассету, он попросил его подождать немного, объяснив, что дело это не такое уж скорое.

Бен сел в кресло в холле, взял с журнального столика свежую «Дейли Ньюс» и погрузился в чтение. Прервался он всего один раз, чтобы позвонить домой и сообщить Фэй, что он вернется приблизительно через час. А спустя минут пять после этого к нему уже вышел улыбающийся лаборант.

— Все готово,— объявил он и протянул Бену несколько снимков, не удержавшись от комментария: — Обалденная старушенция!..

Бен кивнул и стал внимательно разглядывать фотографии.

— Все вышло просто великолепно! — похвалил он лаборанта и одобрительно хлопнул его по плечу.— Как раз то, что нужно.

— Где же вы нашли такую каргу? — любопытствовал лаборант.

— Она моя соседка,— весело отозвался Бен.— Послушайте, а не могли бы вы оказать мне еще одну услугу?

— С радостью, если это в моих силах.

— Можно оставить у вас негативы на сохранение? А то

если я вдруг потеряю эти снимки, мне понадобится сделать такие же еще раз. А монахиня уже вряд ли согласится позировать по новой. Я и первый-то раз ее слишком долго уламывал...

— Понимаю. Ну, а почему бы и нет?.. Вы вполне можете оставить негатив здесь, в лаборатории. А когда он будет вам нужен, вы мне позвоните.

— Договорились.

Бен поблагодарил его, расплатился и вышел на улицу. На углу Бродвея он остановился, чтобы еще раз рассмотреть снимки при солнечном свете. Приходилось признать, что монахиня была настоящей — из плоти и крови. И эта жуткая, омерзительная, отталкивающая реальность действительно существовала. Бен невольно вздрогнул, и по телу его побежал озноб. Он торопливо сунул фотографии в карман, прошелся до 42-й улицы и там спустился в метро.

Глава двенадцатая

В десять утра Бен вышел из самолета, с небольшим опозданием прибывшего в Сиракузы, штат Нью-Йорк, и направился к стоянке такси, держа в руках тонкую кожаную папку. В ней лежала статья из газеты, любезно подаренной Бену мистером Харди, старое цветное фото Элисон Паркер и снимки монахини. Через двадцать минут таксист привез его в респектабельный зеленый пригород, где по адресу улица Ирокезов, 625 Бен обнаружил трехэтажный белокаменный особняк в колониальном стиле, вышел из автомобиля и, нажав кнопку звонка, приготовился ждать. После пятого звонка дверь открыл высокий мужчина, чем-то напоминающий Авраама Линкольна.

— Мистер Бэрдет? — осведомился он с долей уверенности в голосе.

Бен кивнул.

— А вы — мистер Томпсон... — в свою очередь, уточнил он.

— Да, — ответил хозяин дома. — Пожалуйста, проходите.

Бен последовал за Томпсоном в широкую, просто обставленную гостиную, не лишенную, однако, деревенского очарования.

— Присаживайтесь, мистер Бэрдет. Будьте как дома, — предложил хозяин.

Бен огляделся и выбрал кресло-качалку.

— Я очень ценю ваше участие..— заговорил Бен. Он был в полной растерянности. Как начать? С чего?..— Я знаю, что вам это очень тяжело... но мне необходимо будет увидеть вашу дочь.

В глазах Томпсона читалась непроходящая боль.

— О чем тут говорить, мистер Бэрдет... Вы, судя по всему, можете помочь мне точно так же, как я — вам.— Он саркастически усмехнулся.— Если бы у меня была хоть какая-то надежда... Я отдал бы все за любой шанс помочь Энни.

Бен понимающе кивнул.

— А она здесь, наверху? — спросил он.

— Да, с ней там сиделка. Мы поговорим, а потом поднимемся к ней.

Бен внимательно изучал своего собеседника. У него были правильные тонкие черты лица, ухоженная темная бородка и умные голубые глаза. Бен сразу понял, что этот человек — настоящий комок нервов. Руки он держал сжатыми в кулаки, нижняя челюсть слегка подрагивала, а кожа лица то бледнела, то становилась землистой от приливающей крови.

— Последние два года, мистер Бэрдет, были для меня сущим адом,— признался Томпсон.— Вы меня понимаете?

— Конечно,— с искренним сочувствием кивнул Бен.

— Я люблю свою дочь больше жизни,— продолжал хозяин дома.— Она — единственное, что у меня осталось. Моя жена умерла, когда Энни еще была совсем крошкой, и я воспитывал ее сам. Поверьте, мистер Бэрдет, она всегда была чудесным ребенком, нежной и любящей дочерью, и выросла милой и доброй девушкой. И очень красивой... У нее, наверное, во всем мире, не нашлось бы врагов и завистников. Вы представляете, как все это на меня подействовало? Трудно объяснить... Словно кто-то залез ко мне внутрь и вывернул наизнанку всю душу. Лучше бы она погибла тогда! Я бы просто повесился, и теперь все уже было бы закончено...

— Не надо так говорить, мистер Томпсон,— попробовал утешить его Бен.

— Да бросьте вы! — с отчаяньем махнул рукой Томпсон.— Это я уже слышал. Я знаю — надо притворяться, будто ничего и не случилось... Перенести все это в самый дальний уголок подсознания... Забыть о том, что я не спал спокойно уже Бог знает сколько ночей подряд. Забыть, что моя дочь превратилась в настоящего зомби!..— Он нервно встряхнул головой.— Не обижайтесь на меня, мистер

Бэрдет, но я уже привык к подобным советам... Мне твердили об этом буквально все — терапевты, психологи, психиатры и даже полицейские. Все они как один говорили именно это. Но, разумеется, более красноречиво, чем я попытался вам передать.

Бен опустил глаза, чувствуя себя готовым провалиться сквозь землю. Он всем сердцем жалел этого несчастного отца. Но еще больше он жалел сейчас самого себя.

— Мистер Томпсон, мне очень трудно говорить, и я хочу, чтобы вы знали это... Но вместо того чтобы впадать в отчаяние, давайте лучше попробуем объединиться. Я знаю, что пришлось пережить вашей дочери. А вы знаете мое положение... Если же по телефону что-то было вам непонятно, я с радостью перескажу все сейчас.

Томпсон напрягся.

— Нет-нет, вы объяснили все очень толково.

— Мне приходится жить в постоянном страхе, — продолжал Бен. — И я уверен, что ваша дочь встретилась тогда в горах именно с той самой монахиней, сестрой Терезой, которую должна сменить на посту моя жена...

Томпсон чуть заметно кивнул.

— И если мы действительно установим, что это одна и та же монахиня, то придется поверить и во все остальное, что рассказал мне покойный детектив Гатц. А тогда... станет возможным все.

— Что же именно? — взволнованно спросил Томпсон.

— Пока я и сам не знаю... Но что-то точно произойдет. Может быть, мы сумеем разыскать священников, участвующих в заговоре... Мы доберемся до самых верхов католической церкви. И тогда можно будет обратиться в ФБР, в газеты, к Генеральному прокурору...

Томпсон удивленно поднял брови.

— Что вы такое говорите, мистер Бэрдет? Обращаться к этим людям за помощью?! Позвольте, я вам кое-что расскажу... С того самого дня, как мою дочь нашли на той проклятой поляне, все — и полиция, и газетчики, и прокурор — начали тыкать в нее своими грязными пальцами, осуждая за то, что она оказалась неспособной постоять за себя. Если угодно, я могу показать вам целый ворох статей, от которых любому нормальному человеку просто стало бы тошно. А окружной прокурор даже пригрозил, что начнет над ней суд по обвинению в убийстве.

— Да вы шутите! — не веря своим ушам, произнес Бен.

— Вовсе нет, — грустно ответил мистер Томпсон. — Там ведь не нашли ни отпечатков пальцев, ни других следов,

подтверждающих присутствие кого-то постороннего, кроме Энни и Бобби Джо. И этого оказалось вполне достаточно, чтобы обвинить во всем Энни.

Бен покачал головой.

— Скажите, а она была... в здравом рассудке, когда ее привезли с гор?

— Временами да. Но в основном — нет. — Он тяжело вздохнул. — Потом ее состояние очень быстро начало ухудшаться... И власти, конечно, со своей стороны, сделали для этого все возможное, не пытаясь даже поддержать бедную девочку.

— А что считают врачи? — спросил Бен.

Томпсон неопределенно пожал плечами.

— Они и сами тут ни черта не понимают. Сначала сказали, что у нее стал развиваться психоз. Потом решили, что это физическое заболевание, затем — и то и другое вместе. Но ни один тест этого не подтвердил. Честно говоря, я их уже давно сюда не пускаю — все равно никакого толку.

— Я вас понимаю, — посочувствовал Бен, облизнув пересохшие губы. — Простите, у вас не найдется немного воды?

— Да-да, конечно! — тут же засуетился Томпсон, пошел на кухню и вскоре вернулся с полным стаканом. Бен отметил про себя, что ступает он очень тяжело, несмотря на свою стройную, даже атлетическую фигуру. Видимо, эмоциональное потрясение подорвало и его физические силы.

Бен сделал несколько глотков и, отставив стакан на журнальный столик, вынул из папки фотографию Элисон Паркер.

— Вот это и есть та самая Элисон, — объяснил он. — Снимок передал мне детектив Гатц.

Томпсон молча кивнул.

Потом Бен передал ему фотографию монахини.

— А это я снял сам пару дней назад.

Томпсон медленно и внимательно разглядывал снимки. На лице его выступили капельки пота.

— Гатц был убежден, что это одна и та же женщина. Я тщательнейшим образом сравнивал фотографии, но все равно не могу быть уверенным на все сто процентов. А вы как считаете?

— Не знаю, — задумчиво произнес Томпсон. Он неотрывно изучал снимки, и удивление на его лице росло с каждой секундой.

И тут Бен заметил, что глаза Томпсона заблестели от слез.

— Да, это она,— наконец произнес несчастный отец, бросив фотографии на стол.— Это та самая женщина, которую видела моя Энни.

— А почему вы так в этом уверены?

— Я это знаю наверняка. Да вы и сами читали в газете ее описание. Так что сомневаться тут не в чем — все сходится, как Энни и говорила. Вы ведь тоже не сомневались в этом. Это подтвердил бы любой.

— Но мне хотелось услышать эти слова именно от вас.

— Так вот вы их и слышали! — Томпсон неожиданно разрыдался.— Боже мой, Боже мой...— беспомощно причитал он.— Господи, за что?..

Бен склонился к нему и осторожно тронул его за плечо.

— Прошу вас, не надо... Я прекрасно понимаю, как вам сейчас тяжело, но нужно взять себя в руки. Теперь нам как никогда понадобится самообладание.

И тут Томпсон пронзительно закричал. От неожиданности Бен отпрянул. Казалось, что душа Томпсона, не выдержав страшного двухлетнего напряжения, уже покидает тело.

Бену потребовалось несколько минут, чтобы успокоить его.

— Теперь я хотел бы увидеть вашу дочь,— наконец сказал он, когда Томпсон перестал рыдать.

Тот кивнул и закрыл лицо руками.

— Простите,— тихо прошептал он.— Со мной такое часто случается. Я просто не могу больше этого выдержать...

— Я понимаю,— сочувственно вздохнул Бен.— Ну, пойдете.— И он помог Томпсону подняться на ноги.

Сначала тот отнес в кухню стакан, а потом повел Бена по лестнице на второй этаж. Там они зашагали по коридору к самой дальней комнате.

Комната представляла собой настоящий мавзолей; склеп для еще живой Энни. Здесь царила тишина и полумрак, словно на всем внутри лежал саван безжизненности. Кружевные занавески на окнах никогда не раздергивались. Тумбочка была пуста. В воздухе витало какое-то гнетущее ощущение боли и безнадежности.

Энни Томпсон лежала в кровати, укутанная толстым стеганым одеялом. Рядом стояло два стула, на одном из которых расположилась полная пожилая женщина. Томпсон пояснил про нее, что это и есть сиделка Энни. А потом до-

бавил, что хотя денег у него не так уж и много, он все тратит на то, чтобы Энни было хоть чуточку легче.

Бен застыл в дверях, с ужасом уставившись на больную девушку. Это была точная копия Дженнифер Лирсон — начиная от цвета кожи и бессмысленного выражения на лице и кончая отвратительным запахом, идущим из-под ее тела.

Превозмогая тошноту, Бен медленно приблизился к кровати. Глаза девушки были открыты. Он не сомневался, что она видит его, хотя никакой реакции с ее стороны не последовало.

Томпсон нежно заговорил с дочерью, объясняя, что он привел с собой друга.

— А она слышит вас? — осторожно поинтересовался Бен.

Томпсон лишь уныло пожал плечами.

— Это никому не ведомо.

Бен прикоснулся к ее коже. Холодная и сухая. Он отдернул руку и машинально потер пальцы, чтобы избавиться от неприятного ощущения.

— Здравствуй, Энни, — сказал Бен. — Я пришел, чтобы помочь тебе. Я знаю, ты не можешь мне отвечать, но все-таки ты постарайся понять меня. Я друг твоего отца, и хочу тебе кое-что показать.

Томпсон настороженно склонил голову. Его беспокоили намерения Бена.

— Сейчас я покажу тебе фотографию. Если ты вспомнишь, кто это, дай мне как-нибудь знать. Ну, моргни или пошевели пальцами. Дай любой знак. Я замечу.

— А вы уверены, что это необходимо? — с тревогой в голосе спросил Томпсон.

— Во всяком случае, мы ничего не теряем, — успокоил его Бен.

Он наклонился над самым лицом девушки и теперь ясно слышал ее дыхание и чувствовал его зловоние, распространяющееся по всей комнате. Он достал фотографии монахини, перебрал их и отыскал, на его взгляд, самую лучшую. Потом повернул снимок так, чтобы Энни могла рассмотреть его, не меняя направления взгляда.

Наступила напряженная пауза.

— Она не понимает, чего вы хотите, — тихо вступила в разговор сиделка.

— Тссс! — зашипел на нее Бен, подняв вверх указательный палец.

Неожиданно веки девушки дрогнули. Что-то должно было произойти прямо здесь и сейчас, в этой комнате. Энни беспокойно заворочалась под одеялом.

От испуга Томпсон как подкошенный сел рядом с ней на кровать и схватил дочь за руку.

— Она узнает ее! — возбужденно воскликнул Бен.

Теперь Энни будто бы ожила.

— Да, узнает. Узнает!!

Томпсон начал звать дочь по имени, прижался к ней всем телом и снова расплакался.

— Ты ведь видела эту монахиню, да? — начал расспросы Бен.

Девушка напрягалась все больше.

— Это она? — не отставал Бэрдет.

И тут Энни резко вскочила с кровати. Томпсон бросился вслед за ней, стараясь удержать дочь на месте. На губах девушки выступила пена.

— Боже мой! — кричал Томпсон. — Помогите же удержать ее!

Началась страшная возня, Энни лягалась и пронзительно визжала. Сиделка пыталась повалить ее на кровать, Бен помогал ей, как мог. Но тут Энни изо всех сил лягнула его пяткой в пах, отчего он согнулся и отступил, задыхаясь и корчась от боли.

Томпсон тщетно пытался удержать дочь за плечи. Сиделка что-то кричала. Энни — неподвижная в течение нескольких лет — вдруг превратилась в истошно вопящую истеричку, сжимавшую в руке фотографию старой монахини.

— Бог мой... — бормотал Бен, отчаянно пытаясь ухватить ее за ноги. — Ее надо связать! — крикнул он Томпсону.

В этот момент девушка с размаху ударила отца по лицу. Из уголка его рта заструилась кровь.

— Ч-черт! — стиснув зубы, простонал Бен. Энни больно укусила его за руку, вырвалась и начала колотить всех троих. На лице ее была гримаса безжалостной ярости.

Она била их в кровь, и Бен едва успевал уворачиваться. И вдруг девушка рванулась к двери, опрокинув сиделку на пол. Бен ухватил ее за ночную рубашку, но ткань с громким треском разорвалась. Теперь Энни была совершенно голая.

На бегу она ударилась о дверной косяк, но фотографию не выпустила, все так же крепко сжимая ее в руке.

— Остановите ее! — крикнул Бен.

Томпсон бросился за дочерью в коридор, пытаясь ухватить ее за ногу, но у самой лестницы неожиданно спотк-

нулся и, не удержав равновесия, кубарем скатился вниз, на первый этаж, беспомощно распластавшись на полу в холле.

Бен с ужасом посмотрел вниз. Сиделка первой подбежала к Томпсону и запричитала, потрясенная неожиданным ходом событий. Но теперь уже пользы от нее было мало.

— Энни! — закричал Бен.

Он сломя голову кинулся вниз по лестнице, лишь на секунду задержавшись возле Томпсона, чтобы оценить его состояние. Тот лежал неподвижно. Видимо, без сознания. А может быть, даже мертвый. Но Бен не стал размышлять над этим, а бросился на улицу за нагой девушкой.

Она успела уже удалиться от дома на полквартиры и неслась теперь к оживленному перекрестку, привлекая изумленное внимание пешеходов.

— Остановите ее! — призывал Бен окружающих.

Но ни один человек не двигался с места. Эта картина так шокировала всех, что никто не мог даже сообразить, что надо делать. А Энни по-прежнему бежала вперед.

Бен изо всех сил работал ногами, чувствуя, что легкие его вот-вот лопнут от напряжения. Наконец двое мужчин сумели схватить ее за руки. Но девушка тут же вырвалась, не замедлив движения. Бен припустил еще сильнее, постепенно нагоняя ее.

— Энни! — звал он, смахивая ладонью пот, который заливал глаза, не давая ему ничего разглядеть перед собой.

Наконец девушка споткнулась и остановилась, затравленно озираясь по сторонам в полной беспомощности. Заметив в своей руке фотографию, она издала страшный вопль, растянув рот в гримасе дикого ужаса. Теперь она стояла возле самого перекрестка и пристально смотрела на Бена, словно ждала от него помощи или надеялась, что сейчас он схватит ее и избавит, наконец, от страданий, которыми стала ее жизнь.

Бен замер на месте футах в десяти от нее. Их взгляды наконец встретились. Машины за спиной девушки отчаянно гудели и тормозили, а водители высовывались из окон, наблюдая очень странное зрелище. Пешеходы тоже останавливались, не в силах пройти мимо увиденного. Посреди тротуара стояла голая девушка с каким-то снимком в руке и безумно кричала, а ее преследовал некий молодой человек. И вот теперь они оба замерли и смотрели в глаза друг другу, как дикие звери перед решающей схваткой.

— Энни... — собравшись с духом, заговорил наконец Бен. — Я хочу, чтобы ты шла со мной. Я могу помочь тебе. — Он пытался перевести дыхание и успокоиться. —

Я прошу тебя, Энни! Я знаю, ты понимаешь все, что я тебе говорю.

Но она молчала. Из рта несчастной продолжала капать липкая пена. И вдобавок ко всему ее начала колотить страшная дрожь, словно температура у нее внезапно повысилась, превзойдя все человеческие пределы.

«Что же с ней происходит? — отчаянно думал Бен. — Девушка, скованная в движениях, два года пролежавшая в кататоническом ступоре, неожиданно ожила и стала непредсказуемой и агрессивной... Что теперь делать — броситься на нее или подождать?..»

— Я прошу всех... отойти от нас, — наконец тихо выговорил Бен. Краем глаза он успел заметить, что любопытные уже начали сжимать вокруг них кольцо, в толпе слышался шепот, кое-где зазвучал неуместный смех. — Эта девушка серьезно больна. Пожалуйста, отойдите.

Потом он снова попытался заговорить с ней. Кто-то сзади предложил вызвать полицию. Но отступать уже было поздно. А ждать — некогда. Теперь ему самому предстояло разобраться с Энни. Понимает ли она его слова? В этом Бен не был до конца уверен.

Девушка начала мерно покачиваться. По щеке ее поползла слеза. Губы задрожали, и вдруг она издала такой душевнораздирающий вопль, что толпа испуганно отпрянула фута на два. Ничего подобного Бену не доводилось еще слышать за всю свою жизнь. Это было намного страшнее, чем крик отчаяния ее отца.

Он не раздумывая шагнул ей навстречу, и в тот же миг девушка повернулась и бросилась прямо на мостовую. Автомобили, скрипя шинами, пытались объехать ее, оглушительно визжали тормоза, но она, словно не замечая ничего, медленно брела против движения. Бен осторожно следовал за ней. Одна машина больно задела его за бедро. Он выругался, но не остановился.

Из-за угла показался междугородный автобус. Энни шла прямо на него. Водитель рванул ручной тормоз, улица огласилась визгом прохожих, но было уже слишком поздно. Автобус на полном ходу врезался в припаркованный у обочины «джип», мощным бампером придавив к нему Энни. Кровь фонтаном хлынула у нее из носа и рта прямо в лобовое стекло автобуса. Подбежав, Бен застал уже лишь предсмертную судорогу.

— Нет, только не это... — прошептал он, чувствуя, как рот наполняется горечью. — Боже мой...

Толпа сразу же обступила их, вдали раздался вой полицейской сирены. И тут кто-то ударил его по голове. Бен без сознания рухнул на мостовую. Прошла целая вечность, пока туман перед его глазами рассеялся. Он встал на колени и принялся искать фотографии. Но их нигде не было. Бен заполз под автобус, заглянул под ближайшие машины... Снимки бесследно исчезли.

Он, шатаясь, поднялся на ноги, решив поскорее убраться с этого места. Теперь надо вернуться в дом Томпсонов и попытаться спасти хотя бы отца Энни. И ни в коем случае не попадаться на глаза полиции. Он вряд ли выдержит сейчас еще один длинный допрос.

Вернувшись в дом, Бен обнаружил, что мистер Томпсон по-прежнему лежит на полу. Сиделка находилась в гостиной и безутешно рыдала.

— Что с ним? — спросил Бен, заглянув в комнату.

— Он умер, — сквозь всхлипывания сообщила сиделка. — Я уже вызвала полицию и скорую помощь.

Бен кивнул.

— Все ясно, — кратко резюмировал он.

— Меня попросили назвать ваше имя и фамилию, но я их не знаю... А еще просили вас задержаться здесь до приезда полиции.

— Ясно, — повторил Бен. Теперь ему надо было как можно скорее сматываться и отсюда.

— Они скоро приедут, — добавила женщина.

— Вот и хорошо, — сказал Бен, дико озираясь по стоконам. — Знаете что, мне надо проверить машину. Я сейчас вернусь.

Сиделка кивнула.

Бен вышел в холл, на секунду остановился возле мертвого тела мистера Томпсона, а потом решительно зашагал к двери.

Энни обрела покой, как и ее несчастный отец. И возможно, это был лучший выход для них обоих, рассуждал Бен, сворачивая за угол.

* * *

Бен плотно закрыл за собой дверь кабины телефона-автомата и посмотрел на часы. До посадки в самолет на Нью-Йорк оставалось еще десять минут. Уйма времени!..

Он вынул из кармана клочок бумаги, взглянул на записанный там телефон лаборатории «Техниколор» и принялся вращать диск. Трубку поднял приемщик. Бен попро-

сил подозвать нужного ему лаборанта и через пару минут услышал знакомый голос.

— Мистер Бэрдет?..— неуверенно произнес тот.

— Послушайте,— перебил его Бен.— У меня сейчас самолет, поэтому я буду предельно краток. Я потерял все фотографии, которые вы для меня сделали. И теперь мне надо заново отпечатать все снимки. Причем как можно скорее

Наступила пауза.

— Алло, вы меня слышите? — забеспокоился Бен.

— Да, мистер Бэрдет, слышу. Но исполнить вашу просьбу, к сожалению, невозможно.

— Почему? — прохрипел Бен, чувствуя, как сжимается его горло.

— Понимаете, ночью кто-то забрался в лабораторию и украл ваши негативы.

После долгого молчания Бен наконец спросил:

— Только мой?

— Это невероятно, но пропала именно ваша пленка. Все остальное не тронули.

Бен отнял трубку от уха и бессмысленно уставился на нее.

— Мистер Бэрдет? — кричал голос с другого конца провода.— Алло, мистер Бэрдет! Вы меня слышите?!

Бен был не в состоянии отвечать. Он повесил трубку, вышел из кабинки и направился к огромному, во всю стену, окну, выходящему на летное поле.

В его мозгу крутились одни и те же слова. Они звучали отрывисто и кратко, словно передавались по телетайпу. ТЕПЕРЬ. НАДО. БОРОТЬСЯ. ЗА СВОЮ. СОБСТВЕННУЮ. ЖИЗНЬ.

Глава тринадцатая

— Бен! — обрадовался отец Макгвайр, увидев с балкона своего приятеля.

Бен помахал рукой и быстро взбежал вверх по лестнице.

— Надеюсь, я не отвлек вас? — спросил он.

— Ну конечно, нет,— тут же ответил Макгвайр, крепко пожимая Бену руку.— Какая приятная неожиданность!

— Я был тут неподалеку и вот решил заглянуть,— объяснил Бен.

Макгвайр расплылся в добродушной улыбке.

— Что ж, я очень рад. А то я уж было подумал, что вы про меня совсем забыли. И решил даже сам позвонить

вам первым. Сейчас я вам покажу. Вот — записано в календаре на четверг. Видите?

Бен кивнул.

— Я тоже очень рад видеть вас, Джеймс.

— Ну, пойдете ко мне. Покажу вам свой кабинет, выпьем по стаканчику доброго вина, и вы расскажете мне, как поживают Фэй и малыш.

Макгвайр жестом пригласил Бена следовать за ним, и они прошли через длинный коридор к двери небольшой комнаты, заваленной рукописями, церковными книгами и всевозможными деловыми бумагами. Интерьер кабинета был весьма скромным и состоял в основном из религиозных атрибутов.

Макгвайр достал из шкафчика два стакана, стеклянный графин и, наполнив стаканы, передал один Бену. Потом предложил ему устраиваться поудобнее, а сам уселся за письменный стол. Из-за высоких стопок книг, папок и прочих бумаг на столе Бен едва видел голову священника.

— Как же вас занесло в наши края, Бен? — спросил Макгвайр.

— Все из-за моей новой книги. Действие нескольких глав там происходит как раз в этом районе. Ну, и я решил: для большей правдоподобности надо навестить эти улицы, чтобы не запутаться потом в названиях и не попасть впросак, когда буду описывать их. К тому же надо еще походить по переулкам и обратить внимание на архитектуру здешних построек...

Он отхлебнул глоток вина.

— О! Это просто великолепно.

Макгвайр был польщен.

— Я счастлив, что вам понравилось, Бен. Признаться, вино — одно из моих давних увлечений, причем чуть ли не самое любимое. Знаете, вы ведь пьете сейчас мускат урожая 1964 года. Не зря этот год считается одним из лучших по сбору винограда...

Бен отпил еще немного и начал смаковать ароматный напиток, наслаждаясь тонким букетом.

— Так вот где вы пишите и работаете... — произнес он, оглядывая комнату.

— Да, в основном здесь, — подтвердил Макгвайр. — Я закрываю эту дверь и отключаюсь от внешнего мира.

— Мне бы такую дисциплинированность! — позавидовал Бен.

— Ну это как раз несложно, — улыбнулся священник. — Просто разум должен быть выше материи.

Бен усмехнулся и откинулся на спинку высокого кожаного кресла. Потом прокашлялся и нервно постучал доньшком стакана по колену.

Макгвайр внимательно смотрел на своего гостя.

— Ну, Бен, как поживает Фэй? — спросил он. — Надеюсь, у вас все хорошо?

Бен немного замешкался, а потом ответил:

— В общем, да... Хотя недавно она болела. У нас в доме произошло одно очень неприятное происшествие... Убийство. А Фэй как раз обнаружила труп. И на нее это так сильно повлияло, что она не могла прийти в себя в течение нескольких дней.

Улыбка Макгвайра тут же погасла, и он взволнованно произнес:

— Какой ужас! Надеюсь, теперь с ней уже все в порядке?

— Ну, напряжение, конечно, еще осталось, — ответил Бен. — И на работу она пока не выходит... Но врач сказал, что на той неделе она уже полностью оправится и сможет снова браться за дела.

— Бен, обязательно передайте ей мой привет и пожелания скорейшего выздоровления, — с чувством сказал Макгвайр. — А если я чем-нибудь могу помочь, вы можете полностью располагать мною.

Но Бэрдет лишь махнул рукой и придвинулся ближе к священнику.

— Да нет, она уже почти в полном порядке. И кроме того, у нас ведь полно соседей, которые постоянно находят-ся рядом с ней. Но, разумеется, вы всегда наш желанный гость. Это само собой.

Макгвайр задумчиво водил пальцами по лежащему на столе серебряному ножу для вскрытия писем, и Бен вдруг подумал, что священник становился для него каким-то чужим. Конечно, он был вежлив и гостеприимен, но впечатление отчужденности все-таки оставалось.

— Что-нибудь случилось, святой отец? — наконец не выдержал Бен.

— Что? А, нет! Почему вы решили?.. — растерялся Макгвайр.

— Не знаю... Но, по-моему, ваши мысли сейчас не со мной.

Макгвайр кивнул.

— Да, простите, — признался он. — Впрочем, я часто становлюсь таким, когда работаю. Я целиком ухожу в свой

мир. Вы уж извините меня... Расскажите лучше, как поживает ваш наследник.

— Ну, с ним-то, слава Богу, все в порядке. К счастью, он еще слишком мал, чтобы заметить, что происходит с его матерью.

— Да, в этом смысле ему повезло,— согласился священник.

— Ну, а как ваши дела, Джеймс?

— Неплохо, хотя работы навалом! Вы не представляете себе, сколько энергии требуется, чтобы преподавать, выполнять другие обязанности, возложенные на меня в семинарии, да еще успевать писать книгу. Я многое отдал бы сейчас, чтобы опять побыть в одиночестве и спокойно поработать, как тогда, во время круиза.

Бен с завистью оглядел кипы бумаг на столе Макгвайра. Сразу было видно, что чем бы он ни занимался, он отдавал этому действительно немало времени и сил.

— И тем не менее, я рассчитываю на то, что вы сумеете все же выкроить час-другой и отобедать с нами, как только Фэй окончательно выздоровеет,— сказал он.

— С удовольствием, Бен. Вы же знаете, как мне это будет приятно.

Затем оба надолго замолчали. Бен давно уже не вел таких пустых, бессмысленных разговоров.

— Святой отец,— наконец заговорил он после мучительной паузы.— У меня есть к вам дело...

Макгвайр остановил на нем внимательный взгляд.

— Понимаете, одна женщина по имени Дженнифер Лирсон находится сейчас на принудительном лечении в психиатрической клинике. И врачи безуспешно пытаются найти ключ к разгадке ее душевного срыва. А я знаю, что некий католический священник монсеньор Франкино может помочь им разгадать эту тайну, так как он знал мисс Лирсон несколько лет назад. Вы что-нибудь слышали о нем?

Макгвайр в задумчивости почесал подбородок, а потом отрицательно покачал головой.

— Нет, никогда не слышал такой фамилии. Он как-то связан с Управлением нашей епархии?

— Этого я не знаю. Очевидно, он работал в Нью-Йорке, но в вашем Управлении или нет — этого я сказать не могу.

— А когда это было?

— Пятнадцать лет назад,— с грустью сообщил Бен.

Макгвайр сочувственно покачал головой.

— Целых пятнадцать лет? Да-а... Непростая задача.

Ведь если он и служил тогда в нью-йоркской епархии, все могло измениться за такой большой срок. Возможно, он уже умер. Или его перевели в другое место...

— Или он до сих пор здесь,— добавил Бен.— И его как-то можно найти.

Макгвайр согласно кивнул.

— А вы можете описать мне его внешность?

— К сожалению, нет. Я не хотел бы становиться для вас обузой, Джеймс, но дело в том, что мне действительно нужна сейчас ваша помощь. Я уже звонил в Управление епархии и спрашивал о нем, но мне ответили, что такого человека у них нет и, более того, никогда не было. Конечно, у них могут быть свои причины, чтобы скрывать правду. А может, данные не совсем полные... Но, с другой стороны, священнику они могли бы сказать больше, чем постороннему человеку, верно?

— Пожалуй...

— И даже если монсеньор Франкино сейчас приписан к другой епархии, все равно вам будет проще отыскать его,— продолжал Бен.

— Возможно.

Бен улыбнулся.

— Да я буду просто счастлив помочь вам! — дружелюбно ответил Макгвайр.— Я обязательно постараюсь найти его, и, как только что-нибудь прояснится, сразу вам позвоню.

— А это не слишком затруднит вас? — беспокоился Бен.

— Да что вы! Конечно, нет.

Бен поднялся и пожал священнику руку.

— Не знаю, как и благодарить вас.

Макгвайр встал вслед за гостем.

— Пока благодарить еще не за что, Бен. Может быть, мне и не удастся отыскать вашего Франкино.

— Все равно вы потратите на это время...

Они подошли к двери.

— Святой отец, я должен исповедаться перед вами,— вдруг с улыбкой заговорил Бен.— Я ведь оказался здесь совсем не случайно, а специально пришел к вам за помощью.

— Я знаю,— спокойно ответил священник.

— А откуда вы это знаете? — изумился Бен.

— Из вас плохой лжец, сын мой.

И они дружно рассмеялись.

— Я позвоню вам, как только узнаю что-нибудь,— еще раз пообещал Макгвайр.

Бен повернулся и зашагал по длинному коридору. Но возле самой лестницы остановился, услышав, как Макгвайр окликнул его.

— Бен... Я вот что хотел спросить... То самое расписание — помните? — оно все еще у вас?

— Да, у меня. В письменном столе.

Священник кивнул.

— Ну, хорошо. Скоро встретимся. До свидания.

Бен помахал ему рукой и заторопился к выходу.

* * *

Отец Макгвайр позвонил в тот же вечер в половине девятого.

— Бен! — без предисловий начал он. — Я, кажется, нашел священника, которого вы искали.

Бен чуть не выронил трубку.

— Он действительно служит в нашей епархии, только его не было в списках,— пояснил Макгвайр.

— А чем он занимается?

— Вот этого я не знаю. Я пытался выяснить все подробнее, но больше мне узнать ничего не удалось.

— А он сам о себе ничего не рассказывал?

— Нет, Бен,— с сожалением в голосе вздохнул Макгвайр.

Бен сильнее прижал к уху трубку — в соседней комнате захныкал малыш. Фэй была там же, рядом с сыном. Они только что поужинали, потом к ним ненадолго заходила миссис Вудбридж узнать, как дела.

— А можно с ним встретиться? — с надеждой в голосе спросил Бен.

— Да. Я уже договорился о встрече.

— Когда? — чуть не задохнулся Бен.

— Он предложил вам пообедать с ним завтра в клубе «Корнель». Я сказал, что позвоню вам, и если вы согласитесь, то больше беспокоить его не стану.

— Конечно-конечно! — затараторил Бен. — Меня это вполне устраивает.

— Ровно в двенадцать.

— Я буду там точно в полдень. А что он сказал, когда вы назвали ему имя той девушки — Дженнифер Лирсон? — поинтересовался Бен.

— Вот в этом-то вся загвоздка... — смутился священник.

— Какая еще загвоздка?

— Он совершенно уверен, что никогда не слышал такого имени. Тогда я напомнил ему, что он мог слышать его пятнадцать лет назад, а ведь это большой срок, и память, может быть, просто подводит его... И он вроде бы даже начал колебаться, но все равно так толком ничего и не вспомнил. И должен предупредить вас, Бен, что он настроен по этому поводу весьма скептически.

— Ну, с этим-то я разберусь,— заверил Бэрдет.— В конце концов, Франкино — не так уж часто встречающаяся фамилия.

— Хорошо. Надеюсь, я помог вам?

— Огромное вам спасибо, святой отец!

— Ну, слава Богу! Тогда держите меня в курсе событий, договорились?

— Разумеется!

— Спокойной ночи, Бен,— попрощался священник.

— Спокойной ночи.

* * *

Бен вернулся в гостиную и, плюхнувшись в кресло, включил телевизор. В это время из спальни вышла Фэй.

— Кто это звонил, дорогой? — поинтересовалась она.

— Да так, один знакомый,— как бы между прочим произнес Бен, переключая программы пультом дистанционного управления.

— А кто именно? — не отставала Фэй.

— Это что, вопрос? — удивился Бен, не отрываясь от телевизора.

Фэй присела рядом на подлокотник кресла и обняла мужа за шею.

— Мне показалось, ты очень волновался, когда разговаривал по телефону,— сказала она.— Надеюсь, у тебя не появилось никого на стороне, а?

Бен засмеялся и нежно погладил ее по плечу.

— Ничего глупее я еще не слышал. На какой еще стороне? Где? Да у меня сил на это не хватило бы!

— Ну, на меня у тебя всегда сил хватало! — заметила Фэй.

— Ты — счастливое исключение.

— Так кто это был? — настаивала она.

— Ребенок заснул?

— Да.

— А почему он плакал?

— Не знаю.— Она пожала плечами.— Бен, по-моему, ты пытаешься увильнуть от ответа.

Бен сжал губы, но жена не отставала и тихонько толкала его локтем, ожидая ответа.

— Ну, хорошо...— сдался Бен.— Это звонил отец Макгвайр.

— Макгвайр? — изумилась Фэй.— А почему же ты не дал мне трубку? — Она обиженно отодвинулась от мужа.— Как ты мог? Ты ведь знаешь, как мне хотелось поговорить с ним.

— Ну, не стоит так переживать, дорогая,— попробовал успокоить ее Бен.— Скоро мы встретимся все втроем и довольны наговоримся. Я сегодня заходил к нему в семинарию и пригласил его пообедать с нами на днях... Когда ты окончательно встанешь на ноги и сможешь выходить в город

— Но я и так уже хорошо себя чувствую! — нахмурилась Фэй, но Бен проигнорировал эту реплику.

— И сейчас он звонил, просто чтобы сказать мне, что ему было очень приятно увидеть меня сегодня, и поблагодарил за визит. Вот и все. А тебе я не стал ничего говорить, потому что хотел сделать сюрприз.

— Что?

— Ну... обед с Макгвайром. Мы договорились с ним встретиться на той неделе. Но теперь это уже не сюрприз

— Ну и что? — Фэй пожала плечами.

Бен снова устался на экран. Фэй закрыла глаза и просидела так несколько минут. А потом решительно встала, подошла к телевизору и выключила его.

— Эй, в чем дело? — удивился Бен.

Она опустила глаза, одновременно чувствуя и вину и какое-то напряжение.

— Послушай, Бен, нам надо серьезно поговорить.

— Хорошо,— ответил он и поудобней устроился в кресле.

Фэй села рядом на пол.

— Видишь ли... С тех пор, как я нашла этот труп в подвале, мы с тобой, по сути, еще и не разговаривали. Ну, сначала я была не в состоянии из-за того дурацкого шока, а потом ты все время был занят, причем я не знаю, чем именно... Но факт остается фактом — мы совсем перестали общаться. Ты постоянно куда-то ходишь... У меня даже начинает складываться впечатление, что мы больше не муж и жена.

— Прости, дорогая. Я действительно совсем закопался в делах. Эта книга...

— Но ты ведь даже не притронулся к рукописи! — почти закричала Фэй.

— Ну, ладно... — вздохнул Бен. — Действительно, до недавнего времени ты чувствовала себя очень неважно, и я был сильно расстроен твоим состоянием. Поэтому я и стал таким неразговорчивым. Это были трудные дни и для тебя, и для меня тоже. И теперь я хочу как можно скорее забыть обо всем этом.

Фэй погладила его ладонь, но напряжение не проходило.

— Да, денечки выдались что надо! — пробормотала она, чуть не плача. — И почему все это свалилось именно на нас?.. Ведь было так хорошо!.. А теперь...

— Все уже кончилось, — твердо произнес Бен. — И я не хочу снова перемалывать это. Да и тебе пора уж отвлечься. Ты ведь ничего плохого не сделала, зачем же так переживать? Ну, нашла труп. И что с того?.. Теперь ты снова в полном порядке. И можешь уже вернуться к работе... Так почему бы нам опять не начать улыбаться? Хватит горя и слез. Ведь всего несколько дней назад, когда к нам приходили соседи, ты была такой счастливой и радостной!.. Ну, что опять не так, дорогая?

— Не знаю... Может быть, я слишком много думала обо всем этом, — предположила Фэй. — А что если нам вообще переехать на другую квартиру?

Бен и сам долго размышлял над этим, но каждый раз он вспоминал слова Гатца. Следовательно убеждал его, что никакие переезды здесь не помогут.

— А зачем? — спросил он.

— Ну, не знаю. Чтобы побыстрее забыть об этом месте. Избавиться от всяческих воспоминаний.

— Перестань, Фэй. Это со временем и так пройдет само по себе.

Но Фэй внезапно задрожала всем телом.

— Бен, послушай! Я не хочу больше жить рядом с этой монахиней. Я не выдержу. Стоит мне только подумать, что она здесь, рядом, как сразу же дурно делается. Я просто сойду с ума!

— Но, Фэй, когда мы переехали сюда, она уже жила в этом доме... Почему же только теперь она стала раздражать тебя, да еще так, что тебе захотелось даже поменять квартиру?

— Не знаю... Мне теперь все здесь кажется странным. Как ты объяснишь, например, что недавно сорвалась строительная люлька? И к тому же Макс Вудбридж выяснил,

что никто никаких ночных работ в доме не заказывал. Что они тут делали, и почему она у них сорвалась?

— Фэй, ради всего святого, откуда же мне знать об этом?!

— А тебе известно, что окно в комнате монахини уже несколько дней открыто?

— Ты, наверное, разыгрываешь меня? — смутился Бен. — «Неужели мы так и не закрыли его?» — с ужасом подумал он.

— Вовсе нет. Пойди посмотри сам с улицы. И увидишь, что я права.

— Ну, ладно. Допустим, оно открыто. И что из этого?

— А личность убийцы еще так и не установлена... Возможно, он до сих пор рыщет где-то поблизости. И неизвестно, куда пропал Лу Петросевич. Ну, и еще многое другое...

— И что ты от меня хочешь? — напрямик спросил Бен, в упор уставившись в глаза Фэй.

— Ничего. Просто я хочу, чтобы ты понял, каково мне сейчас, и что творится у меня в душе.

— Ну, хорошо. Это я могу понять. И обещаю тебе всерьез подумать о переезде. Договорились?

Она кивнула.

— Теперь все?

— Нет, — как-то глухо произнесла Фэй.

— Ну, что еще, милая? — уже смягчаясь, спросил Бен.

— В последнее время ты тоже стал вести себя очень странно, Бен. И мне надо знать, отчего это происходит.

Бен напрягся, стараясь не выдать своего волнения.

— Я не совсем понимаю тебя, — медленно проговорил он.

— Я поясню. Я прекрасно знаю, что моя болезнь сильно расстроила тебя, и поэтому ты не мог работать над рукописью. Это ясно. Но все равно ты должен был оставаться рядом со мной. Разве нет? Или ты настолько погрузился в свои дела, что перестал даже замечать, что большей частью тебя вообще не бывает дома?.. В ту самую ночь, когда оборвалась люлька, я проснулась, хотя потом я сказала тебе, что крепко спала и ничего не слышала. Мне просто не хотелось тогда расстраивать тебя. Так вот, когда я проснулась от этого шума, тебя дома не оказалось. А ведь это была глухая ночь! А потом мне позвонили из аэропорта, чтобы проверить номер твоей кредитной карточки. Оказывается, в четверг ты зачем-то летал в Сиракузы, а мне сказал, что пойдешь в библиотеку собирать материал для книги... Ты прекрасно знаешь, что я полностью доверяю

тебе, никогда не задаю лишних вопросов и не занимаюсь никакой глупой слежкой. Ты свободен и волен приходить и уходить, когда тебе заблагорассудится. Но все же войди в мое положение... Наверное, на моем месте ты почувствовал бы себя точно так же, если бы я вдруг начала пропадать среди ночи неизвестно куда, а потом рассказывать байки, которые нисколько не похожи на правду. Как бы ты поступил? — возмущалась Фэй.

— Да, наверное, я бы здорово расстроился, — согласился Бен.

— Так что ты можешь сказать теперь в свое оправдание? — не отступала Фэй.

— В ту ночь, когда упала люлька, я выходил погулять. Мне не спалось, и я решил подышать свежим воздухом.

Фэй не шелохнулась.

— А зачем тебе понадобилось летать в Сиракузы?

— У меня там было важное дело. Мне позвонили из газеты и попросили вылететь туда, чтобы взять интервью у нескольких человек, а заодно отвезти в их местную газету материал для какой-то статьи. Если не веришь, я могу дать тебе телефон этой газеты, и ты сама поговоришь с редактором. Тебе скажут то же самое.

К счастью для Бэна, Фэй поверила ему на слово и не стала требовать никаких подтверждений.

— И если тебя тревожат подобные мелочи, то надо было сразу спросить меня, и я бы детально все объяснил, а не строить впустую всякие предположения. Видишь теперь, как все, оказывается, просто на самом деле? К тому же, ты давно уже должна была понять, что я никогда ничего от тебя не скрываю. И тем более, не лгу. Ну разве не так, а?

Казалось, на Фэй эта тирада произвела должное впечатление.

— Это правда, — признала она.

— Ну, тогда давай побыстрее кончать этот разговор. А если ты всерьез задумала менять квартиру, то лучше обсудим это с утра. А еще лучше, если ты сама на свежую голову обдумаешь свои планы и решишь, действительно ли для тебя так важно переехать отсюда. Если да, то будем вместе мозговать, что делать дальше. Начнем искать варианты... Ну, по рукам, дорогая?

— Д-да, наверное... Я согласна.

— Вот видишь, какой шум ты подняла из-за пустяков! — сказал Бен, укоризненно покачав головой.

— По-видимому, ты прав, — как-то не очень уверенно произнесла Фэй.

— Но теперь все забыто? — спросил Бен. — Как договорились?

Она засмеялась, кивнула и поднялась на ноги.

— Включить тебе телевизор?

— Нет, Фэй. Я хочу, чтобы ты легла сейчас рядом со мной и полностью расслабилась. Больше мне ничего не надо. Ну, пошли спать?

Она подошла к нему и, обняв, начала нежно гладить по спине.

— Я люблю тебя, — прошептала Фэй.

— Я тоже, — отозвался Бен. — И ты не должна в этом сомневаться, обещаю!

— Обещаю, — тихо произнесла она.

Бен закрыл глаза и почувствовал, как его тело сливается с телом жены. Ему сразу стало легко и спокойно. В самом деле, ведь они не занимались любовью с того самого дня, как вернулись домой из круиза. Он очень хотел ее, и приятная истома начала охватывать его тело. Уже несколько дней в такие минуты ему казалось, что трагедия, частью которой они стали, была всего лишь ночным кошмаром или выдумкой, пустой и глупой фантазией... правда, это длилось недолго, и каждый раз тревожные мысли возвращали его к событиям прошедших дней, а в голове снова начинали звучать пророческие слова Томаса Гатца, перед глазами мелькали лица Дженнифер Лирсон, инспектора Бурштейна, Энни Томпсон и ее отца, потом появлялся труп в компакторе и чудился неведомый монсеньор Франкино, наводя на тягостные раздумья о немыслимой цепи роковых случайностей, нелепостей и совпадений последних дней. И в самом деле, вокруг Бена творилось много необъяснимого. Например, появление таинственного распятия на двери каюты, обрыв канатов на люльке, внезапная смерть Гатца и, конечно же, реакция Энни на фото старой монахини. Будто неумолимый злой рок преследовал Бена, словно сама судьба навечно заклеимила его и не выпускала из своих безжалостных цепких лап. Кончится ли когда-нибудь эта вереница несчастий? И если да, то как именно?

Теперь единственным человеком, который мог пролить свет на все это, оставался монсеньор Франкино. Разумеется, при условии, что это именно тот Франкино, который сыграл свою роль в роковых событиях пятнадцатилетней давности. Завтрашняя встреча значила для Бена очень многое.

Он посмотрел в темноте на Фэй и хотел сказать ей что-нибудь ласковое, но не мог найти нужных слов. Он лишь

крепче сжал ее в своих объятиях и поцеловал в щеку, стараясь расковать напряженный мозг и отвлечься от грустных мыслей, никак не желающих покидать его голову.

Итак, Франкино...

Завтра все выяснится...

* * *

— Что ж, рассказ ваш довольно увлекательный, мистер Бэрдет,— вежливо улыбнулся монсеньор Франкино, ковыряя вилкой фруктовый салат.— В самом деле, все это весьма занятно.

Бен улыбнулся и положил руки на стол.

Зал ресторана был до отказа забит посетителями — в основном, деловыми людьми, в строгих костюмах и при галстуках. Рассеянный мягкий свет и приглушенные голоса за столиками действовали успокаивающе. Бен и священник сидели здесь уже более получаса; правда, монсеньор Франкино на несколько минут опоздал.

— Видите ли, даже если забыть на минуту, что вся ваша история — несусветная чушь и глупость,— продолжал священник,— я все равно совсем не тот Франкино, который вам нужен. Очевидно, в этом деле был замешан другой человек с такой же фамилией, если, конечно, предположить, что все, о чем вы тут наговорили, вообще имело место в действительности.

— Понятно,— усмехнулся Бен, проглотив кусочек заливной осетрины.

— Позвольте мне задать вам один вопрос,— вежливо проговорил священник, вынимая из густых седых волос на руке застрявшую в них хлебную крошку.— Предположим, что такой заговор, как вы это называете, действительно существовал, и я даже имел к нему какое-то отношение. Тогда почему вам понадобилось встречаться со мной?

— А как же еще можно распутать все это дело? — удивился Бен.

Франкино задумался и кивнул, нанизывая на вилку маринованный шампиньон.

— Видите ли, мистер Бэрдет, накануне нашей встречи я специально проверил в Управлении каталог личных дел на всех сотрудников нашей епархии и выяснил, что под началом нью-йоркского архиепископа в разное время работали несколько человек с точно такой же фамилией.

— И все они были монсеньорами? — язвительно усмехнулся Бен.

— Нет, конечно,— Франкино терпеливо улыбнулся.

Бен старался держаться спокойно. Он позволял священнику защищаться и был готов к этому, хотя явно чувствовал, что тот просто играет с ним. Франкино напоминал Бену опытного адвоката, который распинается перед присяжными, умело жонглируя фактами и подтасовывая их в свои интересы.

— Скажите, а вы находились в Нью-Йорке в то время, о котором я вам сейчас рассказывал? — поинтересовался Бэрдет.

— Я уже сказал, кажется, что не имею никакого отношения к вашему заговору.

— Я это понял, и все же...

— Ну, хорошо, мистер Бэрдет,— сдался Франкино.— Если вам от этого станет легче, я отвечу: нет, в то время я находился в Риме. Если более точно, то в Ватикане. Устраивает?

Бен не спеша поднял бокал с вином и сделал несколько маленьких глотков.

— Видите ли, монсеньор. Мы с вами беседуем почти уже час. Вы слушали меня, а потом я внимательно выслушал вас. Так вот, скажите мне, как вы считаете, у меня могут еще оставаться сомнения в вашей искренности, или я уже должен поверить вам до конца?.. Дело в том, что я вам почему-то все равно не верю. К сожалению.

Франкино напрягся, но сумел сдержаться и лишь натянуто улыбнулся.

— Вы что же, подозреваете меня во лжи? — Он удивленно вскинул брови.

— Давайте скажем чуточку по-другому. Просто я вам не верю. И хотя вы упорно продолжаете называть рассказ Гатца пустой фантазией, вы должны понять, что мне лично пришлось увидеть и узнать уже довольно многое, чтобы сомневаться в его словах. И, конечно, живая монахиня у нас тоже имеется. Надеюсь, этого вы не станете отрицать?

— Да, я знаю о ней. Это очень больная и несчастная женщина.

— Вероятно, вы правы.

— Вы какой-то черствый и бессердечный человек, мистер Бэрдет,— укоризненно заметил Франкино.— Я, если хотите знать, выяснил все о ее прошлом. Сейчас сестру Терезу содержит Управление нашей епархии. А большую часть своей жизни она проработала в Бронксе, в бесплатной приходской школе для бедных. Помимо этого ей приходилось ухаживать за безнадежно больными в больнице

святого Винсента. А в возрасте пятидесяти шести лет у нее самой начался рассеянный склероз, и с тех пор она находится на полном содержании церкви и под ее опекой.

Бен сузил глаза и заговорил более жестко:

— А почему же вы тогда согласились на эту встречу, если считаете себя непричастным к тому, о чем я только что рассказал? Почему вы сразу не сказали отцу Макгвайру, что вы здесь ни при чем и не сможете поведать мне ничего интересного? Тут что-то не так...

Священник лишь пожал плечами.

— Отец Макгвайр просто попросил меня встретиться с вами, вот я и пришел.

— Да бросьте вы, это все неправда! Как он мог настаивать, когда ему-то я как раз ничего и не объяснил. Неужели он начал выкручивать вам руки? Нет, монсеньор, вы знали, куда идете и зачем. Вам необходимо было выяснить, что мне известно и до какой степени я сумел распутать ваш заговор.

— Не хочу показаться вам слишком резким,— перебил его Франкино, сверкая глазами от негодования,— но мне кажется, что вы просто слишком мнительный человек с неумной фантазией и сейчас либо ведете какую-то неведомую мне грязную игру, либо нуждаетесь в помощи хорошего психиатра.

— Неужели? — прищурился Бен.

Франкино поправил одежду, натянув рукава рясы по самые ладони.

— Я, знаете ли, не привык, чтобы меня обвиняли в смертных грехах. И последний раз заявляю вам, что никого не убивал, ни от кого не скрываюсь и, тем более, не участвую ни в каких таинственных заговорах против «несчастливых мирских», как вы изволили выразиться.

— Да ни в чем я вас не обвиняю! — нервно усмехнулся Бэрдет.

— Но вы именно это имели в виду.

— Да поймите же вы: на карту поставлена жизнь моей жены. И не исключено, что моя собственная — тоже. И если бы вы захотели помочь мне и честно все рассказали, у меня не осталось бы никаких сомнений на ваш счет. Но так как вы упорствуете и не желаете говорить откровенно, значит, я тем более прав! И вы, конечно, должны чувствовать, будто вас подозревают и обвиняют. Вполне логично!..

Подошел официант и убрал тарелки из-под закусок. Некоторое время Бен и Франкино молча сидели за опустев-

шим столом и медленно потягивали сухое вино. Вскоре подали горячие блюда. Первым заговорил Бен:

— Скажите, а вам не приходилось раньше встречаться с отцом Макгвайром?

— Нет.

— Это прекрасный человек! Очень добрый и большого ума. Церковь может по праву гордиться им.

— Не сомневаюсь.

— Мы провели с ним две недели на теплоходе во время круиза,— продолжал рассказывать Бен.— И представляете, в самую последнюю ночь перед прибытием в Нью-Йорк в мою каюту кто-то пытался проникнуть. Правда, я вовремя проснулся и помешал этому таинственному незваному гостю, но он все же оставил о себе память — повесил на дверь каюты распятие.

— Ну, мне кажется, за вас, серьезно взялась Священная Инквизиция! — рассмеялся Франкино. — Вам нужно срочно обратиться в полицию. Или нанять частного сыщика.

— А может быть, лучше получить аудиенцию у кардинала? — без тени улыбки в упор спросил Бен.

— Что ж, это свободная страна, мистер Бэрдет. Поступайте, как знаете. — С этими словами Франкино принялся за ростбиф. — Кухня здесь просто великолепная! Надеюсь, вам понравится, попробуйте.

— Непременно, монсеньор. Но, конечно, мой аппетит только бы улучшился, если бы я был в добром расположении духа и не мучался оттого, что вы не желаете говорить мне всю правду.

— Но все, что я говорю, и есть правда! — возмутился Франкино.

— Простите меня за грубость, монсеньор... Я не привык говорить таким языком со священниками... Но мне кажется, что все, что вы тут сказали, — самое настоящее дерьмо! — Произнося это, Бен продолжал вежливо улыбаться и старался, чтобы его не слышали за соседними столиками. — Гатц ясно сказал мне, что Майкл Фармер имел беседу с Франкино, а потом передал ее содержание Дженнифер Лирсон.

— Ну, это мы уже, кажется, обсудили, — напомнил священник.

— Не до конца. Фармер подробно рассказал потом, как выглядел этот самый Франкино. К тому же и Гатц, и мисс Лирсон — все описывали его одинаково. У того Фран-

кино были сильные, мускулистые руки. Но особенно Фармеру запомнились густые колечки седых волос на тыльной стороне кистей.— Тут Бен схватил священника за руку, но тот и не пытался отдернуть ее.— Вот в точности, как у вас монсеньор,— победным тоном произнес он.

На лице священника мелькнуло такое откровенное ожесточение, что Бен даже вздрогнул, не ожидая от представителя духовенства столь бурной реакции.

— Это вы встречались с Фармером пятнадцать лет назад! — продолжал он.— И вы хранили папки с записями о всех часовых. Вы же имели дело и с Элисон Паркер, которую превратили потом в монахиню. И вы — тот самый человек, который преследует теперь мою жену! — заключил он.

Франкино вскочил со стула и грозно уставился на Бена, тщетно пытаясь сдержать свой пыл.

— Всего вам хорошего, мистер Бэрдет,— сквозь зубы процедил он, швырнув салфетку на стол.— За обед я заплатил заранее. Так что можете не волноваться и заканчивать без меня. Желаю вам и вашей супруге всяческих благ. И надеюсь, что мы с вами больше не встретимся.

Бен не успел даже ответить ему — Франкино пулей вылетел из ресторана. Подождав немного, Бен тоже поднялся, подошел к окну и увидел, как священник садится в такси.

Он улыбнулся. Теперь сомнений не оставалось. Это и есть тот самый Франкино.

Глава четырнадцатая

Монсеньор Франкино наконец выбрался на крышу дома номер 80 по 89-й улице, соседствующего со стройплощадкой собора святого Симона. Накрапывал дождь. Франкино вынул бинокль и навел его на квартиру сестры Терезы. Окно оказалось открытым, но сейчас не это волновало священника. Бирок уже успел доложить ему о происшествии со строительной люлькой, а потом отправился вслед за Беном в Сиракузы и там выкрал у него снимки монахини, причем последнюю фотографию он выхватил уже из руки умирающей девушки. Кроме того, накануне Бирок похитил и негативы из фотолаборатории «Техниколор» Джо всегда был полезным и исполнительным помощником.

Франкино направил бинокль на глаза сестры Терезы. Белые от катаракты зрачки казались ему горящими в ночи светлячками. Но как бы ужасно ни выглядела монахиня на

первый взгляд, она была настоящим воплощением истинной божественной красоты. Ангелом Божиим на Земле, своей преданностью и самопожертвованием заслужившим спасение души. Но скоро она отправится на покой и навеки соединится там с Господом Богом — так же как и отец Галлиран до нее.

В памяти Франкино всплыли события пятнадцатилетней давности: отец Мэтью Галлиран, урожденный Уильям О'Рурк... Сколько же времени прошло с тех пор?..

Если бы не капли дождя, противно бьющего прямо в лицо, и не адский холод, заставляющий кожу бледнеть и терять чувствительность, он мог бы полностью погрузиться в эти воспоминания. Ведь пятнадцать лет назад он стоял на этой же самой крыше с биноклем и так же внимательно наблюдал за окном в третьем этаже особняка, где поселилась Элисон Паркер. И ночь тогда выдалась такая же дождливая. Осознав, что Чейзен может предпринять что-то против девушки, он пришел сюда и, по-видимому, вовремя, потому что как раз в тот момент в дом вошел какой-то мужчина, которого впоследствии опознали как частного детектива Джозефа Бреннера.

Вскоре после появления этого неизвестного из дома выскочила Элисон Паркер, вся в крови. Истошно крича, она в одном белье бросилась под дождь и вскоре скрылась из виду. Но только когда священник убедился, что девушка уже далеко, он спустился вниз и сам пошел обследовать особняк. Что же произошло?.. Что успел сделать Чейзен? И кто так поздно зашел сюда? Неожиданно он наткнулся на труп детектива Бреннера. На теле было множество ножевых ран. Монсенбор тут же вытащил труп наружу и засунул его в багажник брошенной кем-то машины, а потом вернулся в особняк и тщательно убрал все следы крови, хотя был уверен, что Чейзен и сам позаботился бы об этом. Ему ведь тоже совсем не хотелось, чтобы домом заинтересовалась полиция. Когда все следы были уничтожены, и Франкино собирался уже выйти на улицу, он вдруг встретил на лестничной клетке самого Чарльза Чейзена. Никогда еще священник не испытывал такого ужаса. Пот градом струился по его телу, и внезапно даже почудилось, что весь организм его начал разваливаться, а душа будто замерзла. Он застыл как вкопанный и лишь молил Бога дать ему силы выдержать это, молил о помощи. И помощь пришла откуда-то: прямо на глазах монсенбора Чейзен стал растворяться и вскоре исчез.

Франкино вспомнил, как в ту ночь он приехал в Управление епархии, из последних сил добрался до своей кровати, упал на нее и прорыдал до рассвета.

Но потом все видения прошлого стали меркнуть, и перед ним со всей отчетливостью предстало страшное настоящее — сестра Тереза, Бен и Фэй Бэрдеты, а еще дождь, холод и первые признаки начинающейся стенокардии. И именно сегодня он осознал, что Чейзен приготовился вновь напомнить о своем присутствии.

* * *

— Фэй, — позвал Бен, пытаясь разглядеть жену в темноте спальни.

Но вокруг стояла полная тишина.

— Фэй! — еще раз крикнул он, подумав, что она, очевидно, пошла зачем-то на кухню. — «Сколько же сейчас времени? Три часа ночи. Боже мой!..»

Малыш повернулся во сне и закашлялся, но очень быстро опять утих.

Бен зажег ночник и выпрыгнул из постели. Голова раскалывалась. Проклятые мысли по-прежнему не давали ему покоя. Снова и снова он рассуждал про себя о недавней встрече в ресторане с Франкино.

— Фэй? — уже менее уверенно позвал он, заходя в гостиную.

Никого. Кухня тоже оказалась пустой. Как и ванная...

Бен прислушался к шуму дождя за окном. Неужели она пошла гулять в такую погоду? Невероятно.

Он поспешно оделся и вышел из квартиры. В коридоре Бен прислушался к звукам за дверями соседей — вдруг ей взбрело в голову нанести кому-нибудь поздний визит?.. Но все соседи, очевидно, давно уже спали. По крайней мере ему не удалось услышать никаких голосов.

Бен нажал кнопку и, дождавшись лифта, спустился на первый этаж.

Ночной вахтер спал на диванчике в дальнем конце холла. У ног его стоял зонтик, с которого стекала вода.

Бен осторожно коснулся его плеча, потом встряхнул по сильнее.

— Что такое? — вздрогнув, спросил вахтер и рывком сел на диванчике.

— Скажите, вы не видели мою жену? — без околичностей начал Бен.

Мужчина спросонок никак не мог сориентироваться.

— Я, наверное, задремал...— извиняющимся голосом пробормотал он.— Вы кого ищете, мистер Бэрдет?

— Свою жену! — нетерпеливо повторил Бен.

— Нет. Что-то не помню, чтобы она тут проходила. Правда, я, кажется, немного заснул... Может, она прошла как раз в этот момент?

Бен кивнул, лихорадочно соображая, куда направляться. Неужели она действительно разгуливает сейчас по улицам? В такую-то погоду... Нет, это просто сумасшествие. Но где же ее искать?..

— Если увидите ее, сразу звоните мне, хорошо? — велел он привратнику.

— Ну, конечно! — с готовностью отозвался тот, вскочил с дивана и, запахнув пальто, начал прохаживаться по холлу, пытаясь разогнать сон.— Я лучше постою у подъезда,— наконец сказал он и, прихватив зонтик, зашагал к выходу.

Бен подошел к лифту и, зайдя в кабину, задумался, стоит ли ему возвращаться домой ни с чем.

«Куда же она могла запропасться?.. И главное — зачем ей вылезать среди ночи из теплой постели, одеваться и куда-то идти?» И снова разные дурацкие мысли полезли в голову. Но вдруг, глядя на кнопки с номерами этажей, Бен чуть не вскрикнул. Подвал! Как он мог забыть про подвал? Конечно, только туда ее могло так неожиданно потянуть. Она наверняка там, внизу!

Бен дрожащей рукой нажал кнопку подвала, и лифт медленно пополз вниз. На этот раз ему показалось, что он едет слишком уж долго, секунды растягивались до бесконечности, и почему-то делалось жутко и хотелось скорее выбраться из этой тесной кабинки.

Но вот и подвал. Двери лифта раздвинулись, и Бен шагнул в темный коридор. Где-то вдалеке громко капала вода. Возможно, дворник плохо закрыл кран в своей комнате. Трубы отопления монотонно гудели.

Может быть, стоит покричать и позвать ее? Хотя нет лучше, пожалуй, не шуметь.

Фэй не заходила сюда с того дня, как обнаружила труп. Так зачем же именно сейчас ей понадобилось пробираться сюда тайком среди ночи? Ерунда какая-то...

Свернув за угол, Бен сразу почувствовал, что по пятам за ним кто-то идет, но это явно не Фэй.

Он сделал еще несколько осторожных шагов. Теперь сомнений не оставалось — тут определенно кто-то есть. И этот таинственный незнакомец старается, чтобы его не

было слышно. Теперь Бен ясно различал за спиной постороннее дыхание, которое этот «кто-то» тщетно пытался сдерживать.

Может, это все-таки Фэй так глупо подшучивает над ним?.. Но нет. Внутренний голос упрямо твердил Бену, что Фэй сейчас совсем в другом месте — не позади него, а впереди.

Коридор заплясал перед глазами. Но вот и маленькая комнатуха с компактором. То самое злосчастное место, где все и произошло... Кровь. Труп. Смерть... Что же она делает сейчас там?

— Фэй,— негромко позвал Бен, решив, что если она находится в этой комнате, то обязательно должна услышать его.

Ответа не последовало, зато усилилось ощущение, что он здесь не один. Теперь ему отчетливо померещился и второй человек, притаившийся с другой стороны.

Прижавшись к стене, Бен медленно двинулся вперед и, затаив дыхание, заглянул в злополучную комнату.

Красная лампочка над прессом для мусора исправно горела. И под ней неподвижно стояла Фэй, словно замороженная крохотным огоньком. Она будто окаменела и не отвечала ему.

— Фэй!

Бен смело шагнул вперед и схватил супругу за плечи, сразу почувствовав, как напряжено ее тело. Очевидно, она была сейчас в трансе. И хотя теперь она увидела мужа, никакой реакции на это не последовало.

Он попробовал увести ее, но ноги Фэй были будто скованы судорогой, и Бен понял, что ее придется тащить на себе до самой квартиры.

Он ухватил Фэй за талию и, уже приготовившись к нелегкому пути, внезапно остановился: из коридора послышались странные звуки — какой-то приглушенный шелест, словно кто-то шаркал ногами по бетонному полу.

— Фэй,— еще тише проговорил Бен.— Ты меня слышишь?

И в этот момент из коридора раздался злобный смех.

Конечно, это еще был не повод для беспокойства — мало ли кто мог смеяться в подвале: дворник, соседи или какие-нибудь детишки, зашедшие сюда с улицы погреться... Да, но среди ночи?..

— Эй, кто-нибудь есть здесь? — неожиданно громко выкрикнул Бен, улыбаясь, как идиот, и сам себе удивляясь.

Тишина.

Он осторожно высунул голову в коридор и хотел уже снова крикнуть, как вдруг ощутил резкую боль. Кто-то с силой ударил его по голове. Он тут же закрыл лицо руками и почувствовал на пальцах кровь. Последовал еще один удар. Кто-то бил его кулаками.

И вот уже трое мужчин окружили Бена, присевшего от боли на корточки, и начали наносить ему новые удары по голове. Но теперь уже не руками, а коваными ботинками, а он лишь пытался как-то закрыть лицо или увернуться. Сквозь заливающую глаза кровь Бен смутно видел лица напавших. Все они оказались юнцами, не старше двадцати лет, и все темнокожие. У одного в руке блеснул нож. А у самого высокого он успел заметить на лбу широкий шрам.

Бен инстинктивно сжался в углу грязной каморки, но тут к нему подскочил парень с ножом и резанул по запястью. Остальные, расхохотавшись, принялись с двойным усердием избивать его.

Потом они оттащили его к компактору и там, прижав к бункеру с прессованным мусором, продолжили издевательства.

— Ну что, испугался, паскуда? — спросил обладатель ножа.

«Господи... Неужели никто их не остановит?!» — в отчаянии думал Бен.

— Испугался, я спрашиваю?!

— Эй, ребята, вы только гляньте на эту сучку! — вдруг радостно выкрикнул другой. — Вот так добыча!

— Не трогайте ее! — закричал Бен.

— Заткнись, ублюдок!

Бен заметил, как один из парней занес ногу, и тут же острая боль разлилась из паха по всему его телу. Он согнулся и застонал.

Самый высокий подбежал к Фэй, разорвал на ней блузку и укусил за грудь. Другой прокричал что-то по-испански.

Бен увидел, как парень полоснул Фэй ножом по груди и из раны хлынула кровь. Он хотел закричать, но уже не мог и лишь беспомощно раскрывал рот, задыхаясь от нестерпимой боли.

Тем временем бандиты повалили Фэй на пол и стали нещадно избивать ногами. Она сразу же пришла в себя и, увидев Бена, скорчившегося в углу у компактора, стала отчаянно звать его на помощь. Она тянула к нему руки, но тут один из парней подошел ближе и каблуком наступил ей на шею, сдирая кожу грубой подошвой.

Потом все трое повалились на нее сверху, осыпая тело Фэй слюнявыми поцелуями. Когда она пыталась сопротивляться, они снова и снова били ее по лицу, оставляя на нем багровые рубцы и кровоподтеки. Через несколько минут Фэй забили до такого состояния, что она опять отключилась и уже не реагировала ни на какие их действия.

Бен было бросился защищать жену, но его тут же схватили за горло и с размаху ударили головой о стену. Потом насильники посрывали с себя одежду и поволокли Фэй на свет, к компактору.

— Пожалуйста, оставьте меня! — вдруг пронзительно завизжала она. — Мне больно!

— Заткнись, сука! — огрызнулся высокий парень с ножом. — Не то сейчас туго тебе придется.

— Нет! — выкрикнул Бен.

Но самый высокий уже насильно раскрыл губы Фэй и вставил ей в рот свой член. Остальные радостно засуетились, снимая с себя остатки одежды.

Фэй начала задыхаться, а они не переставали наносить ей все новые удары.

Бен перекатился на живот и пополз на помощь жене, скользя в шлейфе собственной крови. Наконец он добрался до одного из бандитов и, схватив его за ногу, угрожающе процедил:

— Я всех вас прикончу!

Но тот сразу же занес над ним свободную ногу. Бен увидел огромный черный каблук, стремительно несущийся прямо на него и закрывающий все вокруг, а потом ощутил резкую боль в голове и потерял сознание.

* * *

Стирая с лица капли дождя и пота, монсеньор Франкино со всех ног бросился к дому, пробежал под окном сестры Терезы и влетел в темный холл, оставляя на полу цепочку грязных мокрых следов.

Очутившись в подвале, он без колебаний направился к комнате для прессовки мусора: если что-то произошло, то непременно здесь, в этом же самом месте.

Священник чувствовал, что ему не даром пришлось столько времени провести под дождем на крыше. Хотя сейчас было важно уже совсем не это.

Вот и последний поворот коридора. Комната перед ним, но вокруг все тихо... Хотя, выждав с минуту, он все же смог различить впереди чей-то тихий стон.

И вновь монсеньор почувствовал, как мучительно болит грудь. А таблетки он, как назло, забыл на крыше, когда торопился сюда.

Что же на этот раз натворил Чейзен?.. И с какой целью?

Мысленно Франкино не переставал молиться, прося у Господа сил и мужества.

Вдруг ему показалось, что в подвале сделалось нестерпимо жарко. Стало трудно дышать. Или, может быть, это страх уже сжимает горло своей безжалостной черной лапой?..

Приближаясь к двери злополучной комнаты, священник крепко сжал на груди распятие, а потом, на секунду закрыв глаза, решительно выдохнул и рванул дверь на себя.

Бен Бэрдет сидел у стены с лицом, похожим на кровавую маску. На коленях он держал голову жены. Фэй лежала на спине, невидящими глазами уставившись в потолок, и еле дышала.

Бен заметил Франкино и теперь молча разглядывал его.

Священник подошел к ним и встал на колени, тоже не говоря ни слова.

Бен облизал разбитые губы и посильнее прижал к себе истерзанную жену. Она болезненно застонала.

— А-а, монсеньор?..— чуть слышно пробормотал Бен.— Мистер Франкино!..

* * *

Вставшее солнце озарило город веселым жизнерадостным светом. Внизу, под окнами квартиры Бэрдетов, слышались первые звуки пробуждающейся жизни. Фэй лежала в постели и беспокойно ворочалась во сне. Всю ее голову покрывала плотная марлевая повязка. Бен и монсеньор Франкино, оба вконец обессиленные, сидели в гостиной за столом и пили кофе из больших фаянсовых чашек. Последние полчаса Бен не отходил от Фэй ни на секунду, но теперь, когда она, наконец, заснула, и он вновь увидел Франкино, вспомнились все обиды.

— Ну что ж, монсеньор,— начал Бен.— Видимо, пришло время поговорить начистоту и выяснить, наконец, где кроется правда...

Франкино виновато опустил глаза и отхлебнул большой глоток кофе.

— ...Или на этот раз вы решили поиграть со мной в немого? — продолжал Бен.

— Нет. Игры кончились. И никаких спектаклей больше не будет,— вдруг решительно заявил священник.

Он казался сейчас мрачнее тучи и все же был более открытым, чем тогда, в ресторане.

— Так что вы делали ночью в подвале? — в упор спросил Бен.

— Я пришел туда за вами,— ответил Франкино, тяжело вздохнув. Он постоянно потел, и капли пота заполняли мелкие оспины и морщины на его лице.

— А откуда вы взяли, что мы именно там? — недоверчиво прищурился Бен.

— Просто я знал это, и все.

— Но откуда?

— Какая разница, мистер Бэрдет? — слегка поморщился священник.— Я знал, что вы там и что с вами должно случиться что-то плохое.

— Тогда почему же вы не остановили их раньше? — с негодованием спросил Бен.

— Я не мог.

Бен нервно дернулся и пролил немного кофе на скатерть.

— Что значит «не мог»? — возмущился он.

— У меня нет такой силы.

— Послушайте, монсеньор! — начал всерьез раздражаться Бен.— Все ваши загадки мне еще в ресторане надоели. И сейчас я не в настроении решать эти ребусы. Но вы посмотрите, что получается: трое молокососов затащили нас к мусорному прессу и прилично избili. А через пять минут после того, как они скрылись, вдруг являетесь вы — эдакий друг и спаситель. И потом еще заявляете, что знали о грозящей нам опасности, но были якобы не в силах ее предотвратить... Знаете, если бы это случилось с кем-то другим, я бы, возможно, посмеялся сейчас вместе с вами. Но дело в том, что именно мне теперь совсем не до смеха.

Франкино придвинулся ближе к Бену.

— Сестра Тереза, которая живет по соседству с вами, когда-то на самом деле была Элисон Паркер,— сказал он, глядя Бену прямо в глаза.— А теперь она является Стражем, то есть все, о чем успел рассказать вам инспектор Гатц, целиком соответствует истине. Это никакие не выдумки, а самая настоящая правда. Цитата из книги, которую приводил вам Гатц, тоже исполнена глубокого смысла. И вы правильно поняли роль и назначение этого Стража. Конечно, многое вам еще не известно, но и того, что вы уже знаете, вполне достаточно.

Наконец-то Бен услышал долгожданную правду!.. После стольких мучений и бесплодных поисков ему подают все на блюдечке.

— А почему, интересно, вы именно сейчас решили все это мне рассказать? — вдруг задался вопросом Бен.

— Потому что мне нужна ваша помощь, — последовал лаконичный ответ.

— Какая? — напрягся Бэрдет.

— Сейчас объясню...

— А отец Макгвайр, случайно не замешан как-нибудь в этом деле? — спросил вдруг Бен.

Франкино замолчал на секунду, а потом произнес:

— Нет. И я раньше даже не видел его, пока он мне сам не позвонил.

— Понимаю, — отозвался Бен и в свою очередь стер пот со лба. — Итак, сестра Тереза сидит у своего окна и ждет появления Сатаны. — Теперь Бен не знал, как ему вести себя — плакать или смеяться.

— Именно так, — подтвердил Франкино.

— А что если Сатане вздумается появиться не здесь, а где-нибудь в Эфиопии или каком-то другом Богом забытом месте?

— Это не имеет никакого значения, — впервые за все время улыбнулся священник. — Ведь хотя Часовой находится здесь, в Нью-Йорке, сфера его власти и деятельности — весь мир. Место — понятие физическое, доступное человеческому восприятию. Но сестра Тереза может в любое время быть где угодно. Она — ангел Божий на Земле... Впрочем, и ее физическое тело не обязательно должно находиться здесь — за последние несколько столетий место неоднократно менялось. Но это, как я сказал, никакой роли не играет, а зависит в основном от того, где удобней расположить Часового с точки зрения безопасности его физического тела. Отец Галлиран, например, занимал квартиру в небольшом особняке, стоявшем когда-то на месте вашего дома. А сестра Тереза живет теперь рядом с вами... Что же касается ее преемницы сестры Томазины, или, если угодно, Фэй Бэрдет, — то она, скорее всего, будет находиться здесь же или где-то поблизости.

— Итак, вы решили, что Фэй... станет следующей стражницей? — холодея, проговорил Бен.

— Да.

— И вы думаете, я буду спокойно сидеть и смотреть, как вы воплощаете свой изуверский план в жизнь? — уже еле сдерживаясь, продолжал он.

Священник с виноватой улыбкой развел руками.

— У вас нет выбора, сын мой. Такова воля Господа. И не надо смотреть на это, как на жестокость судьбы. Страж благословен. Ему протягивает руку прощения сам Господь Бог!.. Ибо когда Сатана совратил человека и тот был изгнан из рая, Бог, разгневанный таким предательством, решил, что отныне его небесные ангелы перестанут оберегать мир от вторжения Сатаны, а каждый раз эту нелегкую службу будет нести один из избранных им людей. Но охранять всех остальных он будет не просто так, а чтобы заслужить прощение за совершенный ранее смертный грех — попытку самоубийства. Вы, конечно, понимаете, что далеко не каждому из пытавших покончить с собой выпадает при жизни такой редкостный шанс. Так что быть избранным самим Богом — это великое счастье!

— Вот это счастье, чтоб я сдох! — взорвался Бен. — Да вы же сами и отнимете у нее жизнь! Она сморщится, как чернослив, потом ослепнет, оглохнет, онемееет. И вдобавок ее разобьет паралич. И вы еще уверяете меня, что все это — великое счастье?!

— Послушайте, сын мой, — терпеливо объяснял священник. — Вы рассуждаете о мире лишь с примитивной точки зрения плотского человеческого тела. Но красота с годами уходит, люди старятся и умирают. Плоть превращается в прах. Она, в сущности, является бесполезной материей. Только душа несет в себе суть жизни, искру Божию. И за душу надо бороться. А душа Фэй сейчас в опасности, ведь она совершила смертный грех, попытавшись убить себя. И этот грех надо искупить, иначе душа ее навсегда попадет в ад. У Фэй как раз есть сейчас такая возможность, поскольку именно она избрана для того, чтобы беречь этот мир от пришествия Сатаны. И если она выполнит этот долг, на нее снизойдет милость и благодать Божия, а душа ее будет вечно пребывать в царствии Его... На вашем месте я бы просто молился, чтобы все прошло благополучно, и она сменила сестру Терезу на этом божественном посту.

— А с какой стати я должен молиться, — с усмешкой заговорил Бен, — если Бог и так все давно уже решил без меня?

— Потому что ему противостоит сила, которая обладает почти такой же властью — это сила Сатаны. И если кандидат в Часовые согрешит еще раз — наложит на себя руки и смены не произойдет, цепь будет разорвана, и никто больше не защитит человечество от Лукавого. Он ворвется в наш мир и установит здесь свой порядок... Естествен-

но, Сатана будет всячески искушать вашу жену, чтобы не дать ей занять этот пост. Он постарается, чтобы она еще раз совершила попытку убить себя, прежде чем произойдет ее перевоплощение в Часового. Но мы не можем допустить этого, иначе человечество будет обречено. Все что угодно, только не это!..

— И как же вы собираетесь предотвращать эти дьявольские козни? — скептически скривился Бен.

— Я пока что и сам не знаю, — вздохнул Франкино. — Перво-наперво надо определить, где находится дьявол.

— Так пускай вам подскажет ваш Часовой!

— К сожалению, это невозможно. Ведь силы Сатаны неизмеримы, он может принимать любой вид и находиться в любом месте.. Его очень трудно обнаружить, но именно это мы обязаны сделать. Потому что бороться с ним возможно только тогда, когда знаешь, где он находится. А Часовой лишь чувствует присутствие Сатаны. И по всем признакам сейчас дьявол находится в этом здании. Но он весьма искусно замаскировался и теперь ждет своего часа. Вполне возможно, что он принял облик того несчастного, чей труп нашла в компакторе ваша жена. Я почти уверен, что он специально уничтожил тело, а сам теперь выдает себя за убитого. Да... Он где-то рядом. Это чувствую даже я сам. Мне ведь приходилось уже однажды с ним сталкиваться... И сейчас я ощущаю вокруг вибрации, от которых меня, признаться, бросает в дрожь.

— Неужели, монсеньор, вы боитесь его? — удивился Бен. — Вы же под покровительством Церкви, Бога и всех святых... — И он мрачно усмехнулся.

— Мы все должны бояться его! — с тревогой в голосе предупредил священник. — Это очень коварный и безжалостный враг... Вы что же, так ничего и не поняли из того, что я рассказал?

Бен согласно кивнул, давая понять, что и он уже успел почувствовать зловоние присутствие нечистого где-то рядом. Страх постепенно овладевал и им тоже.

— А какова ваша роль во всем этом мероприятии? — поинтересовался он.

— Я простой слуга Господа. И приехал сюда, чтобы защитить в последние дни сестру Терезу и проследить за тем, чтобы ваша жена вовремя заняла место Стража. — Затем он протянул руку к окну. — Но сестра Томазина уже не сравнится с другими Часовыми, которые тут были раньше. Мы специально воздвигаем здесь этот собор, который станет для нее настоящим щитом и, одновременно, памятни-

ком ее мученичеству. Он укрепит ее, защитит и умножит силы... Очень скоро вы увидите, как вознесется вверх гордый шпиль этого храма — благословенного здания, с высоты взирающего на город... Произойдет смена Стража, и Фэй будет ждать бессмертия!..

— А если ваш план провалится?

— Да поможет нам Господь... — лишь смиренно ответил священник.

Бен встал и в задумчивости обошел вокруг стола. Франкино продолжал неподвижно сидеть.

— Значит, вы хотите, чтобы я вам помог? — еще раз уточнил Бен.

— Да, — кивнул монсеньор.

— А как же я смогу вам помочь? Ведь если и вы, и ваша монахиня, и все прочие священники тут бессильны, то как же сумею я?..

— Уверяю вас, это вполне в ваших силах. Надо лишь слушаться меня и выполнять то, о чем я попрошу. А потом...

Но тут Бен яростно стукнул кулаком по столу и наклонился к самому лицу священника.

— Да вы не соображаете, что говорите! Вы же предлагаете мне помочь вам уничтожить мою собственную жену!

— Мистер Бэрдет, не забывайте! — предостерег Франкино.

Но Бен уже схватил его за воротник и вытащил из-за стола, хотя священник даже не пытался сопротивляться или вырываться из его рук.

— Так вы хотите, чтобы я сам уничтожил ее?! Негодяй! — кричал он.

Франкино медленно выпрямился и отвел в сторону руки Бена.

— Я попросил бы вас быть немного сдержаннее, мистер Бэрдет. Ваш темперамент не поможет ни вам, ни мне. Не хотелось бы слишком обнадеживать вас, но, должен сказать, у Церкви есть и альтернатива в смысле физического состояния Стража...

— Что вы имеете в виду? — нахмурился Бен.

— Более подробно я не имею права рассказывать. Однако есть способ изменить судьбу вашей жены таким образом, что это будет не во вред ни ей, ни одному другому смертному. Но это можно сделать только с вашей помощью, хотя и очень сложно. Впрочем, если вы не будете пренебрегать моими просьбами и игнорировать их, то возможно избавить ее от тяжких мучений.

— Вы же наперед знаете, что я согласен на все... — сокрушенно вздохнул Бен.

— Не сомневаюсь.

— Правда, при условии, что я вам поверил.

— Мистер Бэрдет, если после всего, что вы сами видели и лично пережили, у вас остаются еще какие-то сомнения относительно роли Стража и грозящей всему миру опасности, то вы, извините, просто чокнутый. Или непреходимый болван.

Бен лишь молча кивнул в ответ.

Франкино подошел к окну.

— Я буду давать вам указания... Для начала вы должны организовать мне встречу со всеми жильцами этого этажа.

— А почему именно этого? — удивился Бен.

— Да потому что Сатана находится здесь! — с отчаянием воскликнул священник.

— Ну, хорошо... Только прежде чем вы уйдете, мне все же хотелось бы узнать, что на самом деле произошло в подвале?

— Вас и вашу жену избили.

— Это понятно. Но кто? Трое случайных подростков с улицы?

Франкино подошел к двери, остановился и резко повернулся к Бену.

— Нет. Никаких подростков в подвале не было. И вообще, кроме вас и Фэй в подвал больше никто не заходил. Это был хорошо разыгранный спектакль. Автор сценария, режиссер и исполнитель — Чарльз Чейзен, то есть сам Сатана.

С этими словами священник открыл дверь и хотел уже шагнуть в коридор. Но в последний момент его лицо приняло озабоченный вид, и он добавил:

— Правда, я не знаю, зачем ему это понадобилось.

Бен опустил на стул и обхватил голову руками. Так он просидел несколько минут, а потом не выдержал и заплакал.

Глава пятнадцатая

— А я так уже волновался! — объявил Джон Сорренсон, жуя очищенную морковь. — Это ведь совсем непохоже на вас с Беном — вдруг закрыться в квартире и оборвать связь со всем миром, да еще на целых десять дней!

— Нам просто хотелось побыть немного вдвоем,— улынулась Фэй, не выдавая их секрета. Бен предупредил ее, что о происшествии в подвале не должен знать никто, равно как и об истинной причине их десятидневного затворничества. Ведь им пришлось так долго прятаться от соседей, чтобы залечить хотя бы видимые на открытых частях тела раны и синяки.— Мы так долго не оставались наедине... Ну, это было просто необходимо для нас,— интимным шепотом закончила Фэй.

— Да, но заператься от друзей?.. Избегать нас, прятаться... Даже не предупредить, в конце концов,— продолжал журить их старик.

— Джон, ну как вы не можете понять...— вздохнула Фэй.

Сорренсон почесал голову. Сегодня он был без шляпы, в ярком клетчатом костюме и розовой рубашке с красной «бабочкой» на шее. Щеки его пылали, придавая старику сходство с цирковым клоуном.

— К счастью, Бирок успел предупредить меня, что разговаривал с вами, и вы оба в полном порядке. И я слегка успокоился. А то пришлось бы вызывать полицию,— сказал он и улыбнулся.

— Джон, я всегда знала, что вы о нас беспокоитесь и что на вас можно положиться в трудную минуту.— Фэй улынулась ему в ответ.

— В самом деле. На меня всегда можно рассчитывать,— гордо отозвался он.

Фэй обняла его правой рукой, стараясь не расплескать вино, бокал с которым все это время держала в левой руке.

На вечеринку, устроенную Бэрдетами, собирались все новые гости. Макс Вудбридж, увидев Фэй, тут же сделал ей комплимент, оценив ее ослепительную улыбку и здоровый цвет лица. Правда, никто особенно не удивлялся, что Фэй так отлично выглядит, ведь им было неизвестно о происшедшем в подвале, а так как до этого Фэй уже шла на поправку, то вполне логично было предположить, что по истечении целых полутора недель она просто обязана вновь стать здоровым и счастливым человеком.

Бен сидел в другом конце комнаты и наблюдал за гостями. Наконец подтянулись и опоздавшие. Теперь, кроме Лу Петросевича и сестры Терезы, в квартире собрались все обитатели десятого этажа. Включая, по словам Франкино, и самого Чарльза Чейзена. Вот только где он среди этих милых и симпатичных людей?..

— Я только что говорил с вашим приятелем,— сообщил Дженкинс, подходя к хозяину квартиры.— И должен сказать, что он весьма интересный человек. Почему же вы раньше никогда не приглашали его в нашу компанию?

— Я приглашал,— вздохнул Бен, оторвавшись от своих мрачных мыслей.— Но только он вечно занят... Хотя на этот раз мне, кажется, повезло.

— Неужели у него совсем не бывает свободного времени? — удивился Дженкинс.

— Он профессор, преподает историю религии в нью-йоркском университете,— ответил Бен.— И лишь когда я рассказал ему о нашей знаменитой монахине, он нашел, наконец, время посетить меня.

— И что он думает по этому поводу? — тут же спросил Дженкинс, понизив голос.

— Он считает, что это просто очень несчастная женщина.

— А с точки зрения религии она не заинтересовала его?

— Хотите верьте, хотите нет, Ральф, но я только слово в слово повторил вам его ответ.

— Так как, вы говорите, его зовут — а то я опять забыл? — спросил он, нервно постукивая средним пальцем по бокалу с вином.

— Франкино.

— Уильям?

— Да.

Бен взглянул на своего нового гостя: монсеньор Франкино удобно расположился на широком диване. Сейчас на нем была мирская одежда.

— Знаете что, Бен...— продолжал Дженкинс.— Может быть, он не слишком разбирается в монахинях, но это не беда. Главное, он оказался великолепным знатоком антиквариата!

— Вот как? Со мной он никогда на эту тему не разговаривал,— признался Бен, и эти слова прозвучали вполне искренне.

— А мне он сказал, что его бывшая жена работала в антикварном магазине,— сообщил Ральф.

— Вполне возможно,— кивнул Бен.

— Но, разумеется,— добавил Дженкинс, улыбнувшись проходящей мимо Фэй,— я уверен, что мистер Франкино и сам имел дело с предметами старины. Любой человек, который свободно владеет столькими языками и часто быва-

ет в Европе, не может остаться равнодушным к древним предметам быта и особенно мебели.

— А мне казалось, что Билл знает только английский и итальянский, — «удивился» Бэрдет.

— Ну что вы, Бен! Он прекрасно говорит по-немецки, по-испански, по-французски, неплохо знает русский и польский.

— Да, это впечатляет, — признался Бен, заметив, что Франкино поднялся со своего места и теперь направляется к ним. Он постоянно был начеку и старался не пропустить ни одного движения, ни единого слова кого-либо из гостей. И это было вполне объяснимо. Ведь таинственный противник хорошо знал и видел его, а Франкино еще не сумел определить, кто из присутствующих Чарльз Чейзен.

— Бен, — с непринужденной улыбкой обратился Франкино к хозяину. — Вы не представляете, как мне у вас нравится!

— Я очень рад, что вы выкроили, наконец, время и пришли.

— И жена у вас просто замечательная, — продолжал монсеньор. — Настоящая хозяйка!..

— Спасибо, — вежливо ответил Бен, оглянувшись на Фэй. — Кстати, я и не знал, что вы у нас полиглот, Билл.

— Ну, некоторые языки я знаю весьма поверхностно, — смутился Франкино.

— Да вы просто скромничаете! — не отступал Дженкинс.

— Нет уж, скромность мне не грозит. Я ведь жуткий эгоист! — Франкино посмотрел на часы. — Знаете, Бен, мне уже пора... Надо еще поработать, а времени, как всегда, в обрез.

— Вот уж никогда не подумал бы, что у преподавателей бывают проблемы со свободным временем! — заметил Дженкинс, поправляя лацкан идеально сшитого пиджака. — У вас ведь остаются и вечера, и всяческие праздники, и каникулы... К тому же — целые годы, свободные от лекций¹, ну и, разумеется, выходные.

— Вам легко судить, — со вздохом отозвался Франкино. — Но если вы находитесь в профессорском звании, то весь факультет только и ждет ваших работ. И на это переносимого вами времени едва хватает.

— А над чем вы сейчас работаете? — поинтересовался

¹ В американских университетах каждый седьмой год работы профессора освобождаются от чтения лекций (прим. перев.)

Бен. Этот вопрос был заготовлен заранее по сценарию Франкино.

К ним уже успел присоединиться и Дэн Батилль, желая услышать что-нибудь интересное.

— Я исследую неканонические религиозные обряды и местные поверья в славянских государствах эпохи Возрождения.

— Это связано с православием? — спросил Батилль.

— Отчасти, да. Но меня интересуют и другие влияния на религию этих стран.

— Это какие же?

— Ну, например, на территории нынешней Болгарии было несколько провинций, где жили члены одной секты, обряды которой напоминают смесь православного богослужения и черной магии. Они верили в неиссякаемую силу креста и раз в году собирались все вместе, чтобы выявить приверженцев Сатаны и наказать их.

— Каким же образом им это удавалось? — раздался вдруг голос Сорренсона. Никто и не заметил, как он подошел сзади.

— Они считали, что сатаниста можно определить при помощи креста, выплавленного из особой белой руды, добываемой на востоке Болгарии. Такой крест оставлял, якобы, ожог на теле дьяволопоклонника, да и, по поверьям, на самом дьяволе — тоже. Так вот, они проводили весьма сложные и запутанные ритуалы, а потом заклеивших приговаривали к смерти.

— И что же, этот крест действительно кого-нибудь обжигал? — не поверил Сорренсон.

— Ну, теперь это трудно сказать. Хотя есть точные данные о том, что после подобных ритуалов многих сжигали на кострах.

— Скажите, а такие кресты еще существуют? — поинтересовался Бен, хотя ответ был уже известен ему. Еще утром Франкино осмотрел привезенное из круиза распятие и подтвердил, что это именно такой крест. «Что это — совпадение? — подумал тогда Бен. — Вряд ли».

— Да, несколько настоящих крестов сохранилось. Среди сотен подделок я сумел опознать целых три. И все они находятся в частных коллекциях в Бухаресте.

— И вы утверждаете, — не унимался Батилль, — что одно лишь прикосновение таким крестом может вызвать ожог на теле?

— Да, но только если дотронуться крестом до сатаниста во время особого ритуала.

— Какой вздор! — фыркнул Сорренсон.

И пока он пытался выяснить у Франкино, откуда взялось такое поверье, Бен подошел к письменному столу и извлек из ящика свое распятие.

— Скажите, а такой крест не подойдет? — спросил он, подходя к гостям.

— А я думала, ты его давно уже выкинул, — недовольно произнесла Фэй, тоже подойдя ближе к мужчинам.

Бен оглянулся, виновато пожал плечами и передал распятие монсеньору.

Франкино неторопливо осмотрел крест и наконец с сожалением произнес:

— Нет. Конечно, нет. Настоящие кресты для таких ритуалов — большая редкость, и они представляют собой огромную ценность.

— А вы знаете, как проводится этот ритуал? — спросил Бен.

— Да, — невозмутимо ответил Франкино. — А что?

— Так давайте попробуем! Ради интереса, а?

Но Сорренсон тут же замахал на него руками.

— Бен, перестань! Это же нормальная вечеринка, а не спиритический сеанс.

— Да бросьте вы, Джон! Это же интересно. — Он посмотрел на Фэй. — Если, конечно, ты не против, дорогая.

Фэй ничего не ответила.

К Бэрдету подошел Макс Вудбридж и тоже заметил:

— В самом деле, Бен, по-моему, сейчас не время заниматься такими вещами.

Но Бен, не обращая внимания на его слова, уже вышел на середину комнаты и громко объявил, что сейчас его приятель мистер Франкино будет демонстрировать интересный старинный ритуал.

— Может, действительно не надо? — попробовал отступить Франкино.

В комнате все притихли.

— Ну, прошу вас! — настаивал Бен.

Франкино пожал плечами и попросил гостей встать в круг, потом провел на полу черту мелом, разделив круг на две части, сам встал посередине и велел выключить свет. После этого он начал бормотать что-то по-латыни негромким грудным голосом. Это длилось несколько минут, а затем голос его стал громче.

Было слышно, как вокруг тяжело дышат гости, замершие в напряженном ожидании. Вудбриджи стояли вместе,

а Бен и Фэй оказались друг против друга. Две секретарши и Батилль — напротив Сорренсона и Дженкинса.

Наконец Франкино поднял над головой распятие и, начав быстрее произносить заклинания, шагнул вперед.

«Может быть, этот ритуал и в самом деле — всего лишь средневековый вздор?» — подумалось Бену. Но он переставал уже ориентироваться в собственной квартире, перед глазами все поплыло, голова закружилась.

И вдруг Франкино издал страшный вопль, который сразу же оборвался, звоном повиснув в тишине комнаты.

Бен бросился включать свет.

Священник же упал на колени и, задыхаясь, схватился за сердце.

— Что случилось? — крикнул из угла Бен.

Смущенные гости не знали, что делать, и переминались с ноги на ногу, не решаясь покинуть свои места.

Франкино указал рукой на черную спортивную сумку, которую он оставил возле стола. Макс Вудбридж подбежал к ней и расстегнул молнию. Внутри он сразу нашел пузырек с таблетками и передал его Бену.

— Это? — спросил Бен.

Франкино кивнул и тут же повалился на правый бок, корчась от боли.

Грейс Вудбридж бросилась в кухню за водой.

Франкино затрясся, лицо его побледнело, начало отекать и приобретать синюшный оттенок.

Бен подскочил к священнику и сунул ему в рот таблетку, а потом поднес стакан и, с грехом пополам, напоил беднягу, при этом расплескав ему воду на грудь.

— Откройте окно! — крикнул Бен. — Здесь душно!

Секретарши тут же кинулись открывать окна во всех комнатах.

Постепенно Франкино стал приходить в себя. Он поднялся на колени и, хотя все еще держался за сердце, Бен видел, что боль уже понемногу стихает, и ему теперь значительно легче.

— Ну как, все в порядке? — участливо спросила Грейс Вудбридж.

Франкино с трудом встал на ноги и через силу улыбнулся.

— Да... Проклятая грудная жаба! Мучает меня уже столько лет... Но это проходит. Стоит принять таблетку нитроглицерина — и сразу же отпускает.

— Может, вам лучше прилечь? — предложил Бен, подходя к священнику.

Но Франкино лишь отмахнулся.

— Ничего серьезного. Давайте продолжим,— предложил он.

— Мистер Франкино,— обратилась к нему Грейс Вудбридж,— по-моему, вам следует отдохнуть. Такое напряжение...

— Все уже прошло,— улыбнулся священник.— Становитесь на свои места.

Сорренсон и Батилль дружно заявили, что вообще сейчас уйдут, если все это будет продолжаться. Но Бен резко запротестовал:

— Нет, я никого отсюда не выпущу,— заявил он.

— Бен, ты что, спятил? — изумился Сорренсон.

— Нет,— спокойно ответил Бен.— Просто я хочу, чтобы ритуал был доведен до конца, раз уж начали.— И он с надеждой посмотрел на Франкино, ища в нем поддержки.

— Ну ладно, давайте,— сдался старик.

Бен проследил, чтобы все встали в круг, и снова потушил свет. Франкино сразу же поднял распятие и шагнул вперед. И тут Бен поежился: по коже будто прошелся холодный ветер. Но откуда бы ему взяться?.. Окна уже закрыли, кондиционер не работал, и к тому же Бен чувствовал, что это вовсе никакой и не ветер. Было такое ощущение, словно по коже его кто-то водил куском льда.

Наконец Франкино перестал читать заклинания и замолчал.

«Интересно, кто-нибудь еще чувствует этот странный холод?» — думал Бен.

Между тем ощущения усиливались, и Бен начал дрожать. Священник почему-то молчал, хотя, судя по всему, должен был и дальше читать молитвы.

— Я начинаю замерзать,— наконец тихо сказала одна из секретарш.

И вдруг послышался странный звук, словно человек с разбегу налетел на неожиданную преграду. Франкино вновь закричал, и кто-то сразу же включил свет.

Священник лежал в углу комнаты возле перевернутого кресла и отбивался от невидимых рук, которые, судя по его движениям, сжимали его горло, пытались задушить. Над правым глазом у него был порез, из которого текла кровь, а лицо покраснело от удущья.

Бен в ужасе бросился ему на помощь.

— Уильям! Что это?! — крикнул он.

— Что происходит? — взвизнула из-за спины Бена миссис Вудбридж.

Из рта священника показалась пена, глаза закатились. Бен расстегнул ему ворот рубашки и поднял с пола распятие.

Гости не шевелились.

— Надо вызвать врача,— решительно сказал Дженкинс.

— Нет! — сердито выкрикнул Бен. — Никаких врачей!

Фэй заплакала и упала на колени.

Неожиданно Франкино перестал извиваться и медленно поднялся с пола.

— Что это было? — спросил его Бен, приходя немного в себя.

— Чейзен не дает мне закончить ритуал,— тихо ответил тот.

— Какой еще Чейзен? — удивился Сорренсон. Священник произнес это имя довольно громко, и все гости его услышали.

— Чейзен? — переспросил сам Франкино, будто впервые услышал эту фамилию.

— Да-да,— подтвердила Фэй. — Вы же сами только что сказали, что вам мешает какой-то Чейзен.

Франкино удивленно уставился на Бена.

— Так кто такой этот Чейзен? — не отставала Фэй:

— Сам не знаю,— произнес Франкино и с недоумением оглядел окружающих.

* * *

— Боже мой! — в ужасе воскликнул Сорренсон, осмотревшись по сторонам.

Бен оглядел комнату: теперь она напоминала место побища. Франкино только что ушел. Он и в третий раз пытался закончить ритуал, хотя уже все гости без исключения дружно протестовали, и при этом сам чуть не погиб.

— Он, наверное, сумасшедший,— заключила Грейс Вудбридж, крепко держа мужа под руку. У ее ног валялся разбитый торшер.

Бен перевел взгляд на Фэй — она была бледная, как полотно.

— Ты говорил, что знаком с ним по колледжу? — холодно спросила она.

Бен кивнул,

— А почему же ты раньше никогда мне о нем не рассказывал?

Бен пожал плечами.

— Видимо, было ни к чему.

Дженкинс с трудом переводил дыхание. Его роскошный пиджак был изодран в клочья. Франкино в ярости разорвал его, когда Дженкинс пытался силой купировать новый приступ, в результате которого священник мог запросто проглотить свой язык.

— А сам-то ты что обо всем этом думаешь? — спросил Дженкинс Бена.

— Не знаю. Может быть, он и болен. Похоже на эпилепсию. Правда, я никогда раньше ничего подобного не наблюдал.

Сорренсон задумчиво разглядывал распятие. Крест был еще влажным от рук священника.

Бен аккуратно взял его у Джона и положил назад в ящик письменного стола.

— Простите меня за то, что сегодня произошло здесь, — извинился он перед соседями. — Я ведь не знал, что все так получится...

— Наверное, на этом вечер придется закончить, — подытожила Фэй. А потом нагнулась и поставила журнальный столик на место. Его тоже успели затолкать чуть ли не в самый угол комнаты. — Хорошо?

Никто не стал возражать, и через пару минут все разошлись по своим квартирам.

* * *

Все тело священника покрывал липкий пот. Он лежал на полу лицом вниз, прижав руки к груди с такой силой, словно хотел достать пальцами до самого сердца. Глаза Франкино были закрыты, и он ощущал сейчас только страшное напряжение артерий — приближающийся новый приступ стенокардии.

Франкино медленно открыл глаза и посмотрел вверх. За окном было по-прежнему темно, краем глаза он видел контуры одежды сестры Терезы, а кисловатый запах от ее тела распространялся по всей комнате.

Боль не давала ему пошевелиться.

Руки, ноги, спина, лицо — все нестерпимо ныло, пронзенное сатанинской яростью Чарльза Чейзена.

Он мог бы и предвидеть, что Чейзен не даст ему завершить ритуал. Но по крайней мере, теперь уже не оставалось никаких сомнений в том, что Чейзен находится здесь, в этом доме, и именно на этом этаже!

И снова его мысли вернулись в прошлое. Поплыли яркие воспоминания: ужас, боль и лицо Элисон Паркер в ту

ночь, когда произошло ее перевоплощение в Стража. А было это целых пятнадцать лет назад...

Может, он сам вспоминал все это, а может, это всего лишь очередная попытка изощренного в таких делах Чейзена...

Образы замелькали перед глазами.

Майкл Фармер, узнавший правду о Часовых... Он выкрал папки из Управления епархии и поклялся изменить судьбу Элисон.

Тогда Фармер приехал к особняку около полуночи. Наблюдая за ним из своего укрытия в доме, Франкино страшно перепугался, когда тот обнаружил надпись над воротами Ада: «Оставь надежду всяк сюда входящий». Потом было напряженное томительное ожидание. Отец Галлиран спустился вниз, на первый этаж, желая предупредить Майкла, что смертный бессилен тут что-либо изменить. Но Фармер не понял этого и пошел за Галлираном в его квартиру, рассчитывая выведать у старика всю правду. Однако, так ничего не добившись, он схватил священника за горло и, повалив, сильно ударил его головой об пол. Тут уже надо было срочно остановить непредвиденное вмешательство Майкла Фармера. И тогда Франкино вышел из своего укрытия с бронзовым подсвечником в руке и бил им Фармера по голове до тех пор, пока тот не затих окончательно.

Пытаясь выкинуть из головы эту сцену, Франкино подполз ближе к стулу сестры Терезы. Теперь он видел ее лицо, освещенное безжизненно-бледным месяцем. Внезапно ему почудилось, что веки монахини шевельнулись. Но нет, это невозможно. Теперь это были уже совсем не те глаза перепуганной девушки, когда пятнадцать лет назад Элисон в трансе вошла в особняк, надеясь отыскать там своего Майкла. Она, конечно, еще не знала, что уже повинуетя высшим силам, находящимся далеко за пределами ее человеческого понимания, и эти силы повелевают ей прибыть сюда для великого перевоплощения.

И снова Франкино спрятался в тени дома и наблюдал, как она ищет своего приятеля, а находит лишь кровавый след на полу и одну из его запонок, которую Франкино впопыхах не заметил и поэтому не убрал, когда оттаскивал тело в одну из пустующих квартир. Тогда Элисон, испугавшись, заперлась в своей комнате в полной уверенности, что находится там одна. Но это было не так. Скоро она слышала рядом чьи-то шаги и спряталась в шкафу. И хотя сам Франкино был в это время в квартире священника, он прекрасно знал, что происходит в комнате Элисон. Приз-

рак Фармера предстал перед ней, поскольку теперь он присоединился к легионам Сатаны, так как душа его была обречена на вечные адские муки за убийство первой жены. И теперь Фармер стал инструментом в руках дьявола, с помощью которого тот надеялся еще раз толкнуть Элисон на самоубийство. Но когда девушка увидела, что Майкл мертв и все же разговаривает с ней, она в ужасе бросилась вниз по лестнице, где ее уже поджидал сам Чарльз Чейзен, который тоже стал уговаривать ее перерезать себе вены, чтобы навсегда закончить все земные мучения. Но Элисон кинулась назад к себе. Ее окружили бесчисленные слуги Чейзена, включая ее мнимых соседей, Майкла Фармера и ее собственного отца. Все они также принялись убеждать Элисон покончить с собой. Повсюду появлялись страшные фигуры солдат легиона дьявола. Пытаясь скрыться, она забежала в первую попавшуюся пустую квартиру, но они тут же вошли туда следом за ней, и возглавлял эту жуткую армию сам Чарльз Чейзен. Они умоляли Элисон присоединиться к ним, встать в их ряды, предать своего Бога. И в этот момент Франкино привел отца Галлирана в холл. Армия потерянных душ окружила их, угрожая и мешая идти. Бесформенные твари сотнями кидались на священника и тут же растворялись, а их место занимали новые. Но, невзирая на все это, они медленно и неуклонно продвигались вперед. Среди адского гула и вихря призраков они искали преемницу Галлирана — Элисон Паркер. Избранницу Божию. Нового Стража.

Время, казалось, остановилось. Но все-таки они нашли ее в пустой холодной квартире, окруженную многочисленными рабами дьявола — визжащими, скулящими и умоляющими ее побыстрее занять место среди них. Элисон лежала на полу. Она дрожала и уже теряла остатки сил. Теперь ей и самой начинало вериться, что только смерть может избавить ее от этого кошмара.

Но даже сейчас Франкино помнил тот ужас, который охватил слуг Нечистого, когда он передал крест из рук священника в руки Элисон Паркер. Правда, кроме этого ощущения, он мало что помнил. Остальное смешалось в каком-то диком водовороте. Еще он, помнится, поцеловал перстень на руке отца Галлирана, произнес над его безжизненным телом прощальную молитву, а потом стал молиться о том, чтобы Господь простил и его собственную грешную душу, после чего схватил за руку сестру Терезу, бывшую Элисон Паркер, и вывел ее из дома.

Так все и было, и так это закончилось. И так все опять начинается сначала...

— Господи, помоги мне! — закричал он и схватился за ножку стула, на котором сидела сестра Тереза. — Дай мне силы! Молю Тебя лишь об этом. Дай мне силы!

Франкино опустил голову, чувствуя, как по лицу его струится пот, свернулся на холодном полу калачиком и стал ждать, когда взойдет солнце и обогреет его.

* * *

В начале одиннадцатого утра монсеньор вошел в свой кабинет в Управлении нью-йоркской епархии. От усталости он едва мог идти. На верхней губе запеклась кровь, черты лица заострились, резко обозначив скулы. Отец Макгвайр уже ждал его в кабинете.

— С вами все в порядке? — спросил он.

— Да, — еле слышно ответил Франкино.

— Чейзен был там, в комнате?

— Да.

— И не дал вам довести до конца ритуал?

— Совершенно верно.

Макгвайр присел на стул напротив хозяина кабинета.

— Бирок закончил свою работу, — сообщил он и передал Франкино папку с бумагами.

Монсеньор тут же открыл ее и просмотрел документы.

— Он сделал все, что мог, — продолжал Макгвайр. — Тут данные на Батилля, Дженкинса, Сорренсона, Макса Вудбриджа и Лу Петросевича. Все сходится с нашей информацией, за исключением Дженкинса. По нему не удалось проверить ни одного факта. Так что Дженкинс — настоящая загадка для нас. Не исключено, что он и есть Сатана.

Макгвайр замолчал в ожидании ответа.

Франкино продолжал молча листать обстоятельные отчеты Бирока.

— Впрочем, неважно, какой тут напрашивается вывод, — продолжал Макгвайр. — Ведь даже если Сатана убил Дженкинса и занял его место, то все равно у настоящего Дженкинса была раньше своя жизнь, факты из которой всегда можно проверить...

Франкино задумчиво кивнул, соглашаясь с рассуждениями своего помощника.

— Так что мне теперь делать? — спросил тот после недолгой паузы.

Наконец монсеньор оторвался от бумаг и поднял глаза.

— Пусть Бирок еще раз проверит Дженкинса. И еще необходимо достать копии документов о рождении Джо-зефа Бердета.

— Их ребенка?

Франкино кивнул.

— А зачем? — удивился священник. — Чейзен ведь не может быть младенцем. Да и тело, найденное в компакторе, принадлежало взрослому мужчине... И потом, как он может влиять на Часового, все время находясь в детской кроватке?

— Делайте, что я говорю! — сердито проворчал монсеньор. — Я хочу, чтобы ребенка тоже проверили, и все документы о его рождении были у меня. Причем сделать это надо немедленно. Вам понятно?

Макгвайр молча кивнул, потрясенный вспышкой гнева Франкино и таким странным решением насчет маленького Джои.

— Мне надо разгадать, зачем Чейзену понадобился тот спектакль в подвале — с избиением, — объяснил монсеньор. — Это тоже сейчас очень важно. Потому что именно этот случай может каким-то образом вывести нас на личность Чейзена.

С этими словами Франкино снова углубился в бумаги, собранные исполнительным Бироком.

Макгвайр подождал еще немного и, убедившись, что разговор закончен, вышел из комнаты.

Глава шестнадцатая

Дневной смог начал рассеиваться с заходом раннего весеннего солнца. Была половина восьмого вечера. Но улицы никак еще не могли избавиться от бесконечного потока машин. Прошло уже три дня с тех пор, как монсеньор Франкино так неудачно пытался провести старинный обряд на квартире Бердетов. За это время случились не очень значительные события: Фэй вернулась на работу, в доме постепенно начали забывать о том неслыханном происшествии, и жизнь понемногу вошла в прежнее русло. Никаких новых указаний от Франкино не поступало.

— Хорошо, что мы решили прогуляться пешком, — сказала Фэй, взяв мужа под руку.

Бен улыбнулся и поцеловал ее.

Они гуляли по Центральному парку уже второй час. Бен встретил жену у выхода с работы на 16-й улице, пря-

мо у здания «Дженерал Моторс». И оттуда они пешком направились к дому через зоопарк и катки.

— Какой чудный вечер! — улыбнулась Фэй, закинув голову и рассматривая верхушки деревьев. Где-то в районе Пятой авеню над домами зависло маленькое облачко, но, не считая его, небо было совершенно чистым. На востоке уже выплыла огромная желтая луна, а у западного горизонта появилась одна-единственная яркая звездочка. — Ты согласен со мной?

— Да, — рассеянно кивнул Бен, продолжая брести вперед. Мысли его были сейчас далеко.

— Этот вечер даже напомнил мне Чикаго, — вздохнула Фэй.

— Правда?

— Конечно... Там такие же чудные безоблачные вечера. Помнишь, как мы любили гулять на закате? И у нас была такая милая маленькая квартирка с окнами на озеро Мичиган.

— И поганая работа в авиакомпании, — добавил Бен.

Но Фэй, покачив головой, заметила:

— Да, может быть, мы тогда не слишком шикарно жили, но зато были вполне счастливы.

Он нежно провел ладонью по ее пушистым волосам.

— Я тоже люблю вспоминать Чикаго. Но разве сейчас мы не счастливы?

Глаза Фэй сверкнули в сумерках, как два бездонных колодца.

— Ты говоришь, счастливы?.. Как же можно оставаться счастливым после всего, что нам пришлось пережить за последнее время? Нет, конечно, я всегда счастлива, когда ты рядом. И мне очень хорошо с тобой. Но все равно в душе я перепугана насмерть. И теперь боюсь уже буквально всего. Любой шорох приводит меня в трепет. Я опасаясь каждой тени. Даже, наверное, своей собственной. Скорее бы все это кончилось!..

— Что «это»?

— Ну, то, что сейчас происходит с нами, — спокойно ответила Фэй. — И пожалуйста, Бен, не надо обращаться со мной, как с малым ребенком. Ты ведь не будешь отрицать, что с нами происходит нечто весьма и весьма необычное. Причем замешаны в этом мы оба. И одному Богу известно, кто еще... Мне только непонятно, почему ты так тщательно пытаешься скрыть от меня всю правду.

Бен остановился, обнял Фэй и прижался лицом к ее волосам.

— Дорогая, я ничего от тебя не скрываю, хотя бы по той простой причине, что скрывать мне абсолютно нечего. И, по-моему, мы уже достаточно подробно все это обсудили. На прошлой неделе, если ты помнишь...

Фэй посмотрела на него пустыми глазами.

— Ну только не делай вид, что ты и в самом деле ничего не помнишь,— продолжал Бен.— Ты тогда еще устроила мне целый допрос по поводу моего полета в Сиракузы.

Но тут она резко вырвалась из его объятий, прошла под мостиком и оказалась на соседней аллее. Бен подождал немного, а потом решил все же нагнать жену. Становилось уже темно, и он не хотел отпускать ее одну слишком далеко от себя.

— За это время появились и другие причины,— мрачно заметила Фэй, как только Бен снова оказался с ней рядом, для чего ему пришлось даже пробежаться немного.

— Например? — с вызовом спросил он.

— Почему мы не стали обращаться в полицию после того, как нас зверски избили?

— Фэй, я ведь сто раз уже объяснял тебе это,— напомнил Бен.— Ни ты, ни я не запомнили тех подонков и не смогли бы даже описать их приметы. Какой же в таком случае толк в полиции? Мы бы только потратили уйму времени, а бандиты при этом по-прежнему остались бы на свободе.

— Ну, хорошо. С этим трудно не согласиться. Но я совершенно не вижу причин, по которым нам необходимо было запирались от всех и целых десять дней сидеть в квартире, как крысам в норе,— запальчиво продолжала Фэй.

— Может, и не стоило,— согласился Бен и виновато развел руками.— Но представь, что Сорренсон или кто-нибудь другой из соседей узнали бы о том, что с нами произошло. В доме началась бы паника! Они и так не могут успокоиться после убийства в подвале. Так что одно наше слово насчет того избиения — и они оборвали бы телефон полиции! И нас опять замучили бы допросами. Тогда я бы точно сошел с ума.

Фэй подошла к большому валуну на лужайке и, взбравшись на него, присела на корточки. Бен подумал и сел рядом с ней.

— А что если эти хулиганы как-то связаны с тем убийством? — предположила Фэй.

Бен пожал плечами.

— Все может быть. Но мне это почему-то кажется маловероятным.

— Но если там была какая-то связь, то сообщить об этом в полицию — наш прямой долг, Бен. А мы это скрыли...

— Ну, и чего ты теперь хочешь от меня? — начиная раздражаться, спросил он.

Фэй посмотрела на мужа, едва сдерживая слезы, внезапно намернувшись на глаза.

— Не знаю, чего я хочу, — призналась она. — А если бы знала, то не чувствовала бы себя сейчас так неуверенно. Я ведь, между прочим, тоже еле держусь...

Бен протянул к ней руки и стал нежно гладить по волосам.

— Не знаю, кто такой этот Франкино, — продолжала Фэй, — но только то, что произошло недавно в нашей квартире, — уж ни в какие ворота не лезет!

— А я и не уверял тебя в обратном. Наверное, Франкино и в самом деле серьезно болен.

— И эта болезнь проявляется именно у нас сразу после избиения, которое совершается сразу после убийства, а между этими событиями с нами происходит целая серия необъяснимых вещей!..

— Ну, это уж совсем смешной вывод, — хмыкнул Бен и снисходительно улыбнулся.

— Вот видишь! — тут же подхватила Фэй. — Ты даже не можешь отрицать, что все это весьма необычно.

— Ну, хорошо. Может быть, это и в самом деле выглядит как-то странно, — согласился Бен. — Но сейчас все эти вещи уже уходят на второй план. Самое же главное — это ты. Твое здоровье, которое заметно улучшилось. Твое физическое и эмоциональное состояние... Ты ведь знаешь, что у тебя есть любящий муж, который сделает все возможное, чтобы с тобой не случилось больше ничего плохого. А еще у тебя есть сын, который, кстати, сейчас, может быть, ревет в три ручья и сводит с ума несчастную Грейс Вудбридж.

С этими словами Бен приблизился к жене и нежно поцеловал ее, а она положила ладони ему на колени и прижалась к нему всем телом. Вокруг них продолжала сгущаться темнота. Ближайший фонарь маячил где-то ярдах в пятидесяти впереди. Они оказались как бы отрезанными от всего мира, от вечерних городских огней, непрерывного потока машин и вечно спешащих по своим делам пешеходов. Так просидели они молча минут пятнадцать, пока порывы резкого холодного ветра с Гудзона не привели их в чувство. Тогда они поднялись и не спеша зашагали к ближайшему выходу из парка.

— Знаешь, Бен,— снова заговорила Фэй, как только они миновали освещенный тупик аллеи,— когда ты обнимаешь меня, мне начинает казаться, что ничего странного с нами и вовсе-то не было... Когда ты так убедительно говоришь, что все скоро пройдет, я тоже начинаю чувствовать, что это и в самом деле кончится в ближайшие дни. И все у нас снова станет по-прежнему тихо и мирно. Но вот только теперь я почему-то впервые за все время, что мы вместе, начинаю сомневаться в справедливости твоих слов. Короче говоря, я больше не верю тебе.

Бен от неожиданности даже остановился.

— Бен, ты мне лжешь. Я не верю ни единому твоему слову,— повторила Фэй.— Ни единому!

* * *

— Я ничего не слышу,— признался Бен, сжимая ладонь жены и оглядываясь вокруг. Темные заросли старого парка волновались на ветру, и длинные тени на траве стали похожи на скрещенные рапиры.

— Но я точно слышала шаги! — настаивала Фэй.

Бен посмотрел в сторону — теперь они находились напротив 83-й улицы; до выхода из парка оставалось уже не больше ста ярдов. Но тропинка, по которой они шли, заросла сорняком и высоким кустарником, и двигаться по ней быстро не удавалось. И хотя вдали уже маячили огни города, сейчас ему показалось, что их отделяют от цивилизации многие мили.

— Бен, я слышу эти шаги уже минут пять. А когда мы останавливаемся, они тут же стихают.

— По-моему, у тебя просто разыгралось воображение,— постарался успокоить ее Бен, но сам тут же засомневался в своем предположении.

— Бен, мне страшно. Давай скорее выбираться отсюда.

— Хорошо, тогда пошли побыстрее. Эта тропинка как раз и выведет нас на улицу,— улыбнулся он.

Они двинулись вперед, но на этот раз Бен и Фэй одновременно слышали шаги за спиной.

Бен резко обернулся, а Фэй зажала руками рот, чтобы не завизжать от страха.

Опять тишина. Но стоило им сделать первый шаг — звуки возобновились.

Тогда Бен сошел с тропинки и решил проверить кусты, но Фэй сразу же закричала:

— Бен! Не бросай меня одну!

Он тут же вернулся, сообразив, что искать кого-то в кустах в такой темноте и опасно, и просто глупо.

— Ладно, пошли отсюда. Быстрее!

Он взял жену за руку и потащил вперед. В глазах Фэй стоял страх. Точно такое же выражение Бен видел на ее лице тогда, в подвале, когда на них напали трое неизвестных. Да и на самого Бена эти таинственные шаги подействовали не лучшим образом. Он чувствовал, как бешено заколотилось его сердце, на коже выступил пот, и одежда стала прилипать ко всему телу.

— Бежим,— тихо сказал он и опять подтолкнул Фэй по направлению к выходу.

Она рванулась вперед, но тут же снова застыла на месте. Там, сбоку, футах в шестидесяти от тропинки, стоял какой-то мужчина и держал в руке длинный темный предмет. И в то же время сзади слышались приближающиеся шаги.

Бен заметался. Куда теперь?

— Бен! — умоляюще зашептала Фэй, задыхаясь от ужаса.

Тогда он шагнул вперед к темному силуэту и близоруко прищурился. Может быть, сейчас самое время позвать на помощь?..

Человек размахивал правой рукой, хотя тело его оставалось неподвижным. А шаги теперь сделались совсем тихими — тот, кто преследовал их, очевидно, ступал по траве, прячась где-то в кустах. Их окружали!.. Но кто же там стоит впереди?.. И связан ли он с этим невидимым преследователем? И зачем ему вообще понадобилось приходить ночью в парк? Неужели он забыл об опасностях, которые могут подстергать здесь в такое время?

— Давай сюда! — прошептал Бен жене, и они свернули с тропинки. В полной темноте Фэй сразу же оступилась, упала и разбила коленку. Но Бен тут же поднял ее, и они снова начали продираться через колючки и шипы сорняков.

— Теперь сюда!

Шаги стали громче.

Но Бэрдеты уже выбрались к свету. Поток машин с зажженными фарами, уличные фонари и освещенные окна зданий прибавили им сил. Выбежав на улицу, Фэй впервые обратила внимание на боль в колене и кровь, стекающую по ноге.

Она в изнеможении опустилась на ближайшую скамейку на тротуаре и вытянула больную ногу. Бен рванулся назад к тому месту, где они впервые увидели преградившего им

путь незнакомца, только теперь он бежал с другой стороны ограды парка, по улице. Мужчина по-прежнему стоял в тени под деревьями и размахивал чем-то. Бен, энергично жестикулируя, выскочил наперерез первой же патрульной полицейской машине. Она затормозила, и оттуда вышли двое высоких темнокожих полицейских. Бен сбивчиво рассказал им о том, что случилось с ним и женой в парке. Один из патрульных вынул мощный фонарь и направил луч света на то, что Бёрдеты приняли в темноте за человека. Это был испорченный парковый фонарь. Какой-то шутник накинул на него старое пальто и привязал к правому рукаву палку. Полицейские дружно рассмеялись. Бен, запинаясь, поблагодарил их, вернулся к скамейке, где сидела Фэй, и рассказывал ей о случившемся. Все еще дрожа, она обняла его и буквально повисла на шее.

— Представляешь, какие мы с тобой трусишки! — улыбнулся Бен.

Но она лишь с сомнением покачала головой.

«А как же те шаги сзади? — пронеслось в голове Бена. — Ведь их-то слышали мы оба! Это точно. Кто-то шел за нами, тут не может быть никаких сомнений».

Тогда он сделал несколько шагов назад в парк по заросшей узкой тропинке, прислушался и, сжав кулаки, нырнул в темноту. Но, не найдя никого под деревьями, Бен понял, что их преследователь успел сбежать.

С бешено колотящимся сердцем он вернулся к Фэй и помог ей подняться на ноги. И вдруг впереди мелькнула фигура человека, неизвестно откуда выскочившего на тротуар и пытающегося остановить такси. Этот мужчина запросто мог перелезть через ограду парка, чтобы оказаться сейчас на улице.

И хотя была ночь, и расстояние до такси не позволяло Бену разглядеть все как следует, он ни секунды не сомневался, что перед ним сейчас не кто иной, как отец Макгвайр.

Но он ничего не стал говорить Фэй. Они подождали, пока сменяются огни светофора, и зашагали к 89-й улице. Бен тщетно пытался понять, зачем священнику понадобилось сегодня следить за ними. И мозг его лихорадочно переваривал все новые варианты возможного развития событий. Бен лишь удивлялся, как он только не додумался до этого раньше! Ведь понятно же, что отец Макгвайр тоже участвует в заговоре...

Джо Бирок открыл им входную дверь.

— Миссис Бэрдет, что стряслось? — взволнованно спросил он, увидев, что Фэй прихрамывает.

— Все в порядке, Джо, — поспешил успокоить его Бен. — Она, правда, порядком устала. И еще, Джо: у вас не найдется стакана воды?

— Ну, разумеется! Сейчас. Подождите секундочку...

Бирок бросился в свою каморку и в ту же минуту вернулся оттуда с пластиковым стаканчиком, полным воды.

Бен взял у него воду, положил сумочку Фэй на банкетку в холле и, приставив стаканчик к ее губам, стал уговаривать ее сделать хотя бы несколько глотков.

— Мы гуляли по парку, — объяснил он Бироку. — И как только меня угораздило идти туда в такую темень?..

Бирок понимающе кивнул.

— Меня туда и не заманишь после семи, — сказал он. — Там ведь одни хулиганы бродят, не говоря уж о том, что самому можно запросто свернуть себе шею.

— Вы совершенно правы, — подтвердил Бен. — К тому же мы слышали какие-то шаги за спиной, и Фэй перепугалась, а потом у нее закружилась голова...

— Ну, хватит, нечего делать из мухи слона, — остановила она поток красноречия мужа. — А то Джо всерьез начнет волноваться. Все уже прошло.

— Ну что вы, миссис Бэрдет! Я и так всегда волнуюсь за вас. Если вам что-нибудь понадобится, я первый же приду к вам на помощь, — отозвался привратник.

Фэй улыбнулась. Бен дружелюбно похлопал Джо по плечу. Тот заспешил вперед и нажал кнопку вызова лифта.

— И вам, мистер Бэрдет, — добавил он, — если что-нибудь понадобится, тут же звоните мне вниз — я к вам сразу же поднимусь.

Подъехал лифт. Бен помог Фэй войти в кабину, а Бирок направился на свой пост к входным дверям.

— Нажмите, пожалуйста, десятый, — попросил Бен мужчину, стоявшего у панели управления.

Мужчина всем телом подался вперед и нажал кнопку «10». Двери закрылись, и лифт начал подниматься. Бен заботливо поддерживал жену, а сам внимательно разглядывал попутчика.

И вдруг какое-то неведомое чувство подсказало Бену, что тут не все ладно.

Казалось, мужчина смотрит куда-то сквозь него. Он был высокого роста, худощавый, с темно-карими, как у гипнотизера, глазами, тонкими чертами лица и смуглой кожей. На незнакомце была яркая спортивная куртка и белая рубашка, на рукавах которой блестяли золотые запонки с выгравированными на них буквами «М. С. Ф.» Верхняя пуговица рубашки оказалась расстегнутой, и на воротничке виднелось темное пятно.

— Добрый вечер,— поздоровался Бен.

Мужчина кивнул и молча уставился на него.

— Что-нибудь случилось? — прошептала Фэй, чувствуя, как напряглось тело мужа.

— Не знаю,— тоже шепотом ответил он, понимая, что приключение в парке просто делает его слишком уж подозрительным.

Лифт продолжал ехать вверх, слегка вибрируя и покачиваясь.

— Вы забыли нажать свой этаж,— напомнил Бен незнакомцу.

Мужчина глянул на пульт. Горела только одна кнопка— десятого этажа. Он улыбнулся и прикрыл глаза.

Бен с тревогой взглянул на Фэй и понял, что она тоже забеспокоилась, не понимая, что тут все-таки происходит.

— А к кому вы едете на десятый этаж? — как можно мягче спросил Бен.

Мужчина посмотрел на него, прокашлялся, улыбнулся, обнажив безукоризненные белые зубы, и снова ничего не сказал.

Бен прижал Фэй к себе. «Неужели это и есть тот самый убийца?» — пронеслось у него в голове. Но нет... Франкино ведь уверял его, что Чейзен специально убил кого-то, чтобы принять облик жертвы, которая должна быть хорошо знакома всем жильцам дома. А этого человека он видит впервые. И все же тут что-то не так...

Лифт затормозил и остановился. Бен и Фэй вышли в холл. Бен вынул ключи — их квартира была совсем рядом. Незнакомец тоже вышел из лифта, но не пошел по коридору, а остановился, наблюдая за ними.

— Может, вам нужна наша помощь? — поинтересовалась Фэй.

Но мужчина отрицательно покачал головой.

Фэй схватила мужа за руку, и он почувствовал, что она сильно дрожит.

Мужчина медленно двинулся к ним, но потом остановился, потому что как раз в этот момент на этаж поднялся

служебный лифт. Из него вышел Бирок и подал Бену сумочку Фэй, которую они случайно забыли внизу, пока Фэй пила воду.

Мужчина быстро прошел мимо Бирока, миновал квартиру сестры Терезы, вынул из кармана ключи и скрылся в квартире Джона Сорренсона.

— Кто это? — спросила Фэй Бирока, сперва поблагодарив его за беспокойство.

— Не знаю, — пожал тот плечами. — Наверное, приятель мистера Сорренсона.

— А вы видели, как он входил в дом? — взволнованно спросил Бен.

— Нет... Но, возможно, он пришел уже давно, когда была еще не моя смена. А на каком этаже он вошел в лифт?

Фэй и Бен растерянно переглянулись.

— Как это на каком? — удивилась Фэй. — Он ведь был уже в лифте, когда мы с Беном зашли в кабину.

— Да ну! — изумился Бирок.

— Джо... Вы хорошо себя чувствуете? — спросила Фэй, дотронувшись до его руки. — Вы же не могли его не заметить, — он стоял рядом с пультом.

— Простите, мистер Бэрдет, но я действительно не видел его. Я ведь не заглядывал внутрь. Наверное, я думал о чем-то своем... Не знаю... Ну, в общем, я отвлекся и, вероятно, просто не обратил на него внимания.

Бен почувствовал, что его начинает тошнить.

Бирок подошел к двери Сорренсона и позвонил. Дав десять длинных звонков кряду, он подождал, а потом обернулся.

— Там никого нет, — сообщил он Бэрдетам.

— Но это невозможно! — Бен подбежал к двери и громко постучал по ней костяшками пальцев. — Достаньте запасной ключ! Надо немедленно открыть дверь!

— Мистер Бэрдет... — замялся Бирок. — Я не имею права это делать. Только в экстренных случаях...

— Черт побери, — поддержала мужа Фэй. — Сейчас как раз и есть такой случай! Может быть, с Сорренсоном что-то случилось.

Но Бирок отрицательно покачал головой.

— Ничего подобного. Мистер Сорренсон ушел из дому минут за пять до вашего появления. Он уехал на своей машине, и я уверен, что с тех пор он больше не возвращался.

— Вы уверены? — переспросил Бен.

— Ну, конечно! — Бирок энергично кивнул в подтверждение своих слов.

В отчаянии Бен забарабанил по двери кулаками. Удары гулким эхом разносились по коридору. Дверь задрожала, но никакого ответа изнутри по-прежнему не было.

— Придется подождать, пока вернется хозяин,— с сожалением констатировал Бирок.— И все же, если вы услышите какой-нибудь подозрительный шум или снова увидите этого человека, пожалуйста, сразу же позвоните мне на вахту. Хорошо?

Бен молча кивнул и направился к своей двери. Фэй обняла его и прижалась к мужу всем телом. Бирок уехал вниз на служебном лифте.

Бен провел рукой по вспотевшему лбу.

— Ну и вечерок! — заметил он и тоже обнял жену.

— Ведь этот тип наверняка связан со всеми нашими кошмарами, да? — чуть не плача спросила Фэй.

— Не знаю,— тихо ответил Бен.— Ну откуда мне это знать?!

* * *

Около трех часов ночи Бен проснулся и, поворочавшись в постели, понял, что теперь ему уже вряд ли удастся снова быстро заснуть. Он встал, подошел к окну и отдернул занавеску. Луна, которую они с Фэй видели еще в парке, теперь стала меньше и ярче на фоне темного неба. Бен никак не мог выкинуть из головы того странного незнакомца в лифте. Он перебрал в мозгу все возможные варианты, но так и не смог разгадать, кто же это такой. Наконец, подумав, что под одеялом он все равно ничего не решит, Бен предпочел стоять у окна.

Что-то вертелось у него на языке, какое-то имя, но он никак не мог вспомнить его, и начал заново восстанавливать в памяти облик того мужчины.

Высокий, смуглый, темноволосый. Ярко-голубая спортивная куртка, белая рубашка.

Он схватил со стола коробку с сигарами, вынул одну, откусил кончик, но прикуривать не стал, а лишь зажал в зубах хрустящий ароматный цилиндр, поглядев на спящих сына и Фэй. Мысли его носились бешеным вихрем, но каждый раз заходили в тупик.

И наконец он вспомнил это имя, и тут же будто удар молнии обжег его мозг.

Как же он мог забыть эти запонки! Круглые, золотые запонки с инициалами «М. С. Ф.» Майкл Спенсер Фармер!

— Я же сказал вам, чтобы вы не смели приходить сюда и вообще разыскивать меня! — рявкнул Франкино, закрывая за Беном массивную дверь своего кабинета.

Бен сдержался, не сказав в ответ ничего резкого, и огляделся по сторонам.

Светлый просторный кабинет был обставлен дорогой итальянской мебелью — под стать человеку, которого все называли «монсеньор». На стене над дверью висело резное деревянное распятие. А справа и слева от стола Бен увидел портреты Папы римского и какого-то кардинала. Он сразу же заметил между ними сильное сходство, будто бы Господь Бог выбирал себе слуг по их внешним данным. И даже лицо Франкино чем-то походило на его римских начальников.

— Что вам угодно? — холодно спросил священник.

— Мне надо сказать вам буквально несколько слов.

Франкино уселся в кресло и сурово уставился на нежданного посетителя.

— В этом деле замешан и отец Макгвайр, верно? — без оличностей начал Бен.

Франкино, продолжая сверлить его взглядом, коротко ответил:

— Да.

— Вчера он преследовал меня и Фэй в парке. Зачем?

— Я велел ему делать это.

— А для чего? — не отступал Бен.

— Это вас не касается. Но я вам все равно отвечу: он должен был защищать вас от Чейзена.

— А почему же вы мне самому не сказали? — удивился Бен.

— Я не хотел вам этого говорить.

— Вот ничтожество! — не выдержал Бен.

— Заткнитесь лучше и сядьте, мистер Бэрдет! — Франкино тоже начинал выходить из себя.

Бен задрожал и безвольно опустился в кресло возле стола.

— Вы закончили? — сурово спросил священник.

— Нет. Вчера вечером в доме нас продолжали преследовать. Но на этот раз уже не Макгвайр...

— А кто?

— Мужчина с золотыми запонками, на которых выгравированы буквы «М. С. Ф.».

Франкино оставался совершенно спокойным. Он лишь кивнул и слегка улыбнулся.

— Это не мужчина, мистер Бэрдет. Это его призрак! Душа одного из слуг Сатаны.

— И что она там делала, эта душа?

— Я не знаю.

— Послушайте, монсеньор, я...

— Вы сюда никогда больше не придете! — оборвал Бена священник. Лицо его побагровело, и он, наконец, дал волю своим чувствам. — И вы больше не посмеете меня искать. Оставайтесь в своей квартире и живите себе спокойно, как я и приказывал, не то будет хуже!

Бен уставился на разбушевавшегося церковника выпученными от изумления глазами.

— Я не потерплю, чтобы вы вмешивались! — орал священник. — Еще не пора! Сегодня будет самая ответственная ночь, мистер Бэрдет. А все ваши мелочные, пустяковые жалобы только отнимают у меня время! И чтобы больше я ничего подобного от вас не слышал!

Высказавшись, Франкино быстрым шагом подошел к Бену, ухватил его под мышки, поставил на ноги и поволок к двери.

— Мне удалось установить личность Чейзена! — продолжал он. — И сегодня мне надо сделать первый решительный шаг! А вы тут лезете со своей ерундой!

— И кто же он? — попробовал вставить слово Бен.

— Убирайтесь! — рявкнул Франкино и распахнул дверь.

Бен не мог даже пошевелиться, ошарашенно глядя на каменное лицо священника.

— Вон отсюда! — взревел тот и, приставив ладони к пояснице Бена, вытолкал его в коридор, захлопнул дверь и повернул ручку замка.

* * *

— Эй, привет! — закричал Сорренсон, высунувшись из двери своей квартиры со смычком в руке.

Бен только что поднялся на лифте вместе с Дэниэлом Батиллем. Но неожиданный исход встречи с монсеньором Франкино настолько подействовал на него, что он почти перестал воспринимать весь окружающий мир, и находился сейчас в прострации, потрясенный невыносимым поведением священника.

— В чем дело? — холодно спросил он.

— Какое дело?.. — растерялся Сорренсон. — Никакого дела. То есть, ничего плохого не случилось, — тут же поправился он. — А разве Фэй тебе ничего не сказала?

— Меня сейчас не было дома...— пояснил Бен.— А что она должна была мне рассказать?

— Лу Петросевич отыскался!

— Да что вы! — обрадовался Батилль, вцепившись пальцами в свои книги по законодательству.— И где же его откопали?

— Я только что лично с ним разговаривал. Я играл на виолончели — и вдруг телефонный звонок. Он, оказывается, понятия не имел о том, что у нас тут происходит. А вчера он позвонил своей секретарше, чтобы извиниться за столь внезапное исчезновение, и она сообщает ему, что его разыскивает полиция... И более того, что он подозревается либо в убийстве, либо в том, что стал жертвой убийцы. Представляете?

— Ничего себе выбор! — заметил Батилль, перекатывая во рту леденец.

— И где же он пропадал? — поинтересовался Бен.

— Ну-у... — засмущался старик.— Я ведь всегда говорил, что Петросевича подведет его страсть к слабому полу... В общем, в день своего исчезновения он встречался с одной клиенткой, которой оказалась, как мне передали, весьма приятная... можно сказать, просто очаровательная юная особа. Ну, и Петросевич, конечно, не смог упустить такого шанса и поехал вместе с ней отдохнуть в горах.

— И даже не сообщил своей секретарше? — удивился Бен.

— Представляете — ни словечка!

— Наверное, он там был с нею на седьмом небе, — рассмеялся Батилль.— Тут о любой работе забудешь!

Сорренсон укоризненно посмотрел на молодого человека и погрозил ему пальцем.

— Ну, у вас, Дэниэл, еще все впереди. Вы пока еще учитесь, а когда станете адвокатом, к вам тоже начнут ходить такие клиентки. Вот увидите!.. Ну, ладно, речь не о том... Короче, он уже в полиции, его допросили и пришли к выводу, что он не имеет к этому убийству решительно никакого отношения. И слава Богу, — закончил старик.

Бен схватил смычок, которым Сорренсон, разволновавшись, начал отчаянно размахивать из стороны в сторону.

— Джон, осторожней! Вы же мне глаз так выколете.

Сорренсон глупо рассмеялся, извинился и сунул смычок под мышку.

— А вы будто и не рады, Бен? — с удивлением обратился он к Бэрдету.

— Я-то?.. Да нет, признаться, радоваться тут особенно нечему. Хорошо, конечно, что с Петросевичем ничего не случилось. Так когда, вы говорите, он приезжает?

— Обещал через пару дней.

Батилль извинился и направился в свою квартиру. Тогда Сорренсон подошел к Бену и тихо заговорил:

— Между прочим,— доверительно произнес он,— мне Бирок все рассказал.

— И вы знаете, кто этот незнакомец? — невольно похолодев, спросил Бен.

Но Сорренсон отрицательно покачал головой.

— Я ничего не могу понять,— признался он.— Я тщательно проверил все комнаты. Все лежит на местах. Только на виолончели одна струна была порвана, но она, скорее всего, лопнула сама по себе. Это случается... А так все в полном порядке. Так что полицию вызывать вроде бы незачем.— Он в задумчивости почесал подбородок.— А ты, Бен, что думаешь?

— Сам не пойму,— ответил тот и сунул ключ в замочную скважину.— Наверное, лучше всего побыстрее забыть об этом.— Он повернул ключ.— Да... Если вам еще раз позвонит Петросевич, передайте ему мой привет и скажите, что я очень рад был узнать, что с ним все в порядке.

— Конечно, Бен. Обязательно передам.

— Ну, еще увидимся,— улыбнулся Бэрдет.

— Бен...— вдруг взволнованно произнес старик и, подойдя к соседу поближе, с беспокойством спросил: — Ты себя действительно хорошо чувствуешь?

— Да, а что? — невозмутимо ответил Бен и закрыл за собой дверь.

Глава семнадцатая

В начале четвертого утра воздух был уже достаточно теплым, но влажность за ночь заметно повысилась. Обложенное тяжелыми тучами небо предвещало дожди. Улицы еще пустовали, лишь иногда проносилось одинокое такси или машина полиции. Все автостоянки на 89-й улице были заняты. Железные ворота, ведущие на стройплощадку собора, где уже заканчивали класть фундамент, были заперты на ночь, парадный вход дома номер 69 закрыт на замок, а ночной привратник сидел у себя в дежурке и, попивая кофе, смотрел фильмы для полуночников на маленьком цветном телевизоре.

Джо Бирок открыл глаза и поднялся.

Кто-то тихо постучал в дверь.

Он быстро вышел из маленькой дворницкой, щелкнул выключателем и, шаркая ногами, заспешил по тускло освещенному коридору мимо котельной, прачечной и компактора, чтобы открыть черный ход в дальнем конце подвала.

На улице перед ним стояли монсеньор Франкино и отец Макгвайр. Они молча шагнули внутрь и Бирок увидел у каждого в руке по Библии.

Он поклонился священникам, поцеловал перстень на руке Франкино, а потом провел их к служебному лифту.

— На девятый этаж,— коротко приказал монсеньор.

Бирок повернулся к пульта и послушно нажал кнопку девятого этажа. Кабина медленно поползла вверх. Священники раскрыли книги и стали молиться. Бирок прислушивался к ним, но глаза его были прикованы к двери лифта.

Наконец кабина дернулась и остановилась. Священники вышли в коридор.

— Молитесь за нас, сын мой,— произнес Франкино.

— Конечно, монсеньор,— с благоговением ответил Бирок.

Он нажал кнопку, и двери лифта закрылись.

Макгвайр вынул из кармана часы, взглянул на них и произнес:

— Три тридцать.

Франкино первым шагнул к запасному выходу. Макгвайр послушно следовал за ним. Их мерные шаги гулко отдавались в пустом коридоре.

Священники поднялись по лестнице на десятый этаж и остановились у двери, ведущей в коридор с квартирами.

Франкино прочитал последнюю молитву, а потом решительно взялся за ручку двери.

— Да поможет нам Господь Бог! — выдохнул он.

Но Макгвайр тут же перехватил его руку.

— А все-таки, кто Чарльз Чейзен? — с тревогой в голосе спросил он.

Но Франкино лишь покачал головой, и Макгвайр увидел, как дрожат у него руки и губы.

Макгвайр попробовал стряхнуть с себя наползающий страх.

— Вы обязаны сказать это мне! — настаивал он. — Мне необходимо это знать. Я ведь сейчас встречаюсь с ним!

— Скоро вы сами все узнаете,— заявил Франкино и

медленно повернул ручку. Макгвайр вытер пот с ладоней. Кровь отхлынула от его лица, придав ему мертвенно-бледный оттенок.

Дверь распахнулась, и Франкино шагнул вперед.

— Святой отец! — тут же шепотом позвал он и жестом пригласил Макгвайра следовать за ним в коридор.

Немного поколебавшись, Макгвайр тоже сделал пару шагов и остановился возле Франкино.

Дверь за ними со скрипом закрылась.

Сейчас они стояли в восточной части дома, и все квартиры находились слева от них. Вдали виднелось окно, выходящее на западную сторону, а за ним — темное ночное небо. Холл был абсолютно пуст, если не считать ковра на полу и урны для мусора возле лифта. Одна из лампочек под потолком перегорела, но остальные ярко освещали блестящие свежевыкрашенные стены холла.

— Чейзен здесь, — заявил Франкино и, зорко всматриваясь в пустой коридор, перекрестился.

Макгвайр последовал его примеру, а потом достал платок и промокнул пот на лбу.

Франкино вышел на середину холла, и, продолжая ощущать присутствие зла, медленно двинулся вперед к квартирам.

— Монсеньор! — вдруг вскрикнул Макгвайр, почувствовав на лице резкий порыв холодного ветра. Он остановился и перевел дух, а потом откинул с глаз прядь волос, которые успел растрепать странный сквозняк. Священник прислушался. Несомненно, где-то рядом завывал сильный ветер. Но где?.. — Я что-то чувствую! — наконец с дрожью в голосе сказал он.

Франкино тоже остановился в ожидании.

И опять налетел этот неведомый вихрь. Он прошелся вдоль всего коридора со стороны окна. Но ведь окно-то при этом было закрыто!..

Макгвайр упал на колени.

И снова ветер. На этот раз он настиг их со спины, словно просочившись сквозь стену. Франкино пошатнулся и лишь чудом устоял на ногах. Макгвайр нагнулся вперед и уперся ладонями в ковер. Его Библия упала на пол.

— Это Чейзен! — сообщил Франкино зловеющим шепотом.

А ветер уже свирепствовал совсем где-то рядом, угрожая завывал, словно предупреждая о грядущем несчастье. И вот он настиг их, причем сразу со всех сторон, словно вода, прорвавшая высокую дамбу. Весь холл напол-

нили пыльные смерчи и тучи мелкого мусора, попавшие в воздушную круговерть. Адский грохот и свист этого урагана был невыносим для человеческого слуха.

Франкино прижался к двери пожарного выхода. От самого лба до подбородка по щеке его пролегла глубокая рана. Столбы пыли скрывали все вокруг, и уже невозможно было понять, где находится пол, а где потолок. Все поглотил сплошной серый смерч, завладевший всем пространством вокруг. Ветер безжалостно хлестал священников, швыряя им в лицо горсти содранной штукатурки и мелкого мусора.

Франкино ничего уже не видел перед собой — по лицу его струилась кровь, заливая глаза.

— Надо уходить отсюда! — выкрикнул он. — Мы не сможем...

И вновь его швырнуло о стену.

— Что делать мне? — заорал в ответ Макгвайр, пытаясь криком заглушить грохот бури.

Франкино жестом указал на дверь лестницы. Макгвайр схватил его и потащил к этой двери. Их тела то и дело ударялись о стены, лица побагровели, а на коже начали выступать волдыри от нестерпимо горячего сухого ветра.

«Неужели никто не слышит, что здесь творится? — с ужасом думал молодой священник. — Неужели никто не проснется?!»

Наконец они добрались до двери и попробовали открыть ее. Но ручка не поддавалась, словно кто-то намертво приморозил ее.

Они снова повернулись навстречу ветру, но ураган уже стал сильнее, и теперь священники почти потеряли способность передвигаться.

— Скорее к лифту! — прокричал Макгвайр.

Но тут монсеньора опрокинуло на пол. Тогда Макгвайр ухватил его за ворот и из последних сил поволок по коридору. Однако почти уже добравшись до лифта, он был вынужден отпустить Франкино и закрыть лицо руками — пыль плотно забила ему в нос, уши и глаза.

— Я не выдержу этого! — заорал он, а щеки его начали как резиновые раздуваться от ветра.

Но Франкино все же умудрился нажать кнопку вызова лифта, а сам перекатился на бок, задыхаясь в пыльном буряне. Раскаленный воздух впивался в легкие, словно был наполнен тысячами микроскопических лезвий.

Наконец лифт подъехал, и они оба вползли в кабину. Двери закрылись и наступила непривычная тишина.

Какое-то время они молча лежали на полу лифта, постепенно приходя в себя. Франкино прижимал к раненой щеке носовой платок. Наконец Макгвайр, как в тумане, поднялся на ноги и дрожащими пальцами нажал кнопку первого этажа.

Но лифт не тронулся с места.

Он снова надавил кнопку, теперь уже более решительно.

И вновь никакого результата.

— Он не дает нам уйти! — холодея от ужаса, воскликнул священник.

Франкино поднялся с пола вслед за своим спутником и с тревогой огляделся по сторонам.

— Что-то здесь слишком тихо, — наконец медленно сказал он, приготовившись к самому худшему. — И мне это не нравится.

Макгвайр вздрогнул. Он вдруг почувствовал какие-то странные вибрации, которые заметил вскоре и сам Франкино. Кабина лифта начала раскачиваться, все чаще ударяясь о стены шахты.

Раздался звон бьющегося стекла — лопнула лампочка под потолком, и священники погрузились в полную темноту.

А секунду спустя оглушительно затрещало дерево, и, прикоснувшись к стене, Макгвайр понял, что доски, из которых был сделан лифт, начинают расходиться.

— Стены рушатся! — закричал он.

Франкино нащупал в темноте панель управления и стал судорожно нажимать все кнопки подряд.

— Надо выбираться отсюда! — перекрывал адский треск его отчаянный голос.

Пол под ними трещал, стены разламывались, а трос, на котором висела кабина, готов был оборваться в любой момент. Франкино не переставал нажимать кнопки, а Макгвайр тем временем сунул пальцы в щель между дверьми и попытался открыть их вручную.

Но вот одна из досок с пола выстрелила вверх и, встав вертикально, пронзила ногу Франкино, глубоко войдя в мышцы его бедра. Макгвайр оттащил монсеньора в сторону, а сам всем телом стал напирать на дверь, надеясь сломать ее и выбраться из кабины.

Неожиданно створки двери открылись сами. Макгвайр кубарем выкатился в коридор, а потом вытащил туда и Франкино. Кабина по-прежнему продолжала раскачиваться и через несколько секунд с оглушительным лязгом рухнула вниз, превратившись в груду щепок и искореженного металла на дне глубокой бетонной шахты.

Ветер мгновенно стих. В коридоре наступила мертвая тишина.

Франкино встал, но ноги едва держали его. Макгвайр молча следил за ним с пола, не в силах даже подняться.

— Я презираю тебя! — вдруг пронзительно закричал монсеньор. — Теперь я знаю, кто ты, Чарльз Чейзен! Я не боюсь тебя!

И тут невиданной силы порыв ветра подхватил Франкино, перенес по воздуху к самой дальней стене и обрушил на нее с тяжким грохотом. Ураган возвращался.

И вновь Франкино попытался открыть дверь на лестницу, но его залитые кровью руки лишь беспомощно скользили по бронзовой ручке. Новый заряд бури обрушился на священников, и Франкино ухватился за стеклянный короб пожарного крана, чтобы устоять на ногах. Стекло не выдержало и треснуло. Пожарный шланг вывалился наружу. Монсеньор начал в отчаянии колотить кулаками по закрытой двери. Подбежал Макгвайр и, упав на колени, присоединился к нему, для поддержки опираясь о стену. Неожиданно шланг взлетел в воздух и, обвившись вокруг шеи Франкино, начал душить его. На лбу и щеках монсеньора вздулись багровые вены. Он заскрежетал зубами и хотел что-то крикнуть, но уже не мог и лишь хватался руками за шланг, пытаясь освободиться. Но тот сжимался на его шее все крепче, как голодный питон.

На зубах монсеньора показалась кровь.

Макгвайр тоже ухватился за шланг, пытаясь оторвать его от шеи Франкино. А в это время ураган уже свирепствовал по всему этажу, разнося все вокруг в пух и прах. В воздух взвивались куски линолеума и бетона, стены дрожали. Тело Макгвайра обдавало невыносимым жаром, заставляя его издавать страшные вопли. Наконец шланг ослаб. Франкино посинел, и его вырвало.

Лампочки под потолком стали взрываться одна за другой, а ковер в нескольких местах загорелся.

— Я презираю тебя, Чейзен! — закричал Франкино, как только Макгвайру удалось снять с его шеи проклятый шланг, разорвав петлю.

И тут у Франкино вспыхнули рукава, а у Макгвайра начали тлеть ботинки и брюки. Священники стали кататься по полу, стараясь сбить пламя. Макгвайру это удалось достаточно быстро, а вот на Франкино огонь разгорался все сильнее, окутывая его тело сплошным горящим покрывалом.

Наконец монсеньор из последних сил встал и, осыпая Чейзена проклятиями, пошатываясь, вышел на середину холла. Огонь охватил его со всех сторон.

И тут страшный, как взрывная волна, удар ветра налетел на священника, осыпав его градом битого стекла, деревянных щепок, кусками бетона и штукатурки. Макгвайр упал лицом вниз, пытаясь защититься от сметающего все на своем пути вихря. Но Франкино не сдавался. Он высоко поднял обе руки, готовый принять мученическую смерть в борьбе с силами Сатаны. На пол с тела его текла кровь.

— Чейзен! — нечеловеческим голосом закричал он.

Ветер взвыл ему в ответ с новой силой.

— Чейзен!!

И тут какой-то плотный туман начал собираться за спиной монсеньора в огромный злоеущий гриб.

— Чей-зен!!.— продолжал кричать он.

И вдруг этот гриб взорвался и, подхватив Франкино, точно пушинку, понес его в дальний конец коридора. Раздался звон бьющегося стекла — западное окно разлетелось вдребезги, и тело монсеньора было выброшено в пустоту ночного неба.

Почти теряя сознание и ничего не видя перед собой, Макгвайр пополз в направлении последнего крика Франкино. Он напрягал зрение, но воспаленные глаза отказывались служить. Добравшись до окна, он с трудом приподнялся и, выглянув наружу, увидел внизу, в переулке, беспомощно распростертое тело Франкино.

Макгвайр, как сомнамбула, встал во весь рост и закрыл глаза. А потом, когда вновь открыл их, увидел, что везде, где действовал Чейзен, появляются огромные черные пятна. И вскоре все вокруг было затянуто этой злоеущей дьявольской чернотой.

* * *

Сержант Уосо склонился над трупом Франкино, а потом и вовсе встал на колени, не обращая внимания на холодные лужицы, собравшиеся на асфальте после дождя.

— Следы насилия есть? — спросил он у эксперта, работающего рядом.

Но тот лишь покачал головой.

— Нет. Ни одного. Я вообще сомневаюсь, что это убийство, хотя лучше, конечно, подождать результатов вскрытия.

— А что же, несчастный случай?

Эксперт задумчиво посмотрел на окно десятого этажа и пожал плечами. Было уже шесть утра, и первые лучи солнца начали подсвечивать хмурое небо.

— Может быть, самоубийство? — без особой уверенности предположил он.

Уосо нахмурился.

— Нет, это невозможно — тело принадлежит священнику.

Сержант осмотрел переулок, где лежал труп. Вокруг было чисто и пустынно, от улицы его отделял забор. А впереди возвышалась стена дома с окошками, ведущими в коридоры каждого из десяти этажей.

Уосо подошел к забору и выглянул на улицу. К дому уже подъехало несколько полицейских автомобилей.

Первые пешеходы, вооружившиеся по случаю ненастья зонтиками, начинали скапливаться у подъезда. Но среди них он не заметил никого подозрительного.

— Якобелли! — позвал детектив помощника.

Тот сидел в патрульной машине. Он передал что-то по рации, а потом вышел из автомобиля и направился к Уосо.

— Я связался с Управлением епархии, — сообщил он. — Они пришлют своих людей через пару минут.

— Прекрасно, — кивнул сержант. — Значит, они и опознают его. Если, конечно, он на самом деле священник.

Якобелли прищурился, не понимая, к чему клонит шеф.

— Ну, может быть, он просто собирался на бал-маскарад, — объяснил Уосо и усмехнулся.

Якобелли понимающе кивнул.

— Мы уже опросили жильцов дома и обслуживающий персонал, — сказал он.

— И кто-то заметил что-нибудь необычное? — без особой надежды спросил детектив.

— Нет, пока ничего, — вздохнул помощник.

— А привратника вы допросили?

— Да. Но он уверяет, что тоже ничего не видел и не слышал.

Уосо достал из кармана пластинку жевательной резинки, скатал из нее шарик и сунул в рот.

— Да, не хотелось бы мне жить в этом доме... — задумчиво проговорил он.

Якобелли засмеялся и провел пятерней по копне жестких черных волос.

— Я бы, пожалуй, тоже не согласился, — поддержал он начальника.

Уосо снова подошел к труп. Дождь уже с полчаса назад прекратился, но тучи не торопились улетать, грозя новым ненастьем. Было холодно и неудобно.

— Ну, ладно,— наконец сказал детектив.— Если обнаружите что-нибудь интересное, я наверху.

Помощник и эксперт молча кивнули.

Уосо легкой походкой устремился к подъезду, поднялся по ступенькам и там снова остановился, оглянувшись на труп. Потом закинул голову и начал внимательно разглядывать разбитое окно в коридоре десятого этажа.

«Да, этот несчастный пролетел футов восемьдесят, не меньше,— подумал сержант.— Неудивительно, что он сломал себе шею. Но неужели это и в самом деле несчастный случай?.. Маловероятно!»

Озабоченно покачав головой, детектив вошел в дом.

* * *

— Вы узнаете этого человека? — спросил сержант, передавая по кругу только что отснятую фотографию трупа Франкино.

Все присутствующие в комнате закивали. Часы на камине пробили девять.

Джон Сорренсон поднялся с кресла и прокашлялся. Так как полиция собрала всех жильцов этажа именно у него на квартире, было вполне логично, чтобы он высказался первым.

— Его фамилия Франкино,— начал он, мельком взглянув на Бена.— Он был приятелем мистера Бэрдета. И два дня назад он приходил к нему на вечеринку, где мы все с ним и познакомились.

Уосо перевел взгляд на Бена, который, испуганно сжавшись, приютился на диване и одной рукой обнимал растерянную Фэй. Она ничего не понимала. Полусонная, с растрепанными волосами, Фэй держала на руках спящего малыша.

— Все верно...— запинаясь, проговорил Бен.— Он был моим другом.

— Что ж, очень хорошо, мистер Бэрдет. Тогда, может быть, вы объясните полиции, зачем монсеньору Франкино понадобилось рассказывать среди ночи по коридорам вашего дома?

Когда из уст полицейского прозвучало слово «монсеньор», все удивленно посмотрели на Бена. Но он сделал вид, что не заметил этого.

— Я не могу сказать вам, что он здесь делал,— ответил Бен детективу.

Уосо нервно зашагал взад-вперед по красно-коричневому персидскому ковру.

— Поня-ятно,— протянул он.— Тогда, мистер Бэрдет, поведайте нам хотя бы то, что вам доподлинно известно,— предложил он.

— Да я, собственно, мало что знаю...— попытался выйти из положения Бен.— Мы ведь познакомились с ним еще в колледже, в Чикагском университете... Я заканчивал курс, а он преподавал историю. Мы подружились. Но потом потеряли друг друга и практически не виделись все эти годы. Ну, может быть, пару раз, не больше.

— Простите, сержант,— вмешался в разговор Дэниэл Батилья.— Но если я не ошибаюсь, вы сказали, что Франкино был священником?

— Именно так.

И все опять удивленно переглянулись.

— А разве вы не знали об этом? — На этот раз изумился уже сам Уосо.

— Нет,— искренне признался Макс Вудбридж.

— Но вы-то должны были об этом знать, мистер Бэрдет,— обратился детектив к Бену.

Тот мельком взглянул на Дженкинса, который в задумчивости стоял у окна, облаченный в темно-вишневый шелковый халат.

— Д-да,— неуверенно кивнул Бен.— Я знал, что он священник, однако...

— Бен, но вы же сами слышали, как он сказал всем, что был женат! — с возмущением перебил его Дженкинс.

— Да,— подтвердил вконец растерявшийся Бен.

— А про то, что он священник, вы нам не сказали! — продолжал возмущаться Ральф.

— Да, я как-то забыл... Но его жену я никогда не видел и даже заочно с ней не был знаком. Наверное, это было еще до того, как он принял духовный сан...— «Боже мой, что же теперь будет?» — с отчаянием думал Бен.— Ведь теперь, кроме отца Макгвайра, не осталось в живых ни одного знакомого мне человека, связанного с этим чертовым заговором!»

— Ну, скорее всего, монсеньор Франкино никогда и не был женат,— прервал его размышления Уосо.— Только зачем ему понадобилось сочинять все это, как вы считаете? — поинтересовался он.

— Понятия не имею,— пожал плечами Бэрдет.

— Ясно... А скажите, может быть, Франкино просто попросил вас не рассказывать соседям, что он священник?

— Да,— ухватился Бен за спасительную ниточку, чтобы не показаться подозрительным своим друзьям.

— А зачем ему это было нужно? — удивился Уосо.

— Этого он мне не объяснил,— с сожалением вздохнул Бен.

— Да, мистер Бэрдет... Мне кажется, вы вообще ничего не знаете или уже успели перезабыть. Что с вами происходит?

Бен пожал плечами и забрал у жены ребенка. Фэй встала, немного прошлась по комнате, потирая глаза, а потом снова уселась на диван. Уосо развернул еще одну пластинку жвачки и закинул ее себе в рот. Теперь у него скопился там довольно приличный шарик из трех пластинок, который он беспрерывно жевал.

— А как он попал к вам на вечеринку? — последовал очередной вопрос полицейского.

— Он позвонил мне на днях и сказал, что находится сейчас в городе. Я предложил встретиться и объяснил, что мы с женой как раз устраиваем небольшую вечеринку. Он обещал обязательно прийти. Ну, и пришел,— объяснил Бен.

— Так он, значит, сказал, что находится в городе? — переспросил Уосо.

— Да.

— Странно... Ведь он жил здесь все время!

— Я не знал этого,— заупрямился Бен.— Мне он сказал только, что сейчас находится здесь, и больше ничего.

Уосо надул из жвачки огромный пузырь, потом втянул его назад в рот и снова стал судорожно жевать.

— И вы все,— обратился он к присутствующим,— видели этого человека на вечере у Бэрдетов?

Все одновременно кивнули — Батилль, обе секретарши, Вудбридж, Дженкинс и, конечно, Джон Сорренсон.

— А не говорил ли он чего-то такого, из чего можно было бы сделать вывод, что он склонен к самоубийству? — подсказал детектив.— Может быть, он производил какие-нибудь странные действия?..

Наступила неловкая пауза.

— По-моему, я задал вопрос, и требую на него ответа! — резко произнес полицейский.

Вперед выступил Дженкинс. Он вынул из кармана платок, которым время от времени вытирал лицо, откашлялся и заговорил:

— Насколько я заметил, мистер Франкино... Вернее, монсеньор Франкино был очень неуравновешенным человеком и, вероятно, серьезно больным...

Уосо сел на ручку дивана и удивленно уставился на Дженкинса. Потом, положив руки на колени, детектив, наконец, спросил:

— А почему вы так решили?

И Дженкинс, не скрывая ничего, как мог, рассказал ему обо всем, что случилось в тот вечер. Он описал и таинственный ритуал, и приступ священника, и то, как монсеньор накинулся на него и порвал пиджак, и многое другое... Уосо внимательно слушал Дженкинса, ни разу не перебив и не скрывая своего растущего интереса. А когда тот закончил, полицейский попросил специалиста по антиквариату сделать вывод относительно столь странного поведения монсеньора — что оно могло означать?

— Ну... — многозначительно начал Дженкинс, потом помолчал немного, как бы обдумывая свой ответ, и, наконец, заговорил: — Похоже на то, что он страдал либо эпилепсией, либо у него был самый настоящий психоз на религиозной почве. Если же нужно мое личное мнение, то, с вашего позволения, сержант... Основываясь на том, что я имел возможность наблюдать собственными глазами в квартире Бэрдетов, я имею все основания полагать, что этот человек, безусловно, был способен совершить самоубийство как сознательно, так и нечаянно, во время очередного приступа.

Уосо подсел ближе к Бену, положив руку на спинку дивана.

— Ну, а что вы могли бы добавить, мистер Бэрдет? — не скрывая своего подозрения, осведомился он. — Сначала мы находим труп в компакторе. Вернее, его находит именно ваша жена, и у нее наступает шоковое состояние... Дело берет инспектор Бурштейн, которому не дает покоя старая, слепая и парализованная монахиня, живущая по соседству с вами. Он просит меня просмотреть старые дела об убийствах, совершенных пятнадцать лет назад в особняке, который стоял тогда на месте вашего дома. Но папки именно с этими делами оказываются кем-то похищенными из архива. Тогда Бурштейн выходит на Гатца — детектива, который пятнадцать лет назад занимался этими убийствами. Гатц же встречается именно с вами и приглашает вас для разговора к себе домой. Вы идете туда и неожиданно находите там его труп. Снова убийство. Вы, разумеется, пытаетесь связаться с Бурштейном, но как раз в этот момент выясняется, что он погиб при пожаре. Причем уже доподлин-

но установлено, что это был поджог. И вдруг откуда ни возьмись, прямо как гром среди ясного неба, выплывает этот самый священник по фамилии Франкино. И сначала у него случается припадок во время религиозного ритуала в вашей квартире, а потом он решает выкинуться из окна именно с вашего этажа, причем буквально через день после вечеринки у вас Правда занятно, да?

— Да,— не смущаясь, ответил Бен.— Такой рассказ в пору нести в детективный журнал.

Уосо улыбнулся.

— Зачем же обязательно в журнал? — ехидно прищурился он.— Можно и в уголовное дело по факту многочисленных убийств, которое потом будет представлено Большому Жюри¹.

Все замерли на своих местах. В течение нескольких минут никто не мог выговорить ни слова.

Потом Уосо поднялся и не спеша направился к выходу

— Я хочу, чтобы над моими словами задумался не только мистер Бэрдет, но и все остальные, кто здесь находится. Хотя, конечно, в первую очередь это касается именно мистера Бэрдета. Впрочем, я думаю, с ним мы еще встретимся в другом месте и поговорим более основательно...

Он еще раз улыбнулся и, надев шляпу, исчез за дверью.

Глава восемнадцатая

Комната сфокусировалась в его поле зрения, будто медленно, как в старом кино, навели резкость. Это была маленькая каморка, не больше пятнадцати квадратных футов, с черным от копоти потолком и грязными, заляпанными стенами. Он лежал на старой продавленной кровати, покрытой ватным матрасом. Справа от себя он заметил тумбочку с отломанной дверцей, а над ней—большое пыльное зеркало под старину. В дальнем углу стоял стул, на котором вперемешку были свалены платья, бюстгалтеры и постельное белье не первой свежести. Над головой горела тусклая лампочка без абажура. На оконном стекле раскинулась паутина трещин.

Он облизнул пересохшие губы и попытался определить, где находится. Кое-что начало всплывать в памяти: жгучий ветер, пыльная буря в холле десятого этажа... Потом Фран-

¹ Большое Жюри — состав присяжных числом более 12 человек, решающий вопрос о предании кого-либо суду по обвинению в тяжких уголовных преступлениях (прим. перев.)

кино, выпавший из окна. Боль. И полная темнота... А больше ничего. Как же он попал в эту странную комнату? И кто ее хозяин?

Макгвайр попытался приподняться на локтях. В комнате пахло дешевыми терпкими духами, от которых его сразу же затошнило. Он послунывил пальцы и стер песчинки из уголков глаз. А потом услышал какой-то шум. Вероятно, из соседней комнаты.

— Эй там, не вздумай вставать с кровати! — раздался из-за стены хриплый женский голос.

— Где я? — чуть слышно спросил священник.

— Ты-то? В комнате. И причем на кровати.

Макгвайр откинул заплатанное одеяло и увидел, что все его тело покрыто синяками и ссадинами.

— Можно мне поговорить с вами? — неуверенно спросил он.

— Конечно. Я хоть и черномазая, но с белыми потрепаться совсем не брезгую. Только потерпи чуток, святой отец. Я сейчас почищу твою ряску и приготовлю чайку, а потом мы с тобой вдоволь наболтаемся.

Макгвайр снова откинулся на подушки в шелковых наволочках. На полу рядом с ним валялись смятые газеты и резиновый вибратор в форме пениса.

Через несколько секунд в комнату вошла миловидная негритянка лет тридцати в белом халате. В руках она держала его одежду и поднос, на котором оказалась вазочка с печеньем и чашка чая.

— Да-а... Ну и видок у тебя, святой отец! Я тут попробовала отскрести твою ряску — ну, смыть с нее всякое дерьмо... И это было ох как непросто! Даже представить себе не могу, в какую ты влип историю... Нет уж, лучше даже не представлять!..

— А что же я делаю здесь, дитя мое?

Женщина добродушно рассмеялась.

— Дитя? Ну ты даешь! Я уж и позабыла, когда дитем-то была, если вообще была когда-нибудь. Верить?

— Так меня сюда принесли? — продолжал допытываться Макгвайр.

— Черта с два!.. Впрочем, не обращай внимания на мой язык, ладно? Я, конечно, попробую при тебе не выражаться, но знаешь.. как говорится, горбатого могила исправит.

Макгвайр немного успокоился. С этой женщиной он почему-то чувствовал себя в безопасности. Несмотря на то что она была чересчур развязна, вульгарно накрашена и по всему ее лицу шел безобразный шрам от подбородка до

самого виска, все равно что-то в ее поведении заставляло его чувствовать себя уверенней.

— Даже не знаю, как тебе и ответить, чтоб не обидеть...— начала она, ставя перед ним поднос и вешая одежду на дужку кровати.— Короче, ты приполз сюда сам. Возвращаюсь я домой после тяжких трудов — и нахожу тебя на пороге своей хибары. Ты совсем вырубился и валялся перед дверью на коврик. Правда, я не знаю, как ты сумел доползти сюда, но это, в общем, не моего ума дело... Ну, и как же я могла бросить тебя в таком состоянии?.. Я, конечно, тут же позвонила Хосе — это самый клевый сутенер во всем Манхэттене — он мигом примчался, и мы вдвоем перетащили твою священную задницу со всем остальным в эту комнату и закинули на кровать.— Женщина замолчала, достала из кармана халата дорогую зажигалку и сигарету, прикурила и, глубоко затянувшись, выпустила голубоватый дым.— А знаешь, святой отец, ведь до тебя у меня еще ни одного священника в доме не было... Да и вообще я их уже давненько и вблизи-то не видела. Врубаешься?

— Ну, конечно! — сразу же подхватил Макгвайр, удобнее устраиваясь на подушках.— Но Господь Бог всегда рядом с тобою, дитя мое.

Женщина расхохоталась, обнажив два ряда желтых, прокуренных зубов.

— Если, святой отец, как ты говоришь, Бог тут где-то неподалеку, то ему иногда такие картиночки приходится наблюдать, от которых у него, я думаю, аж все лицо вытягивается. Это, конечно, если представить, что у него есть лицо, а не просто какое-нибудь облачко.

Макгвайр улыбнулся.

— А где находится твоя квартира?

— Что? Ах, это... Перекресток Второй авеню и 121-й улицы. Короче, в Испанском Гарлеме.

Священник чуть не поперхнулся и рывком сел на кровати.

— Эй, поосторожней, святой отец!.. И прежде чем ты засыпешь меня своими вопросами, дай я представлюсь... Зовут меня Флоренс. И еще, хотя тебе это, наверное, не совсем интересно... я проститутка, и между прочим, самая шикарная в этом районе. Можешь спросить у любого сутенера, если не веришь. Тебе каждый скажет, какие штучки умеет выделывать старушка Флоренс!.. Но я, конечно, не жду, что ты на меня позаришься. Бог бы, наверное, меня здорово отшлепал по попе за одни такие мысли.

— Но я уверен, что у тебя их и нету, дитя мое. И думаю, что Господь Бог отыщет в своем сердце место и для тебя и простит тебе все твои прегрешения.

— Аминь,— закончила Флоренс и разразилась таким сумасшедшим хохотом, что у священника чуть не лопнули барабанные перепонки.— И аллилуйя,— добавила она, переставая смеяться.

— А который час? — поинтересовался Макгвайр.

— Десять утра,— весело сообщила негритянка.— А теперь тебе надо подкрепиться хотя бы чаем. Сразу в себя придешь. А если тебя раздражает дым, так я могу потушить эту отраву...

— Нет-нет, это мне совсем не мешает,— поспешил уверить ее Макгвайр и, взяв в руки чашку, заметил, что она из дорогого китайского фарфора. Видимо, эта женщина все же имела некоторую склонность к хорошим вещам, и Макгвайр тут же похвалил ее за такой тонкий вкус.

— Спасибо, святой отец. В шикарных вещичках я действительно разбираюсь. Правда, эта чашечка и блюдце — моего бывшего дружка.

— А почему же бывшего? — полюбопытствовал священник.

— Ну... Потому что теперь мы с ним очень скоро встретимся. В том году его засадили на двадцать лет за торговлю наркотиками. Но вкус у него был, это точно. А этот сервизик он свистнул у одной богатой дамочки с Пятой авеню. Только не подумай, что она была белая — черта с два! Эта черножопая потаскуха имела денежки благодаря своим земельным владениям.

— Да, Господу Богу придется много чего простить, если он вздумает заглянуть в твою квартирку,— улыбнулся Макгвайр.

Флоренс кивнула.

— Так если сейчас только десять, значит, я и проспал-то всего чуть-чуть,— подытожил Макгвайр, потягиваясь в кровати.

— Да ты, видать, совсем спятил,— опять рассмеялась Флоренс.— Десять-то десять, да только не того утра, о котором ты думаешь. Ты был в отключке еще двое суток. И пока ты тут дрых, я успела уже зашибить кучу денег. Правда, мне пришлось туговато. Представляешь, если бы кто-нибудь из моих постоянных клиентов вдруг обнаружил, что у старушки Флоренс в соседней комнате спит священник! Сразу пришлось бы подыскивать себе другую работу...

— Два дня?! — от изумления Макгвайр остался с открытым ртом и замер, не донеся до него чашку.

— А ты что, оглох, что ли? Кстати, эти денечки были для меня не самыми счастливыми в жизни... Жаль, что ты сам не слышал своего бреда и бесконечных стонов.

Священник вздрогнул и крепко схватил негритянку за руку.

— А что я тут такого наговорил? — взволнованно спросил он.

— Да чушь всякую. Я в общем-то так толком ничего и не разобрала... Ругался на чем свет стоит, все время вспоминал дьявола и еще каких-то ребят — Франкино и Чейзена. И без конца одно и то же: мол, черт среди нас гуляет — в чем я, правда, полностью с тобой согласна, — и что он то и дело убивает людей... Ну, на это возразить тоже трудно. Но ты почему-то был уверен, что следующей жертвой он выбрал именно тебя. А этого мне совсем не хотелось бы. Во-первых, потому, что мужик ты, я вижу, неплохой, а потом, если бы он явился сюда за тобой, то я бы тоже могла на беду оказаться где-нибудь рядом... Конечно, рано или поздно мне так и так придется с ним познакомиться, но все-таки хотелось бы отложить эту встречу на более поздний срок.

— А я уверен, что Господь снизошлет тебе свое прощение, — возразил Макгвайр.

— При условии, что я расскаюсь? — улыбнулась Флоренс.

— Да, дитя мое.

— Звучит, конечно, заманчиво... Да только некогда мне рассказывать. У меня ведь иногда даже не хватает времени, чтобы хорошенько просрать. — Тут она в смущении закрыла рот рукой и виновато поглядела на священника.

Макгвайр засмеялся.

— Ну, юмор еще никому не вредил, — сказал он, а потом снова попробовал подняться. Это удалось ему с огромным трудом — ноги ослабли и колени противно тряслись. — Дитя мое, тебе придется помочь мне выбраться отсюда — я должен срочно ехать к себе на работу.

— А по-моему, тебе надо бы еще денек отдохнуть, чтобы как следует набраться сил, — возразила Флоренс.

— Нет, я в любом случае должен спешить, — настаивал священник.

— Ну, я-то, конечно, помогу... — усмехнулась она. — Только мне кажется, твои церковные друзья малость прибалдеют, когда увидят, кто поддерживает их коллегу.

— Знаешь что, Флоренс... Я думаю, многим из них не помешало бы иметь такое доброе сердце, как у тебя. Ты — сама добродетель.

— Что?! Я и добродетель? Святой отец, да нас даже рядом-то ставить неприлично! Если я расскажу про это подружкам, меня просто на смех поднимут!

— Ну, тогда помоги мне хотя бы одеться и вызови, пожалуйста, такси.

Флоренс согласно кивнула.

Макгвайр осторожно дотронулся до ее руки.

— Когда все это кончится, я обязательно помолюсь за тебя, — пообещал он.

— Помолитесь? Это, конечно, хорошо... Только я что-то не знаю ни одной молитвы, которая помогала бы зарабатывать деньги и не протянуть ноги с голоду.

Священник снял с дужки кровати одежду и начал надевать брюки.

— Наверное, ты права, — согласился он.

— Черт побери, я действительно права! — подтвердила Флоренс.

Макгвайр замолчал и еще раз оглядел свою случайную спасительницу. Слава Богу, что на его пути попала именно она, которая с таким теплом и добротой приютила его и ухаживала за ним все эти дни. Он, разумеется, теперь в долгу у нее. Макгвайр сунул руку в карман и, отыскав там бумажку в двадцать долларов, согнул ее пополам и вложил в ладонь негритянки, решительно кивнув в подтверждение своих действий.

И она, не говоря ни слова, кивнула ему в ответ.

* * *

Отец Макгвайр смотрел, как угасает улыбка на губах Флоренс, по мере того как такси удаляется от ее дома. Ему никогда еще не приходилось сталкиваться с такими людьми — настоящими уличными философами, чья речь обильно пересыпана и солеными колкостями, и меткими глубокими фразами. Но, может быть, она в любой жизненной ситуации способна найти более точный ответ, чем самые изысканные словесники. Во всяком случае, ее бесхитростные рассуждения были очень недалеки от истины.

— В следующий раз будьте осторожнее, святой отец, — напутствовала его Флоренс.

И Макгвайр пообещал, что больше с ним такого не повторится, а потом добавил, что, возможно, им придется еще встретиться в этой жизни. Но даже если такого и не слу-

чится, он все равно никогда не забудет ее и обязательно помолится, как обещал, прося у Христа прощения за ее грехи.

Наконец, его раздумья были прерваны: машина остановилась перед воротами семинарии.

Священник вышел из автомобиля и не спеша поднялся на третий этаж, где находились жилые помещения преподавателей.

«Что же теперь будет? — не переставал спрашивать себя Макгвайр. — И с кем мне теперь надо связаться? И почему все же Франкино не стал рассказывать мне о Чейзене? Почему не раскрыл его нового обличья до того, как произошло несчастье?..» Он молил Бога о прощении и упокоении в мире души монсеньора, а потом сам же проклинал его за излишнюю скрытность.

Священник медленно брел по длинному бесцветному коридору третьего этажа. Его келья находилась в самом конце, как раз напротив запасного выхода. Этаж был совсем пустым, и только с лестницы временами доносились чьи-то тихие шаги.

Открыв дверь своей комнаты, Макгвайр застыл на пороге: его уже ждали. Двое сидели на кровати, один — за столом. Никого из них он раньше не видел.

— Отец Макгвайр? — осведомился отец Теппер, поднимаясь из-за стола.

— Да, — только и смог вымолвить ошарашенный священник.

— Да упокоится в мире монсеньор Франкино, — слышались тихие слова.

Макгвайр молча кивнул в ответ.

Отец Теппер шагнул вперед. Это был высокий худощавый мужчина лет сорока, с черными волосами и бледным вытянутым лицом.

— Нас просили отвезти вас на место, — произнес он.

Макгвайр с тревогой покосился на еще двоих, устроившихся на кровати.

— А куда? — спросил он, чувствуя все нарастающее беспокойство.

Теппер ничего не ответил, а молча подошел к двери и распахнул ее.

— О чем, собственно, идет речь? — еще раз взволнованно спросил Макгвайр.

— Простите, но мы не имеем права говорить об этом, — пояснил Теппер.

Макгвайр еще раз окинул взглядом троих незнакомцев, а потом послушно вышел в пустой коридор.

У подъезда их уже ждал лимузин. Когда все расселись, машина двинулась по Восточному шоссе, дальше — на Бруклинский мост, и за ним начала петлять по переулкам. Но Макгвайр все же понял, что они находятся сейчас где-то в прибрежной части города, на Манхэттене. Наконец, проехав грязные негритянские кварталы, они затормозили перед старинной готической церковью.

Выходили из автомобиля молча.

Следуя за своими провожатыми, Макгвайр как бы ненароком глянул на угол улицы в надежде разобрать ее название, чтобы хотя бы приблизительно представить себе, где они остановились. Но табличку на доме прочесть не удалось. Тогда он огляделся по сторонам и заметил, что редкие пешеходы здесь все-таки белокожие. Скорее всего это была южная оконечность Бруклина, хотя ручаться за это священник не мог.

Отец Теппер открыл дверь церкви, и все по очереди зашли внутрь.

В конце коридора начиналась крутая винтовая лестница, уходящая вверх и вниз, и, направляясь к ней, Макгвайр заглянул в главный зал церкви. Там было пусто, свет не горел, отчего пламя свечей возле исповедален показалось ему особенно ярким.

По лестнице все четверо спустились в подвал, остановившись там перед огромной дубовой дверью. Теппер открыл ее и жестом пригласил остальных зайти. Они вошли в небольшой зал, в котором Макгвайр насчитал десять рядов скамеек. В дальнем конце этого помещения находилась еще одна дверь. Два огромных напольных подсвечника освещали это мрачное подземелье. В первом ряду на скамье сидел один-единственный человек, в котором Макгвайр без промедления узнал Бирока.

Теппер открыл вторую дверь и слегка подтолкнул Макгвайра в маленькую подземную часовню. Два других священника остались снаружи.

Часовня оказалась совершенно пустой. Стены ее были сложены из грубых шлакобетонных плит. Внутри Макгвайр увидел одинокого монаха, но лица его разглядеть не смог — оно было надежно скрыто широким, надвинутым на глаза капюшоном. На стене висело распятие, а на алтаре стоял гроб. Подойдя ближе, Макгвайр чуть не задохнулся от неожиданности: в гробу лежало тело Франкино, а чуть ниже — на невысоком амвоне — две книги, одна из которых была открыта.

Монах в капюшоне подвел Макгвайра к книгам и, прошептав ему на ухо несколько слов, отошел в темный угол за спиной священника.

Получив указания от таинственного монаха, Макгвайр начал читать из первой книги. Губы его тряслись, он то и дело поглядывал на мертвое лицо монсеньора Франкино. Сейчас он произносил по-латыни молитвы о прощении грехов, о верности Христу и какие-то незнакомые ему тексты для чтения над усопшими. Это продолжалось более часа, пока, наконец, он не перевернул последнюю страницу указанной книги. Закрыв ее, Макгвайр оглянулся и выжидающе посмотрел на отца Теппера и монаха в капюшоне, которые стояли немного поодаль.

— Да поможет тебе Господь, сын мой,— произнес монах.— Ибо испытания твои еще только начинаются...

Макгвайр перекрестился. После этого отец Теппер и его таинственный спутник медленно вышли из часовни и плотно закрыли за собой дверь.

Макгвайр невольно вздрогнул, услышав, как захлопнулась и тяжелая дубовая дверь первого зала. И вот он остался совершенно один с мертвым телом монсеньора Франкино, чтобы предстать перед новыми неведомыми испытаниями, и призвал милосердного Господа защитить и поддержать его в этот трудный час.

Глава девятнадцатая

— Не надо суетиться,— с легким раздражением произнес Дженкинс.— Фэй, мне всего-то и нужен был один кусок сахара...

— Сейчас все будет,— ответила Фэй, вынимая из тостера два поджаренных хлебца.— Но раз уж вы зашли, то без кофе я вас все равно отсюда не выпущу.

Дженкинс беспомощно пожал плечами.

Бен, наконец, оторвал взгляд от свежей газеты и улыбнулся:

— От меня, Ральф, защиты не ждите. Здесь командует жена. И если хотите поспорить — обращайтесь непосредственно к ней. Тут я бессилен вам помочь.

— Никакие возражения не принимаются! — безапелляционно заявила Фэй.— Если не ошибаюсь, вы кладете в кофе пол чайной ложки сахара, верно?

Дженкинс беспомощно опустил на стул.

— Да... И еще чуть-чуть сливок, если можно.

Фэй подошла к холодильнику.

— Жаль, что мне никак не удастся убедить вас перейти на искусственный сахар. Натуральный ведь очень портит зубы! И кроме того, от него в организме размножаются всякие вредные бактерии...

— Да знаю! — отмахнулся Дженкинс. — Но лучше уж я буду травиться натуральными продуктами, чем какими-то неизвестными заменителями, Бог весть каким образом химическими в лаборатории.

Покачав головой, Фэй вынула из кастрюльки четыре яйца вкрутую, выложила их на тарелку и подала к столу. Потом сняла фартук и расправила замшевую юбку, плотно облегающую ее бедра, и пышную кружевную блузку, которая вздымалась, как парус у ее широких плеч и маленькой груди. Фэй выглядела хорошо отдохнувшей. Наконец-то она полностью пришла в себя. После того как стало известно о гибели Франкино, она снова не смогла пойти на работу и взяла отгул. Но, просидев целый день дома и послушав, как Бен шесть часов кряду стучит на машинке, Фэй решила, что ей тоже не следует падать духом, а лучше отвлекаться работой. Поэтому сегодня утром она уже снова собиралась на службу.

Фэй вышла из кухни, но очень скоро вернулась обратно с малышом на руках, посадила его на высокий стульчик за общий стол и предложила всем съесть по яйцу. Правда, Дженкинс сразу же отказался, заявив, что в яйцах слишком много холестерина. Фэй не оставалось ничего другого, как налить всем кофе.

— Ну, а как у вас дела на работе? — поинтересовался Дженкинс.

Фэй кивнула и улыбнулась. Позади нее яркие лучи солнца беспрепятственно падали на пол кухни через открытые окна.

— Сейчас мне предложили один очень интересный проект, — ответила она, поворачиваясь с гостю лицом. — Это долгосрочная рекламная кампания на телевидении по заказу производителей прогулочных яхт.

Дженкинс внимательно слушал ее, не спеша отхлебывая кофе.

— Ты знаешь, дорогой, мне, вероятно, придется теперь часто ездить в командировки, — неожиданно сообщила она Бену.

— Правда? — рассеянно спросил тот, не отрывая взгляда от утренней газеты.

— Да, потому что их контора расположена в Сан-Диего.

— Что ж, это замечательно,— буркнул муж.

Фэй подошла к нему и потянула газету на себя.

— Эй, ты слышишь, о чем я рассказываю? — нахмурилась она.

Но Бен никак не хотел отпускать газетный листок.

— Разумеется. Я все прекрасно слышу. Просто я тут читаю кое-что...

— Почитать можешь и потом,— огрызнулась Фэй.— У нас все-таки Ральф. И при госте ты мог бы быть более внимательным, а не шелестеть тут газетой, полностью игнорируя нас. Это становится уже просто неприлично!

Бен поднял на жену глаза.

— Ну и что же, что гость? Чего ты от меня хочешь? Какого еще внимания? Может, мне для вас спеть теперь или сплясать?

— Не смешно,— отрезала Фэй.

— Ну я, пожалуй, пойду,— неуверенно произнес Дженкинс, поднимаясь из-за стола.— Поговорим позже...

— Да нет, Ральф, садитесь. Мы просто так шутим,— улыбнулся Бен.— Говорите, что вы хотели. А Фэй скоро и сама успокоится.

— Иногда я просто удивляюсь твоим способностям выводить людей из себя,— продолжала ворчать Фэй.

— Да что ты, милая! Я же не нарочно...— с невинным видом оправдывался Бен. А потом, указав через открытую дверь на пишущую машинку и стопку чистой бумаги в соседней комнате, добавил: — Я хочу хоть немного отвлечься вон от того.

— А зачем? — удивился Дженкинс.

— Я уже начинаю ненавидеть эту книгу,— объяснил Бен.— Только мне приходит в голову какой-то сюжетный ход, как сразу же что-то случается, и я либо должен все менять, либо вообще начинать сначала. Впрочем, дело чаще всего кончается тем, что я рву написанное — и передо мной вновь лежит пачка девственно чистой бумаги. Значит, надо писать все заново... Это кого хочешь сведет с ума. Знаете, Ральф, у меня такое чувство, что это мой первый и последний роман.

Дженкинс сочувственно кивнул.

Бен снова углубился в газету, стараясь сохранять на лице самое невозмутимое выражение. Единственно, что его волновало сейчас, — это как разыскать неожиданно пропавшего отца Макгвайра. В день смерти Франкино он бросился на его поиски сразу же после ухода полиции. Но они не дали абсолютно никаких результатов. Комната Макгвайра

в семинарии оказалась запертой, а дворник доверительно сообщил, что не видел священника уже несколько дней. То же самое ему сказали и в ректорате семинарии. Итак, Макгвайр бесследно исчез. То есть, не осталось никакой связи. И никаких указаний, как действовать дальше, и что предпринимать. Бен пробовал звонить и в Управление епархии, но там либо вообще не знали отца Макгвайра, либо не могли сказать ничего определенного о его нынешнем местонахождении. Безусловно, Макгвайр знал о гибели Франкино. И не исключено даже, что он сам каким-то образом принимал участие в том, что случилось в холле десятого этажа, и был свидетелем смерти монсеньора. Значит, он должен рано или поздно снова появиться на горизонте. Вот только когда это произойдет?..

Ожидание становилось невыносимым.

Ребенок засмеялся и начал молотить ладошками по своему укрепленному на стульчике подносу. Фэй склонилась к сынишке, поцеловала его и тепло улыбнулась Дженкинсу.

— Вот видите, Ральф,— обратилась она к гостю.— Когда вы заходите к нам, Джои рад больше всех.

— Вы слишком добры ко мне, Фэй. Скорее всего, моя радость просто настолько заметна, что передается даже детям...

— Радость? — удивился Бен.— А по какому поводу, позвольте узнать?

— Я только что получил контейнер из Европы,— объяснил Дженкинс.— И сейчас то, что в нем находилось, перевезли ко мне на квартиру. Так что можете зайти посмотреть.

— А что это, если не секрет? — поинтересовался Бен

— Старинная и очень редкая мебель — два удивительных образца, созданных самим Карлом Фридрихом Шенкелем для прусской королевы Луизы. Они будут экспонироваться на одной частной выставке, а пока их целиком доверили мне. И им цены нет! Вы очень многое потеряете, если откажетесь зайти ко мне и взглянуть на эти шедевры...

— Ну, хорошо. После работы я обязательно к вам заскочу, если, конечно, вы будете дома,— пообещала Фэй и встала из-за стола.

— После семи я к вашим услугам,— отозвался Дженкинс.

— Договорились.

Дженкинс посмотрел на Бена, который никак не мог оторваться от газеты, с головой погрузившись в какую-то статью.

— Ну а вы, Бен? — неуверенно спросил он.

Тот поднял голову, с трудом соображая, о чем идет речь, и как сейчас лучше ответить.

— Ну... Наверное, где-то днем... Обязательно. Впрочем, у меня сейчас много работы, так что я еще позвоню.

Дженкинс одобрительно кивнул и тоже поднялся. Фэй взглянула на часы и недовольно покачала головой — она уже опаздывала на работу.

Пока она убирала со стола, Бен продолжал изучение газетной статьи, а потом, прокашлявшись, откинулся на спинку кресла и стал зачитывать вслух:

— Некролог,— сообщил он.— Монсеньор Гульельмо Франкино родился в Италии, в Турине, умер в Нью-Йорке... Принял духовный сан 11 июня 1939 года.— После этого Бен нервно расхохотался, швырнул газету на стол и, вытащив ребенка со стульчика, занялся им. Фэй и Дженкинс наблюдали за ним, не сводя глаз.

— Да упокоится с миром его душа,— заключил Бен.

* * *

Около полудня, погуляв в парке с ребенком, Бен вернулся домой, усадил малыша в манеж и решил взяться, наконец, за работу. После того как ушел Дженкинс, а Фэй стремглав улетела на службу, он еще раз попытался найти Макгвайра и для этого сделал несколько телефонных звонков. Но, как и раньше, ничего выяснить не удалось. Проголук с малышом тоже не смогла успокоить его расшалившиеся нервы, и теперь, очутившись снова в квартире, Бен понял вдруг, что книга — это пока единственное средство, чтобы хоть на время перестать думать о судьбе Фэй и гадать, где так долго может скрываться отец Макгвайр.

Он поудобней устроился в кресле и стал обдумывать начало следующей главы, а потом уверенно сел за машинку и принялся как сумасшедший стучать по клавишам, боясь даже остановиться. Так он проработал довольно долго, переполняемый то отчаянием, то раздражением и беспредельной злобой. Наконец, глава была закончена. Он вынул из машинки последнюю страницу, перечитал все заново и, не долго думая, вышвырнул напечатанное в корзину для мусора. А потом повалился на диван и обхватил голову руками, чувствуя свою полную беспомощность. Что теперь — снова пойти гулять? Или опять засесть за проклятую машинку? Или лежать вот так и думать до изнеможения о страшных событиях последних дней и туманных перспективах ближайшего будущего?.. Сколько же сможет еще вы-

держат эти перегрузки его и без того уже измученный мозг?

Наконец он решился. Взяв ребенка на руки, Бен открыл дверь и вышел с ним в коридор. Как же он мог забыть! Ведь всего пару часов назад Дженкинс приглашал его зайти полюбоваться каким-то ант-квариатом. И этот безобидный визит сейчас как раз то, что нужно, чтобы отвлечься от неприятных мыслей.

Позвонив в дверь Ральфа, он сразу же услышал шаги, и через несколько секунд ручка замка повернулась.

— А, это вы, Бен! — обрадовался Дженкинс, отступая назад, чтобы дать гостю проход.

Бен натянуто улыбнулся.

— Я вспомнил про ваше приглашение, и вот решил зайти полюбоваться обещанными сокровищами, — объяснил он.

— Что ж, прекрасно. Я ждал вас. И Джои, конечно, тоже. Хотя, мне кажется, он еще слишком мал, чтобы по достоинству оценить то, что я вам хочу сейчас показать.

Бен рассмеялся.

— Да я и сам настоящий младенец в таких делах!

— Ничего подобного, — серьезно заявил Дженкинс и пригласил их пройти в гостиную.

Эта комната напоминала больше музейный зал. Кроме пары стульев современного образца, вся остальная мебель здесь была очень старой — в основном, как объяснил Дженкинс, французской: и к ней он никогда не прикасался, разве что когда протирал пыль.

— Вам, я уверен, не приходилось еще видеть таких роскошных вещей, — торжественно произнес Дженкинс и ловко провел гостя мимо всевозможных тумбочек, кресел и прочих атрибутов древности к двум накрытым тканью предметам. Откинув первое покрывало, он показал кровать, предназначенную для самой королевы Луизы, пояснив, что фанера здесь сделана из средней трети ствола грушевого дерева.

Бен внимательно рассмотрел кровать, которая не произвела на него абсолютно никакого впечатления, а напомнила больше несуразную гигантскую люльку.

— А вот это — декоративный шкафчик, — не умолкал Дженкинс, снимая второе покрывало. — Его сделали, по нашим предположениям, в 1835 году. Видите, как много здесь гравировки по меди! А этот шпон выполнен из древесины молодого клена. Но этот шкафчик только с виду напоминает пустую тумбочку — внутри полно разных ящиков! — С этими словами он выдвинул пару ящиков, демонстрируя

их Бену.— Такие шкафчики делались по индивидуальным заказам крупными мастерами, и каждый считается в своем роде шедевром. Причем мебельщики работали над такими заказами в одиночку — сами и резали по дереву, и выполняли гравировку на металле... А здесь, как вы видите, требуется искусство настоящего художника. Великолепно, не правда ли?

Бен кивнул. Шкафчик понравился ему чуть больше. Он был похож на прямоугольную коробку с ножками, поставленную «на попа». Правда, резьба была действительно изумительной, и это сильно отличало шкафчик в лучшую сторону от кровати, если судить по их эстетическим качествам.

Дженкинс снова с любовью накинул покрывала на свои новые поступления. Бен присел на стоявший неподалеку диван и утер сынишке лицо платком — тот успел уже напустить слюней. Теперь Бэрдету предстояло выслушать целую лекцию о достоинствах этой мебели, пока сам хозяин готовил кофе и доставал из серванта в кухне печенье и пирожные.

— Но вы так и не высказали своего мнения! — закончил Дженкинс, присаживаясь на другой диван, напротив Бена.

— Действительно, красивые вещи, — как-то равнодушно произнес он, чувствуя, что не испытывает абсолютно никакой страсти к этой старинной мебели, хотя он несколько не сомневался, что все, собранное Дженкинсом, — разумеется, не подделка и должно стоить кучу денег.

Ральф рассмеялся, прощая Бену его невежество, и, промокнув губы платком, поставил чашку с кофе на резной столик.

— Но, Бен, я все равно рад, что вы пришли. Ведь мы должны поговорить и кое о чем другом... Разумеется, я не мог начать этот разговор у вас, в присутствии Фэй. Вы меня понимаете?..

— Не очень, — сознался Бен, чувствуя, что начинает волноваться.

— У меня есть один приятель, который служит в полиции. И как раз на днях он дежурил вместе с судебно-медицинским экспертом. А сегодня утром я ему позвонил, потому что он обещал передать мне, что скажет судмедэксперт по поводу смерти монсеньора Франкино. Так, вот, эксперт теперь, видимо, ничего уже не сможет сказать, поскольку тело было похищено!

— Что?! — вскрикнул Бен и резко наклонился к Дженкинсу, чуть не выронив при этом ребенка.

— В морг проникли неизвестные и похитили труп Франкино. Можете себе такое представить?

Разумеется, после всего пережитого, Бен мог представить себе и не такое, однако вслух он произнес:

— Даже поверить трудно! — В основном, это было сказано, чтобы поддержать начатый Дженкинсом разговор.

— А как вы думаете, кому и для чего могло понадобиться это тело? — не отставал Ральф.

Бен только пожал плечами.

— Понятия не имею.

— А я имею, — неожиданно заявил Дженкинс.

— Имеете? — Бен не верил собственным ушам.

Дженкинс не торопясь поднял свою чашку и отхлебнул глоток горячего кофе.

— Конечно, Бен... Только давайте сперва серьезно поговорим о добре и зле. — Он пристально посмотрел на гостя, а затем продолжил: — Вы, наверное, уже знаете, что это здание — как раз и есть поле битвы между двумя противостоящими силами. Добра и Зла. То есть Господа Бога и Сатаны.

Бен вскочил с дивана, и на лице его отразился неподдельный ужас. Он попытался улыбнуться, но лишь растерянно посмотрел на Дженкинса и крепче сжал малыша в руках.

— Я вас не совсем понимаю, — выдавил он.

— Да все вы прекрасно поняли! Вы не хуже моего знаете, что Страж, назначаемый по заповеди Господа, находится именно здесь. Разве это новость для вас, а? Ну, признавайтесь, Бенджамин Бэрдет! Инспектор Гатц проделал большую работу... Равно как и монсеньор Франкино. Так что вы прекрасно осведомлены, я в этом даже не сомневаюсь.

— А откуда все это известно вам? — начал паниковать Бен.

Дженкинс разразился громовым хохотом, а потом, как неведомое чудовище, хищно поднялся с дивана, расправляя свой костюм-тройку.

— Чего же вы так боитесь, Бен? — спросил он, поправляя очки на носу. — Хотя вас можно понять... Но после того, как мы с вами обстоятельно поговорим, я уверен, в вас не останется ни капли страха.

Бен ринулся к двери, чувствуя, как бешено колотится его сердце. Теперь лицо Дженкинса стало похожим на стальную маску — оно было абсолютно бесстрастно и не выражало ровным счетом ничего.

— Оставьте меня в покое! — на ходу выкрикнул Бен.

— Не могу, Бен! — ответил хозяин.

Бен схватился за дверную ручку и дернул ее на себя. Но та словно примерзла к месту. Дверь не открывалась.

Он дернул еще раз, одной рукой удерживая на груди ребенка, но все напрасно. Видимо, Дженкинс успел незаметно запереть замок.

Тогда Бен оглянулся, чтобы посмотреть на выражение лица злорадствующего Дженкинса, но того и след простыл. В комнате было пусто.

— Господи! — закричал Бен в отчаянии и прикрыл ребенка руками, будто хотел защитить его от невидимого зла, витавшего в этой квартире.

Он заходил по комнате, дико озираясь вокруг. Что же теперь делать?.. Потом, подбежав к одной из стен, изо всех сил ударил по ней ногой. Если Вудбриджи дома, они непременно должны услышать этот удар и прийти на помощь. Но тут он с ужасом вспомнил, что как раз сегодня Вудбриджи на целый день уехали в гости. В другие стены стучать было бессмысленно, поскольку все они выходили только на улицу. Подмоги ждать неоткуда.

Тогда он без колебаний сорвал покрывало со старинной королевской кровати, положил ребенка на соседний диванчик и, подкатив кровать ближе к двери, с разгону ударил ею по прочному дереву, надеясь или расшатать дверь или совсем выбить ее с помощью такого необычного тарана. Кровать с грохотом врезалась в дубовую створку, однако дверь даже не дрогнула.

И тут он услышал приближающиеся шаги.

— Дженкинс! — закричал Бен, снова хватая ребенка и пряча его в объятиях.

Подбежав к телефону, он судорожно схватил трубку, но телефон был мертв. Не поддавались и окна, словно запаянные кем-то в наружных рамах. Не работал даже внутренний домофон, по которому можно было бы связаться с дворником или вахтером.

— Что вам от меня нужно? — закричал Бен, теряя остатки самообладания.

И тут в дверях спальни неожиданно появился сам Дженкинс.

Бен смотрел на него и не узнавал. Что за одеяние появилось на Ральфе? И в кого он таким образом превратился? Это невероятно!..

Дженкинс указал на диван и спокойно предложил:

— Садитесь сюда, Бен.

Тот послушно опустился на указанное место, не сводя глаз с хозяина квартиры и по-прежнему крепко сжимая в руках малыша. Дженкинс приблизился к нему, немигающим взглядом сверля своего гостя. От этого взгляда Бен застыл, как каменный, не в силах пошевелиться. Этот взгляд гипнотизировал и заставлял повиноваться. Бен чувствовал, как медленно, но верно парализуется его воля.

— Молитесь, Бен Бэрдет! Молитесь своему Всемогущему Господу Богу,— произнес Ральф Дженкинс.

Глава двадцатая

Оставшись в гробовой тишине часовни, отец Макгвайр провел пальцами по старинным буквам, выдавленным на кожаном переплете, а потом раскрыл книгу. Шрифт оказался крупным, а текст был написан по-латыни. Прочитав эту рукопись, он должен будет узнать обо всем, что не успел сделать монсеньор Франкино, и что перекладывалось теперь на его собственные плечи. Священник вытер капли пота, выступившие на лбу, и еще раз взглянул на мертвое лицо своего предшественника, которое блестело в пламени свечей, словно восковое. «Но зачем сюда доставили его труп?» — в который раз спрашивал себя Макгвайр, но так и не мог найти ответа на этот вопрос. Однако сам факт присутствия рядом мертвого тела повергало его в глубокое уныние. Неужели ему не могли дать возможность ознакомиться с этой книгой без трупа?.. Ведь глядя на него, Макгвайр не переставал испытывать жгучее чувство вины и стыда, так как сам он остался жить, в то время как Франкино мужественно отдал свою жизнь в борьбе с силами Сатаны.

Дрожащими пальцами Макгвайр открыл первую страницу и начал медленно, строчку за строчкой читать старинную рукопись, с каждым словом осознавая, что речь в ней идет об истории самого зла, о том, как началась борьба между Господом Богом и падшим ангелом.

В книге говорилось, как Господь призвал своих ангелов, и они слетелись со всего Рая, чтобы услышать, как Создатель возвестит о существовании своего Сына, которому он дарует всю власть:

«Так слушайте же, возлюбленные ангелы мои:
Сегодня я произвел на свет единственного своего сына,
И преклонятся пред ним все колена в Раю,

А кто посмеет ослушаться меня,
Будет низвергнут в темноту и забвение...»

Потом речь пошла о Сатане — бывшем первом архангеле, чья зависть и ревность толкнули его на бунт против Бога, и он, почтя себя обиженным и ущемленным, решился сместить Всевышнего с его трона.

«В это время Создатель,
Чьему глазу видны всякие помыслы,
Узрел, что поднимается против него восставший,
И увидел, как множества собираются,
Чтобы свергнуть Его.

И тогда он призвал своего Сына
И велел ему защитить Его трон;
И тот с радостью принял из рук Его
Меч разящий...»

Еще Всевышний послал на битву с дьяволом архангелов Михаила и Гавриила, чтобы поверженный Сатана и все его легионы были навечно помещены в место изгнания и наказания, то есть, в Ад.

«...И излилась на них великая ярость;
Раздался страшный грохот и лязг оружия.
Зловещим был этот шум,
И по всем небесам неся гул его.
И сражение шло безжалостное и бесконечное...»

Макгвайр прервал чтение и с тревогой прислушался, но вокруг стояла все та же полная тишина. Стараясь не смотреть на Франкино, он попытался отделаться от чувства нарастающей паники. Уже несколько часов подряд он был как бы слит воедино с этой книгой, становясь в душе свидетелем и участником всех описанных в ней давних событий. Различные образы по непонятным каналам проникали к нему прямо в мозг и представляли почти живыми перед его мысленным взором. Но впереди было еще самое важное — оставались непрочитанными сотни страниц, которые ему только предстояло преодолеть. Наконец он приступил к описанию финала этого чудовищного первичного боя, глас Божий словно зазвучал в его ушах:

«Два дня прошло с тех пор, как отправился Михаил,
Чтобы усмирить и укротить тех, кто ослушался моей
воли.

Третий день принадлежит тебе, Сын мой,
Как и слава закончить эту битву победой.
Так взойди же на мою колесницу
И преследуй сыновей тьмы,
И прогони их в глубины...»

И Сын Господа сделал так, как повелел Отец, и изгнал
Сатану с небес в преисподнюю:

«Он выдворил их за пределы небесные
В глухие опустошенные глубины,
И Ад принял их, разверзшись,
А потом вновь закрылся,
Преисполненный огнем и дымом.
И отныне он стал их домом,
Где царствуют горе и боль».

Потом Макгвайр прочитал, как Сын с триумфом вернулся на небеса. А после этого, несмотря на страшную усталость, развязал бечевку, которая скрепляла вместе последние сто страниц книги. Из них он узнал о том, как низвергнутый Сатана стал искушать человека и привел его к грехопадению, после чего разгневанный Господь Бог поручил самому человеку впредь охранять себя, поставив Стража вместо архангела Гавриила.

Макгвайр изо всех сил старался не заснуть и не упасть в обморок от изнеможения; тело его нещадно ныло, и разум молил об отдыхе после стольких часов невероятного напряжения. Он не чаял дожидаться того момента, когда все это мучение, наконец, завершится. Но страниц оставалось еще много — далее следовали подробные инструкции и описания ритуалов, объяснялась природа и смысл превращения человека в Стража, и Макгвайр с ужасом понимал, что все это было истиной. Наконец он узнал все то, что знал его предшественник, монсеньор Франкино... Теперь все знания были открыты ему.

С трудом борясь с сильным головокружением, он закрыл толстый том и, тяжело ступая, двинулся к выходу. Добредя до двери, священник постучался и принялся ждать. Но тишину не нарушал ни один звук, и дверь по-прежнему оставалась закрытой. Он снова постучал и, не дождавшись ответа, решил все же вернуться на свое прежнее место,

поняв, что испытания на этом, видимо, еще не закончились.

И вдруг странная волна подступающего ужаса окутала его сознание. Священник подошел к книгам, опустил на них голову и закрыл глаза. Он так устал, что был больше не в силах ни о чем думать.

И тут в комнате произошло какое-то движение, послышался легкий шорох. Макгвайр посмотрел на дверь, потом наверх, пытаясь определить, откуда идут эти необычные звуки. Неожиданно шум резко усилился и обрушился на него настоящим эмоциональным взрывом, охватившим сразу все его чувства. Он сжал голову руками, а потом заткнул уши и отступил назад, не в силах бороться с этим дьявольским наваждением. И тогда тело Франкино медленно поднялось из гроба. В страшном шуме неизвестной природы оно как бы зависло над его собственным телом. Макгвайр в ужасе упал на колени и закрыл глаза, чтобы страшное видение поскорее исчезло. Но он тщетно пытался прогнать его. Эти звуки и образы проникали ему прямо в душу, обжигая ее, как огнем. И тогда священнику показалось, будто его коснулось дыхание самого Сатаны, а потом вдруг время остановилось, и он снова очутился далеко позади своих дней, в гуще событий, происходивших в самом начале. Он услышал свист оружия и шелест поступи давно ушедших душ, увидел тела, облаченные в латы, и их вождя, Чарльза Чейзена, который призывал свои войска на решительный штурм цитадели Отца Небесного. И они неумолимо наступали на осажденную крепость, а оказалась ею... Элисон Паркер, беспомощно лежащая на полу в особняке. Легионы Сатаны двигались и к своему главному врагу отцу Галлирану — Стражу, которого вел под руку монсеньор Франкино. Ему необходимо было передать распятие новому часовому и отослать Чейзена, то есть самого Сатану, назад, в глубь преисподней, в вечный Ад, где он горел бы в испепеляющем пламени Господнего гнева.

Находясь по-прежнему в этой маленькой часовне, Макгвайр путешествовал во времени и пространстве и сам становился свидетелем перевоплощения смертного человека в Стража, как это случилось с Элисон Паркер, чья душа была обременена тяжким грехом самоубийства.

Потом видение сестры Терезы постепенно начало таять и совсем исчезло, а осталась только страшная головная боль и пульсирующий шум в ушах.

Наконец он с опаской открыл глаза, боясь снова увидеть перед собой восставшее из гроба мертвое тело монсеньора Франкино. К ужасу Макгвайра, оно по-прежнему парило в

воздухе, и на этот раз он не выдержал и, потеряв сознание, погрузился в бесконечную черноту. Но тут он почувствовал, будто кто-то хочет слиться с ним, и понял, что это не физическое тело умершего монсеньора, а его бессмертная душа, которая стремится передать ему сейчас нечто важное.

Это оказалось самым тяжким испытанием, но все же он до конца прочувствовал на себе весь ужас и восторг переселения душ и понял глубокий смысл и важность того, чтобы цепь событий никогда не прерывалась и ангел Божий на Земле был заменен на нового по воле и приказу Всевышнего.

Тяжкий гнет этого откровения придавил Макгвайра с неопишуемой силой, и он вновь упал на колени, балансируя на грани безумия. И тут некая посторонняя сущность влилась в его душу, укрепляя ее и поддерживая его волю. Он испытал новый взрыв бесчисленных ощущений и, обуреваемый ими, взмокший от струящегося по телу пота, без сознания рухнул на пол.

* * *

В подвал спустился отец Теппер и подошел к двери, ведущей в часовню. Он успел уже переодеться, но на лице его сохранилось все то же мрачное выражение, которое Макгвайр отметил еще при первой встрече, до того как началось его испытание.

Теппер ухватился за тяжелый стальной засов и со скрежетом отодвинул его.

Через несколько секунд отец Макгвайр вышел из часовни на свет.

Бирок взглянул на него и обомлел, потрясенный внешним видом священника. Да, это был все тот же отец Макгвайр, но как разительно он изменился!.. Он постарел, будто провел в часовне несколько лет. Конечно, за последние сорок восемь часов на долю этого человека выпало действительно чересчур много тяжелого душевного бремени. Волосы его поседели, лоб прорезали глубокие морщины, а взгляд стал холодным и далеким.

Макгвайр и отец Теппер молча заключили друг друга в объятия.

Бирок стоял как вкопанный, не смея пошевелиться.

Макгвайр подошел к нему и дружески положил потяжелевшую ладонь на плечо.

— Сын мой! — коротко поприветствовал он словака, и выражение его лица немного смягчилось.

— С вами все в порядке, святой отец? — осторожно осведомился Бирок.

Макгвайр кивнул, и взор его устремился вдаль.

— Нам предстоит еще сделать очень многое, — в грустной задумчивости сказал он.

— Я ваш верный слуга, святой отец, — подтвердил свою лояльность преданный Бирок.

Макгвайр прошел вместе с ним к двери.

— Мне необходимо как можно больше узнать насчет ребенка Бэрдетов, причем все это — срочно! А также о самих Бэрдетах — о Бене и Фэй... Вы должны использовать все свои связи, чтобы ускорить это дело. Ибо времени у нас остается в обрез, и действовать надо решительно.

Бирок понимающе кивнул, сразу же посерьезнев.

— Я приступаю немедленно, — отчеканил он.

Макгвайр улыбнулся.

— Вот и хорошо, — похвалил он словака, а потом открыл дверь на лестницу.

По ней они поднялись из подвала на первый этаж. У входа в церковь уже ждал лимузин. Но Макгвайр лишь усадил туда Бирока, а сам отступил назад, наблюдая, как автомобиль отъезжает и медленно скрывается за поворотом.

Проводив его взглядом, священник повернулся и снова вошел назад в церковь.

Глава двадцать первая

Через четыре дня Бирок позвонил в семинарию отцу Макгвайру и сообщил, что добыть информацию о малыше Бэрдетов оказалось намного сложнее, чем он предполагал. Несмотря на то, что имелись все данные о том, будто ребенок родился в клинике пресвитерианской церкви в Манхэттене, Бирок решил более подробно изучить историю болезни и старые списки пациентов. И не обнаружил там никаких подтверждений беременности Фэй и факта рождения Джои Бэрдета. Но что еще более странно, ни в каких других больницах это имя тоже не значилось, словно он вообще не появлялся на свет.

Удивленный такими новостями, отец Макгвайр тем не менее потребовал, чтобы Бирок продолжил поиски места рождения загадочного ребенка. Затем он сам позвонил Бэрдетам, но дома застал одну Фэй, и та сообщила ему, что Бен отправился играть в теннис в спортивный клуб, но если он так уж срочно нужен священнику, то можно позвонить

прямо туда, поскольку Бен проторчит на корте еще не менее часа.

После минутного размышления Макгвайр решил никуда не звонить, а сразу подъехать к клубу и, поймав такси у ворот семинарии, очень скоро очутился возле крытого стадиона, где сразу же отыскал Бена на теннисном корте. Взобравшись на третий этаж, он прижался лицом к стеклу смотровой площадки и несколько минут наблюдал за своим приятелем.

Потом отец Макгвайр спустился вниз к выходу, а Бен тем временем уже закончил игру и шел навстречу священнику. Он успел заметить Макгвайра, когда тот еще смотрел на него с третьего этажа.

— Я хочу поговорить с вами,— презрительно бросил Бен, с недоумением поглядев на волосы Макгвайра, поседевшие всего за один день.

— А я — с вами,— тут же отозвался Маквайр.— Где мы можем уединиться?

Бен вытер полотенцем лицо и провел священника в пустую комнату для игры в бридж.

Они сели за карточный столик друг против друга. Бен вынул из кармана спортивной куртки сигару и предложил закурить Макгвайру, но тот отказался.

— Я требую, чтобы вы ответили на некоторые мои вопросы,— без предисловий начал священник, хрипло откашлявшись.

Бен со злостью ударил кулаком по столу.

— Ну уж нет! Отвечать сейчас будете вы! А если нет, можете уматывать отсюда подобра-поздорову.

— Бен!..— опешил священник.

— И хватит с меня вашей чуши! Говорить будете начистоту, иначе считайте, что наша беседа закончилась, не начавшись.

Макгвайр замолчал и стал нервно подергивать рукава своей рясы.

— Вы ведь с самого начала знали, что происходит, и сами участвовали в этом заговоре! — выкрикнул Бен в лицо священнику.

— Да,— только и смог вымолвить тот.

— Именно поэтому вас и подослали на теплоход.

— Да,— подтвердил Макгвайр.

— И вы сами подстроили все так, чтобы мы оказались за одним столиком — чтобы легче было познакомиться! — не унимался Бен.

— Да.

— И вы подсунули нам распятие.— Бен сверлил священника полным ненависти ледяным взглядом.

— Да,— не стал отпираться тот.

— А если бы Франкино не погиб, вы бы так до конца и оставались в тени?

— Вот это трудно сказать. Я ведь действовал не самостоятельно, а только выполнял то, что мне приказывали...— объяснил священник без тени стыда или раскаяния в голосе.

— А я, кстати, заметил вас тогда в парке. Вы еще смылись на каком-то такси...— Бен чуть-чуть раскачивался на стуле.

— Я это знаю,— невозмутимо ответил Макгвайр.— Франкино говорил мне.

Бен затаился и выпустил в потолок густой столб сигарного дыма.

— А как он погиб? — спросил вдруг Бэрдет.

— Я не знаю,— потупил глаза священник.

— Опять вранье! Я спрашиваю, как погиб Франкино? — почти закричал Бен.

— Не надо переигрывать! — неожиданно возмутился Макгвайр.— Я отвечаю на все ваши вопросы, потому что имею на это право и желание. Но я хочу, чтобы и вы доверились мне. Теперь я уже не пешка в руках Франкино. И мне больше не на кого опереться — Франкино, как вы знаете, уже не руководит мною. Но теперь то, что не успел сделать он, предстоит сделать именно мне. Так что все его обязанности я принял на себя и выполняю их, не считаясь даже со своей жизнью. Но я не потерплю ничьего вмешательства!

Бен был ошеломлен, услышав эту тираду. Он сглотнул, а потом заговорил снова, теперь уже более примирительным тоном:

— Тогда где же вы пропадали столько времени? И почему сразу не связались со мной после смерти Франкино?..

— Это, к сожалению, было невозможно. Нашлись более срочные дела. Но сейчас не стоит обращать на это внимания. Ничего не изменилось, кроме того, что я стал преемником монсеньора Франкино.

— Значит, Фэй по-прежнему уготована роль следующего Стража?

— Да,— подтвердил священник.

— Но ведь Франкино говорил мне, что существует некая альтернатива, что будто бы возможно и по-другому повернуть ее судьбу...

Макгвайр кивнул.

— Да, это так. Только он наверняка предупредил вас, что в этом случае вы должны беспрекословно слушаться его. Ну, а теперь, стало быть, меня. И не задавать лишних вопросов. И не думать ни о каких последствиях ваших действий — короче, полностью положиться на нас.

— Да. Я согласен, — после секундной паузы кивнул Бен.

— Хорошо, — сказал Макгвайр и поднялся. Он отошел к окну, а потом снова повернулся к Бену. — Где родился ваш сын? — неожиданно спросил священник.

— Я не понимаю...

— Я спрашиваю, где родился Джон Бэрдет? — не отступал Макгвайр.

Бен уставился в пустоту. Заметив это, Макгвайр сразу понял, что попал в точку. Теперь оставалось лишь ждать ответа.

— В Манхэттене, — не глядя на него, сказал Бен.

— А в какой именно больнице?

— В клинике пресвитерианской церкви. В Колумбийском медцентре.

— Кто принимал роды?

— Доктор Герберт Райфельсон.

— Как мне связаться с ним? — продолжал допрашивать священник.

— Это невозможно. Три месяца назад он скончался от сердечного приступа, — сообщил Бен.

«Неплохо придумано», — отметил про себя Макгвайр.

— Наверное, после него остались больничные карты его пациентов?

— Откуда мне знать? — начал заводить Бен, швырнув сигару прямо на пол. — Я его секретаршей не работал! — Он встал и вплотную подошел к священнику. — Послушайте, святой отец. Я не знаю, что вы пытаетесь сейчас разнюхать... Но мне скрывать действительно нечего. Мой сын, я повторяю, родился в клинике пресвитерианской церкви в Манхэттене, а роды у жены принимал доктор Райфельсон.

Макгвайр улыбнулся.

— Мы уже проверили все бумаги в больнице. И никакого свидетельства на Джона Бэрдета, разумеется, там не обнаружили. А тем более — историю болезни Фэй Бэрдет. Также не нашли мы и чека на оплату медицинских услуг ни от вашего имени, ни от имени Фэй.

— Ну, значит, они плохо ведут свои записи и кое-что упускают... Я же не могу отвечать за их канцелярию! Мальчик родился там, и добавить мне к этому абсолютно нечего.

Макгвайр чуть заметно кивнул.

— Бен... А вы мне правду рассказываете? — проникновенно спросил он.

— А что же еще, черт побери! — взорвался Бэрдет. — И какая вам вообще разница, в какой больнице родился мой сын? Вы же сейчас попусту теряете время, а жизнь моей жены, между прочим, остается в опасности! — возмутился он.

Но Макгвайр вдруг вцепился ему в плечо.

— Я теряю время? — спросил он, глядя Бену прямо в глаза. — Вероятно, вы и сами догадываетесь, почему это происходит...

— Но Чейзен не может принять облик младенца. Это же полная чушь! — продолжал кипятиться Бен.

— Возможно, вы и правы. Но существуют и другие причины, по которым вы сейчас отказываетесь сообщить мне всю правду... — Священник оставил плечо Бена в покое и зашагал к двери, однако у самого порога опять оглянулся. — Если у вас пропадет все же желание постоянно врать и вы захотите сообщить мне нечто важное, я вас с удовольствием выслушаю. Если же нет, мне придется самому докопаться до истины. И тогда вам останется уповать только на Господа Бога.

* * *

Чувствуя, как нарастает в груди волна отчаяния, Макгвайр отправился в Управление епархии и заперся там в кабинете, еще недавно принадлежавшем монсеньору Франкино. К счастью, у него нашелся верный и надежный друг — словак Бирок. Если кому-то и можно было поручить такое ответственное дело, как выяснение причин молчания Бена, то только ему. Но времени было в обрез. И действовать предстояло очень быстро и оперативно. Смена Стража должна произойти в пятницу, до которой осталось всего лишь шесть дней.

Макгвайр поставил ближе настольную лампу и устало потер глаза. Ставни на окнах были закрыты, и лучи солнца не могли проникнуть сюда.

Позади стола находился маленький сейф, запертый на два замка. Священник достал ключи и открыл его. Внутри в строгом хронологическом порядке хранились толстые картонные папки, и все бумаги в каждой были аккуратно разделены вертикальной чертой на две части.

Он вынул первые две. На одной стояла надпись «Элисон Паркер/Сестра Тереза», на другой — «Уильям О'Рурк/Отец Галлиран». Во второй папке он нашел подробное описание жизни человека по фамилии О'Рурк, ставшего впоследствии отцом Галлираном, которому якобы принадлежал приход в районе Квинс, но более двадцати лет назад он был закрыт и прихожане перешли в другую церковь.

Он внимательно изучил историю отца Галлирана и перешел к другой папке — с описанием жизни Элисон Паркер и легендой сестры Терезы, которая утверждала, что та якобы с восемнадцати лет была монахиней.

И вновь волна непонятного страха начала охватывать отца Макгвайра — его пугала эта бесконечная цепочка, частью которой теперь стал и он сам.

Наконец, завершив чтение, он поставил эти папки на место и вынул еще одну, самую последнюю, положив ее перед собой. Просмотрев находящиеся там документы, Макгвайр особо задержался на истории болезни, составленной доктором Мартином Абрамсом. В ней описывался невроз его пациента и рассказывалось, как под глубоким гипнозом этот больной поведал доктору о смерти собственной матери и том, что чувство вины потом заставило его совершить попытку самоубийства. Но в результате депрессии, приведшей к суицидальным действиям, пациент начал страдать впоследствии частичной потерей памяти.

Пожалуй, это и был самый главный документ. Из него становилось ясно, почему именно этот человек был избран на роль следующего Стража и почему сам он ничего не помнил о своем желании расстаться с жизнью.

Макгвайр задумчиво уставился на первую страницу, разделенную чертой на две части. С правой стороны значилось «Отец Беллофонтэн», а слева до боли знакомым ровным почерком монсеньора Франкино было выведено: «Бен Бэрдет».

Итак, Бен должен стать новым часовым Господа Бога.

Но стало ли всем легче от того, что по воле случайных совпадений он решил, что эта роль уготована его жене Фэй?

Впрочем, вспомнив цепь недавних событий, Макгвайр все же подумал, что это несколько облегчило их задачу, поскольку у Бена не возникло никаких подозрений относительно себя самого, а значит, с ним легче будет иметь дело в урочный час.

Наконец, погасив настольную лампу, он положил на место и эту папку и вышел из кабинета.

В понедельник утром Бирок позвонил отцу Макгвайру и сообщил, что ему удалось обнаружить информацию, требующую незамедлительной встречи.

Священник не раздумывая направился в дом номер 80 и по 89-й улице и прибыл туда к десяти утра. Чуть погодя он увидел и спешащего к дому Бирока.

— Что случилось? — с ходу спросил Макгвайр, чувствуя, как тревожно забилося сердце в ожидании непредвиденных осложнений.

Бирок тяжело опустился на диван и набил табаком трубку, которую недавно подарили ему Бэрдеты. Макгвайр присел рядом.

— Я еще раз перепроверил данные, полученные из клиники пресвитерианской церкви, — начал Бирок, стараясь держаться как можно спокойнее. — И теперь уже ошибки быть не может. Ребенок там не родился. Потом я стал искать Райфельсона. Он действительно лечил когда-то Фэй Бэрдет, но только от чего — не известно. Впрочем, он никогда не занимался акушерством и гинекологией, так что его участие в принятии родов исключается. Тогда я начал обследовать все больницы Новой Англии и, наконец, нашел то, что мы так долго искали...

Макгвайр напрягся. Сейчас должно было прозвучать нечто совсем неожиданное.

— Итак, Джон Бэрдет родился в штате Массачусетс, в городе Бостон, — продолжал рассказ Бирок. — Но Фэй Бэрдет — не родная его мать. Настоящая мать живет в Кокорде, штат Нью-Гемпшир. И фамилия ее — Бурреро. Через два дня после родов она отказалась от ребенка и оставила его в больнице, а двадцать второго июля Бен и Фэй усыновили его и оформили все необходимые документы. По вашей просьбе я заново проследил весь жизненный путь Бена Бэрдета. И теперь уже почти уверен, что все факты его биографии — тоже сплошная липа.

— Я перестаю вас понимать... — с ужасом признался отец Макгвайр.

— Все, что мы знаем о его детстве, оказалось обыкновенным вымыслом. Но что самое главное — оба его родителя умерли от инфаркта. И никакого рака у его матери не было. Я сам видел заключение о ее смерти, и нет никаких подозрений, что эта смерть была неестественной. Так что Бен Бэрдет не убивал свою мать и у него, следовательно, не

было никаких причин совершать на этой почве попытку самоубийства.

— Но это непостижимо! — Обескураженный Макгвайр с трудом приходил в себя после всего услышанного. — Франкино не мог так ошибаться!..

— Я не знаю, Франкино ли тут ошибся или кто другой, но вся моя информация имеет документальное подтверждение. И я могу ручаться за каждое сказанное мною слово.

— Но ведь это еще не все?.. — с затаенной надеждой спросил Макгвайр, лихорадочно соображая, почему так промахнулся сам монсеньор и что теперь надо делать, чтобы исправить положение.

— К счастью, не все, — подтвердил Бирок. — Есть одна ниточка... Я тут наткнулся на человека, вернее, пока только на имя — Артур Селигсон, который может дать ключ к нашей тайне. Этот Артур каким-то образом был связан с Беном Бэрдетом. Узнав об этом, я стал копать дальше и вышел на человека по имени Чарли Келлерман. Правда, говорить с ним без вашего ведома я не стал, но адресок у меня имеется.

— И как же он может нам помочь? — напряженно нахмурил лоб священник.

— Пока ума не приложу, — признался Бирок. — Но это единственная нить. Кто знает...

Макгвайр кивнул.

— Надо попробовать. Так где он живет?

— Неподалеку. В Гринвич Вилледж. — И он протянул священнику карточку с адресом.

Макгвайр мельком взглянул на бумажку, сложил ее вдвое и сунул в карман.

* * *

Чарли Келлерман поднял глаза на священника и, не вставая с кровати, рассмеялся. Это был странный смех, больше напоминающий коктейль из свиста и хриплого кашля.

— Присаживайтесь, святой отец, — проговорил он, старательно выводя каждый звук. Голос его звучал еле слышно. — Видите ли, у меня была операция на гортани, и мне теперь нелегко говорить. Ну, а понять меня еще труднее... Рак, — пояснил он. — Вон там возьмите себе табуреточку...

Макгвайр ухватил трехногий табурет, на который указал ему Келлерман, и тот жалобно заскрипел под могучим телом священника.

— Так вы хотели о чем-то поговорить со мной? — спросил Чарли.

— Да,— отозвался Макгвайр.— Но сначала, наверное, надо бы зажечь свет... Или открыть окна, а то темновато...

— Если можно, давайте останемся в этом полумраке. Свет режет мне глаза, а темные очки больше не помогают. Поймите меня правильно.

Макгвайр с жалостью поглядел на измученное тело Келлермана. Вены на его руках были сплошь исколоты, а у правого запястья, похоже, начиналась гангрена. Зрачки расширены, а лодыжки, торчащие из-под коротких шаровар, отекали. Судя по всему, этот бедолага давно уже сидел на игле.

— Как вам у меня нравится? — спросил Чарли и обвел руками свое жалкое однокомнатное жилище, расположенное на чердаке старого многоквартирного дома.

— Нормально,— неопределенно пожал плечами Макгвайр, стараясь не обращать внимания на страшную вонь в каморке, кучи сваленного по углам грязного белья и одноразовых пластиковых тарелок с какими-то огрызками и объедками. Ему показалось, что пыль здесь никто не протирал уже несколько лет, и она успела покрыть все вокруг по меньшей мере дюймовым слоем.

— Я обитаю здесь уже пятый год,— сообщил Келлерман.— С того самого дня, как прикрыли мой клуб для гомосексуалистов. Он назывался «Суарэ». Тогда я жил роскошно... У меня на Третей авеню была такая квартира!.. Двухэтажная.— Он мечтательно закатил глаза.— И наркотики было сколько угодно. Все бабы — мои. И педики — тоже. А еще я любил устраивать дома оргии. Но все это давно прошло... Я уже начинаю забывать эти счастливые дни. А теперь вот приходится жить в Сохо. Денег нет. Все угрожал на героин. Так что о новом клубе и мечтать не приходится... Кто мне даст лицензию на торговлю спиртным, когда я засветился на торговле наркотиками?..— Он облизнул пересохшие губы и заворочался на кровати, устраиваясь поудобней.— Да-а... Человек ко всему привыкает, в этом я уж на себе убедился. Но я не переживаю. Я ведь живу на облаке... Витаю где-то наверху рядом с Господом. Познаю свое астральное «Я» и не тужу...

Макгвайр только покачал головой, жалея этого несчастного человека, потерявшего все и опустившегося на самое дно.

— Может быть, я смогу как-то помочь вам, мистер Келлерман? — осторожно спросил он.

— Ну, раз уж вы так спрашиваете... Конечно. И так, что вам нужно? Получить некую информацию? Я согласен ее представить. Но тогда и вы будете мне кое-что должны.

— Что же?

— Мне сейчас нужны только зелененькие. Чтобы свести концы с концами. Я же не могу вечно шататься по улицам и жить на подавание. Нужна некоторая передышка. Да и надеяться на доброго волшебника не приходится. — Он немного помолчал, а потом лицо его озарила блаженная улыбка. — Впрочем, тут я, наверно, ошибаюсь: добрый волшебник уже сидит в моей конуре.

Макгвайр незамедлительно вынул из кармана пятидесятидолларовую бумажку и аккуратно положил ее на простильную рядом с Келлерманом.

— Этого будет недостаточно, — предупредил тот.

Священник достал еще одну такую же банкноту и положил ее поверх первой.

Келлерман проворно схватил обе купюры и сунул их под подушку.

— Следующий дозьяк будет принят во имя Христа-Спасителя, — торжественно пообещал он.

Макгвайр терпеливо ждал, когда у Келлермана пройдет очередной приступ смеха. Чарли в истерике катался по кровати, но очень быстро успокоился и затих, с трудом переводя дыхание.

— Может быть, поговорим о деле? — предложил наконец священник.

— Конечно, святой отец, — охотно отозвался Келлерман, прячась с одеяла таракана. — Задавайте вопросы, и я, как смогу, отвечу на них.

— Вам известен человек по имени Артур Селигсон? — спросил Макгвайр.

Келлерман нахмурился, напрягая память.

— Я точно не уверен... — задумался он. — Но фамилия вроде бы знакомая.

— Вы должны его вспомнить, — подсказал священник.

Келлерман углубился в воспоминания, бормоча что-то себе под нос. Несколько раз он уже открывал рот, намереваясь что-то сказать, но потом снова задумывался. Память урывками возвращала его в прошлые годы. Макгвайр молча наблюдал за ним и молился про себя, чтобы мозги у Чарли хоть ненадолго заработали и он смог поведать священнику о событиях давно минувших лет.

Прошло десять долгих минут, и наконец Келлерман с победным видом приподнялся на локтях в своей грязной постели. Для начала он попросил достать окурков из пепельницы, чтобы ему стало полегче. Священник отыскал среди «бычков» самый длинный, и, сунув его в рот Келлерману, поднес спичку.

Табак оказался настолько отвратительным, что от едкого дыма у Макгвайра защемило глаза.

— Все. Я вспомнил его,— гордо объявил Чарли, счастливый от того, что память на сей раз не подкачала.— Он приходил в «Суарэ». Ну, и стал вроде как постоянным членом нашего клуба. Раз в неделю он бывал у меня—это точно. А то и чаще... Он был неглупым парнем и весьма привлекательным.

— Попробуйте описать его,— попросил Макгвайр.

— Волосы темные. Среднего роста. Достоинства крупные.

— Какие еще достоинства? — не понял священник.

Келлерман хихикнул.

— Мужские, разумеется. Я любил иногда потискать его, но, конечно, ничего серьезного у нас с ним произойти не могло — так только, шутки ради. Потому что у Селигсона был очень ревнивый любовник, и с ним было лучше не связываться.

— А кто был его любовником?

— Один педрила по имени Джек Купер.

Макгвайр тут же вынул блокнот и записал это имя.

— Значит, как я уже говорил,— продолжал свой рассказ Келлерман,— этот красавчик заходил ко мне раза два в неделю, чтобы повидаться со своим Купером. А тот работал у меня.

— И сколько времени все это продолжалось?

— Не меньше года. Но потом Селигсон внезапно исчез. И больше не заявлялся. Так я его и не видел.

— И больше вы о нем ничего не знаете? — разочарованно произнес священник.

— Ничего. А что вам еще нужно? Понимаете, святой отец, ведь тогда, в шестидесятых, голубые не ходили так открыто, как нынче. Одни прятались по квартирам. Другие ошивались в барах. Но с виду нельзя было и сказать, что перед тобой педик. В основном им приходилось вести двойную жизнь. В обществе они носили маску. А у меня в «Суарэ» ее снимали. Врубаются? Так вот я сразу понял: если хочешь, чтобы дела у тебя шли хорошо,— не задавай глупых вопросов. Ну, я никогда и не лез особенно в их от-

ношения. Лишь бы они не забывали меня и платили денежки. А там хоть кол на голове теши. Ну, конечно, самые постоянные клиенты еще могли мне довериться, но случайные посетители — боже упаси. Они приходят и уходят — и какое мне дело до того, как дальше складывается их судьба!.. Рано или поздно все они переставали посещать клуб. Некоторые уезжали в другие города, кто-то просто менял квартиру, чтобы замести следы. А отдельные даже умудрялись жениться, хотя должен сказать, что таких как раз можно было по пальцам пересчитать. В основном ведь педики начинают активно принимать наркотики и дохнут от этого. Да я ни о ком из них практически и не знал ничего... Впрочем, кому какое дело до них! Пошли они ко всем чертям. Еще помнить о таких отбросах!..

— А что стало с Джеком Купером?

Келлерман откинулся на подушке, продолжая усердно дымить окурком.

— Понятия не имею. В 1968 году он пришел ко мне, заявил, что уезжает из города, и попросил дать ему расчет. У нас не принято спрашивать, куда именно, раз он сам не сказал, ну, я и не стал интересоваться...

— А где же тогда был Артур Селигсон?

— Бог его знает. Селигсон к тому времени уже и носа не показывал в клубе. Да и сам Джек говорил как-то, что потерял с ним связь. Видите ли... Селигсон, вообще-то, был бисексуалом. И все время, пока встречался с Джеком, жил у какой-то бабы... Может быть, он решил, что пора завязывать с голубыми, да и женился на своей крале. Не исключено, что теперь у него целый выводок потомства, а сам Артур превратился в степенного папашу и ходит на службу с девяти до пяти, крутится от зарплаты до зарплаты, а по вечерам, вздыхая, вспоминает своего брошенного любовника.

— Ну, а Джек Купер?

— А этот засранец скорее всего уже откинул копыта. Впрочем, мне и на него наплевать.

— А вы не знаете, как фамилия той девушки, у которой жил в те годы Артур? — попробовал нащупать нить Макгвайр.

Но Келлерман лишь рассмеялся.

— Да вы шутите над стариком, святой отец! Видите, сколько времени мне потребовалось, чтобы вообще вспомнить, кто такой этот Селигсон. А теперь вы еще хотите, чтобы я припомнил имя какой-то вшивой бабенки? Да я и слышал-то о ней всего пару раз краем уха.

Макгвайр поднялся с табурета.

— Ну да, конечно. Ведь столько воды уже утекло...— с пониманием кивнул он.

Келлерман лишь пожал плечами.

— Так вы уверены, что ничего больше не можете добавить к тому, что сказали? — на всякий случай спросил священник.

— Абсолютно уверен. Так же, как и в том, что мне сейчас очень нужно поправить здоровье укольчиком...

Макгвайр быстро написал в блокноте номер телефона, потом вырвал листок и протянул его Келлерману:

— Если вы вдруг вспомните еще что-нибудь — позвоните по этому телефону. Понимаете, для меня все это сейчас очень важно...

— С превеликим удовольствием, — улыбнулся Чарли. Макгвайр застегнул пальто.

— Еще раз спасибо за информацию, — сказал он, поворачиваясь к двери.

— Был счастлив помочь.

— Да, кстати, — вдруг спохватился Макгвайр. — А кем работал у вас этот Джек Купер?

— Старина Джек? Ну, часть времени он торчал за стойкой...

— А другую часть? — замер Макгвайр.

Келлерман снова закатился от смеха. Макгвайр застыл на месте, заинтригованный столь необычной реакцией на самый, казалось бы, невинный вопрос.

— Так что он еще делал у вас в клубе? — повторил священник.

Келлерман молча указал в угол, где стояла картонная обувная коробка, перевязанная крест-накрест бечевкой. Он попросил Макгвайра принести ее к нему на кровать и открыть. Внутри находилось, наверное, не меньше тысячи разных фотографий. Келлерман начал перебирать их, и священник невольно придвинулся ближе.

Неожиданно Чарли замер, вынул одно фото и, снова рассмеявшись, закрыл коробку. Теперь он держал в руках всего один снимок и внимательно всматривался в него, не переставая улыбаться.

— Все верно, сэр, — важно произнес он. — Вот это и есть Джек Купер. Так вам все еще интересно, чем он занимался в моем клубе, кроме коктейлей?..

Макгвайр кивнул. И тогда Келлерман вручил ему фотографию. Макгвайр осторожно взял ее в руки, а потом по-

дошел ближе к задернутому окну и при слабом свете, падающем через щель между шторами, попытался разглядеть ее.

Через несколько секунд он вновь повернулся к Келлерману. То, что он увидел на снимке, потрясло его до такой степени, что священник чуть не выронил фотографию. Сейчас он готов был кричать и биться головой о стену.

Ибо ему открылась страшная истина.

Глава двадцать вторая

Колеса неприметного черного седана буксовали в грязи, с трудом проталкивая машину вперед по разбитой колее старой проселочной дороги. Автомобиль трясло так, что отец Макгвайр несколько раз ударился головой о потолок. Рядом с ним сидел Бирок с напряженным и сосредоточенным выражением лица. В руках он держал фонарь и маленький блокнот. Кроме них, в машине ехали еще трое. Все были в черных костюмах, плащах и таких же шляпах. Небо затягивали густые мрачные тучи. Вокруг не было видно ни зги. Дорога шла по унылой заболоченной местности где-то в районе Вестчестера, недалеко от Нью-Йорка. Но за последние полчаса им не попалось ни одного жилья, ни одного дорожного указателя — довольно странное место для захоронения, организованного при содействии Главного судмедэксперта Нью-Йорка, давшего свое согласие на погребение жертвы убийства в этом районе. Но Бирок не мог ошибиться — он сумел проследить за криминалистами, и теперь был абсолютно уверен, что труп из компактора покойся именно здесь.

— Сколько нам еще ехать? — нервно спросил Макгвайр.

— Уже недалеко, — ответил шофер, взглянув на развернутую карту. — Мили три-четыре... Не больше десяти минут.

Макгвайр посмотрел на часы и кивнул. В тот же момент машина, дернувшись, въехала на более-менее сносный участок дороги, посыпанный крупным щебнем. Ямы и выбоины остались позади, водитель прибавил газу, и вскоре они подъехали к броду через неглубокую речку, за которым свернули к старой заброшенной мельнице. Как только они миновали ее, машина снова затормозила и, наконец, остановилась.

— Это там! — сказал Бирок, указывая пальцем в темноту за окном.

И тут все разглядели неподалеку высокий ржавый забор и мощные ворота, запертые на цепь с висячим замком. Вокруг не было ни души, все скрывала зловещая тьма. Макгвайр опустил стекло. В воздухе пахло гнилью, и тишина казалась напряженной еще оттого, что не было слышно ни привычных сверчков, ни шума, производимого ночными животными, вышедшими на охоту.

Немного подумав, шофер переставил машину под растущие неподалеку густые деревья, чтобы в случае чего ее не было заметно с дороги.

— Только не хлопайте громко дверьми! — предупредил Макгвайр. — И если надо будет что-то сказать, говорите шепотом.

Все пассажиры один за другим выбрались из автомобиля. Бирок открыл багажник, достал оттуда увесистый рюкзак, а потом включил фонарь и направил луч света на запертые ворота.

— Пошли, — тихо сказал Макгвайр.

Земля под ногами совсем раскисла от затяжных дождей, и на подошвы ночных путешественников тут же налипли огромные комья грязи. Подойдя к забору, Бирок остановился, вынул из рюкзака гигантские кусачки, перекусил ими цепь и открыл ворота. Он первым вошел внутрь и, когда все оказались на его стороне, снова закрыл створки ворот, повесив цепь таким образом, чтобы случайно проходящие мимо люди не сомневались, что все в порядке, и не могли заподозрить, что цепь уже перекушена.

Бирок зашагал впереди всей группы, ведя ее по темной аллее из старых могучих кленов. Кладбище сплошь заросло сорняками: здесь давно уже не ступала нога человека — никто больше не заботился об этих могилах, и они находились в полной заброшенности. На дорожках блестела раскисшая глина, а единственным источником света был здесь карманный фонарик Бирока.

Словак снова остановился и, достав блокнот, развернул его, сверяясь со схемой, которую начертил на днях, выслеживая похоронную бригаду из полицейского морга. Он показал схему Макгвайру, прочертив на ней пальцем остаток маршрута, а потом снова пошел вперед, безошибочно находя дорогу в хитроумном лабиринте кладбища. Остальные молча брели за ним, не обращая внимания на мрачные ряды поросших мхом надгробий и склепов.

Макгвайр шел в этой цепочке последним. Он проникся атмосферой торжественности и печали, которая обычно посещает людей в таких местах. Но остальные не чувствовали

ли никаких особых перемен в настроении, словно и не ведали вовсе, что им предстоит сейчас сделать.

— Мы правильно идем? — спросил священник, когда Бирок на секунду замешкался, а потом резко свернул, выбрав другую тропинку.

Тот коротко кивнул в ответ.

— Да, — чуть слышно буркнул словак.

Неожиданно он снова остановился, сошел с тропинки и присел возле камня, на котором стоял только кладбищенский номер и больше не было никаких надписей.

— Здесь, — сказал Бирок.

Макгвайр вытер рукавом взмокший лоб.

— Прекрасно, — прошептал он. — Начинайте.

Трое мужчин достали из рюкзака складные саперные лопатки и без дальнейших объяснений принялись копать землю в указанном месте.

— Из медицинской карточки следует, — тем временем тихо шептал Бирок священнику, — что у него в коленной чашечке после операции в 1962 году оставили металлический штифт, который удерживает ее на месте. Его должно быть видно. А еще у него характерный перелом четвертого правого ребра — там должен быть окостеневший ложный сустав.

Макгвайр кивнул.

Звук втыкающихся в землю лопат негромким шелестом разносился по кладбищу. Несколько минут мужчины работали без передышки, и наконец все услышали долгожданный звук — штыки лопат ударились о дерево.

— Есть! — радостно сообщил шофер, высовываясь из ямы.

Макгвайр заглянул внутрь вскрытой могилы. На глубине трех футов отчетливо виднелась деревянная крышка.

— Открывайте! — скомандовал он.

Мужчины подняли гроб и выставили его наружу, потом достали из рюкзака гвоздодеры и принялись один за другим вытаскивать из крышки кривые гвозди. Отец Макгвайр отступил немного назад, наблюдая за их работой. В голове его рождались звуки заунывного церковного хора, перед глазами мелькали огни свечей — все это всплыло из самых дальних уголков памяти, воскресившей перед ним обрывочные картины из какого-то голливудского фильма ужасов, который он видел давным-давно, в детстве, и сейчас почему-то вспомнил.

Наконец водитель и его помощники аккуратно сдвинули крышку гроба.

Макгвайр взглянул на грудю обожженной гниющей плоти, и тошнота волной подступила к самому горлу.

— Проверяйте,— велел он Бироку.

Тот сразу же ухватил труп за колено. Ключья обугленного мяса рассыпались у него на ладони. Он скривился, но не отступил, решив все же найти этот злосчастный металлический штифт.

Неожиданно высоко в небе прогремел гром.

— Что это? — испуганно вскрикнул Бирок, подняв глаза вверх.

— Тише! — шикнул на него священник, тоже с тревогой вглядываясь в темное небо.

Остальные невольно попятились и в ожидании грозы спрятались под старыми кленами. Макгвайр не стал ничего говорить им, а снова повернулся к Бироку.

— Быстрее! — громким шепотом произнес он.

Бирок снова запустил руку в гроб.

И опять над головой оглушительно грохнуло, заставив содрогнуться непрощенных гостей кладбища. Бирок испуганно прикрыл ладонью глаза. Но Макгвайр грубо схватил его за воротник и чуть не ткнул лицом в гроб.

— Если вы не в состоянии выполнить это, то отойдите, и я все сделаю сам! — рассердился он на словака.

— Простите, святой отец,— пробормотал насмерть перепуганный Бирок, пытаясь совладать с собой.

И тут хищный зигзаг молнии прорезал черное небо. Все сжалось, ожидая раската грома, но стояла полная тишина.

Бирок снова решительно ухватился за ногу трупа.

Неожиданно глаза Макгвайра обожгло ослепительным светом. В лицо пахнуло нестерпимым жаром. Края одежды священника задымились и стали обугливаться.

Молния угодила прямо в гроб, и он тут же запылал ярким пламенем. Бирок так и не успел отскочить, и в мгновение ока сгорел вместе с гробом, как клочок бумаги.

Чейзен знал, что они задумали, и не замедлил помешать отважным гробокопателям. Он никогда бы не позволил им исследовать злосчастный труп!..

— Господи! — закричал во весь голос отец Макгвайр, и ему ответил раскатистый гром.

Оставшиеся в живых со всех ног бросились к автомобилю. Потрясенный священник, почти ничего не видя перед собой, механически поплелся за ними по грязной скользкой тропинке к выходу с кладбища. Но он не успел: остальные оказались проворнее и, ловко прыгнув в автомобиль, тут же

тронулись с места, оставив его в полном одиночестве среди могил. Священник закричал что-то вслед машине, но его уже никто не слышал.

Небо хмурилось, гром продолжал греметь, а молнии то и дело заливали округу зловещим мертвенным светом. Макгвайр повернулся и, закрыв лицо руками, беспомощно скорчился от отчаяния и невыносимого ужаса.

Молнии стали сверкать с такой частотой, что казалось, будто все небо озарено их пугающим светом.

И вот раздался оглушительный взрыв, будто вся энергия бури соединилась в один поток — точно такой же, как тот, что безвозвратно унес монсеньора Франкино. И этот огненный бич обрушился с неба на мчащийся прочь от кладбища автомобиль, объяв его ослепительным пламенем. В ушах Макгвайра зазвенело от страшного грохота, и он замер с раскрытым ртом, наблюдая, как горящие куски металла разлетаются в разные стороны. И тут же, словно по волшебству, гром стих, и небо вновь потемнело. Гроза прошла так же внезапно, как началась. Вокруг воцарилась прежняя тишина, не нарушаемая ни одним посторонним звуком.

Священник, пошатываясь, вышел на дорогу. Он никак не мог прийти в себя и поверить, что его одного пощадили, оставив почему-то в живых.

Слезы ручьями текли по его лицу, клочья одежды развевались от слабого ветерка. Несколько секунд он постоял в растерянности, а потом решительно зашагал по грязной мокрой дороге, облизывая пересохшие губы и вытирая руками лицо в разводах копоти и красноватой глины. Макгвайр молился, чтобы быстрее настало утро.

Глава двадцать третья

— В дверь звонят, дорогой! — крикнула Фэй и, обвязав вокруг груди банное полотенце, уселась на диван. Она всего несколько минут назад вылезла из-под душа и не успела еще до конца обсохнуть. — Ты посмотришь, кто там?

— Где? — не совсем еще соображая, что происходит, спросил Бен, высовываясь из ванной.

— В дверь кто-то звонит, — нетерпеливо повторила Фэй.

Наконец он понял, в чем дело, на секунду скрылся за

дверью и тут же вышел, облаченный в длинный махровый халат.

— Я же предупреждал Сорренсона, чтобы он не приходил так рано! — проворчал Бен, поглядывая на большие настенные часы в спальне. — Еще и восьми нет.

Наконец он прошел через гостиную и из прихожей громко спросил:

— Кто там?

— Отец Макгвайр, — раздалось в ответ.

— Макгвайр? — словно не веря своим ушам, переспросил Бен, растерянно открывая дверь столь раннему визитеру.

— Доброе утро, Бен, — поздоровался священник. — Можно войти?

— Да, разумеется... — запинаясь, ответил тот. А потом отступил назад, с изумлением разглядывая священника.

Макгвайр оторвал окровавленные руки от дверного косяка и нетвердой походкой вошел в квартиру. Ботинки его были облеплены комьями глины, лицо вымазано в грязи и перепачкано кровью. От одежды пахло горелым.

— Где ребенок? — хрипло спросил он, проходя в гостиную.

— В спальне, — недоуменно ответил Бен.

— И Фэй тоже там?

— Ну да...

— Пусть они придут сюда.

— Да что с вами стряслось, святой отец? — все еще колеблясь, взволнованно спросил Бен.

— Делайте, что вам говорят!

Бен только пожал плечами и скрылся за дверью, через несколько секунд появившись вместе с Фэй и маленьким Джои.

— Отец Макгвайр! — схватилась за сердце Фэй, как только увидела, в каком состоянии нагрянул к ним ранний гость. Она кинулась к священнику и начала обнимать его, не обращая внимания на запекшуюся кровь и комья грязи. Судя по всему, Бен успел уже предупредить ее, что с их другом, вероятно, что-то случилось. — О, я так рада вас видеть!.. Я даже поссорилась недавно с Беном из-за того, что он не дал мне поговорить с вами, когда вы ему звонили. Ну а теперь... — Она молча разглядывала священника, пораженная его видом. — Мне лишь остается надеяться, что с вами все в порядке...

Макгвайр взял ее за руку и отвел к дивану.

— Присядьте сюда, пожалуйста. Я хочу поговорить с вами и с Беном.

Фэй нервно облизала губы.

— Конечно, святой отец. Говорите же!..

— Несколько дней назад,— начал Макгвайр, не сводя глаз с Бена,— я спрашивал вас о Джои.— С этими словами он взял малыша у Фэй, поцеловал его в щеку и нежно погладил по взбившимся светлым волосам, приводя их в порядок.— Так вы и сейчас будете настаивать на том, что он родился в клинике пресвитерианской церкви в Нью-Йорке?

— А в чем, собственно, дело? — заволновалась Фэй.

— Так или нет? — продолжал давить Макгвайр.

Бен кивнул.

— Все верно,— подтвердил он.

Тогда Макгвайр повернулся к Фэй.

— Теперь я хочу спросить вас. Где родился ваш сын, миссис Бэрдет?

— Бен же сказал... В клинике пресвитерианской церкви,— повторила она слова мужа.

Макгвайр подошел к дивану и приблизил личико ребенка сначала к Фэй, потом к Бену. Он наслаждался сейчас недоумением Бэрдетов. Потом вернул малыша матери.

— Никакого сходства с вами, вам так не кажется? — ухмыльнулся священник.

— Я не понимаю, на что вы намекаете,— огрызнулась Фэй,— но сходство здесь, по-моему, бесспорное. Он же моя копия! А носик — совсем как у отца.

Макгвайр лишь горько усмехнулся.

— Да, носик, вероятно, и в самом деле, как у его отца... Но только совсем не как у Бена. А если он в чем-то и напоминает вас, то это сходство чисто случайное. Ну, может быть, теперь вы заговорите наконец? — Наступила пауза.— Ну, хорошо... Если вы предпочитаете слушать меня, так слушайте: ребенок родился в штате Массачусетс. Его настоящая мать живет сейчас в Нью-Гемпшире, а отец где-то в средних штатах. Вы усыновили этого ребенка! Фэй, вы никогда не были беременны. Ваша беременность — это сплошная фальшь и уловка перед соседями. У вас никто никогда не рождался. Да попросту и не мог родиться!

Макгвайр сглотнул, ощущая, как страх начал волнами закрадываться в душу. Теперь ему приходилось прилагать изрядные усилия, чтобы голос не дрожал и на лице сохранялось спокойствие и уверенность. В эту кварти-

ру он пришел, обуреваемый весьма противоречивыми чувствами, но и это должно было остаться не замеченным супругами.

Фэй прижала к себе ребенка, Бен подошел к ней и нежно обнял ее за плечи.

— Ну и что? — запальчиво произнес он. — Допустим, ребенок был усыновлен, так в чем же тут преступление? И какая кому разница, в конце концов?

— Какая разница? — вскипел Макгвайр, чувствуя, что жилы на шее вздулись и натянуты теперь, как веревки. — У Фэй Бэрдет не могло быть детей вообще! Потому что на самом деле она — мужчина. Мужчина, имя которого раньше было Джек Купер — трансвестит и имитатор женщин. Быть может, самый изощренный в своем богомерзком искусстве...

С этими словами Макгвайр швырнул на колени Фэй фотографию, которую ему любезно подарил Чарли Келлерман.

— Посмотрите лучше сюда!

Фэй мельком взглянула на карточку.

— Это Джек Купер, который носит сейчас имя Фэй Бэрдет. Здесь он снят в женской одежде перед выходом на сцену клуба «Суарэ» в 1966 году.

Бен уставился на священника. На лице его смешались ненависть и страх.

— Так вот, Джек Купер и есть Фэй Бэрдет! — повторил священник, приближаясь к Бену вплотную. — Теперь вы не станете отрицать этого?

— Если бы об этом стало известно, у нас бы отобрали ребенка! — в отчаянии выкрикнула Фэй.

— Так вы еще отрицаете? — грозно сдвинул брови Макгвайр.

— Нет, — беспомощно произнес Бен.

— Итак, вы встретились в «Суарэ» в 1966 году. Бен назвался Артуром Селигсоном — он всегда прикрывался этим псевдонимом, когда посещал бары для гомосексуалистов, чтобы не выдать себя в другой жизни, где у него была девушка. Вы стали проводить вместе время. Сначала это было просто дружеские встречи, но постепенно ваша дружба переросла в нечто большее. Джек при этом продолжал работать в клубе барменом и выступать на сцене как трансвестит. Через год Артур Селигсон исчез неизвестно куда, ну, а после него, разумеется, уволился и Джек Купер. — Тут он схватил Бена за руку. — Так вот вы и есть

Артур Селигсон. А вы,— он повернулся к Фэй,— Джек Купер! По крайней мере так было раньше.

Бен стоял, боясь пошевелиться. Он был бледен как смерть. Теперь их тайна была раскрыта. Конечно, они предполагали, что рано или поздно это произойдет, и Бен был готов к разоблачению в любую минуту. Он повернулся к священнику и заговорил:

— Ну, хорошо. Пусть вам все стало известно. Да, Фэй действительно была когда-то Джеком Купером. И мы усыновили ребенка. Но ведь Фэй — настоящая женщина в душе! И так было всегда... Так что же вы намерены теперь сделать — объявить всему миру, что мы голубые?.. Но ведь если бы это стало известно властям, нам никогда не разрешили бы усыновить Джои, а если станет известно теперь — у нас отнимут нашего мальчика. Святой отец, кому нужна ваша правда? Ведь все эти годы мы были так счастливы!.. Фэй — моя настоящая жена. И мы воспитаем Джои ничуть не хуже, чем любые другие родители. И он вырастет хорошим парнем, безо всяких отклонений. Ну какая вам разница, кто есть кто?..

— Ах, какая разница?! — взревел священник, отступая назад.— Да кроме того, что вы все эти годы грешили против Господа Бога, ваше вероломство и ложь чуть не поставили под угрозу существование всего человечества!.. Еще немного — и погасла бы последняя искра надежды! Хорошо еще, что Бирок успел помочь мне и выяснить истину, царство ему небесное.

— Бирок?.. — чуть слышно повторил Бен.

— Труп в компакторе, как вы помните, был мужской,— продолжал священник.— И поэтому мы с Франкино справедливо решили, что Чейзен принял вид того самого мужчины, которого он убил. А когда при помощи Стража мы выяснили, что Чейзен находится здесь, на десятом этаже, круг подозреваемых сузился до предела. Значит, он мог превратиться только в Сорренсона, Дженкинса, Батилля, Макса Вудбриджа или в Бена Бэрдета! Но, попавшись на вашу удочку, мы не учли, что Фэй — тоже мужчина, тем более что Чейзен так талантливо разыграл чуть позже сцену изнасилования в подвале, после которой, если и были еще какие-то подозрения, они сразу рассеялись.— С этими словами Макгвайр подошел к Фэй, которая все это время наблюдала за ним с совершенно бесстрастным лицом.— Так вот, настоящая Фэй Бэрдет — или Джек Купер, если угодно,— и была убита тогда в подвале Чарльзом Чейзенем. Именно ее тело там и нашли!

А вот душа ее отлетела прямиком в ад, чтобы присоединиться там к легионам Сатаны, которым она должна была, по нашему замыслу, противостоять. Так что вы и есть Чарльз Чейзен! — закончил священник, обращаясь к Фэй. — Вы — Сатана! — Он выждал несколько секунд, а потом гневно указал на Фэй пальцем. — И я проклинаю тебя! Я проклинаю каждый миг твоего презренного существования! Ты — наказание и бич человечества! Ты приносишь одни несчастья и бедствия! Ты — мерзкое, гнусное и подлое исчадьё ада! Будь же ты проклят во веки веков!

Фэй ничего ему не ответила. Более того, она вообще никак не отреагировала на тираду священника, неподвижно сидя перед ним на диване.

В наступившей тишине Бену показалось, что каминные часы стали тикать как-то особенно громко. И снова отец Макгвайр осыпал проклятиями то существо, которое приняло форму его жены.

Бен встал между ними и взял Фэй за руку. На лице его выступили капли пота. «Неужели это правда? — переспрашивал он себя. — Наверное...»

— Это так? — просто спросил он, с ненавистью глядя на восковое лицо Фэй с безразличными пустыми глазами.

Но она отдернула руку и повернулась к священнику.

— Проклинаю тебя! — еще раз выкрикнул отец Макгвайр.

И тут Фэй с такой силой расхохоталась, что в серванте зазвенела посуда. Ребенок заплакал и стал давиться слезами. Но Фэй направилась не к нему, а к мужчинам, продолжая громогласно смеяться. Лицо ее стало на глазах искажаться, как расплавленный воск, принимая самые разнобразные очертания. В воздухе запахло серой, а потом Бену почудилось, что совсем рядом что-то сильно гниет.

— Фэй! — иступленно закричал он. Но теперь уже он обращался не к тому существу, что находилось сейчас у него в квартире... Он вспомнил свою настоящую Фэй, погибшую в подвале, и, упав на колени, в отчаянии закрыл лицо руками.

Теперь стало меняться и само тело Чейзена, еще недавно имевшее форму Фэй. Кожа сделалась тонкой и хрупкой, начала трескаться, и через минуту перед ними стоял уже сам Чарльз Чейзен в том виде, как его встретил Франкино в старом особняке пятнадцать лет назад.

Неизвестно откуда налетел ветер, сметая все на своем пути, поднимая в воздух бумаги и опустошая пепельницы...

Со стен попадали картины, но ветер не утихал. Макгвайр схватился за решетку камина, чтобы устоять на ногах. Бен накрыл своим телом малыша.

Чейзен не переставал дико хохотать и, стоя в дверях, упивался произведенным эффектом.

Свет померк. В квартире царил хаос, повсюду валялась перевернутая мебель. Наконец Бен и Макгвайр отважились посмотреть на Чейзена. Он стоял, опершись о стену. И вдруг начал таять в воздухе и исчез. Вместе с этим прекратилась и буря. Наступила полная тишина, словно ветра не было и в помине.

Бен начал укачивать ребенка, стараясь успокоить его и бормоча какую-то незатейливую песенку. Малыш все еще сильно дрожал.

— Бен,— укоризненно произнес отец Макгвайр.— Все это произошло только из-за вас. Вы виноваты в том, что у вас не осталось теперь времени, чтобы справиться с Чарльзом Чейзеном.

— Да к черту вашего Чейзена! — разозлился Бен.— Плевать мне на него! И на все, что у вас тут творится!..

— Вы лжете самому себе, Бен,— покачал головой священник.

— Да идите вы!..

— Вам не может быть безразлично все это, если вы, конечно, еще верите в Бога и продолжаете любить Его,— терпеливо увещевал Макгвайр.

— Да никакого Бога не существует! — отрезал Бен.

— И Сатаны, выходит, тоже? Не обманывайте себя, Бен. Вы же только что видели его своими глазами. И смею вас уверить, что Бог тоже существует так же реально,— продолжал священник.

— Фэй умерла! И если она должна была стать вашим Стражем, то теперь никакого Стража больше не будет! — в отчаянии прокричал Бен, с трудом сдерживая подступающие рыдания.

Макгвайр подошел к нему ближе.

— Но у вас ведь остался сын... И надо дать ему возможность прожить хорошую, достойную жизнь. А у него есть такой шанс... Вы же не станете лишать своего ребенка полноценной жизни?.. Так что альтернатива еще остается...

— Что? — не понял Бэрдет.

— Все, о чем мы говорили раньше, остается в силе. Только вы должны полностью довериться мне.

— Я уже пробовал довериться Франкино.

— Я не Франкино,— напомнил священник.— И к тому же, у вас просто нет теперь другого выбора. Теперь вы должны выслушать меня и сделать так, как я скажу.

Бен молча смотрел на него.

— Завтра в полночь вы должны прийти в эту квартиру,— давал указания Макгвайр.— А сейчас вы уйдите отсюда вместе со мной. Найдите другое место, где можно было бы переночевать. Ребенка немедленно отправьте к родственникам. А завтра к полуночи — снова сюда. Вам все понятно?

— Да...— неуверенно ответил Бен.— Но только вы должны объяснить, зачем все это нужно. Какие на то причины?

Макгвайр недобро сузил глаза.

— Причины? — переспросил он.— Если вы не явитесь сюда и если до вас не успеет добраться Сатана, то доберусь я и лично уничтожу вас. И вас, и вашего сына! Вот какие причины! — закричал он.— Теперь, я надеюсь, вам все понятно?

Бен застыл от изумления с разинутым ртом, но потом все же медленно кивнул.

— Ну и прекрасно,— вздохнул Макгвайр и указал Бену на выход.

Глава двадцать четвертая

Сны в ту ночь быстро сменяли один другой, словно узоры в калейдоскопе. Несколько раз он просыпался и вертелся в постели, пытаясь стряхнуть с себя наползающую пелену ужаса и найти ответы на многочисленные вопросы насчет прошлого Бена Бэрдета, которые так и остались неразрешенными после гибели Бирока. Священник был убежден, что словак работал на совесть и подробно выяснил всю хронологию жизни Бена, но это только лишний раз доказывало, какую роковую ошибку совершил Франкино. Но почему все так получилось?.. Ведь Франкино был не из тех, кто мог настолько грубо ошибиться. Неужели все, над чем он так тщательно трудился, оказалось ненужным и в корне неправильным? Ведь должен же где-то крыться недостающий элемент — пропавшее звено в цепочке... А именно попытка самоубийства, из-за которой, собственно, Бен и был избран на роль следующего Стража. Вопросы казались особенно сложными еще из-за того, что сейчас была глубокая ночь и в сознании

все еще жили страшные образы тех событий, свидетелем которых Макгвайр стал этим утром на квартире Бэрдетов. Жуткая картина никак не выходила у него из головы — превращение хрупкой Фэй Бэрдет в самого Сатану.

* * *

Будильник прозвенел ровно в десять утра.

Отец Макгвайр одним прыжком выскочил из постели, наскоро принял душ, оделся и, выйдя из спального корпуса, перешел двор, очутившись у подъезда самой семинарии. Поднявшись на третий этаж, он подошел к своему кабинету, распахнул дверь и застыл на пороге. Внутри его ждали трое неизвестных.

— Доброе утро, святой отец, — поприветствовал Макгвайра сержант Уосо.

— Да-да... Доброе утро, — запинаясь, произнес священник. — Но простите, кто вы такие? И что здесь делаете?

Уосо поднялся из-за письменного стола Макгвайра и предъявил ему свой значок, а потом представил и двух других полицейских: ими оказались детективы Якобелли и Делламар. Затем, снова усевшись за стол, он предложил священнику располагаться поудобнее и не спешить, так как требовалось ответить на некоторые вопросы полиции.

Макгвайр, негодуя, плюхнулся в свободное кресло для посетителей.

— Что все это значит? — с вызовом обратился он к сержанту.

Уосо хладнокровно сунул в рот пластинку жевательной резинки.

— Убийство, — коротко пояснил он.

— Убийство?! — словно не веря своим ушам, переспросил священник.

— А разве вы никогда не слышали такого слова, святой отец? — саркастически усмехнулся сержант.

Макгвайр оглядел полицейских и, беспомощно покачав головой, прищурился от яркого света настольной лампы, которую Уосо направил ему прямо в глаза.

— И все же непонятно, почему вам потребовалось говорить именно со мной? — недоумевал священник.

Уосо вынул из кармана плаща фотографию и небрежно швырнул ее на стол.

— Это тело на карточке еще недавно принадлежало мистеру Гульельмо Франкино. Или монсеньору Франкино, как вы привыкли его называть,— заговорил сержант.— Несколько дней назад он выпал из окна десятого этажа дома номер 69 по 89-й улице. С первого взгляда это было похоже на самоубийство, хотя никто из нас наверняка не стал бы утверждать, что священники на такое способны, верно?.. А монсеньор Франкино, как сообщили мне в Управлении епархии, действительно был священником. Вы знали его? — вдруг спросил он Макгвайра.

Тот внимательно посмотрел на снимок. Неужели Бен уже успел рассказать что-то полиции?.. Маловероятно.

— Нет,— решительно заявил он.— К сожалению, этот человек мне не был знаком.

— Понятно,— самоуверенно кивнул Уосо, словно и ожидал услышать от Макгвайра именно такой ответ.— А вы знаете некоего Бена Бэрдета?

Макгвайр изо всех сил пытался не выказать своего нарастающего волнения и лишь отрицательно покачал головой.

— А Фэй Бэрдет? — не унимался сержант.

— Тоже нет.

— А кого-нибудь другого из этого дома?

— Никого. И я думаю, что вы сами знаете об этом не хуже меня,— теряя терпение, произнес Макгвайр.

— А вы точно ничего не запомнили, святой отец? — вкрадчивым голосом спросил Уосо, присаживаясь на край письменного стола.— Ну, хорошо. Тогда, может быть, вы знали бывшего детектива Гатца?

— Впервые слышу эту фамилию.

— А инспектора Бурштейна?

Макгвайр снова покачал головой.

Уосо рассмеялся.

— Послушайте, святой отец, вас когда-нибудь обвиняли во лжи?

Макгвайр выпрямился в кресле и с негодованием смерил взглядом сержанта.

— Никогда,— высокомерно заявил он.

— Какая жалость! Значит, мне придется стать первым, кто это сделает. Потому что у нас имеются веские доказательства того, что вы знаете всех, кого я только что перечислил. И не только знаете, но и принимали самое непосредственное участие в их судьбах. А ведь многие из них умерли... И не исключено, что вы активно содействовали тому, чтобы этих людей настигла смерть — я имею

в виду Гатца, Бурштейна и монсеньора Франкино. Святой отец, скажите, а разве в ту ночь, когда погиб Франкино, вас не было рядом с ним? — прищурился Уосо.

Макгвайр вскочил с кресла, гневно сверкая глазами.

— Я уже сказал вам, что не знал этого человека! — выкрикнул он.

— Да-да, я помню, — невозмутимо ответил Уосо и пристально поглядел на священника. — Но неужели у вас не было ссоры с монсеньором Франкино в ту ночь, когда он выпал из окна? Ведь Франкино собирался доложить о вашей не совсем христианской деятельности в Управление епархии. И тогда вы ударили его наконецником пожарного шланга по голове и оглушили. Ну, а дальше все ясно: вам пришлось выкинуть тело, имитировав его самоубийство.

Макгвайр чуть не задохнулся от негодования и снова стал утверждать, что никогда не слышал всех тех фамилий, которые только что перечислил ему сержант, и уж, конечно, никоим образом не мог находиться рядом с неизвестным ему Франкино в роковую ночь его гибели.

Уосо молча слушал, печально кивая головой, а потом вынул из кармана наручники и, передав их Якобелли, обратился к помощнику:

— Зачитайте ему права.

— Тут какая-то ошибка! — начиная впадать в панику, закричал Макгвайр.

— Простите меня, святой отец, — произнес Уосо. — Но вы арестованы.

— По какому же обвинению?

— По обвинению в убийстве монсеньора Франкино, — отчеканил Уосо.

— Но почему? Я же никогда в жизни...

— Приберегите дыхание для присяжных, — оборвал его сержант. — Вам придется еще многое объяснять. Дело в том, святой отец, что у нас теперь есть свидетель... К сожалению, этот человек долго скрывал от нас истину из-за опасения, что вы начнете его преследовать. То есть свидетель просто боялся вашего возмездия. Но он видел вас, когда вы той ночью спорили с Франкино в коридоре десятого этажа. Потом этот человек видел, как вы ударили монсеньора и выкинули его из окна. А чтобы всем стало ясно, что этот человек говорит правду, ему удалось сфотографировать вас в ту ночь. — С этими словами он снова полез в карман и вынул оттуда еще одну фотографию — качественный цветной снимок, на котором был запечатлен

Франкино, распростертый на полу в луже крови, и отец Макгвайр, стоящий над ним с металлическим наконечником пожарного шланга в руке.

Макгвайр сердито швырнул фотографию на стол.

— Это гнусная подделка! — решительно заявил он.

Все трое полицейских лишь рассмеялись ему в лицо, осуждающе покачивая головами. Потом Якобели зачитал священнику права арестованного с маленькой пластиковой карточки и торжественно надел на него наручники.

— Так скажите мне хотя бы, кто он — этот таинственный свидетель?! — потребовал Макгвайр, поняв, что сопротивление бесполезно.

— Это женщина, — ответил Уосо, подходя к двери кабинета и распахивая ее. — А зовут ее Фэй Бэрдет.

* * *

Уже несколько часов Макгвайра мучила страшная головная боль. Кровь стучала в висках так, что это заглушало все остальные чувства. Боль началась сразу после ареста и с ходом времени лишь усиливалась. Священник находился сейчас в тесной камере в одном из центральных полицейских участков, на втором этаже с длинным коридором, вдоль которого по обе стороны располагались еще десятки таких же камер для арестованных.

Теперь у него не осталось никакого выбора. Только ждать, что произойдет дальше. Перед тем, как его заперли здесь, Макгвайру удалось все же дозвониться в Управление епархии и наскоро переговорить с отцом Теппером, объяснив ему ситуацию. Теппер посоветовал ему сохранять спокойствие и обещал, что постарается выручить его или по крайней мере забрать пока под залог... Но до сих пор никто еще не приехал, чтобы освободить Макгвайра, а было уже семь вечера. Однако священник не терял присутствия духа. Кто-то обязательно должен был объявиться, ведь сегодня в полночь произойдет смена Стража.

Внезапно Макгвайру захотелось горько расплакаться, чтобы снять нечеловеческое напряжение нервов. Да только какой от этого прок? Все равно его никто не услышит... В камере вместе с ним находился еще один человек — дряхлый высохший старичок, который, видимо, потерял уже всякую надежду на освобождение и теперь неподвижно лежал на тюремной койке. Поделиться своим несчастьем Макгвайру было абсолютно не с кем. Только сам свя-

щенник мог осознать, как ловко действовал Чейзен, приняв снова вид Фэй и представив полиции фотографию его и Франкино в момент урагана в холле десятого этажа. Таким образом, он отключил священника от участия во всех дальнейших событиях.

В восемь вечера Макгвайр снова связался с Управлением епархии и попросил к телефону отца Теппера, но ему ответили, что тот куда-то уехал. Затем священник попытался переговорить еще с кем-нибудь из руководства, но в здании Управления к этому часу никого уже не было. Тогда он дозвонился до резиденции самого архиепископа, но и там ответили, что его нет сейчас в городе и придется перезвонить утром, когда на месте будут все его заместители.

Макгвайр вернулся в свою камеру и в отчаянии рухнул на койку. Головная боль не утихала. Он лежал на спине с открытыми глазами, чувствуя, что воля его начинает слабеть. Сосед-старик по-прежнему мирно спал. До Макгвайра доносились голоса заключенных из других камер, кто-то насвистывал рядом простенькую мелодию. Через каждые десять — пятнадцать минут в коридоре появлялся тучный охранник, проверяющий, все ли у арестованных в порядке. После своего шестого обхода охранник с сожалением посмотрел на часы. Было еще всего девять вечера... Небо за окнами потемнело, но из Управления так никто и не приезжал. Теряя терпение, Макгвайр вскочил с койки и нервно зашагал взад-вперед по камере, чувствуя, как тревожно бьется сердце в груди. И вдруг дверь камеры распахнулась, и на пороге появился все тот же тучный охранник.

— Ваш адвокат прибыл, — сообщил он, ткнув в Макгвайра указательным пальцем.

— Мой адвокат? — изумился тот.

Охранник вышел в коридор. Макгвайр присел на койку, посмотрев сначала на спящего старика, а потом на часы. Но через несколько секунд он опять вскочил, не в силах сдержать своего нетерпения и прислушиваясь к гулким шагам в коридоре за дверью.

Наконец дверь открылась, и в камеру вошел Ральф Дженкинс.

— Пожалуйста, присядьте, — попросил он священника, непринужденно снимая шляпу.

Макгвайр был поражен, увидев его. «Что может делать здесь Дженкинс?» — удивлялся он.

— Меня попросили помочь вам,— начал Дженкинс.— Я думаю, вам известно, кто я такой?..

— Конечно,— ответил Макгвайр.— Вы Ральф Дженкинс.

Тот кивнул и загадочно улыбнулся.

— Ну, хорошо, сейчас сойдет и Ральф Дженкинс,— ответил он.— Я помогу вам выбраться отсюда до полуночи.

— Это каким же образом? — не переставал удивляться Макгвайр.

Дженкинс нахмурился.

— Видите ли, наше предложение отпустить вас под залог в восемьсот тысяч долларов было пока отклонено до предъявления вам обвинения. А это может произойти только завтра утром.

— Но это же будет...

— Слишком поздно, вы хотели сказать? — прервал его Дженкинс, проницательно улыбаясь.— Я знаю.

— Так что же мне делать? — разволновался священник.

— Мы уже кое-что придумали,— уклончиво ответил Дженкинс.

— Что именно? — не отступал Макгвайр.

Дженкинс осторожно выглянул через дверной глазок— в коридоре было пусто. Тогда он с опаской покосился на старика, но Макгвайр тут же успокоил его, уверив, что тот давно уже спит и ничего не слышит.

— Мы вам устроим побег,— прошептал Дженкинс.

— Но это невозможно! — опешил Макгвайр.— Вы, наверное, шутите!..

— Сохраняйте полное спокойствие и невозмутимость,— посоветовал Дженкинс.— И не задавайте лишних вопросов

Макгвайр постарался изобразить на лице самое нейтральное выражение. Пожелав ему еще раз оставаться спокойным, Дженкинс подозвал охранника, который и выпустил его из камеры.

— Вы обо всем переговорили? — спросил охранник.

— Да,— кивнул Дженкинс и, выходя в коридор, еще раз оглянулся на Макгвайра.— Увидимся утром, святой отец.

Охранник запер за ним дверь.

— Спасибо вам, мистер Дженкинс,— пробормотал священник, так и не поняв, что за план созрел в голове этого типа.

Через несколько секунд он услышал, как закрыли и главную дверь всего отсека из десяти камер. Макгвайр снял наручные часы и положил их на подушку так, чтобы постоянно можно было следить за временем. А потом устал прислонил голову к холодной каменной стене и приготовился ждать.

* * *

Взрыв, раздавшийся где-то снизу, оглушил священника и заставил стены камеры содрогнуться. Макгвайр упал с койки и беспомощно ухватился за ее ножку. Все здание продолжало дрожать. «Скорее всего, взорвалось что-то в подвале», — решил священник. Запах гари быстро распространился по лестницам и вскоре достиг их этажа. Из отдушины в потолке камеры полетела черная зола. Среди арестованных началась паника, слышались испуганные крики, кто-то колотил в двери стульями в надежде сломать замки и вырваться из этого ада. Старик-сосед наконец проснулся и теперь истошным голосом звал на помощь охрану.

Макгвайр сорвал с подушки наволочку и, сложив ее вчетверо, прижал к лицу, чтобы в легкие не попадал дым.

— Мы все здесьдохнем! — истерично кричал старик, а потом приблизился к Макгвайру и начал трясти его, словно ждал от священника какой-то помощи.

— Никто тут не умрет, — успокоил его священник, осторожно отстраняя от себя.

В здании завывала сирена.

Раздался второй взрыв, и Макгвайр рухнул на пол, увлекая за собой старика.

— Ложитесь! — приказал он. — Здесь меньше дыма.

Старичок послушно кивнул, испуганно озираясь по сторонам

Макгвайру не оставалось ничего другого, как только ждать, чем закончится весь этот шум. Крики усиливались. Может быть, это сработал хитроумный план Дженкинса, и такой ценой его решили вырвать на свободу?.. Но нет, это казалось священнику невозможным. Неужели церковь могла пойти на такое?.. Ведь в опасности теперь жизни многих людей! Неужели это допустимо для спасения одного-единственного человека? Вряд ли. И все же... если он не выйдет сейчас из тюрьмы, то вообще все человечество столкнется с угрозой полного вымирания. Он сильнее прижал

наволочку к лицу и начал молиться. А потом посмотрел на часы, с ужасом отметив, что уже без двадцати одиннадцатых. Макгвайр догадывался, что все служащие давно уже покинули здание, оставив арестованных на произвол судьбы.

Неожиданно в коридоре раздались громкие шаги. Закашлявшись, он подбежал к двери и выглянул в глазок. Два охранника в противогазах бежали по коридору, на ходу открывая камеры и освобождая заключенных. Арестанты тут же выскакивали из своих клетушек и со всех ног бежали к выходу, чтобы не задохнуться от дыма.

Тучный охранник отпер камеру, в которой томился Макгвайр, и выкрикнул:

— Уходите!

— Пошли! — велел священник старику, подхватывая его под руку и помогая встать на ноги.

Спотыкаясь, они вышли из камеры. В коридоре дыма было гораздо меньше, но все равно чувствовалось, что опасность близка. Охранник успел сообщить им, что в подвале взорвались котлы и на первом этаже уже свирепствует огонь, который через вентиляцию проникает и во все остальные помещения. Пожар распространялся с ужасающей быстротой.

— Как же нам теперь быть? — спросил перепуганный старичок.

— Бегом вниз по лестнице! — заорал охранник.

Старик посмотрел вперед и увидел, что сама лестница уже тоже охвачена пламенем.

— Но там огонь! — в отчаянии закричал он.

Охранник что есть силы толкнул его вперед.

— Больше выхода нет! Бегите!

— Нет! — завопил старик.

— И молитесь. — добавил охранник.

Старик ухватил полицейского за ногу, но тот с силой пнул его, и бедняга покатился вниз по ступенькам. Макгвайр было кинулся ему на помощь, но охранник преградил священнику путь.

— Но он же погибнет! — закричал Макгвайр.

— Что поделать! — С этими словами охранник вынул пистолет и приставил его к виску священника. — Если ты сделаешь хоть один шаг вниз, я тебе мозги вышибу, — пригрозил он.

Макгвайр еще раз глянул на лестницу. Огонь уже лизал стены. Краска на потолке вздулась пузырями.

— Надо убираться отсюда! — кричал полицейский сквозь треск и рев пламени. — Только другим путем.

— Но как? — в отчаянии спросил Макгвайр, вцепившись в руку охранника, и с ужасом оглядываясь на лестницу, где в огне исчез несчастный старик.

— Заткнись! — рявкнул полицейский, ухватил Макгвайра за воротник и поволок назад в камеру.

— Вы что, с ума сошли? — опешил священник.

— Заткнись! — снова крикнул на него полицейский.

— Мы же здесь оба погибнем! — не унимался Макгвайр.

Достигнув камеры, охранник вынул из-за пояса второй противогаз и напялил его священнику на голову, а потом потащил его к черному ходу, который раньше всегда был заперт. Достав ключ, он открыл скрипучую дверь.

За дверью оказалась еще одна лестница. Дыма и огня здесь уже не было. Охранник подтолкнул Макгвайра вниз, и тот не заставил себя долго упрашивать. Однако, одолев мигом целый пролет, он все же остановился и оглянулся. Но полицейского уже и след простыл, а дверь, через которую они проникли сюда, была снова закрыта и, очевидно, заперта на замок. Не имея особого выбора, Макгвайр зашпешил вниз. На первом этаже дверь тоже оказалась закрытой, и ему пришлось какое-то время повозиться с раскалившимся засовом, прежде чем он смог отодвинуть его. Толкнув дверь, Макгвайр очутился на свободе и увидел перед собой темный переулок, расположенный позади полицейского участка. Он огляделся. Все здание было объято пламенем. Куски дерева и бетона сыпались сверху на тротуар, и даже другая сторона переулка была изрядно завалена обгоревшими обломками. В фундаменте здания зияли огромные дыры.

Переулок вел к воротам какого-то предприятия, а другой его конец терялся в темноте проходных дворов.

Макгвайр кинулся в противоположную от участка сторону, все еще кашляя и задыхаясь от дыма, которого порядком успел наглотаться. Позади завывали сирены подехавших пожарных машин. А впереди ждала темнота.

Пробежав несколько сот футов, он хотел было остановиться и перевести дух, но тут из подворотни кто-то выскочил на дорогу, и его уволокли в сторону. Здесь перед священником предстали трое. Одним из них оказался Ральф Дженкинс. Во втором Макгвайр сразу же узнал

отца Теппера. А третьего он никогда не видел, но этот неизвестный тут же достал из-под полы пальто кислородный баллон и дал ему подышать. Через несколько секунд он убрал кислород. К этому времени Макгвайр почти уже полностью пришел в себя.

— Так это вы взорвали полицию? — с негодованием закричал он.

Дженкинс кивнул.

— Но ведь там погибла уйма народу!

— Мы молились, чтобы этого не случилось, — просто ответил на это обвинение Дженкинс.

Макгвайр снова закашлялся, и теперь уже Дженкинс поднес ему ко рту баллон с кислородом. Потом он взял священника под руку и подвел к лестнице, выходящей на соседнюю улицу.

— Прошу вас следовать за мной, святой отец, — сказал он и увлек его за собой.

Глава двадцать пятая

— Но кто вы такой? — недоуменно спросил Макгвайр.

— Ваш друг, — коротко ответил Дженкинс.

Отец Теппер сидел в машине рядом с водителем и внимательно следил за дорогой. Добираться приходилось окольным путем. Теппер нервно посмотрел на часы.

— Одиннадцать двадцать, — взволнованно сообщил он.

— Мы высадим вас на перекрестке 85-й улицы и Амстердам-авеню, — заговорил Дженкинс, вглядываясь в измученное лицо Макгвайра.

Через несколько секунд автомобиль уже мчался по прямой к указанному месту.

— Вы так и не ответили на мой вопрос, — напомнил Макгвайр.

— Сейчас не время для вопросов и ответов, — отозвался Дженкинс. — Вы знаете, что вам предстоит скоро сделать... В тот момент, когда сестра Тереза соединится с Господом, ее место должен занять отец Беллофонтэн. И это в любом случае должно свершиться, что бы вам ни открылось в последний момент.

Макгвайр кивнул, уставившись в окошко автомобиля. Разумеется, его уже не особенно волновало, кто на самом деле такой этот Дженкинс. Сейчас в его жизни судьбы других людей занимали куда более важное место. Сестра Те-

реза... Отец Беллофонтэн... Бен Бэрдет. И наконец, Чарльз Чейзен! И сам Макгвайр должен был участвовать в перевоплощении простого смертного человека в ангела Божьего на Земле.

Священник тяжело дышал, собирая всю свою отвагу и мужество. Он тщательно перебирал в памяти все, что могло ему сейчас пригодиться: все знания, которые передал ему отец Теппер, то, что он самостоятельно узнал из книг. Макгвайр прекрасно понимал огромную значимость предстоящего события. Ведь отец Беллофонтэн станет не просто пешкой в руках Господа, он будет его главным оружием в этом мире.

— Приехали,— неожиданно сказал Дженкинс и, наклонившись вперед, слегка постучал водителя по плечу.

Тот сразу же затормозил, и машина остановилась у водоразборной колонки.

Дженкинс открыл дверцу и вышел из автомобиля. Макгвайр последовал его примеру.

— Да пребудет с вами благодать Господа,— напутствовал его Дженкинс и крепко обнял на прощанье.

— И да буду я достоин Его любви,— смиренно ответил Макгвайр.

Священник ступил на тротуар, а Дженкинс сел обратно в машину. Водитель развернулся, и скоро автомобиль скрылся в темноте ночи.

Макгвайр подошел к углу Амстердам-авеню, что проходит южнее Колумбийского университета, и с тоской посмотрел в сторону длинного ряда унылых каменных зданий. К востоку до самого Центрального парка простирались дешевые жилые кварталы. Улицы были замусорены, повсюду валялись окурки, целлофановые пакеты и обрывки газет. В нескольких пивнушках еще горел свет и внутри было довольно оживленно. Но большинство витрин уже погасло — магазины закрылись на ночь. Вдали прямо по проезжей части шла какая-то развеселая компания, машин на улице почти не было.

Макгвайр застегнул пальто — становилось уже довольно холодно — и направился вперед, пытаясь отогнать от себя пугающие образы Чарльза Чейзена, которые рисовало ему сейчас непослушное воображение. На лбу выступила испарина, ноги едва волочились. Позади оставался квартал за кварталом, и довольно скоро Макгвайру начало казаться, что он потерял ощущение времени и пространства. На каждом перекрестке он внимательно читал названия улиц,

желая понять, где он сейчас находится и сколько еще осталось пройти. И вдруг, неожиданно для самого себя, он очутился на стройплощадке собора святого Симона. Священник механически поднял вверх голову и увидел в окне десятого этажа четкий силуэт сестры Терезы. Она ждала.

Перейдя улицу, Макгвайр обошел дом вокруг и приблизился к двери черного хода, которую после смерти Франкино по настоянию управляющего всегда теперь держали запертой. Священник достал из кармана ключ, открыл замок и исчез в темноте подвального коридора.

В полном одиночестве он доехал на лифте до десятого этажа, но уже в кабине его охватило тревожное чувство, что он отсюда никогда не выберется. Наконец лифт остановился, и двери, словно сжалившись над ним, раздвинулись, выпуская священника в холл.

Внимательно оглядевшись, он сразу почувствовал разлитую в воздухе смертельную угрозу. Чейзен был где-то рядом. Но скоро все это должно кончиться... И теперь лишь ожидание близкой развязки поддерживало душевные силы Макгвайра.

Открыв квартиру Бэрдетов ключом, который недавно выделил ему для этой цели ныне покойный Бирок, Макгвайр вошел внутрь. Немного выждав, он зажег верхний свет.

— Бен! — позвал священник, вытирая вспотевшие ладони о пальто.

Но никакого ответа не последовало, только громко тикали каминные часы.

Он снова позвал Бэрдета, а потом тщательно осмотрел всю квартиру, надеясь найти его где-нибудь задремавшим.

Но Бена в квартире не было.

Что же произошло?.. Ведь Бен обязательно должен был находиться сейчас в своей квартире.

Если и не по собственному желанию, то так должен был сделать сам Господь Бог!

Отец Макгвайр с тревогой взглянул на часы: до полночи оставалось всего двадцать минут.

Вероятно, произошло что-то непредвиденное...

* * *

После минутного колебания бармен налил еще кружку пива.

— Мне кажется, на сегодня вам уже хватит, — недоволь-

но пробормотал он и нахмурил брови за толстыми стеклами бифокальных очков в дорогой роговой оправе.

Но Бен лишь тряхнул головой и попытался пошире раскрыть глаза. Веки его уже слипались.

— Со мной все в порядке, — произнес он и тут же громко икнул, разглядывая свое отражение в зеркале, висящем за стойкой бара.

— Это точно? — засомневался бармен. — Конечно, если вы уверены в своих силах и чувствуете себя хорошо, то и слава Богу. Я ничего не имею против, лишь бы мои посетители не падали пьяными прямо здесь.

Бен рассмеялся, поднял кружку и шумно отхлебнул пару глотков.

— Да я еще не успел и разогреться как следует, — с улыбкой сообщил он и опять икнул. Бармен представлялся ему в виде большого расплывчатого пятна, а все остальное вокруг выглядело, как на абстрактном полотне Шагала, и Бену становилось все труднее определить, где же тут находятся стулья, столики и, собственно, посетители.

— А вы меня помните? — снова обратился он к бармену, слегка склонив голову набок.

Бармен задумался, потом повернул голову, услышав, как его окликнул другой клиент, и пожал плечами.

— Ну как же! — обиделся Бен. — Должны вспомнить!

Бармен быстро налил кружку пива и отнес ее к столику, за которым скучал одинокий старик. Сейчас, кроме Бена, в кабачке осталось всего шесть посетителей. Вернувшись за стойку, бармен снова пожал плечами.

— Простите, но я вас не помню, — честно признался он.

— Но я же приходил сюда днем. Пару недель назад, — заплетающимся языком пытался доказать что-то Бен. — С детективом. Его фамилия Гатц.

— К сожалению, я работаю здесь только по ночам, — объяснил бармен.

— А ваше лицо мне почему-то очень знакомо, — не отставал Бэрдет. — Вы меня не обманываете? Вас тогда точно здесь не было?

Бармен вздохнул, глядя одним глазом на экран телевизора, и принялся мыть кружки.

— А тот полицейский, с которым я приходил, уже умер, — сообщил Бен, засовывая в рот сигару. — Потому что его убили.

— Неужели? — усмехнулся бармен.

— Да... Именно убили,— подтвердил Бен.— И, кроме него, убито еще много людей.

— Послушайте,— начиная раздражаться, обратился к нему бармен.— Может быть, вам уже пора домой, в постельку?

Но Бен упрямо замотал головой.

— Выслушайте меня! Ведь теперь вся моя жизнь — коту под хвост...

И тут Бен неожиданно разрыдался. Бармен подошел к нему и участливо наклонился вперед.

— Ну, перестаньте. Если вам хочется поговорить, то вайте. Я готов выслушать вас. Все, что вы хотите сказать. Не стесняйтесь.

Бен утер глаза кулаком

— Погиб не только Гатц, но и священник. Его звали монсеньор Франкино. А потом еще один полицейский — инспектор Бурштейн. И моя жена.

Бармен недовольно поморщился, а потом, поправив очки, налил себе полную кружку пива.

— И вы можете все это доказать? — спросил он.

Бен кивнул и погладил рукой толстую кожаную папку, а потом расстегнул молнию и вынул оттуда здоровенное распятие. Теперь он всегда носил его с собой, куда бы ни шел. Так велел Дженкинс.

— И что же, полиции ничего не известно? — удивился бармен.

Бен рассмеялся, но очень скоро лицо его снова приняло скорбное выражение.

— Кое-что они, конечно, уже знают. И даже очень многое. Наверное — все, кроме того, что случилось с моей женой... Правда, они даже не подозревают, кто совершил все эти убийства.

Бармен близоруко прищурился. Его начинало разбирать любопытство. Конечно, он в каждую смену слышал десятки самых невероятных историй, но он умел отличать пьяную болтовню от правды, и теперь рассказ Бена серьезно заинтересовал его. Бармен весь подался вперед.

— Неужели? — искренне удивился он.

Бен кивнул.

— Но я не могу вам этого рассказать,— вздохнул он и, замотав для убедительности головой, громко рыгнул.

— Вам что-то мешает? — полюбопытствовал бармен.

— Я дал клятву, что буду молчать,— сказал Бен и, как

бы в подтверждение своих слов, прижал к губам указательный палец.

— Кому же вы клялись?

— Ральфу Дженкинсу, — охотно сообщил Бен.

Бармен достал зубочистку и принялся ковырять ею в золотых коронках.

— А что это за тип? — продолжал расспрашивать он.

— Мой сосед.

— И он имеет какое-то отношение ко всем этим убийствам?

— И этого я, к сожалению, тоже не могу вам сказать, — сокрушался Бен.

— Послушайте, мистер! — с негодованием заговорил бармен. — Если, как вы утверждаете, в городе произошло убийство, и даже не одно, а сразу несколько, и вы знаете, кто все это натворил, то вам, безусловно, следует не шататься по кабакам, а быстрее бежать в полицию и рассказать все, как есть.

— Все равно этим делу не поможешь, — махнул рукой Бен и опять икнул.

— Почему же?

— Потому что они ничего тут не смогут сделать. Здесь все очень запутано... И замешана не только Церковь, но и сам Господь Бог, а также Сатана. Понимаете?

— А-а, — разочарованно протянул бармен. — Теперь мне все ясно. — И он недовольно поморщился. — А вы, мистер, вообще-то в своем уме?

— Можете спорить на что угодно, что я абсолютно здоров, — заявил Бен.

— Ну, я спорю, только когда уверен на все сто процентов, — ухмыльнулся бармен. — Послушайте, мне уже страшно надоело узнавать от своих подвыпивших клиентов, что скоро наступит конец света или явится новый мессия. — Он опустил пустую кружку на стойку и вновь наполнил ее до краев. — Меня уже от этого просто тошнит! Да и времени у меня нет, чтобы выслушивать подобную ерунду. Так что если вы позволите...

Но Бен схватил его за руку.

— Вам не верите?! Но ведь это не ерунда! Я говорю вам вполне серьезно. Тут же целый заговор!..

Бармен терпеливо отодрал пальцы Бена от своего запястья.

— Если вы еще раз дадите волю своим клешням, я вам все ребра пересчитаю. Понятно? — пригрозил он.

Бен испуганно отшатнулся и, вытирая рукавом слюны с подбородка, взглянул на часы, прикрыв один глаз, чтобы циферблат не двоился. Без четверти двенадцать. Пора уходить отсюда. Ведь он обещал Дженкинсу, что в полночь явится к себе домой и будет ждать там отца Макгвайра. Правда, идти до дома совсем недолго — минут пять. И все же...

— Мне, наверное, уже пора, — объявил он и поднялся с высокого табурета.

— Вот это вы правильно решили, мистер, — примирительно произнес бармен. — Идите-ка лучше проспите. А утром, когда протрезвеете, все трупы уже исчезнут, и вы почувствуете себя на миллион долларов.

Бен, пошатываясь, схватил папку под мышку, выронил изо рта недокурную сигару и направился к двери. Он едва уже волочил ноги, оставляя на полу, посыпанном перед уборкой влажными опилками, длинную извилистую дорожку. Наконец, выбравшись из бара, он огляделся по сторонам, пытаясь определить, куда надо идти. Его дом находился всего в четырех кварталах отсюда: два на восток, потом поворот, и еще столько же — в северном направлении. Выйдя на улицу, Бен медленно перешел проезжую часть. Вокруг было тихо, только где-то вдали гудела машина — видимо, у нее сработала сигнализация. Сориентировавшись на местности, Бен потер ладонью лицо, чтобы хмель побыстрее прошел. В голове его никак не укладывалось, что сейчас он не спит, и ему действительно предстоит увидеть нечто из ряда вон выходящее. Он просто отказывался верить, что торопится сейчас на свидание с самим Злом.

Подойдя к повороту, Бен прищурился от света фар летящих по ночной улице автомобилей. Чувства его теперь были притуплены из-за обильных возлияний в баре, как, впрочем, и память. В голове мелькал образ Фэй, то и дело превращающейся в Джека Купера. Нет, тогда он и предположить не мог, что влюбится в гомосексуалиста, да еще и транссвестита. И все же это произошло, хотел он этого или нет. Но с тех пор многое уже изменилось... И вот он влип в эту дьявольскую историю. А что случится теперь с маленьким Джои, особенно если учесть, что у самого Бена не слишком много шансов пережить сегодняшнюю ночь? Что если и он присоединится к Армии мертвых, в которую уже вступили Гатц, Бурштейн, Фэй и все остальные?.. Но, как ни странно, такая перспектива вовсе не пугала его. Наверное, умереть сейчас было бы наилучшим выходом. Раз —

и все... Гораздо труднее оставаться в живых и ежедневно выносить все ужасы существования.

«Но почему же все так случилось?» — в который раз спрашивал себя Бен. Ведь счастье могло длиться вечно!.. Фэй оказалась фантастической женщиной, причем характер ее из года в год улучшался. И никто не мог заподозрить в ней мужчину. Ведь даже когда они только начали еще жить вместе, Бен уже серьезно рассчитывал, что их никогда не разоблачат. И вот вся его семейная жизнь внезапно оборвалась... Когда-то давно он не мог и предположить, что так влюбится в Джека Купера, но судьба распорядилась по-своему. Фэй сочетала в себе решительно все, что ему было нужно; и в ней он «одним ударом» сумел найти удовлетворение всех своих желаний — и как обычного мужчины, и как гомосексуалиста. О чем же еще можно было мечтать?..

Мимо с оглушительным ревом пронеслась одинокая машина, ослепив его светом фар. Но неожиданно она остановилась, подпрыгнув на куче щебня, и, развернувшись, помчалась прямо на Бена. Он инстинктивно прикрыл ладонью глаза, а затем постарался различить лицо шофера. И тут же, к своему ужасу, понял, что за рулем никого нет. Но это невероятно! Бен испуганно оглянулся на стену дома за своей спиной, а потом снова посмотрел на стремительно приближающийся автомобиль. Машина неумолимо неслась вперед. Бен, не раздумывая, бросился наутек, чтобы успеть скрыться за углом здания. С большим трудом это все-таки удалось ему. Машина же с легкостью влетела на тротуар и врезалась в стену дома как раз на том месте, где всего несколько секунд назад стоял Бен. Выглянув из-за угла, он снова стал всматриваться внутрь салона через разбитые окна автомобиля и вдруг увидел за рулем улыбающегося Чарльза Чейзена. От неожиданности Бен присел, и в тот же миг машина, дав задний ход, опять рванулась к нему, и он едва уже успел увернуться. Но все же автомобиль сильно задел его за плечо. Бен закричал, схватившись здоровой рукой за рану. Рубашка и куртка тут же окрасились кровью, наружу свесились куски содранной кожи, а сквозь дыры в одежде показалась оголенная ключица. Все завертелось перед глазами, и Бен едва не потерял сознание.

Снова взревел мотор. Чейзен ухмылялся. Теперь Бен отчетливо видел его злорадное лицо. На этот раз он ловко укрылся за грузовиком, и машина Чейзена врезалась в витрину китайской прачечной, разнеся ее вдребезги.

Бен торопливо перебежал через дорогу и нырнул в метро. Он перескакивал сразу через две-три ступеньки, едва

удерживаясь на ногах. Здоровой рукой он судорожно хватался за поручни. Внизу Бен еще издали заметил кассу, подбежал к ней, купил жетон и уже через несколько секунд стоял на перроне. Здесь он не выдержал и, согнувшись, упал на колени возле самого края платформы. На станции было совсем безлюдно. Прислушиваясь, нет ли за ним погони, Бен на четвереньках пополз в дальний угол станции, где можно было на время спрятаться в темноте и дожидаться поезда. Но через несколько шагов он понял, что от такого передвижения плечо страдает еще сильнее, и поднялся с колен. Теперь он ковылял по перрону, как раненая обезьяна — полусогнувшись и безвольно свесив разбитую руку. И тут вдалеке послышались шаги, гулким эхом отдающиеся под сводами станции. Кто-то, громко пытая и шаркая ногами, без сомнения, двигался вслед за ним. Но как ни старался Бен, из-за страшной слабости он не мог уже идти быстрее. Тогда он собрался с духом, остановился и оглянулся, но никого вокруг не увидел. Однако звук шагов слышался уже совсем близко, и вдруг за его спиной раздался чей-то самоуверенный хохот. На стене замелькали тени. Бен сжался, невольно вскрикнув от боли. Но наконец из туннеля донесся звук, напоминающий пулеметную очередь, — это стучали колеса подходящего поезда. Вдали уже виднелись его огни.

Поезд затормозил, и окошки замелькали перед Беном, как зеркала. Двери открылись, и он вошел в последний вагон. В вагоне не было ни души. Бен успел заметить, что в соседнем, предпоследнем вагоне, едет служащий метро. Но вот поезд дернулся и устремился вперед, в темноту туннеля.

Когда он еще ехал по станции, Бен увидел, что Чейзен стоит на платформе и растерянно смотрит ему вслед. Немного успокоившись, он в изнеможении упал на скамейку, крепко сжимая под мышкой драгоценную папку с распятием. У него сильно кружилась голова, и перед глазами все плыло, как в тумане. Бен закрыл лицо руками и попробовал перевести дух, одновременно со смутной тревогой прислушиваясь к частому стуку колес. Постепенно до его сознания дошло, что поезд едет как-то слишком уж быстро — вагон нещадно бросало из стороны в сторону. Он поднял взгляд на служащего метро в соседнем вагоне, но того уже и след простыл. Тогда Бен подошел к двери и прижался лицом к стеклу, твердо решив сойти на следующей же станции, чтобы вовремя поспеть домой. И тут станция неожиданно промелькнула мимо, а поезд не только не остано-

вился, но даже не снизил скорости, проезжая ее. «Что-то стряслось с этой электричкой!» — смекнул Бен и направился в конец вагона, чтобы перейти в следующий. Здесь он без колебаний открыл дверь тамбура и, выйдя на стыковочную площадку, закрыл ее за собой. Но дверь соседнего вагона почему-то оказалась запертой. Бену не оставалось ничего другого, как вернуться назад в свой вагон. Но тут он с ужасом понял, что и дверь его собственного вагона, который он покинул всего несколько секунд назад, тоже будто примерзла и больше не открывается. А поезд тем временем продолжал набирать скорость. Бен уже несколько не сомневался, что теперь он в любой момент может сойти с рельсов. В отчаянии он отвернулся от страшного ветра, который несся ему навстречу из темноты туннеля. Вот они проскочили и следующую станцию, тоже без остановки. Неожиданно в соседнем вагоне вновь появился так таинственно исчезнувший служащий, но теперь он стоял спиной к Бену. Бен стал стучать по стеклу рукой, призывая его на помощь, но тот будто и не слышал его. Поезд мчался со страшной скоростью, раскачиваясь и вибрируя на поворотах. Бен изо всех сил старался удержаться за поручень, но поезд сильно дернуло, и он упал лицом вниз на грохочущий стальной пяточок между вагонами. Папка выпала из-под мышки и мгновенно исчезла на дне туннеля.

Бен беспомощно посмотрел ей вслед и, поднявшись, снова принялся колотить по стеклу. Наконец служащий шевельнулся, автоматически взял под козырек, а затем с улыбкой повернулся к Бену.

И этим служащим оказался не кто иной, как Чарльз Чейзен!

«Но как же он попал в поезд?!» — изумился Бен и отпрянул, чувствуя, как рот наполняется горечью. Впрочем, все это уже не сильно поразило его — за последнее время он успел привыкнуть к таким неожиданностям. Но руки Бена постепенно слабели, а поезд и не думал сбавлять скорости — сейчас он делал не меньше сотни миль в час, хотя Бен прекрасно знал, что поезда нью-йоркского метро никогда не ездят так быстро. Да они просто не в состоянии развить такую чудовищную скорость!..

Впереди замелькали огни станции. Бен покрепче ухватился за поручень и стал всматриваться вперед, готовясь к прыжку. И вот, когда последний вагон поравнялся с платформой, он собрался с силами и выпрыгнул из проклятого тамбура, тут же больно ударившись о холодный бетонный

пол. Руки словно огнем обожгло. Бен ухитрился сломать при падении сразу два пальца и ободрать в кровь ладони, колени и даже голову. Насилу поборов звон в ушах, он попытался подняться на ноги, а поезд тем временем начал резко тормозить у платформы, но потом, будто передумав, снова рванулся вперед.

— Господи! — в отчаянии закричал Бен, осознав наконец весь ужас своей потери. Ведь в папке был спасительный крест!.. К этому времени поезд зачем-то дал задний ход и снова выкатился на станцию. Но двери его по-прежнему оставались закрытыми. Бен начал лихорадочно оглядывать вагоны, ища в них ненавистного Чейзена. Но того нигде не было видно.

Тогда, осторожно ступая по плывущей перед глазами платформе, он направился к выходу в город, и в этот момент двери поезда внезапно открылись. Бен замер в тревожном ожидании.

Секунды ползли на удивление медленно.

Затем чья-то тень мелькнула в одном из окон состава. Бен невольно попятился.

— Эй, Бэрдет! — вдруг раздался сзади хриплый нахальный голос.

Бен обернулся и увидел перед вагоном хохочущего Чейзена.

— Да будь ты проклят! — закричал Бен. Злость помогла ему одолеть жуткий страх.

Чейзен распростер руки, и на станции погас свет.

Потом он шагнул навстречу Бену, но вдруг на секунду замер, резко повернулся и снова вошел в вагон. Двери закрылись, и поезд с грохотом исчез в туннеле. Бен с удивлением смотрел вслед быстро удаляющимся красным огонькам на последнем вагоне.

«Что же помешало Чейзену?» — какое-то время размышлял он, а потом собрал остатки сил и двинулся на пересадку, стремясь быстрее попасть домой.

* * *

Ровно в полночь Макгвайр вдруг почувствовал, что все его тело сводит судорога, и закричал от боли и невыносимого животного ужаса. Это означало, что Чейзен вернулся в дом и находится сейчас где-то рядом. Последние двадцать минут все вокруг было спокойно, но как раз это-то и тревожило священника. А сейчас Чейзен вернулся — ведь он обязательно должен еще попытаться помешать превраще-

нию Бена в Стража и не допустить, чтобы отец Беллофонтэн заменил сестру Терезу.

Наконец-то наступил долгожданный момент, и отец Макгвайр вошел в квартиру старой монахини.

Раньше ему не приходилось бывать здесь, и он никогда еще не видел Стража так близко. И хотя его предупреждали о том, что предстанет в этой комнате его взору, он все же невольно содрогнулся при виде заживо гниющей женщины. В квартире было пусто, свет не горел. Только сестра Тереза неподвижно сидела у окна. Тело ее было напряжено, а лицо, как всегда, ужасно. Но Макгвайр собрал остатки сил и попытался смотреть на это лицо спокойнее, осознавая всю важность и значимость ее миссии. Годы бесслезной службы Господу оставили суровый отпечаток на всем облике монахини. Тело ее было затянуто паутиной, у ног суетились мыши, и вся кожа была усеяна язвами и гнойниками.

— Отец Макгвайр! — вдруг позвал его кто-то.

В дверях стоял Чейзен, одетый в рваный серый костюм. Все пуговицы на пиджаке отсутствовали, и на их местах болтались длинные оборванные нитки. Из петлицы на лацкане торчал засохший цветок, а на плече сидел взъерошенный волнистый попугайчик.

— Это Мортимер, — объяснил Чейзен, а потом показал священнику облезлую кошку с окровавленной мордой, безмятежно спящую у него на руках. — А это Дездемона, — представил он свою свиту. — Они старые друзья сестры Терезы. И вот я подумал, что стоит принести их сюда, чтобы они попрощались со старушкой, ведь она собралась покинуть нас этой ночью... Я правильно понял, святой отец?

Макгвайр не шевелился, пытаясь совладать с собой при виде столь нелепого и жуткого зрелища.

— Ну что же вы молчите, святой отец? Вы ведь, я надеюсь, не боитесь меня? — усмехнулся Чейзен.

— Я проклинаю тебя! — выкрикнул Макгвайр.

Но Чейзен лишь рассмеялся в ответ.

— Неужели это правда, святой отец? А где же ваш верный друг Бен Бэрдет? Никак, снова подвел?..

Макгвайр молчал.

— А вы знаете, он ведь не придет сюда... — опять приснул Чейзен. — Потому что он уже умер!

Макгвайр покачнулся, чуть не потеряв равновесие.

— Ты лжешь! Я проклинаю тебя! Я не верю тебе! Ты не в силах убить избранника Божьего!

— Пожалуй, вы правы, святой отец. Но он спокойно может уничтожить себя сам. Что с ним недавно и произошло,— с улыбкой сообщил Чейзен, словно этот страшный диалог доставлял ему истинное наслаждение.

— Тогда она бы уже знала об этом! — вспыхнул Макгвайр, указывая на сестру Терезу.

Кошка проснулась и яростно зашипела на монахиню. Чейзен гневно сверкнул глазами.

— Тогда где же он, по-вашему, сейчас находится? — насмешливо спросил он.

Макгвайр подошел ближе к сестре Терезе и, упав перед ней на колени, начал молиться. Услышав имя Христа, Чейзен закашлялся, а потом приблизился к священнику и вознес над ним руки. Джезебель упала на пол и опять зашипела. Стены комнаты задрожали. Макгвайр поднял глаза и тут же окаменел, увидев, как прямо в воздухе перед его взором начинают возникать различные образы. Он ясно видел сейчас стоящую в какой-то незнакомой комнате кровать. На ней лежала, вероятно, очень больная женщина лет сорока. Щеки ее запали, кожа была бледно-желтой и сухой, как пергамент, а к рукам тянулись трубки от капельницы. Женщина тяжело дышала, вены у нее вздулись, ноги отекали.

Макгвайр закрыл глаза, но видение не пропадало.

— У меня есть что показать отцу Беллофонтэну! — с гордостью заявил Чейзен. — И у него еще будет время одуматься.

Картина сменилась, и теперь Макгвайр увидел мальчика в черных шортах и белой рубашке с короткими рукавами. Он стоял возле кровати и, держа женщину за руку, о чем-то тихо беседовал с ней. Потом женщина пронзительно закричала от острой боли, и мальчик тут же расплакался.

— Помогите мне умереть,— снова и снова повторяла женщина.

Мальчик испуганно прижался к ней и молча смотрел на измученное тело матери.

— Ты ведь любишь меня!..— продолжала она.

Мальчик кивнул, не сводя с нее глаз.

— Ну, тогда я прошу тебя: разъедини эти трубки и помоги мне умереть. Избавь меня от мучений!

Мальчик, всхлиывая, протянул руку к капельнице и выдернул трубки из лекарственного раствора. Женщина

закрыла глаза и улыбнулась — в вены ее пошел воздух. А мальчик опрометью бросился вон из комнаты.

Кровать с женщиной по-прежнему оставалась перед глазами священника.

— Я явлюсь перед ясны очи отца Беллофонтэна, — продолжал Чейзен, — и покажу ему все его грехи. И тогда он поймет, что с ним происходит. Я ему все расскажу!..

Внезапно в комнату ворвался ледяной ветер, и откуда-то донеслись странные звуки, словно неподалеку находилось великое множество людей, пытающихся прорваться сюда. Макгвайр задрожал и, зябко поеживаясь, начал плакать, объятый страхом.

Наконец комната с мертвой женщиной исчезла, и на ее месте возникло другое помещение. На этот раз им оказался гараж. Чейзен отступил в сторону, чтобы не мешать Макгвайру смотреть следующий эпизод. В гараж вошел тот же мальчик, которого священник уже видел возле умирающей женщины. Правда, теперь он был немного постарше, словно с тех пор прошло уже года два.

— И тогда отец Беллофонтэн поймет, что на самом деле он всего лишь один из нас! — угрожающе закричал Чейзен.

Широко раскрытыми глазами Макгвайр наблюдал, как мальчик осторожно закрыл за собой ворота гаража, потом забрался в старенький помятый седан, включил мотор и что есть силы нажал на газ. Через несколько секунд он закашлялся и стал задыхаться, а потом потерял сознание, закрыв глаза и привалившись к рулю.

В таком виде он и застыл перед испуганным взором отца Макгвайра.

— Смотри же! — прикрикнул на него Чейзен.

Священник собрал всю волю в кулак, чтобы не дать себе возможности впасть в отчаяние. Его била крупная дрожь, пот ручьями лился по телу.

— Отец Беллофонтэн просто обязан знать об этом! — не утихал Чейзен. — Но я покажу ему не только его прошлое, но и будущее. Пусть узнает, что ждет его впереди!

Мальчик внезапно исчез. Ветер бушевал в комнате, налетая порывами на Макгвайра и хрупкую фигуру сестры Терезы. Опять до ушей священника донесся звук рвущейся сюда толпы, и Чейзен довольно рассмеялся. Тени в комнате сгустились, стало значительно холоднее, а потом перед Макгвайром вспыхнул яркий свет, и он отчетливо

разглядел силуэт мужчины, сидящего на стуле с распятием в опухших руках. Это был отец Беллофонтэн — следующий Страж. А потом он разглядел и его лицо: прогнившую смердящую плоть, проеденную личинками до самых костей.

И тогда отец Макгвайр, не выдержав, издал отчаянный вопль, который, как нож, разрезал густой ледяной воздух в комнате.

* * *

Ральф Дженкинс опустил боковое стекло и прислушался, вглядываясь в темноту переулка. Вскоре до него донесли чьи-то торопливые шаги.

— Она идет,— сообщил отец Теппер.

Дженкинс кивнул и, немного успокоившись, устало откинулся на спинку заднего сиденья автомобиля, который с потушенными фарами был припаркован у глухой стены здания в самом дальнем конце переулка. По земле стелился туман. Тусклые уличные фонари футах в пятидесяти впереди не рассеивали царящей здесь темноты.

— Уже полночь? — нетерпеливо спросил Дженкинс.

— Да,— так же взволнованно ответил Теппер.— Мы опаздываем.

— Да простит нас Господь...

В переулке показалась женская фигура. Сделав еще несколько шагов, женщина остановилась, вглядываясь в туманную мглу, а потом решительно направилась прямо к автомобилю. Звук шагов эхом отдавался в ночной тишине.

— Включите фары,— распорядился Дженкинс.

Водитель послушно щелкнул выключателями, и яркий свет залил весь переулок.

Женщина — а ею оказалась монахиня — остановилась перед самой машиной и прищурилась в лучах фар. На лице ее блестели мелкие капли пота — видимо, она сильно торопилась сюда. Грудь женщины быстро вздымалась. Это была миловидная негритянка лет тридцати с открытым добрым лицом, которое не портил даже широкий шрам на щеке, идущий от подбородка до самого виска. Правда, сейчас на ее лице отсутствовал яркий грим, который так запомнился отцу Макгвайру.

Не говоря ни слова, она открыла дверцу и скользнула на заднее сиденье автомобиля.

— Сестра Флоренс? — улыбнулся ей Ральф и взял женщину за руку.

Монахиня наклонилась и поцеловала перстень на руке Дженкинса.

— Кардинал Реджани!..— почтительно шепнула она.

* * *

— Ну как вы, мистер Бэрдет? — тревожился управляющий домом Васкес, подставляя стакан с водой прямо к губам Бена.

Тот кивнул, с жадностью глотая воду, а потом откинулся на спинку кресла и, сжав голову руками, попытался сосредоточиться. Мистер Васкес испуганно посмотрел на него и присел перед Беном на корточки. Его примеру последовал и привратник.

— Сейчас я вызову вам врача,— заботливо произнес Васкес, прикладывая к израненному лицу Бена ватный тампон.

— Нет! — закричал Бен и оттолкнул управляющего.— Никаких врачей! Все само пройдет.

Васкес посмотрел на привратника и озабоченно покачал головой.

— Но послушайте, у вас же столько порезов! И некоторые до сих пор кровоточат... К тому же сломано два пальца, а про плечо я уж и не говорю...

— Все в порядке,— заупрямился Бен и попытался подняться с кресла.— Оставьте меня в покое.

— Но как же, мистер Бэрдет...

— Сколько сейчас времени? — грубо оборвал управляющего Бен.

— Полпервого,— быстро отозвался привратник, взглянув на часы.

— Вот дьявол! — воскликнул Бен.

Васкес подхватил его под здоровую руку и помог дойти до лифта.

— Зачем же вы упрямитесь? — продолжал он.— Ведь вы, как только вошли сюда,— сразу потеряли сознание и пролежали так несколько минут! Позвольте мне все-таки вызвать доктора. Ваша жена очень расстроится, если узнает, что я этого не сделал.

— Моя жена? — усмехнулся Бен.— Расстроится? Да что вы говорите! — И он залился истерическим смехом.

Васкес и привратник снова обменялись удивленными взглядами, пожимая при этом плечами.

В ожидании лифта Бен прислонился к стене. Через несколько секунд кабина подъехала, и он вошел внутрь, оставляя за собой на полу прерывистый кровавый след. Напоследок он ласково посмотрел на управляющего и привратника, тщетно пытавшихся помочь ему из самых искренних побуждений.

— Все в порядке, — снова сказал он, а потом нажал кнопку и отошел к дальней стенке кабины, чтобы не упасть.

Лифт тронулся и с тихим урчанием покатил наверх. Бен привалился к деревянной панели и крепко стиснул зубы, чтобы еще раз не грохнуться в обморок от невыносимой боли и сильного головокружения. Закрыв глаза, он попытался припомнить все, что говорил ему Дженкинс, надеясь, что тот уже ждет его наверху, как они и условились заранее.

Наконец лифт остановился, и Бен, пошатываясь, вышел в коридор десятого этажа. Вокруг стояла полная тишина. Дженкинс обещал, что все их соседи на эти дни будут каким-то неведомым Бену образом удалены из своих квартир. И, судя по этой тишине, Бен догадался, что Ральф сдержал свое слово — на этаже никого не осталось.

Бен подошел к квартире сестры Терезы и прислушался. Тихо. Тогда он ухватился за ручку и повернул ее. Дверь оказалась незапертой. Бен неумело перекрестился, зажмурил глаза и, глубоко вздохнув, решительно шагнул внутрь.

Глава двадцать шестая

— Отец Макгвайр! — Из прихожей Бен позвал священника.

Но ему никто не ответил.

Тогда он прошел в гостиную, приблизился к одинокому стулу, на котором сидела сестра Тереза, и осторожно погладил ее дряблую, в нарывах, кожу.

— Отец Макгвайр! — еще раз выкрикнул он, здоровой рукой схватившись за разбитое плечо.

Капля крови упала на одежду сестры Терезы, и Бен провел рукой по израненной голове. Пальцы тут же запутались в липких от густеющей крови волосах.

Так и не дождавшись ответа, он медленно вышел назад в прихожую. Может быть, Макгвайр еще ждет его в квартире самого Бена?

Вдруг до слуха его донесся подозрительный шум, словно, кроме монахини, здесь находился кто-то еще.

— Тут есть кто-нибудь? — крикнул Бен, заглядывая в темный дверной проем спальни. На этот раз ему показалось, что кто-то движется именно там.

После минутного колебания он вошел все же в темную спальню и осторожно двинулся вперед по стеночке.

— Отец Макгвайр, это вы? — громко зашептал он.

Ответа не было.

— Мистер Дженкинс? — неуверенно спросил Бен.

Но на этот раз вместо ответа он услышал чьи-то шаги. Бен хотел уже бежать вон из этой страшной квартиры, но неожиданно почувствовал, что кто-то движется ему прямо навстречу.

— Где же вы пропадали? — укоризненно спросил его отец Макгвайр, входя в комнату.

* * *

Кардинал Реджани вновь нажал кнопку вызова лифта, но, как и раньше, кабина не сдвинулась с места, зависнув где-то на верхних этажах.

— Это проделки Чейзена, — уверенно сказал отец Теппер.

Реджани кивнул.

— Сестра, вы останетесь здесь, — приказал он монахине.

Та послушно отошла в сторону и встала возле входа в подвал.

Реджани и Теппер двинулись к лестнице, на ходу проверяя, крепко ли держатся их кресты, привязанные к кожаным поясам. Реджани открыл дверь на лестницу. Отец Теппер шел за ним следом. Потом дверь за священниками захлопнулась, и они скрылись из поля зрения сестры Флоренс.

— Я чувствую, что дух Франкино не покинул нас. Он здесь, рядом, — признался отец Теппер, когда они начали долгий подъем на верхний этаж здания.

— Если Господу будет угодно, он не допустит, чтобы наша участь оказалась столь же плачевной. — шепотом ответил ему Реджани.

Они медленно продвигались вверх, тщательно осматривая ступеньку за ступенькой. В тишине слышалось их тяжелое дыхание. Священники старались держаться по воз-

возможности ближе друг к другу. Пот ручьями тек по их лицам.

— Чейзен уже ждет нас, — тихо произнес Теппер.

— Да, я чувствую, — согласился Реджани, крепче хватаясь за перила лестницы. — Мы здесь не пройдем, — вдруг напряженным шепотом сказал он. — Быстрее назад!

Они со всех ног бросились вниз по ступенькам, спотыкаясь и чуть не падая на поворотах. Крупные капли пота покрывали их лица. Когда священники добежали до площадки третьего этажа, свет на лестнице внезапно потух. Теперь они оказались в этом каменном мешке в полной тьме.

Реджани судорожно вцепился обеими руками в крест, продолжая двигаться вниз, но уже значительно медленнее.

Неожиданно до их слуха долетел дикий хохот, и в тот же миг горячий ветер ударил в лица священникам. Реджани услышал, как кто-то зовет его из темноты.

— Чейзен уже внизу! — кричал Теппер.

Они развернулись и, не разбирая дороги, как безумные кинулись опять наверх.

Трубы отопления на площадках угрожающе загудели.

— Мы должны вырваться отсюда! — закричал Реджани, и перед глазами его возник образ Франкино, выкинутого из окна в переулок.

На девятом этаже священники остановились и начали колотить в дверь, пытаясь открыть ее или выбить. Но массивная дверь не поддавалась.

Теппер в отчаянии отступил назад, едва переводя дух, а потом вдруг застыл на месте, прислушиваясь.

— Он приближается! — взволнованно зашептал священник. Голос его срывался. — Я уже чувствую его дыхание!

Реджани шагнул к своему напарнику и вдруг услышал совсем рядом его пронзительный вопль.

— Теппер! — закричал кардинал.

Но из темноты ему никто не ответил.

А вокруг продолжали угрожающе реветь трубы, готовые лопнуть в любой момент. Первая капля горячей воды упала кардиналу на лоб. И вновь раздался отчаянный крик, а потом тяжелый глухой удар, словно где-то упал с высоты мешок с песком.

— Теппер! — снова позвал Реджани.

— Все в порядке! — откликнулся священник откуда-то снизу. — Я просто оступился.

И опять на лоб Реджани упали капли воды, но на этот раз их было уже намного больше. Трубы гудели с нарастающей силой. Кардинал прижался к стене, вслушиваясь в угрожающую капель, и вдруг наверху что-то словно разорвалось, и вода хлынула на лестницу ревущим бурным потоком.

— Чейзен хочет нас утопить — закричал кардинал отцу Тепперу. — Надо убираться отсюда!

— Я не могу идти! — раздался снизу голос помощника. — По-моему, меня угораздило сломать ногу.

Реджани вцепился в скользкие от воды перила и стал пробираться к нему на помощь.

— Я иду к вам! — громко кричал он, стараясь перекрыть рев водопада. И снова что-то громынуло наверху. Вглядываясь в темноту, Реджани почувствовал, что поток усиливается. Видимо, теперь лопнули не только трубы, но и цистерна на чердаке.

И тут огромная волна захлестнула его, отрывая от лестницы. Он успел схватиться за поручень, а ноги беспомощно заскользили вниз по ступенькам. Реджани фыркал и отплевывался, пытаясь набрать в легкие побольше воздуха, чтобы не захлебнуться. Он слышал, как где-то рядом задыхается Теппер, отчаянно шлепая по воде руками.

А вода меж тем все прибывала, с грохотом заполняя лестничные пролеты и снося все на своем пути.

Реджани с головой погрузился в горячий поток, но потом снова вынырнул на поверхность, из последних сил борясь с наводнением. Волны с бешеной скоростью несли его вниз, ко входу в подвал. Наконец ему вновь удалось схватиться за поручень. Теперь он пытался отыскать отца Теппера, который к этому времени уже перестал кричать и затих.

Сквозь рев воды кардинал слышал раскаты дьявольского смеха Чейзена, во весь голос проклинающего Господа Бога и Иисуса Христа.

Наконец Реджани удалось найти опору на одной из площадок. Но новая волна захлестнула его и понесла дальше вниз. Стараясь держать голову на поверхности, он не переставал жадно хватать ртом воздух. И вот он достиг площадки первого этажа, перевернулся на спину и следующей мощной волной был вынесен к закрытой двери подвала, ударился об нее головой и потерял сознание.

— Вы являетесь следующим Стражем, Бен Бэрдет,— торжественно провозгласил Макгвайр, указывая пальцем на Бена.— Вы будете преемником архангела Гавриила и всех, кто сменился на этом посту после него. И вы будете охранять Землю от приближения Сатаны.— С этими словами он возложил руки на плечи сестры Терезы.— Но вы должны знать, что скоро Чейзен попытается заставить вас покончить с собой. Он как хищный зверь будет кормиться вашими слабостями и пороками, вашим страхом и вашим прошлым, которое до времени было погребено в недостижимых глубинах вашего подсознания. И он сделает это еще до того, как осуществится передача распятия из рук в руки.— Священник опустил на колени и начал молиться. Бен молча взирал на него.— Вы — избранник Божий,— с благоговением произнес Макгвайр и протянул к Бену руки.

Кардинал Реджани болезненно поморщился и открыл глаза. Лестница перед ним сейчас была будто в густом тумане. Держась за голову обеими руками, он часто заморгал, надеясь, что так быстрее все прояснится. Он уже порядком продрог, лежа на спине в огромной луже воды, собравшейся на каменном полу у входа в подвал. Водопад, очевидно, уже прекратился, и теперь с потолка лишь падали отдельные капли. Вокруг стояла мертвая тишина.

Реджани перевернулся и встал на колени, скользя на мокром полу. Потом осмотрел себя и увидел, что левая рука довольно сильно поранена. Сколько же времени он пролежал здесь без сознания?.. И где сейчас отец Теппер? Что стало с ним?

Опираясь о стену, он нетвердой походкой направился к лестнице.

— Теппер! — позвал кардинал и, изогнувшись, заглянул снизу в широкий пролет лестницы. Но ему ответило только эхо. Выждав немного, он начал медленно подниматься, с трудом держась на ногах. На втором этаже он задержался, заметив, что вода на ступенях окрашена кровью. Реджани опустил на колени и погрузил руки в эту красную воду. И тут что-то сильно стукнуло его по плечу. Реджани повернул голову и замер.

Сверху на него свисало мертвое тело отца Теппера. Голова его была зажата между прутьями перил, а тело безвольно болталось, словно на виселице.

— Господи помилуй! — закричал Реджани, и в голосе его смешались жалость и злость.

Послышалось звяканье какого-то металлического предмета. Реджани поднялся и подошел к труп в плотную. Рядом с ним, зацепившись за арматуру, висело распятие, еще недавно принадлежавшее отцу Тепперу, и ритмично колотилось о чугунную стойку перил.

* * *

Сестра Тереза пошатнулась на стуле и правой рукой схватилась за грудь. Макгвайр, закончивший к этому времени читать молитвы, встал, чтобы поддержать ее. Бен испуганно отступил назад.

Сестра Тереза судорожно вцепилась в руку священника. Кровеносные сосуды на ее лице стали лопаться, изо рта закапала густая слюна. Монахиня начала бледнеть на глазах и медленно сползать со стула. Макгвайр задохнулся при виде этого зрелища.

— Она умирает! — закричал священник.

Но Бен продолжал стоять на месте как вкопанный. Неожиданно комната озарилась ярким светом, ослепившим всех, кто находился внутри. Звуки приближающейся толпы нарастали, порывистый ветер бил в лица.

— Чейзен где-то здесь! — закричал Макгвайр, и тут же большой кусок известки обрушился на него с потолка. Стекла в окнах жалобно зазвенели и вдруг будто взорвались, разлетевшись на миллион острых осколков. Неожиданно на рамах вспыхнул огонь и стал жадно пожирать занавески.

* * *

Мистер Васкес выбежал из своей квартиры в коридор первого этажа.

— Кто звонит? — взволнованно спросил он, перехватывая у привратника трубку.

— Мистер Чупа с восьмого этажа, — сообщил тот.

— Это Васкес, — крикнул управляющий в домофон.

Чупа срывающимся голосом объяснил ему, что где-то наверху, по всей вероятности, начался пожар. Потому что уже

на восьмом этаже он почувствовал запах гари, а потолок в его квартире начал разогреваться.

— Срочно уходите из дома! — закричал Васкес. — Если можете, немедленно разбудите всех соседей! Только не вздумайте пользоваться лифтом — в шахте тоже может быть огонь. Уходите по лестнице. — Он резко бросил трубку и вцепился в мундир привратника.

— Немедленно эвакуировать всех жильцов! — приказал управляющий.

— Есть! — по-военному ответил тот и, включив внутреннюю сирену, тут же начал обзванивать всех жильцов, начиная с самого верха.

Васкес бросился по коридору к лестнице и вдруг остановился, не веря своим глазам. Ковер у него под ногами был мокрый, и вода продолжала струиться из-под двери лестничной клетки.

Он схватился за ручку и рванул ее на себя. Но дверь не поддавалась, словно была заперта кем-то с другой стороны

* * *

Кардинал Реджани поднял голову и увидел ночное небо через огромную дыру в крыше. Часть громадной водяной цистерны угрожающе свисала вниз, проломив пол чердака, и через край лопнувшего резервуара еще выливались остатки воды. Правда, если постараться, можно было вылезти по искореженному металлу на крышу, а уже оттуда попытаться попасть на десятый этаж. И так как другого выхода у кардинала все равно не было, он решил воспользоваться этой единственной возможностью выбраться из заточения на запертой лестнице.

Посмотрев на дверь десятого этажа, Реджани тут же заметил, что из щели под ней ползет густой черный дым. Теперь ему предстояло карабкаться вверх на крышу по скользкой покатоj стенке взорвавшегося резервуара. Наконец, ухватившись за край дыры в черепичной кровле, он ловко подтянулся и очутился на самом верху.

По крыше Реджани побежал к противоположному концу здания и, опустившись там на колени, заглянул вниз на окна. Рядом располагалась довольно крепкая на вид водосточная труба, отвесно уходящая к самому тротуару. Не раздумывая, Реджани стал спускаться по ней, осторожно скользя к десятому этажу и пытаясь не смотреть вниз. Он боролся сейчас одновременно и с головокружением, и со страшным ветром, налетевшим на него.

Достигнув нужного окна, кардинал немного качнулся и ногой вышиб чудом уцелевшее стекло, при этом сильно порезав себе лодыжку. Несколько осколков прочно засели у него в ногу. Реджани протянул руку и, не обращая внимания на острую боль, ухватился за нижнюю часть рамы, а потом подтянулся и, прыгнув в коридор, бросился вперед к квартире монахини.

* * *

Отец Макгвайр стоял перед телом сестры Терезы и читал над усопшей последнюю молитву. Потом он поднял глаза и взглянул на Бена, который теперь крепко держал в руках священное распятие. Но рука Господа Бога, казалось, так и не коснулась его. Он нисколько не постарел и вообще ничуть не изменился. Никакого перевоплощения не произошло.

— Отец Беллофонтэн! — воскликнул Макгвайр.
Но Бен только смущенно улыбнулся в ответ.

* * *

К тому времени, как большинство жильцов успело благополучно покинуть свои квартиры, языки пламени уже рвались из всех окон четырех верхних этажей. И хотя на нижних этажах пока все было спокойно, те, кто находился снаружи дома, видели, как быстро огонь распространяется вниз, пожирая все на своем пути.

Васкес и привратник продолжали дозваниваться снизу до тех, кто еще не успел выйти или не отвечал по внутренней связи. Полицейские помогали последним жильцам выбраться из горящего здания.

— Звоните дальше! — кричал Васкес.

Привратник снова и снова нажимал кнопки, связывающие его пульт с квартирами десятого этажа. Но ни в одной из них жильцы почему-то не отвечали.

— Если они еще там, то, очевидно, уже сгорели, — наконец печально констатировал измученный привратник.

Открылся лифт, и из кабины кубарем выкатились перепуганные жильцы с какими-то свертками и узелками в руках — люди пытались спасти хотя бы самое ценное. Васкес, не раздумывая, рванулся к кабине и, вскочив в нее, нажал кнопку десятого этажа. Двери начали уже закрываться и вдруг замерли на полпути — электричество отключилось. Выскочив из лифта под звуки сирен прибывающих пожар-

ных машин, управляющий бросился к аварийному шкафу, достал оттуда топор и побежал к двери лестницы. Здесь он размахнулся, чтобы высадить топором заевший замок. Но только он собрался это сделать, как сверху раздался оглушительный грохот — видимо, начали рушиться перекрытия. Тогда Васкес, осознав, что уже поздно пытаться кого-либо спасти, понуро вышел на улицу и встал рядом с привратником. К этому времени пожарные машины находились уже перед домом. А через несколько секунд страшный газовый взрыв потряс здание.

— Дому конец, — мрачно произнес управляющий, глядя на погибающее в огне строение.

* * *

Как только под злорадный смех Чейзена в комнате снова возник образ мальчика и его умирающей матери, кардинал Реджани указал на отца Макгвайра и, перекрывая треск пламени, крикнул:

— Возьмите распятие, отец Беллофонтэн!

Макгвайр удивленно взглянул на Бена, стоящего рядом с ним в густом черном дыму, а потом снова на кардинала.

— Я ничего не понимаю! — закричал он вдруг. — Что здесь происходит?!

* * *

Сестра Флоренс отошла от здания в узкий темный переулок. Все время, пока она находилась здесь, монахиня не сводила глаз с верхнего этажа. Укрывшись за забором стройплощадки собора святого Симона, она с ужасом наблюдала за пожаром, бушевавшим в доме напротив.

Реджани и Теппер не появлялись.

* * *

Громовой голос Чейзена теперь наполнил всю комнату.

— Я призываю тебя одуматься и вернуться к нам! — кричал он, слышимый сквозь адский гул пламени и шум ветра, дующего откуда-то вертикально вниз и раздувающего огонь таким образом, что в центре комнаты сейчас все были в относительной безопасности. Но квартиру уже заполнили несметные легионы Сатаны, готовые по первому знаку своего хозяина бросить вызов Всевышнему и его земному избраннику.

Задыхаясь от дыма, Бен молча стоял над безжизненным телом сестры Терезы. Кардинал Реджани застыл на месте и указывал рукой на отца Макгвайра, который скорчился на полу. Его сильно рвало, а по всей комнате продолжал греметь голос Чейзена. Макгвайру открылось сейчас все его прошлое, которое до этого так долго было спрятано в недостижимых подвалах его памяти. Все годы его страшной депрессии мелькали перед ним, как в ускоренном кино.

— Так, значит, я и есть избранник? — наконец выговорил Макгвайр. — И я был им все это время?

— Да, — торжественно объявил Реджани. — Ты и есть отец Беллофонтэн. И ты — избранник Божий.

— Ты избранник Господа Бога — нашего заклятого врага и тирана, — эхом ответил ему Чейзен. — И ты должен будешь охранять от нас вход на Землю. Ты — тот самый человек, который должен взять в руки скипетр Божий. Но ты и тот, кого мы должны уничтожить — иначе нам не видать свободы... И теперь настал твой черед принимать решение и действовать. Если ты все сделаешь правильно, то станешь одним из нас, и мы вознесемся с тобой к самым высотам Греха и Смерти! А твое имя будет навеки прославлено и на том, и на этом свете. Для этого ты должен сейчас своей собственной рукой умертвить свое тело. Ибо нет для тебя иного выхода!..

* * *

Инспектор Уосо включил бра над головой и прищурился от яркого света, недовольно ворочаясь на кровати.

— Кого еще прорвало звонить среди ночи? — проворчал он и поднял трубку, прижав ее к уху.

Бросив взгляд на часы, он обнаружил, что еще всего лишь три часа ночи. Самое время спокойно спать в теплой постельке. Ему и без того пришлось сегодня проторчать на работе за полночь из-за проклятого взрыва в полицейском участке. Сколько же он проспал? Минут сорок, не больше. «Чтоб тебе провалиться!» — мелькнуло в голове у сержанта.

— Да! Слушаю вас. Кто это?

Звонил Якобелли с докладом о пожаре в доме номер 69 по 89-й улице.

Уосо как ошпаренный вскочил с кровати. Его пижамные брюки свалились на пол.

— Отчего возник пожар? — тут же закричал он в трубку.

— Пока не знаю, — отозвался Якобелли. — Соединение было очень плохое, я почти ничего не расслышал. Звоню из отдела. Жду ваших указаний.

— Оставайся на месте, я сейчас буду.

Уосо швырнул трубку на рычаг, наскоро оделся и, чертыхаясь, выбежал из квартиры.

* * *

Вспышки голубовато-белого пламени озарили коридор десятого этажа. Закрывая своим телом отца Беллофонтэна, крепко сжимающего в руках распятие, Реджани оглянулся назад, на квартиру Бэрдетов. К счастью, перевоплощение все же свершилось. Теперь оставалось лишь спастись от огня.

Бен стоял перед дверью. Став невольным свидетелем и участником немислимого кошмара, он теперь до конца осознал всю горечь своих потерь и тихо плакал, не двигаясь с места.

— Пойдемте! — крикнул ему Реджани. — Вы же погибнете!

Бен глядел куда-то мимо него. Легионы Сатаны уже исчезли; вместе с ними растворилась и сама его сущность в образе Чарльза Чейзена. Но Бен ничего не ответил кардиналу, продолжая стоять у своей двери.

Под градом осыпающейся штукатурки и раскаленных углей от пылающих над головой балок Реджани с отцом Беллофонтэном скрылись в двери запасного выхода.

Вскоре стала рушиться крыша, погребая под собой весь верхний этаж. Слезы ручьями хлынули из глаз Бена.

— Господи! — воскликнул он, и адское пламя тут же поглотило его, навсегда унося из жизни.

Кардинал и священник бросились вниз по лестнице.

Глава двадцать седьмая

Сержант Уосо затормозил в переулке и, выскочив из полицейской машины, тут же прикрыл глаза рукой. Пламя бушевало прямо перед ним, обдавая его невыносимым жаром. Детектив огляделся, пытаясь определить, кто здесь

старший среди пожарников. Но перед глазами была лишь жуткая картина повальной паники. Подход к дому загорали пожарные водометы. Полицейские удерживали на отдалении зевак, норовящих прорваться в самое пекло, регулировщики заставляли водителей разворачиваться и направляли машины в объезд.

Наверху был настоящий ад, словно там разверзлась сама преисподняя. Пожар никак не утихал, и все попытки прекратить его пока не приносили успеха. То, что раньше было самым обыкновенным жилым домом, превратилось теперь в гигантский полыхающий факел. Уосо отошел немного назад, опасаясь, как бы кожа на лице не покрывалась от жары волдырями.

Потом, с осторожностью выбирая дорогу, он двинулся через хитросплетения брезентовых шлангов, ведущих к дому от аварийных колодцев и пожарных машин. Сержант переходил от одной машины к другой, а взгляд его метался между красными лицами пожарников и горой объятых пламенем металла и камня. Мысли его скакали так же беспорядочно, и одна теория сменяла другую. Но все они казались неправдоподобными... Подумать только: всего несколько часов назад был взорван и сгорел дотла полицейский участок. А ведь именно там и находился арестованный отец Макгвайр, обвиненный в убийстве еще одного священника, который, в свою очередь, погиб вот в этом самом доме, что рушится сейчас на его глазах. Разумеется, пожар в обоих случаях мог возникнуть и по каким-то вполне объяснимым причинам, никак не связанным между собой. И параллель здесь проводить вовсе не обязательно. Но сержант все же чувствовал, что какая-то связь здесь, безусловно, имеется. Уж больно много вокруг совпадений... Ведь и инспектор Бурштейн погиб тоже в огне!.. Но тут специалисты уже успели доказать поджог.

Казалось, огонь в последнее время стал универсальным средством уничтожения всех, кто знал что-то и мог сообщить следствию интересные факты.

Уосо отыскал бригадира пожарников, стоявшего возле самого мощного брандспойта, и представился. Потом они вдвоем отошли к ближайшей полицейской машине и, забравшись внутрь, закрыли двери.

— Пока мы не можем взять пожар под контроль, — грустно констатировал бригадир, поглядывая на разбушевавшееся пламя через ветровое стекло автомобиля.

— А сколько времени потребуется, чтобы погасить его? — поинтересовался сержант.

— Как минимум четыре часа,— ответил пожарник. Голос его был напряжен.— Сейчас мы стараемся, чтобы огонь не перекинулся на соседние здания.

Уосо вздохнул и покачал головой.

— А есть уже какие-нибудь гипотезы, отчего это произошло?

— Нет. Пока одни лишь догадки. Никто ничего не знает. Мы опросили уже почти всех жильцов дома, но и они ничего путного не смогли сообщить. Слава Богу, хоть большинство из них осталось в живых!..

— Вы сказали «большинство»? — напрягся Уосо.

— Да. Управляющий помог нам — представил списки всех, кто здесь обитал,— пояснил пожарник.— Пока что неизвестна судьба пятнадцати человек, среди которых, как ни странно, все без исключения жильцы десятого этажа.

— Вы ничего не перепутали? — сдвинув брови, спросил ошарашенный Уосо.

— Нет, как раз тут-то все верно.— Он указал на одного из своих подчиненных.— Вот с ним поговорите, он лично всех проверял. Теперь уж, конечно, живым оттуда никто не выйдет, так что попозже можно будет более тщательно уточнить списки.

Уосо порылся в кармане и, найдя пластинку жевательной резины, автоматически развернул ее и сунул в рот.

— А где начался пожар?

Бригадир хотел что-то ответить, но так и замер с открытым ртом, потому что в этот самый момент страшный взрыв потряс здание.

— Это пока тоже неизвестно,— наконец заговорил он после длительной паузы.— Хотя есть предположение, что огонь возник на одном из верхних этажей. Управляющему сообщил об этом жилец с восьмого этажа. Он первый позвонил и сказал, что в коридоре чувствуется запах гари, а потолки начали разогреваться. Ну, а потом привратник стал обзванивать всех подряд и эвакуировать из дома. Когда мы прибыли, пожар уже не поддавался никакому контролю.— Он замолчал и начал оглаживать свою коротко подстриженную бороду.— Но пока пожар не кончится и домом не займутся эксперты, твердо нельзя будет сказать, где именно он начался, а тем более — поджог это или нет.

— Понимаю,— рассеянно произнес Уосо, наблюдая, как огромный кусок стены проваливается внутрь здания.

Он поблагодарил бригадира, вышел из машины и направился к пожарнику, на которого тот указал ему. Здесь сержант снова представился и попросил показать список

эвакуированных из дома жильцов. Ни одной знакомой фамилии обитателей десятого этажа он в нем не обнаружил. Либо все они по каким-то причинам были в отъезде, во что трудно поверить, либо уже сгорели.

Сержант помрачнел и вернул список пожарнику. Теперь он со всей ясностью осознал, что никогда уже не сможет ни установить личность убитого в подвале, ни найти самого убийцу. А тем более казалось невероятным распутать ту странную цепь убийств, которая произошла в стоявшем на этом месте особняке пятнадцать лет назад. Глядя на ревущее пламя пожара, сержант подумал, что отец Макгвайр остался теперь, пожалуй, единственным на всей Земле человеком, который мог бы еще пролить свет на всю эту тайну. Только он, и больше никто. Но священник после взрыва в участке куда-то исчез, и о нем не было никаких вестей.

Уосо посмотрел на часы. Скоро утро. Возможно, сегодня те, кто занимается взрывом в полиции, наконец, объяснят ему, что случилось с Макгвайром, или хотя бы скажут, где его можно найти.

Вернувшись к машине, сержант сунул в рот еще одну пластинку жвачки и, проехав через полицейские заграждения, скрылся в темноте ночи.

* * *

Через два дня Якобелли зашел в кабинет своего шефа и сел напротив него, держа в руках папку с документами.

— Рапорт уже у тебя? — спросил Уосо, отхлебывая пиво прямо из банки.

— Да, но он вряд ли доставит вам большое удовольствие, — предупредил детектив.

Уосо мрачно кивнул.

— Сам знаю.

— Значит, так, — начал рассказывать Якобелли, заглядывая в бумаги. — Доподлинно известно, что при пожаре в участке погиб всего один человек — какой-то задержанный старик, умерший от удушья. До сих пор неизвестно местонахождение только одного арестованного — отца Макгвайра. Всех остальных уже вернули в камеры. И так как после пожара его труп не был найден, следует предположить, что ему удалось бежать. Правда, каким образом, остается загадкой.

— Ясно, — кивнул сержант. — Дальше.

— Теперь о пожаре в доме 69... Погибло четыре чело-

века, остальных тоже удалось разыскать. Среди погибших — монахиня, сестра Тереза. Ее нашли на полу в собственной квартире. Вторая жертва — священник по фамилии Теппер. Его тело нашли на лестнице. Мы уже связались с Управлением епархии, чтобы они помогли найти его родственников. Третьей жертвой оказался жилец десятого этажа Бенджамин Бэрдет.

Уосо тяжело вздохнул.

— Ну, а четвертая, наверное, его жена? — предположил он.

— Нет. О ней пока ничего не известно. А последнее тело принадлежит мужчине. Скорее всего миссис Бэрдет не было дома, когда начался пожар. Но нам уже звонили родственники Бэрдетов, у которых он оставил ребенка, — они тоже обеспокоены ее отсутствием.

— Немедленно объявите розыск! — приказал сержант.

— Уже объявил.

— Ну, так кто же четвертый? — нетерпеливо спросил он.

— Пока не известно. Тело обнаружили в шахте лифта, но оно настолько обожжено и изувечено, что уже вряд ли удастся установить эту последнюю личность.

— Но неужели нельзя применить какие-нибудь новые методы?.. Или хотя бы логически вычислить, кто это?

— Вряд ли... Хотя судмедэксперт, конечно, не теряет надежды.

Сержант перегнулся через стол к Якобелли и забрал у него папку с документами. Потом быстро просмотрел все бумаги сам, покачал головой и отложил папку в сторону. Затем достал из кармана очередную пластину жвачки и принялся с остервенением разжевывать ее.

* * *

Старый «Де-Сото» 1956 года выпуска оглушительно выстрелил выхлопной трубой, когда Джон Сорренсон сворачивал с Парк-авеню на 89-ю улицу. День выдался жарким и влажным. В воздухе еще пахло дождем. Теплая куртка Джона покоилась на заднем сиденье вместе с зачехленной виолончелью и наскоро собранным чемоданчиком с вещами первой необходимости. Рубашка на самом Сорренсоне уже местами взмокла от пота. Ему казалось, что и борода тоже стала тяжелее, вобрав в себя все капли пота, стекающие на нее с лица.

И тут он невольно затормозил, уставившись на обугленный каркас, возвышающийся на том самом месте, где должен был стоять его родной дом номер 69.

— Боже мой! — ахнул Джон и округлившимися от ужаса глазами начал разглядывать то, что осталось от его дома после пожара. Старика затрясло.

Он выскочил из машины и подбежал ближе, перепрыгнув через поставленный вокруг пожарища невысокий заборчик. В воздухе еще пахло гарью, хотя, судя по всему, со времени пожара прошло уже несколько дней. Он пробежал глазами плакат, вывешенный Пожарным Управлением Нью-Йорка, а потом, опустив голову, медленно побрел по тротуару прочь.

— Что здесь случилось? — неожиданно для самого себя окликнул он спешащую мимо пожилую негритянку.

— Пожар, — коротко ответила она, размахивая шляпной коробкой. — Я слышала, будто здесь была целая трагедия, — добавила женщина. — Несколько человек сгорело...

— Но когда? Почему? — выкрикнул Сорренсон и тут же смутился своей навязчивости.

Женщина остановилась, окинула его подозрительным взглядом и тут же заторопилась дальше.

— Послушайте, я ведь жил в этом доме! — оправдываясь, крикнул ей вслед Сорренсон.

Но женщина не ответила, и тогда он, вконец раздавленный, вернулся к своей машине. Облокотившись о помятое ржавое крыло, он потер рукой лоб, щурясь от яркого солнечного света. А потом перешел улицу и через дыру в заборе заглянул на строительную площадку собора святого Симона. Там было совсем пустынно, котлован наполовину заполнился водой. Всю технику куда-то отогнали, ни одного рабочего на объекте тоже не было.

Ничего не понимая, он сел в машину и включил мотор. К счастью, Полицейское Управление находилось не слишком далеко, а там уж ему обязательно должны были рассказать, что случилось с домом во время его отсутствия. А может быть, пожарным удалось даже спасти какие-то вещи...

Он снялся с тормоза и решительно повел свой старенький автомобиль к зданию районной полиции.

Солнце уже скрылось за громадами небоскребов, когда измученный и поникший Сорренсон вновь подъехал к пожарищу — к останкам того самого здания, которое он столько лет уже называл своим домом. Вытерев с лица слезы, он опустил руки на колени и уставился на обгорелый скелет дома, стараясь собрать остатки сил, чтобы свыкнуться с этой страшной реальностью. То, что рассказали ему в полиции, могло бы сломать кого угодно...

Наступал вечер, и дневная жара сменялась сыростью и прохладой. Почувствовав, что начинает замерзать, Сорренсон взял с заднего сиденья пуховую куртку и осторожно набросил ее на плечи, стараясь прикоснуться к ней как можно нежнее. Ведь, кроме этой куртки, у него теперь ничего больше не было. Все вещи Джона оставались в его квартире на десятом этаже, а полицейский ясно сказал ему, что никакое имущество из дома спасти не удалось. К тому же Сорренсон, не слишком-то доверяя банкам, хранил все свои сбережения в картонной коробке под раковиной на кухне. И теперь у него за душой не осталось ни единого доллара.

К тому времени, как старик полностью погрузился в воспоминания о своей квартире и тихой мирной жизни в ней, солнце уже зашло. Родных у Джона не было, но он надеялся, что его временно приютит кто-нибудь из коллег из филармонии — хотя бы ненадолго, пока он устроит свои дела и сможет договориться о кредите. Значит, первым делом надо ехать в филармонию. Там должны помочь.

С этим решением он уже завел было машину, но вдруг рядом с ним остановилось такси, и оттуда вышли Макс и Грейс Вудбридж.

— Макс! — тихо позвал Сорренсон.

В тот же миг Грейс пронзительно закричала, и муж едва успел подхватить ее, иначе бы Грейс просто упала на землю от неожиданности — ноги у нее подкосились.

Сорренсон выбрался из машины и подошел к остолевшим супругам. Грейс безутешно рыдала и рвалась из объятий мужа к пожарищу, яростно колотя руками по воздуху.

— Мы ничего уже не можем тут сделать, — пытался объяснить жене Макс, наблюдая, как она вынула платок и прижала его к глазам.

— Абсолютно ничего,— согласился Сорренсон. Голос его дрожал.— Здесь был страшный пожар. И теперь ни дом, ни то, что в нем было, нам уже не вернуть...

Мужчины дружно подхватили Грейс под руки и усадили ее в машину Сорренсона.

— Как же это случилось, Джон? — спросил Макс соседа, устало облокотившись о крыло «Де-Сото».

— Я только что разговаривал с полицейскими... — ответил тот.— Дом сгорел ночью, четыре дня назад. Предположительно, огонь возник на десятом этаже. Пожарники ничего уже не могли сделать...

— Боже мой!.. Боже мой... — стонала Грейс.

Макс осторожно взял ее за руку и стал гладить по голове, надеясь, что так она быстрее успокоится.

— Кто-нибудь пострадал? — спросил он.

— Да,— кивнул в ответ Сорренсон и вновь почувствовал, что губы его начинают дрожать.— Сгорела старая монахиня... И еще... Бен Бэрдет.

— Нет! — вскрикнул Макс и замотал головой, отказываясь верить в услышанное.

— А Фэй? — в ужасе спросила Грейс, приподняв голову.

— Она куда-то пропала, и полиция сейчас ищет ее. К счастью, маленький Джон уцелел. Бен как знал — и отправил его к родственникам на несколько дней.

Макс сочувственно обнял Сорренсона за плечи.

— Все так неожиданно, Джон... Не могу даже поверить... Как вы думаете, мы сумеем когда-нибудь выкарабкаться?

Сорренсон неуверенно пожал плечами.

— А что нам еще остается, Макс? Теперь мы просто обязаны сделать это.

— Какое же счастье, что нас не было дома! — заметил Макс, нервно сглотнув.

— В самом деле,— согласилась Грейс.— А то не известно еще, чем бы все это кончилось...

Внезапно Сорренсон как-то странно посмотрел на них и горько вздохнул.

— Да уж!.. Повезло, как утопленникам... А куда, кстати, вы ездили, если не секрет?

— В каком смысле куда? Что вы имеете в виду, Джон? — не понял Макс.

— Ну, мне интересно, куда вам так срочно понадобилось отбыть, да еще на несколько дней. Зачем вы уезжали из города?

Макс тупо уставился на жену, напряженно пытаясь что-то сообразить. На лице его отразилось крайнее изумление. Он нервно потер подбородок, потом взъерошил редкие седые волосы на макушке.

— Черт возьми, а я ведь даже и не припомню!..— смущенно ответил он.— Дорогая, а в самом деле, куда и зачем мы, собственно, ездили? Ты, случайно, не помнишь?

Грейс задумалась, а потом отрешенно посмотрела на мужчин и покачала головой.

— Ну, где-то ведь вы должны были находиться все это время? Питаться, ночевать в конце концов... Может, у друзей или родственников? — попытался подсказать Сорренсон.

— Ну, разумеется, Джон! — Макс неожиданно расплылся в улыбке.— Мы были у...— И тут он снова замолчал, улыбка медленно сползла с лица, уступив место недоумению и тревоге.

— Макс,— вдруг обратился к соседу Сорренсон.— Что-то здесь не то, вам не кажется?

— Вы хотите сказать, что мы не можем вспомнить, где пропадали все это время? — ужаснулся Вудбридж.

— Да, но не только это. Я ведь и сам не помню, где провел эти дни. И какой черт меня дернул уехать из дому...

— Да вы что! — изумился сосед.

Сорренсон печально покачал головой.

— Да, Макс,— признался он.— Последние четыре дня словно кто-то напрочь вытер из моей памяти. Но я и не понял бы этого сам, если бы в полиции не спросили меня где я был. Да и вы тоже ни о чем бы не догадались, если бы я не задал вам тот же самый вопрос, которым огорошили меня полицейские.

Грейс Вудбридж стирала платком растекшуюся по лицу тушь.

— Я что-то ничего не понимаю,— растерянно произнесла она.

— Я и сам толком не разберусь...— поддержал ее Сорренсон.— Кстати, Дэниэл Батилль и обе секретарши тоже ничего не помнят.— Он прокашлялся и застегнул куртку на все пуговицы.— Все они гочно так же четыре дня где-то скитались, а вернулись только сегодня. А потом, как и я, пошли в полицию и, разумеется, ничего не смогли там рассказать. Представляете?

— А как Дженкинс?

— Он тоже, к сожалению, куда-то запропастился. Но в шахте лифта было найдено тело, опознать которое еще не смогли. Так что не исключено, что и Ральф погиб при пожаре.

— Четыре дня!.. Четыре дня вычеркнуто из жизни... Невероятно! — сокрушался Макс Вудбридж.

Сорренсон еще раз окинул печальным взглядом останки своего жилища. По пожарищу одиноко бродила чья-то собака. Детишки играли со старой рамой, вытащив ее за забор. И больше на пепелище никого не было.

— Вы считаете это невозможным? — мрачно усмехнулся Сорренсон.

ЭПИЛОГ

Приближался полдень. Было еще не жарко, воздух бодрил и наполнял энергией, небо сверкало голубизной.

Желтое такси остановилось на углу улицы святого Игнатия в тихом предместье Лос-Анджелеса. Из машины вышли двое и стали молча разглядывать небольшой старинный особнячок с покосившимся крыльцом и заколоченными окнами во всех комнатах первого этажа.

Казалось, в домике никто не живет. Однако, если присмотреться внимательнее, можно было заметить единственный человеческий силуэт за бежевой кружевной занавеской в окне третьего этажа.

Кардинал Реджани обменялся взглядами с сестрой Флоренс и облегченно вздохнул: это место ему явно пришлось по душе. Он принял правильное решение, переместив Стража из Нью-Йорка сюда, и теперь был очень доволен выбором нового поста для ангела Божьего.

Они подошли к парадному входу, и Реджани своим ключом открыл дверь. Войдя внутрь, они остановились в полутемном фойе и принялись разглядывать интерьер дома. Никакой мебели внутри не было, голые стены и пол покрывал толстый слой пыли. В воздухе пахло плесенью.

Когда они начали подниматься по лестнице, перила и ступеньки отчаянно закрипели, и это было единственным звуком, нарушающим царящую в особняке тишину. Кардинал Реджани слегка поддерживал монахиню под руку. Наконец они вззошли на третий этаж и приблизились к одной из дверей, такой же мрачной и неприветливой, как и все остальные.

Кардинал тем же самым ключом отворил и эту дверь, и они вошли в комнату.

Внутри находился один-единственный человек. Мужчина. Он сидел сейчас к ним спиной, обратив глаза к зашторенному окну. Реджани медленно подошел к нему; сестра

Флоренс послушно следовала за кардиналом. В комнате было довольно прохладно, но все же в нос бил устоявшийся тошнотворный запах гниющей плоти.

Реджани обошел вокруг плоти.

— Отец Беллофонтэн!.. — с восхищением прошептал он, переполняемый высокими чувствами, а потом оглянулся на сестру Флоренс и жестом пригласил ее подойти ближе.

Флоренс перекрестилась, увидев лицо священника.

— Да смилостивится Господь над душой его! — прошептала она.

Реджани не сводил глаз с человека, который был когда-то отцом Джеймсом Макгвайром. Сейчас же отец Беллофонтэн ничем не отличался от своих предшественников. Он неподвижно сидел на стуле и крепко сжимал в руках золотое распятие. Лицо его избороздили морщины, кожа сохла и пожелтела, покрывшись многочисленными язвами и болячками. Зрачки затянула катаракта. Волосы на голове спутались и были слегка влажными от гнилостных выделений. А на пальцах отросли длинные кривые ногти, больше напоминающие загнутые когти медведя. Грудь его оставалась неподвижной, и казалось даже, что он перестал дышать. Странно, что этот человек вообще мог еще жить, находясь в таком жалком физическом состоянии.

И тем не менее отец Беллофонтэн жил и дышал. И занимал этот самый священный пост, для которого был предназначен с самого начала. И хотя дело оказалось довольно сложным и Церковь чуть не потерпела полный провал, все же перевоплощение состоялось, и цепь Стражей не была прервана.

Реджани медленно покачал головой. Ему вспомнились последние месяцы, полные стремительных взлетов и падений. Ведь он чуть не лишился рассудка из-за всего этого!.. Сначала смерть сестры Анжелины и Бирока — верных и надежных помощников. Потом постоянные помехи из-за расследований инспектора Бурштейна и отставного полицейского Гатца... И, конечно, самодеятельность Бена Бэрдета, узнавшего, что следующим Стражем должна стать якобы его Фэй... Но все это время Макгвайр находился в полном неведении. Он должен был узнать о своей роли лишь в самый последний момент, а тайна моментального старения Стража так и осталась для него тайной. Реджани вспомнил, в каком ужасе был несчастный Макгвайр, когда раскрыл личность Фэй; как Бен из врага неожиданно стал союзником; как он сам чудом спасся при пожаре и сумел вытащить за собой отца Беллофонтэна. И, наконец, он

вспомнил гибель Франкино, его святую мученическую жертву. Да, он был бесстрашным человеком, позволив Сатане убить себя только ради того, чтобы Макгвайр остался в живых и смог пройти свой путь до конца.

Многое пришлось пережить им всем в эти месяцы...

— Итак, наша миссия завершена, — тихо произнес кардинал, прекрасно понимая при этом, что однажды все опять повторится. И может быть, даже раньше, чем он предполагает. И тогда все придется готовить и выполнять заново.

И нельзя исключить, что все это придется делать именно ему.

Реджани пробыл в Лос-Анджелесе две недели. За это время он успел предпринять кое-что, чтобы оградить отца Беллофонтэна от всяческих неожиданностей, подстерегающих его на посту. Он связался с главой лос-анджелесской епархии кардиналом Виллингсом и вкратце рассказал ему об отце Беллофонтэне, не забыв внести Виллинга в список посвященных в великую тайну. Сразу после этого Церковь купила землю, на которой стоял этот особняк и все соседние с ним строения. Затем был разработан проект постройки неподалеку скромной католической церкви, откуда можно было бы постоянно наблюдать за часовым и обеспечивать его безопасность, не привлекая никакого постороннего внимания. Из лос-анджелесской епархии был подобран и достойный преемник монсеньора Франкино. Ему вменялось в обязанности следить за состоянием дома, где находился Страж, обеспечивать самого Стража всем необходимым и готовиться к тому дню, когда должна будет произойти замена отца Беллофонтэна на нового часового.

— Ну, пора идти, — с сожалением вздохнул Реджани.

Сестра Флоренс кивнула, продолжая наслаждаться милым ее сердцу зрелищем. Ведь сейчас именно по ее просьбе, в которой кардинал никак не смог отказать, она приехала сюда вместе с ним навестить старого священника.

Реджани и Флоренс спустились вниз по скрипучей лестнице, вышли из особняка и остановились на зеленой лужайке перед ним, откуда прекрасно был виден силуэт священника в окне третьего этажа. Солнце било прямо в стекло, и им приходилось щуриться. Они постояли немного, глядя вверх, словно пытались навсегда запечатлеть в памяти этот образ и унести его в своем сердце. А потом повернулись и зашагали прочь.

Через какое-то время, когда гости скрылись за поворотом, отец Беллофонтэн начал медленно шевелиться, а затем положил крест на подоконник и осмотрел свои изра-

ненные ладони. Несколько минут он просидел молча, а потом вдруг откинулся на спинку стула и громко захохотал. Этот хохот, казалось, неся из бездонной пропасти, а тело священника стало менять свою форму, словно тающая восковая фигура, и постепенно обрело совсем другие очертания. Теперь в комнате сидел не старый калека с золотым распятием в руках, а сам Чарльз Чейзен. Глаза его сверкали победным огнем. Он упивался своим триумфом. Постепенно вся комната наполнилась бесформенными тенями обитателей ада, ожидающих его сигнала. Чейзен широко улыбнулся. Битва продолжается... И в подтверждение этому по всему дому разнесся грозный звон оружия и доспехов, и отовсюду слышались злобные крики воинов, готовых к последней атаке.

— Я призываю вас всех к себе и объявляю, что отныне вы сможете вновь вернуться на Землю,— закричал Чейзен.— И я поведу вас вперед. Вы выйдете из огня преисподней, где были обречены на вечное заточение.

Сколько раз он уже проигрывал!.. Но теперь-то времена изменились: перед самым превращением в Стража Чейзен застал Макгвайра совершенно одного, без всякой поддержки и защиты, и смог полностью развернуться перед ним, демонстрируя всю свою мощь. И тогда впервые за всю историю, начиная с архангела Гавриила, ему удалось сокрушить избранника Божьего и толкнуть его на самоубийство. Отец Макгвайр не выдержал и, покончив с собой, присоединился к легионам Сатаны. А Чейзен тут же принял облик Макгвайра, чтобы окончательно запутать и кардинала Реджани, и Бена Бэрдета. И вот «перевоплощение» состоялось. Он исполнил все до того виртуозно, что никто даже не заподозрил неладного. И теперь ему требовалось лишь одно — время, чтобы собрать свою армию, все свои лучшие силы. И тогда он снова бросит вызов Всевышнему.

— И скоро мы, победители, выйдем из темниц преисподней,— продолжал громогласно вещать Чейзен.— Проклятые, мы станем свободными, сбросив оковы тирана.

Здание задрожало, как во время землетрясения. Чейзен встал со своего стула и вошел в самую гущу бестелесных тварей. Перед ним оказались души Джека Купера и Бена Бэрдета, напоминающие теперь сгустки легкого черного тумана. А потом у дверей появилась и душа его помазанника отца Джеймса Макгвайра, в прошлом — человека, должно быть стать ангелом Божьим, а теперь — одного из его собственных слуг.

— Овладевайте же этим миром, и пусть он станет для живых настоящим адом! — кричал Чейзен. — Я добился этой возможности, пройдя тяжелые испытания.

Повсюду стали мелькать вспышки призрачного багрового пламени, и словно сам Ад эхом ответил на его слова. Стены дома угрожающе загудели.

Чейзен озирает свои армии, с торжеством победителя осознавая, что следующим мессией на Земле будет не кто иной, как он сам.

Воинственные крики все не смолкали, но он медленно подошел снова к стулу и уселся на него, опять взяв в руки распятие. Пока надо было продолжать этот обман. Еще не наступил нужный момент. И теперь ему оставалось лишь набраться терпения и сидеть вот так тихо и неподвижно в восточном пригороде Лос-Анджелеса, в старинном заброшенном особняке, таком мирном и уютном на первый взгляд...

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Через два дня после того, как кардинал Реджани вернулся в Рим, в три часа ночи к нему в дверь неожиданно постучали, и помощник вручил ему телеграмму, помеченную грифом «срочная». Телеграмма пришла из Управления нью-йоркской епархии.

Сев на кровати, Реджани дрожащими руками вскрыл ее и, включив настольную лампу, принялся читать:

«НЬЮ-ЙОРКСКИЕ СУДМЕДЭКСПЕРТЫ ЗАКОНЧИЛИ ИССЛЕДОВАНИЕ ОСТАНКОВ ТЕЛА, НАЙДЕННОГО В ШАХТЕ ЛИФТА ПОСЛЕ ПОЖАРА В ДОМЕ № 69 ПО 89-й УЛИЦЕ. УСТАНОВЛЕНО, ЧТО ТЕЛО ПРИНАДЛЕЖАЛО СВ. ОТЦУ ДЖЕЙМСУ МАКГВАЙРУ. ЖДЕМ ДАЛЬНЕЙШИХ УКАЗАНИЙ».

Реджани вскочил на ноги, испуганно озираясь по сторонам и с ужасом вглядываясь в темные углы комнаты.

— Что-то случилось? — заволовался помощник.

Кардинал побледнел и покрылся испариной, но так ничего и не ответил. Неожиданно он схватился за грудь, и сознание того, что случилось на самом деле, сразило его подобно удару молнии. Он пошатнулся и начал медленно оседать. Подбежавший помощник довел его до кровати и уложил на нее. И тут кардинала бросило в дрожь, он стал жадно хватать ртом воздух, а через несколько секунд у него начались страшные судороги. Наконец он изогнулся последний раз, и его тело беспомощно обмякло на смятых простынях.

Реджани скончался.

ГОРДОН МАКГИЛ

Конец черной звезды

ПАМЯТИ:

ЧЕССЫ УАЕТТ
ОТЦА ЭДГАРДО ЭМИЛИО ТАССОНЕ
КЕЙТИ ТОРН
ХАБЕРА ДЖЕННИНГСА
РОБЕРТА ТОРНА
КАРЛА БУГЕНГАГЕНА
МАЙКЛА МОРГАНА
ДЖОАН ХАРТ
БИЛЛА АХЕРТОНА
ДЭВИДА ПАСАРИАНА
Д-ра УИЛЬМА КЕЙНА
МАРКА ТОРНА
ЧАРЛЬЗА УОРРЕНА
РИЧАРДА ТОРНА
АННЫ ТОРН
ЭНДРЮ ДОЙЛА
БРАТЬЕВ: БЕНИТО
МАТТИАСА
МАРТИНА
ПОЛЯ
АНТОНИО
САЙМОНА
ХАРВЕЯ ДИНА
КЕЙТ РЕЙНОЛДС
СЕСТРЫ МЭРИ ЛАМОНТ
КЭРОЛ УАЕТТ
ОТЦА ТОМАСА ДУЛАНА
МАЙКЛА ФИННА
ДЖЕЙМСА ГРЭХЕМА
ФИЛИПА БРЕННАНА

Да упокоятся с миром их души.

А также виновника их гибели
Дэмьена Торна, 1950—1982.

Гореть его душе в адском пламени.

Написано сие в году две тысячи первом от рождества Господа
Нашего Иисуса Христа.

«...сатана будет освобожден из темницы своей, и выйдет обольщать народы, находящиеся на четырех углах земли, Гога и Магога, и собирать их на брань. Число их как песок морской».

ОТКРОВЕНИЕ: 20:7,8.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Вот уже трое суток старик не поднимался с постели. Глухой и безучастный ко всему, что его теперь окружало, он не сводил безразличного взгляда с потолка.

Старик-дворецкий даже не удосужился переодеться: он лежал во фраке с бабочкой, в кипенно-белой сорочке и черных, до блеска начищенных, туфлях.

Лицо его распухло от слез. Комната, где он сейчас находился, смахивала на цыганский табор. Все здесь было вверх дном с того самого дня, как старик переступил порог этого дома. В комнате начинало смердеть.

Радио и телевизор были включены на полную мощность. С утра до вечера гнали одну и ту же информацию: о войне на Ближнем Востоке — Армагеддоне XX века, — превратившей этот регион в пустыню, ибо и Тель-Авив, и Иерусалим были разбомблены и сгорели дотла, тогда как Дамаск и Бейрут еще находили силы для ответных ударов. На экране то и дело мелькали лица тех, кто выжил в этой бойне. Затем следовали фотографии радиоактивных облаков. Снимки были сделаны со спутников. Ведущий, комментируя эти страшные кадры, заявлял, что подобное нарушение ионосферы незамедлительно повлечет за собой резкие климатические изменения на планете.

Однако поток чудовищных новостей пронизывал сознание Джорджа, не задевая его, и лишь слезы, бесконечные слезы не переставали струиться по впалым щекам, стекая на подбородок, а затем на высокий воротничок фрака дворецкого.

На третьи сутки небо прояснилось, и лунный свет проник в комнату. Заморгав, Джордж сел на узкой кровати. Через некоторое время он с трудом поднялся и, пошатываясь, двинулся в ванную. Он с детства ненавидел грязь, а это зловоние и какая-то липкая затхлость словно впитались в

поры. Нестерпимо хотелось смыть с себя накопившуюся нечисть.

Приняв душ, старик побрился и облачился в чистый костюм. Затем вытащил из шкафа спальный мешок и побрел вдоль коридора к лестнице. Миновал холл и на пару секунд замешкался в гостиной, окинув ее мимолетным взглядом. Свечи — а их было шесть — догорели и растеклись на деревянном столе черным восковым пятном. Дворецкий поморщился от отвращения, но так и не подошел к столу: ничего, уборка потерпит еще чуток. Надо успеть закончить более важное дело.

Стояла теплая летняя ночь, однако старик дрожал с головы до ног, словно в лихорадке. Заглянув в конюшню, он прихватил лопату и медленно зашагал по залитой лунным сиянием поляне в сторону холма, вершину которого венчала церквушка.

Слезы его высохли, он выплакал их. И теперь в груди поселились шемящая пустота и безмерное отчаяние. Всю жизнь он ставил на силы Зла, верил в них и был крепок в этой вере. Ему обещали даровать вечное проклятье*, и свои надежды старик связывал именно с ним. Однако теперь, после той страшной ночи, душа его была раз и навсегда потеряна. Ее лишили будущего. Старик сам сделал выбор, собственными руками перечеркнув посмертье. Он проиграл, как проиграли и все ученики. Дух их был сломен, а сами они пребывали в смятении.

Старик тяжело дышал, карабкаясь вверх по склону. Наконец, он добрался до церквушки, издалека разглядев табличку на воротах «Приходская церковь Св. Иоанна». Старик внутренне сжался, вспомнив, что он сейчас увидит. Лишь бы это зрелище не повергло его в шок!

Собака лежала на том же месте, где и упала, — огромное животное с многочисленными следами черной, запекшейся крови. Желтые остекленевшие глаза с ненавистью взирали на старика. Пес растянулся у подножия деревянного распятия, залитого кровью. Лик Спасителя был обращен к кресту.

Старик положил лопату и, перешагнув через околевшую собаку, медленно побрел к церквушке. Всю жизнь он боялся ступить на священную землю, но теперь, когда битва была проиграна, страх исчез, как исчезла и цель, ради которой он жил.

* Сатанисты не благословляют, а проклинают друг друга.

Купола над церковью не было и в помине, всюду валялись разбитые и перевернутые скамьи, однако алтарь, как ни странно, сохранился. Старик зашаркал по каменному полу, волоча за собой мешок. Перед алтарем он остановился. Рассыпавшийся мужской скелет с семью кинжалами, как и три дня тому назад, покоился на возвышении. Дрожащей рукой Джордж потянулся за черепом и торопливо сунул его в мешок, подумав вдруг, как все это отвратительно выглядит со стороны. Он продолжал суетливо складывать останки в мешок.

За минуту дворецкий управился, однако берцовая кость никак не влезала, и, застегивая «молнию», ему пришлось немного поднатужиться, запихивая кость в мешок.

Старик что-то пробурчал под нос и собрал стилеты с вырезанной на рукоятках фигуркой Христа. Сдув с алтаря пыль, он повернулся и поспешил прочь из церкви. Ему предстояло теперь сжечь останки и захоронить их.

Битый час возился Джордж с ямой для собаки, еще двадцать минут ушло у него на поиски сухих веток и хвороста. Он разложил их у подножия распятия. Поначалу костер никак не разжигался, но вот налетел легкий ветерок, и пламя, наконец, занялось. Старик схватил околевшее животное за передние лапы и поволок его к яме. Еще усилие... Он присел на корточки, переводя дух. И тут же отпрянул от мертвого тела. Старику вдруг почудилось, что брюхо у собаки вздрогнуло. Удерживая равновесие, Джордж вцепился в тлеющий крест и растерянно заморгал. Внезапно у пса дернулись задние лапы.

Не раздумывая ни секунды, старик схватил один из кинжалов и вонзил его в раздувшийся живот. Кожа с треском лопнула, словно на барабане, и плоть легко, без единой капли крови, разошлась, обнажая утробу чудовища.

И вдруг из отвратительного месива появилась голова другого существа, слепо тыкающаяся в пуповину. Вот показались и лапы... В мгновение ока новорожденное животное перегрызло пуповину и вывалилось из распоротого брюха, угодив прямиком в свежевырытую яму.

Покрасневшее от напряжения лицо Джорджа внезапно посерело. «Посреди смерти является жизнь», — пробормотал он и, почувствовав, как мурашки забегали по спине, осенил себя обратным крестным знаменем.

Он поднял глаза на окутанное дымом распятие. И вздрогнул от страха и неожиданности, когда ослепительная молния ударила в землю совсем рядом, выхватив из мрака щенка.

Тогда дворецкий побежал. Так быстро, как только позволяли его старые ноги. А первые тяжелые капли дождя моментально затушили костер.

Ливень нещадно хлестал по лицу старика, попадая в глаза. Поэтому тот так и не смог разглядеть в кустарнике два желтых немигающих огонька.

* * *

Мальчик сидел на корточках, равнодушно наблюдая разразившуюся грозу. Он был обнажен. Длинные патлы свалились, руки и ноги покрылись ошметками грязи. Кровь все еще сочилась из многочисленных ран на шее. Смешиваясь с дождевыми струями, она стекала вниз по спине ребенка. Ноздри мальчика дрогнули, как только он почуял запах дыма, и глаза мгновенно сузились. Взгляд тут же уловил неясное движение возле вырытой могилы.

Облизнув пересохшие губы, мальчик быстро пополз на карачках к яме. У края могилы он замер, пристально разглядывая щенка, а затем, в прыгнув в нее, принялся лихорадочно вылизывать животное, чувствуя его ответные движения. И вот уже собака поднялась с земли и стала скрестить по ней когтями, процарапывая кресты. Затем, выскочив из ямы, потрусила в сторону церкви. Пес то и дело оглядываясь на мальчика, как бы приглашая того следовать за ним.

Какое-то время ребенок не двигался и вдруг, в один прыжок одолев край ямы, припустился на четвереньках следом за собакой. У церковных ворот он застыл на миг, словно колеблясь — но только на миг, — и вот он уже пополз дальше, прямо к паперти, на которой лежала огромная Библия. При виде священной книги мальчик оскалил зубы и зарычал, покосившись на собаку. Та лапой выводила в пыли знаки:

XXII — III — VIII

Взбежав по разбитым каменным ступеням, животное уселось возле анаоя.

Мальчик коснулся рукой ран на шее и последовал за псом, все еще не поднимаясь с четверенек. Он взобрался на паперть и дотронулся до массивной Библии. Это оказался Новый Завет. Книга была покрыта толстым слоем пыли.

Дрожащими пыльцаами, оставлявшими на пожелтевших страницах кровавые отпечатки, мальчик открыл двадцать

вторую главу и отыскивал необходимые строчки. Пальцы так и застыли в воздухе. Мальчик оскалился в злобной ухмылке, а губы забормотали стих из Библии.

Плечи его внезапно расправились, и он встал во весь рост. Это был уже стройный юноша с горящими ненавистью глазами. Ладони его сами собой сжались в кулаки, и, торжествуя вскинув руки, он глубоко втянул в себя воздух, победно озираясь вокруг. И тут юноша наконец заметил, что он обнажен. От холода тело его с головы до ног покрылось гусиной кожей. Кроме того, он вдруг понял, что находится в Божьей обители, пусть разрушенной, но совершенно неведомой, а потому опасной. Внутри у него зашевелился страх, но юноша обрадовался ему. Значит, он жив, значит, он вновь возродился!

Юноша повернулся и бросился прочь отсюда, чувствуя, как священная земля обжигает его ступни. Но он ликовал, ощущая эту боль. Очутившись за порогом церкви, юноша замешкался возле распятия. Он поднял лежавший рядом мешок и вытащил оттуда семь кинжалов.

Пробормотав заклинание, он обежал вокруг распятия и один за другим с треском вонзил кинжалы в дерево. Теперь они торчали из спины и рук Христа, образуя крест.

Юноша торжествуя усмехнулся. Он пристально уставился на охваченный агонией лик, по которому стекали струи дождя, окрашенные чужой кровью.

«Как один день, Назаретянин,— прошептал юноша.— Тысяча лет, как один день».

И, ни разу не оглянувшись, бросился к дому, растворяясь в ливневых потоках.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава I

Целый год ожидал Поль Бухер собственной смерти. Он начал уже терять терпение. В то злополучное утро, названное Армагеддоном, у Бухера случился удар, в результате чего у него чуть-чуть нарушилась дикция, а левую руку разбил паралич. Бухер предпочел бы смерть, ибо вся его предыдущая, проклятая жизнь оказалась напрасной, и семьдесят один год выброшены псу под хвост. Ведь только в самом конце пути Бухер сподобился-таки отвернуться от Зла и вновь обрести Бога.

А теперь его силы на исходе, он смертельно устал. Роскошь ему была уже ни к чему, и Бухер перебрался в какую-то переполненную богадельню на окраине Лондона. Здесь он надеялся перезимовать. Однако морозам, сковавшим землю, не было видно конца. Спустя четыре дня после Армагеддона, в середине июля 2000 года выпал первый снег, и с тех самых пор земля лежала, укутанная его толстым слоем.

Не было больше ни весны, ни лета — лишь сплошная зима царствовала на планете. Не распускались одуванчики, не цвели крокусы, да и стволы деревьев вот уже почти год словно омертвели. Съездившиеся от ледяной стужи люди одиноко бродили по улицам. Да и какой толк был от того, что они теперь знали причину морозов: нарушение климатического баланса. Это ровным счетом ничего не меняло в их жизни.

Бухер сидел на краю постели и потягивал виски. Он уже наполовину опорожнил бутылку. Но, похоже, надраться не удавалось. Все впустую.

С трудом поднявшись, Бухер включил телевизор и поморщился. На экране то и дело мелькали все новые и новые люди, бесконечно дискутировавшие о причинах войны и ее внезапного окончания.

А вот он — Поль Бухер — знал истинные причины, но поделиться этим знанием ему было не с кем. Да и кто, кроме религиозных фанатиков, может поверить, что все свершившееся было предсказано в «Откровении Иоанна Богослова»?

Бухер в очередной раз отхлебнул из бутылки, прислушиваясь к новостям. Итак, китайская армия в полной боевой готовности сосредоточена на русской границе. Совет Безопасности ООН созывает срочное совещание. Все как обычно. Похоже, происходящее начинает смахивать на паранюю. О неизбежных войнах шушукуются уже на каждом углу.

Ну уж дудки, кажется, они перебрали на этот раз. Бухер раздраженно щелкнул выключателем, и экран погас. Он скользнул взглядом по стене, сплошь исписанной цитатами из Библии. И в который раз прочел одну из них вслух:

«И увидел я Ангела исходящего с неба, который имел ключ от бездны и большую цепь в руке своей. Он взял дракона, змея древняго, который есть диавол и сатана. И сковал его на тысячу лет, и низверг его в бездну. И заключил его, и положил над ним печать, дабы не прельщал уже народы, доколе не окончится тысяча лет; после же сего ему должно быть освобожденным на малое время».

Тысяча лет. Тысяча лет после Армагеддона. И это называлось пророчеством? Обещание-то оказалось на деле липовым. Самым что ни на есть предательским.

Ибо человечество пребывало ныне в состоянии чудовищной апатии и пессимизма. Даже рождение детей не приносило радости, и никто не поздравлял друг друга по этому случаю. На планете не оставалось ни единого уголка, где можно было бы укрыться от всепроникающей радиации.

Безропотно и равнодушно человечество ожидало своего смертного часа. И оно, похоже, заслужило его.

Бухер взглянул на циферблат и потянулся к телефону. В это время он обычно звонит Маргарет, чтобы узнать, как у нее дела.

Телефон не отвечал. Может, неправильно соединили. Бухер вновь набрал номер. Опять молчание на том конце провода. Бухер нахмурился. Маргарет должна находиться на месте. А если она куда-нибудь отлучилась, то в доме все равно кто-то обязан был остаться. Домработница, на худой конец.

Бухер наспех облачился в пальто и торопливо зашагал к выходу. Спускаясь по лестнице, он прикрыл рукавом нос, так как за дверью стоял нестерпимый смрад. Несло мочой или чем-то в этом роде. Да, не завидное местечко для оби-

тания. Однако подобное самоистязание по-своему привлекало Бухера. Оно походило на своеобразное добровольное наказание, на некую прелюдию перед неизбежной расплатой после смерти, которую он с таким нетерпением ждал. Бухер надеялся, что смерть принесет ему освобождение.

Добравшись до Южного Кенсингтона, Бухер сошел у дома Маргарет. С той самой ужасной ночи они встречались чуть ли не каждый день. Они нуждались друг в друге, ибо слишком многое связывало их. Однако для Маргарет Бухер был вообще необходим, как воздух, потому что вина ее оказывалась неизмеримо тяжелее.

Возле крыльца Бухер заметил полицейского, и тревога его сменилась паникой. Побелев, как полотно, он назвал свою фамилию, и его пропустили. Произошел несчастный случай — бросили ему вдогонку.

Накануне в квартире царил полный хаос. А сейчас все здесь сверкало чистотой, оконные стекла сияли, а на мебели, похоже, не осталось ни единой пылинки. Все как обычно. Если бы не присутствующие полицейские.

— Где она? — хриплым голосом спросил Бухер.

Ему назвали госпиталь, и старик снова нахмурился...

— Но ведь это...

— Совершенно верно, сэр, психиатрическая клиника, — подхватил сержант, провожая Бухера в ванную.

Все здесь было залито кровью. «Неужели в такой миниатюрной женщине может поместиться столько крови?» — внезапно промелькнула у Бухера нелепая мысль.

Он почувствовал, как ноги у него подкашиваются, и оперся на руку полицейского. В глазах у Бухера застыл вопрос.

— Попытка аборта, — осторожно ввернул сержант. — Хотя знаете, сэр, врач «скорой помощи» говорил, будто женщина одержима... Она то и дело повторяла, что зачала от... дьявола. Или от кого-то в этом роде, понимаете?

Бухер прикрыл глаза, пытаясь подавить внезапный приступ тошноты.

Полицейский протянул ему блестящий металлический предмет:

— Она эту штуковину предварительно сунула в стиральный порошок. Видать, для верности.

— Несчастная, — еле слышно обронил Бухер, и взгляд его затуманился.

Полицейский переминался с ноги на ногу в надежде выудить у Бухера хоть какие-нибудь сведения. Лишь он мог

пролить свет на случившееся несчастье. Но тот лишь покачал головой.

— Можно ее видеть? — обратился Бухер к сержанту.

— Нет, сэр. Мы бы хотели задать ей пару вопросов, пока она еще в состоянии отвечать.

Кивнув, Бухер повернулся к выходу. Он окончательно понял, что своей вины ему не искупить во веки веков.

Глава II

Заявление, поступившее из штаб-квартиры Торнов в Чикаго, мгновенно облетело весь мир. На планете тут же начали трезвонить телефоны. Заявление было коротким, но очень емким: семнадцатилетний сын Дэмьена Торна, согласно завещанию отца, вступает в права наследования компанией «Торн Корпорейшн» и становится ее главой. Вице-президентом назначен Вильям Джеффрис. Он будет представлять интересы компании по всему миру.

Деловой мир всполошился: всюду начали снешно созывать разного рода симпозиумы. Вопросы там затрагивались одни и те же. Откуда только взялся этот юнец? Кем была его мать? И где его скрывали все эти семнадцать лет? Состоится ли пресс-конференция? И как, черт подери, раздобыть его фотографию?

Бухеру потребовалась уйма времени, чтобы переварить эту новость. С тех самых пор, как он последний раз посетил дом Маргарет Бреннан, он беспробудно пил, накачивал себя алкоголем, притупляя сознание и пытаясь хоть на время выкинуть из головы случившееся.

Сообщение, переданное по телевизору, моментально отрезвило Бухера. Немигающим взглядом он недоверчиво уставился на экран. Стремясь хоть чуточку унять охватившую его дрожь, Бухер вцепился в подлокотники кресла.

Вперившись взглядом в экран, он вдруг заметил на нем и свое отражение: заросшее щетиной опухшее лицо опустившегося старика. Бухер с отвращением отшатнулся от экрана. Тем временем там показывали ворота семейной резиденции Торнов в Чикаго, а затем и Пирфордское поместье в Беркшире. Оба здания буквально осаждали репортеры.

Но уж кто-кто, а Бухер прекрасно знал, что ровным счетом ни единого слова не удастся выудить всей этой братии. «Торн корпорейшн» не подотчетна никому. Ведь она — не обычная компания, ибо держателей ее акций прос-

то не существовало на белом свете. Непосвященным оставалось только догадываться о размерах ее оборота и общего капитала. И каждый раз это оказывался лишь весьма приблизительный подсчет.

Смежив веки, Бухер тяжело вздохнул. Он проиграл. В ночь Армагеддона он сделал слишком мало. Этого оказалось недостаточно. Он только думал, что победил. Но зверь не умер. Кошмар продолжается, и его — Бухера — мужество и храбрость оказались напрасными.

И вдруг Бухер расплакался. Такого с ним не происходило со времен детства. Он заходился в рыданиях, всхлипывал, подвывал и никак не мог остановиться. У него защемило сердце, но теперь это уже не играло роли. Теперь вообще ничего не имело значения, кроме того, что Бухеру предстояло встретиться с Дэмьеном-младшим. Вполне возможно, что эта встреча явится последней в его жизни. Но отныне Бухер не отойдет в мир иной, покуда это свидание не состоится.

Добираясь на такси из Лондона в Беркшир, Бухер мысленно вернулся в старые добрые времена, когда его собственное будущее, осененное вечным проклятьем, казалось ему таким радужным и безмятежным.

Дэмьен Торн собирался держать мир в ежовых рукавицах. А уж энергии-то у них двоих — и у Дэмьена, и у Бухера — было хоть отбавляй. И неограниченные возможности. «Торн Корпорейшн» превратилась в колоссальную могущественную компанию, чье влияние распространялось на все регионы планеты. Никто и ничто не могло встать на пути триумфального шествия Торна, пока... Пока не появилась на горизонте женщина. Кейт Рейнолдс всадила кинжал в спину Дэмьена. Потому что тот имел неосторожность по уши влюбиться в эту особу.

Но и после гибели Дэмьена оставалась надежда. Женщина родила сына. Сама она при родах скончалась. Мальчик оказался точной копией своего отца. Но только внешне. Торн-старший отличался поразительным обаянием, а отпрыск был замкнут и угрюм. Бухер никак не мог припомнить, чтобы тот хоть раз улыбнулся. И если Дэмьен-старший стремился к полновластию, то сына его привлекали лишь месть да разрушение: в ночь Армагеддона он почти осуществил свою мечту.

Съехав с шоссе, такси запетляло по проселочной дороге, ведущей в Пирфорд. Бухер вдруг задрожал, как осиновый лист. Разумеется, ни душой, ни телом он больше не принадлежал этому юнцу. Но ему необходимо увидеть

юношу. Ему во что бы то ни стало надо убедиться, что его — Бухера — план провалился в ту злополучную ночь.

Здоровой рукой Бухер дотянулся до парализованной левой и сложил ладони в молитве. Он вспоминал слова, которым его учили еще в детстве. Бухер обращался к Богу, заклиная Господа придать ему сил, чтобы выдержать предстоящую встречу.

Сторож у ворот усадьбы с утра до вечера отбивался от целой оравы журналистов. Те напоминали ему свору ищеек, учуявших добычу и теперь яростно рвущихся к цели. Они то умоляли, то грозили ему расправой, пытаясь заполучить хоть малую толику информации о новом председателе «Торн Корпорейшн».

И в который раз объяснял им привратник, что никаких комментариев к сделанному заявлению не будет, что ждать возле усадьбы не имеет смысла, а лучше им всем подбру-поздорову возвращаться поскорее в Лондон. Однако спокойные увещевания сторожа лишь подливали масла в огонь. В толпе то и дело раздавались возмущенные возгласы.

Заметив черный лимузин, репортеры тут же направили на него свои камеры. А сторож, разглядев и узнав пассажира, выбравшегося из машины, растерянно заморгал.

Ибо пассажиром этим оказался не кто иной, как Поль Бухер. Выглядел он постаревшим лет на десять с тех пор, как сторож в последний раз видел его. Охранник заколебался было, но затем отбросил в сторону сомнения. Конечно, это был Поль Бухер. Вернее, то, что от него осталось. Потому что появившийся так внезапно старик был сед и немощен.

А ведь в былые времена в империи Торнов Бухер считался вторым человеком после хозяина. Правда, в последние месяцы сторож получил иные инструкции от Дэмьена, и с тех пор Бухера здесь не особенно-то жаловали.

И тем не менее привратник растолкал толпу и встал перед Бухером навтыяжку.

— Он у себя?

— Да, сэр,— последовал ответ.

— Доложите, пожалуйста. Скажите, что я у ворот.

Сторож облегченно вздохнул. По крайней мере Бухер снимает с него ответственность. Привратник поспешил в будку и что-то передал по селектору. Вернувшись к машине, он предложил Бухеру руку и сообщил, что тому придется пройти пешком, ибо, если открыть ворота, в них немедленно вломится оголтелая толпа.

— Вы знаете, куда идти, сэр,— напутствовал сторож, прикрывая за Бухером металлическую калитку.

Тот еле заметно кивнул и медленно побрел по дорожке. Сторож печально взглянул вслед старику, сомневаясь, достиг ли вообще Бухер до особняка. Не каждый день приходилось охраннику видеть таких дряхлых людей.

А Бухер впервые за многие годы тащился пешком по дорожке, по которой обычно подкатывал на автомобиле прямо к самому дому. Казалось, ей не будет конца, и, когда за поворотом внезапно показался особняк, старика вдруг охватил безотчетный ужас. Теперь он находился в самом логове, перед лицом близкой смерти. Но — странное дело — умирать ему расхотелось. Когда он в своей конуренке молил Господа даровать ему смерть, все было ясно. А теперь? Ждать ее, как подачки, от этого юнца?

Бухер огляделся по сторонам. Когда-то цветущий розарий был сейчас пуст и навевал лишь грусть. Голые деревья не шелестели листвою. Может быть, потому и сам особняк казался обветшалым и каким-то выцветшим! А ведь Пирфордское поместье слыло в былые времена одним из самых очаровательных уголков Англии.

Что ж, этот ублюдок успел загадить и само здание, и все вокруг него.

Входная дверь была открыта, и Бухер, на секунду замешкавшись, шагнул в холл. На пороге он принюхался, словно собака. Ничего в доме не напоминало о присутствии человека, отсутствовали даже запахи еды. Здесь все словно вымерло. Да и дворецкий Джордж, верой и правдой служивший Дэмьену-старшему и всегда с должным уважением относящийся к Бухеру, тоже куда-то запропастился.

Бухер окликнул дворецкого, и его тоненький старческий фальцет эхом заметался в гулких просторных залах. Тяжело ступая, Бухер с трудом поднимался по широкой мраморной лестнице. Он вспоминал, как в тот роковой день волочил по этим ступенькам забальзамированный труп Торна.

Страхнув с себя воспоминания, Бухер поежился и, одолев последнюю ступеньку, очутился перед спальней юноши. Толкнув дверь, заглянул внутрь. Похоже, ничего тут не изменилось: сумрак да промозглость. Та же узкая койка, а над нею портрет отца и фотография могилы матери.

Со стены исчез коллаж с надписью «Репетиция». Вместо него висел портрет Бухера, сплошь испещренный самыми гнусными ругательствами.

Бухер осторожно притворил дверь и пошел дальше по коридору. Он был абсолютно уверен, где ему искать юно-

шу. Он брел туда, куда не проникал ни единый солнечный луч, он направлялся в часовенку, надеясь только, что ему достанет мужества переступить ее порог.

Сначала Бухер решил было, что и собака осталась прежней, однако тут же понял свою ошибку. Этот рычащий, ощерившийся в злобном рычании пес был явно и моложе, и крупнее прежнего — размером с молодого оленя.

Услышав из-за двери знакомое, монотонное бормотанье, Бухер едва успел отпрянуть. Молясь, юноша воиставлял силы. И тут Бухер со всей очевидностью понял: он никогда не сможет войти внутрь часовни. Старик повернулся и торопливо заковылял прочь, проклиная себя за дурацкое тщеславие. И он еще надеялся, что способен одолеть Зло! Да, его оптимизм оказался преждевременным.

Оставалось одно. Он попробует найти кинжалы. Нет, конечно, он уже не в состоянии пустить их в ход, однако необходимо сохранить стилеты и передать тому, кто поможет. Чтобы тот довершил начатое.

Бухер с трудом передвигал ноги. Он вышел на лужайку перед домом и направился вверх по склону. Обратно к церквушке. Замерзшая трава хрустела у него под подошвами. Старик внезапно почувствовал себя пилигримом, отправившимся в свое последнее странствие.

Издалека он заметил распятие. Оно по-прежнему стояло, прислоненное к церковной стене, однако что-то в нем изменилось. Старик сначала никак не мог разобраться, что именно. Подойдя поближе, он, наконец, понял, в чем дело. Ноги деревянной статуи Христа обгорели.

Бухер с трудом опустился на колени. Глянув на лик Спасителя, он начал еле слышно бормотать слова молитвы. И тут старик разглядел кинжалы, по рукоятку вонзенные в спину Христа. Кинжалы располагались в виде креста. Так позабавиться могло только одно существо на всей планете. Ибо только оно ведало, в какой последовательности надо наносить удары. Иначе от стилетов не было никакого толку.

Бухер коснулся каждого из них. Как и венки на голове Христа, рукоятки проржавели, но это не имело значения. Главное, он нашел их. Старик потянул на себя один из кинжалов. Тот не поддавался. Бухер потянул сильнее. Похоже, металл застрял намертво. Старик попытался прижать рукоятку к бесчувственной ладони и выдернуть стилет обеими руками, но затея не удалась. От усилий пот градом струился с его лба.

Он слишком слаб. Ему не справиться в одиночку.

Дыхание со свистом вырывалось из старческой груди. Бухер ступил на порог церкви. Может быть, Он подскажет выход. Приблизившись к алтарю, старик заметил Библию. Книга была раскрыта, страницы измазаны кровью. Бухер прочел отмеченный кровью отрывок из Второго послания апостола Петра:

«Одно то не должно быть сокрыто от вас, возлюбленные, что у Господа один день, как тысяча лет, и тысяча лет, как один день».

Ничего не понимая, Бухер в замешательстве заморгал. Он постоял несколько минут, раздумывая, что могут означать эти слова. И вдруг вспомнил пророчество о дьяволе, низвергнутом в бездну на тысячу лет. Тысяча лет. Как один день.

Внезапно старик почувствовал пронзительную боль в сердце. Она мгновенно прострелила и неподвижную левую руку. Из горла вырвался отчаянный и хриплый вопль. Все тщетно! Это оказалось фальшивое пророчество. Время не имело значения. И мир на земле не наступит никогда.

Поникнув головой, Бухер побрел прочь из церкви. Он не сумел вытащить кинжалы. Надо хотя бы попытаться спрятать их вместе с распятием.

Обхватив деревянную фигуру, старик волоком затащил ее в церковь. Он прекрасно отдавал себе отчет, что Дэмьен ни при каких обстоятельствах не посмеет ступить на священную землю. Конечно, он может прислать своих приспешников, этих грязных шакалов, но сам не посмеет.

Какое-то время Бухер внимательно разглядывал единственную, чудом сохранившуюся балку купола, перекинутую с одной полуразрушенной стены на другую. Балка протянулась на высоте футов двадцати.

Бухер знал, где спрятана и лестница, и крепкая веревка. Он молил Бога лишь об одном: чтобы ему хватило сил осуществить задуманное...

Часом позже все было кончено. Спаситель взирал теперь на Бухера сверху, где тот привязал распятие к балке. Бухер вдруг улыбнулся.

— Воскресение, — еле слышно обронил он и поплелся к выходу.

Проходя мимо особняка, Бухер застыл на месте. Из окна, не мигая, уставился на него Дэмьен-младший. Мгновение они буравили друг друга взглядами, затем старик отвернулся и побрел к воротам, не оглядываясь больше. Ибо он понимал: сейчас Дэмьен не причинит ему никакого

вреда, потому что в этом не было смысла. Ведь Дэмьен наперед знал все, о чем помышлял Бухер.

Возвратившись в свою убогую обитель, Бухер упал на колени и долго молился. Поднявшись, он сморщился от острой боли, пронзившей его слабые, немощные ноги, и достал с полки крошечный диктофон. Плеснул в бокал виски и, присев на кровать, заговорил в микрофон.

«Простите, святой отец,— запинаясь, начал Бухер,— что мою речь трудно разобрать. Это последствия удара, случившегося со мной. Я умоляю дослушать меня и понять».

Бухер смотал пленку назад и удовлетворенно кивнул. Слова звучали достаточно отчетливо. Значит, послание дойдет до священника.

«Моя фамилия Бухер. Поль Бухер,— продолжал старик.— Мы никогда с вами не встречались, но я хорошо осведомлен о силе вашей веры и молю Бога, чтобы вы еще оставались на нашей стороне. Но если это не так, тогда я передам эту исповедь вашему преемнику в надежде, что он примет ее. Я знаю, все это звучит слишком странно, но на свете нет никого, кому я бы мог довериться...»

Замолчав, Бухер протянул руку за Библией. Положив книгу на колени, он возобновил свою исповедь.

«Простите, святой отец, мой великий грех, всю мою чудовищную жизнь...»

Старик безостановочно говорил два часа. Потом достал кассету и сунул ее в плотный бумажный пакет, набросав на нем адрес: «Отцу де Карло, монастырь Св. Бенедикта, Субиако, Италия». Накинув пальто, он отправился на почту. Бухер знал, что священник получит пакет слишком поздно, но ведь у него еще оставалась надежда и на посмертное отпущение грехов.

Отправив пленку, Бухер почувствовал вдруг облегчение. Он исповедался, и это главное. Все остальное в руках Бога.

Внезапно налетел сильнейший порыв ветра. Бухер нахотился всего в нескольких ярдах от дома, однако преодолеть это смехотворное расстояние оказалось делом нелегким: шквал сбивал с ног.

«Антихрист имеет власть над умами и душами людей»,— как заклинание повторял старик, а ветер, подхватывая эти слова, уносил их прочь.

Дверь в каморку не подавалась. Бухер дергал и дергал за ручку, но ураган плотно прижимал дверь к косяку. Старик знал, что стоит ему сейчас обернуться, как перед его взором мгновенно возникнет какое-нибудь дьявольское видение. Со всех сторон Бухера атаковали силы Ада, уничтожившие уже столько людей. Юнец забавлялся, играя с Бухером в кошки-мышки и наслаждаясь своей чудовищной затеей.

Наконец, старик ворвался в комнатенку, и дверь с грохотом захлопнулась за ним. Бухер поплелся к кровати. Он сгреб лежавшие на столе таблетки и пододвинул к себе бутылку коньяку. Пора. Слишком уж он задержался на этом свете. Удивительно и то, что плоть его оказалась куда крепче, чем дух.

Здесь же, на столе, лежала ручка с бумагой, а также стояла старенькая чернильница. Бухер обмакнул перо в чернильницу и начал писать. Подводя черту под своей жизнью, он набросал одно-единственное предложение:

«И что человеку с того, что, овладев всем миром, он потерял собственную душу».

Выронив самописку, Бухер дотронулся до крошечного бугорка на пальце правой руки. Знак не исчез. Глубоко вздохнув, старик потянулся за коньяком.

«Аминь», — только и вымолвил он, пригубив бокал.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Глава III

Сообщение о смерти Поля Бухера заняло первую полосу «Нью-Йорк Таймс», а на развороте газета поместила подробнейший некролог. Его автор оголтело и беспощадно клеймил Бухера, называя того безжалостным дельцом, который без зазрения совести шел буквально по головам, лишь бы достичь вершины социальной лестницы.

Автор, однако, признавал — хоть и со скрипом, — что именно проницательность Бухера превратила «Торн Корпорейшн» в крупнейший промышленный гигант. Благодаря настойчивости Бухера компания занялась производством сои и сельскохозяйственных удобрений. Ибо тот сумел вовремя сориентироваться, предвидя, что лидерство в пищевой промышленности обеспечит не только огромные финансовые прибыли, но и определенный политический капитал.

Все знали, что Бухер частенько повторял: «Мы ставим на голод».

В некрологе язвительно прошлись и по тому факту, что Бухер, как и все Торны, никогда не давал интервью. Так что о его личной жизни известно не слишком-то много.

С особым удовольствием муссировались слухи о самой кончине Бухера, почившего в полной нищете, в грязной богадельне. И это всего год спустя после ухода из богатейшей компании западного мира. Автор не преминул подчеркнуть, что смерть Бухера странным образом совпала с недавним сообщением о вступлении семнадцатилетнего Дэмьена Торна-младшего в должность президента «Торн Корпорейшн».

Именно эта последняя фраза запечатлелась в голове у Джека Мейсона. Пробежав глазами некролог, он отложил газету в сторону. Мейсон жил на тридцатом этаже одного из небоскребов, построенного в самом сердце Манхэттена. Подобная роскошь обходилась ему ежемесячно в десять ты-

сяч долларов. За эту кругленькую сумму Мейсон приобрел редчайшую возможность лицезреть из окна своих умопомрачительных апартаментов никогда не рассеивающийся туман. Вообще-то при продаже сей грандиозной квартиры к ее несомненным достоинствам относили в первую очередь вид на реку вплоть до самого Лонг-Айленда. Война спутала все карты, и Мейсон то и дело поминал недобрым словом тех военных воротил, по вине которых планета день за днем превращалась в пустыню.

Мейсон снова развернул газету и уткнулся в некролог, отмечая про себя, что публикация задела его за живое. Кроме того, некролог словно подстегивал его — Мейсона — к работе над очередной книгой.

Засунув газету под мышку, Мейсон прошел в кабинет, одна стена которого была сплошь увешана обложками его пятнадцати книг. На противоположной стене не было ничего, кроме большого пробкового щита. Мейсон вырезал некролог, прицепил его к щиту и отступил на шаг, размышляя о том, что вскоре вся стена покроется газетными вырезками. Он собирался нацеплять их сюда по мере того, как будет вызревать идея книги о семействе Торнов.

Хлопнув в ладоши, Мейсон набрал номер телефона.

Тремя часами позже он сидел со своим литературным агентом в маленьком баре на Лоу-Истсайд. Здесь его не узнала бы ни одна живая душа. Мейсон хотел с глазу на глаз переговорить с Гарри. Без лишних свидетелей. Однако Гарри почему-то не прельстила идея написания подобной книги.

— По-моему, ты рехнулся,— без обиняков заявил он.

— Что-то в этом роде я и ожидал от тебя услышать.

— Что я еще могу сказать? Никто, ни-кто, понимаешь, не приближался к Торнам и на пушечный выстрел.— Голос Гарри прямо-таки звенел от возбуждения. Он прекрасно отдавал себе отчет в том, что затея эта крайне нелепа и не осуществима ни при каких обстоятельствах. Гарри до глубины души поражался Мейсону.

— Послушай, Джек,— с трудом взяв в себя в руки, обратился он к Мейсону.— Ты же можешь не знать, что в прессу просачивается иногда тот или иной затайливый слухок о мафии, об английской королевской семье, о Ватикане в конце концов. Но только не о Торнах! Ведь из этой семейки никогда не удавалось ничего выудить. Никогда! — с жаром воскликнул он.

— Поэтому я и намерен заняться Торнами,— как можно спокойнее констатировал Мейсон.

Гарри пристально воззрелся на своего клиента. Пожалуй, на Мейсона можно поставить. Это был очень неординарный человек, хорошо известный в Штатах. Ростом Мейсон был шести футов и трех дюймов, да и весил пару сотен фунтов. Достигнув зенита славы, он в свои пятьдесят лет вполне преуспевал. Склонные к клише журналисты сравнили однажды Мейсона с Хемингуэем, но даже заядлые критики не могли отрицать, что Мейсон действительно самый замечательный из современных писателей Америки.

Гарри налил себе минеральной воды. Пока еще он надеялся разубедить Мейсона.

— Джек, у тебя две Пулитцеровские премии,— умоляющим голосом прогундел Гарри.

— Точно... И вдобавок две бывшие жены с кучей непоплаченных счетов.

— Ну, так накатай еще один толстенный роман.

Мейсон протестуя взметнул свои огромные ручки

— Ты только послушай, Гарри,— не повышая голоса, возразил он.— Я тебе в сотый раз повторяю: сегодня утром я стал обладателем целой кипы газетных вырезок о Торнах. У меня не было времени, чтобы просмотреть их внимательно, но одна штука сразу бросается в глаза. Каждый, кто пытался приблизиться к этой династии...

— Знаю, знаю,— нетерпеливо перебил его Гарри.— Ты мне уже все уши прожужжал. Все эти люди плохо кончили.

— Вот именно,— выразительно подчеркнул Мейсон, подняв указательный палец и тыча им в лоб своему литературному агенту.— Вот именно, Гарри. Взять, к примеру, предпоследнего посла в Великобритании Филипа Бреннана. Куда он промчался в ту страшную, роковую ночь?

— Откуда мне знать?

— В Пирфорд. Загородное поместье Торнов в Англии. А зачем он туда поехал? Какое он имел отношение к Торнам?

— А кто его знает?

— Правильно, никто. Так вот, десять дней спустя его находят заколотым. В горле кинжал, а на теле — многочисленные следы собачьих зубов. Во время кремации жена покойного бросается на гроб, уже почти целиком исчезнувший в печи, и получает ожоги второй степени.

— И что с того?

— Что?! — изумился Мейсон.— Да это уже сам по себе потрясающий сюжет.

— Ну так и отдай его журналистам! — фыркнул Гарри.

— К черту журналистов! Я сам намерен разобраться с этими Торнами.

— Ты не опубликуешь ни строчки...

Гарри запнулся, не договорив. Похоже, на этот раз он хватил лишку. Однако предательские слова уже сорвались с губ, и Гарри вполне обоснованно заключил, что Мейсон его сейчас пристукнет. Но, к счастью, именитый писатель уже достаточно поднабрался и пребывал в том состоянии, когда на подобные мелочи уже не обращают внимания. Пробираясь между столиками к выходу, Мейсон от избытка переполнявшего его энтузиазма опрокинул по дороге пару стульев. Но иначе он не был бы Джеком Мейсоном.

Гарри наблюдал за этим здоровяком, внутренне подтрунивая над ним. Ибо ни на йоту не сомневался, что через месяц-другой Мейсон одумается.

В эту ночь Джек Мейсон не сомкнул глаз. Чем глубже вникал он в пожелтевшие газетные вырезки, тем сильнее убеждался, что наткнулся на сюжет века. Трагедия семейства Кеннеди, похоже, и в подметки не годилась той веренице ужасных смертей, что сопровождали людей, волей случая оказавшихся втянутыми в дела могущественной династии.

Да, кажется, в этой таинственно-трагической цепи не очень-то сходились концы с концами вплоть до появления невесты откуда взявшегося Дэмьена Торна-младшего. Как пить дать, подставная фигура или просто наглый самозванец. Но как это доказать?

Известие о смерти Бухера не достигло монастыря в Су-биако. Газет в этой древней обители не читали, да и телевизор не смотрели. Монастырь находился в шестидесяти милях от Рима, и жизнь в его стенах протекала точно так же, как и восемьсот лет назад, со времени его основания в 12-м веке.

В то утро молодой монах по имени Фрэнсис стоял над могилой священника. Надпись на скромном каменном надгробии гласила:

Антонио де Карло
1920—2000

Облаченный в коричневую сутану и сандалии, молодой человек, склонив голову, застыл возле могилы. Он бормотал молитву и благодарил Всевышнего за то, что де Карло

почил с миром. Святой отец так и не узнал, что битва проиграна.

Де Карло скончался на следующий день после начала Армагеддона. В тот раз в монастыре разрешили даже включить радио. Фрэнсис вспомнил, как облегченная улыбка внезапно тронула губы старого монаха. И он сказал тогда, что после Армагеддона на земле наступит долгий, благословенный мир.

Всю свою жизнь священник боролся с силами Зла, и вот однажды вдруг решил, будто одолел их. А когда выяснилось, что он проиграл, священник едва не умер от отчаяния. Второй раз де Карло не пережил бы подобного известия, и Господь в милости своей пожалел его. Старик отошел с улыбкой, без боли. Он принял смерть, как освобождение. И Фрэнсис каждый день возносил Богу благодарственную молитву.

Вернувшись в келью, Фрэнсис захлопнул чемодан со своим нехитрым скарбом, который он намеревался прихватить в Лондон. Рядом с чемоданом лежали кассеты. Казалось, они напоминали о времени, в котором Фрэнсис жил, но которому не принадлежал душой.

Монаху потребовалось два дня, чтобы добраться до города и взять напрокат магнитофон. Выслушав до конца печальную исповедь Поля Бухера, Фрэнсис разрыдался. Значит, кошмар не кончился. Надо снова пройти через все испытания, и Бухер подсказывал, что необходимо сделать.

Фрэнсис уже однажды навещался в Лондон. Тогда он выполнял миссию отца де Карло. Фрэнсис считал, что справился с ней. А оказалось, что не больно-то он в этом деле преуспел.

Сейчас, в ожидании автобуса до Рима, Фрэнсис то и дело спрашивал себя, хватит ли ему мужества и смелости на вторую попытку. Теперь на поддержку не приходилось рассчитывать, потому что отец де Карло умер. И Фрэнсис надеялся только на силу своей веры в Иисуса. Однако этого должно было хватить. Но почему же тогда он так боится?

В римском аэропорту Фрэнсис терпеливо поджидал своей очереди возле регистрационной стойки. Рядом стоял газетный киоск, и передовицы многих газет пестрели фотографиями Поля Бухера. Но Фрэнсиса газеты не интересовали. Спустя полчаса он усаживался в кресло самолета. Фрэнсис спешил в Лондон. На могилу к человеку, похороненному три дня назад...

Глава IV

Ослепительные вспышки фотокамер то и дело выхватывали из сумрака ворота, к которым один за другим подкапывали лимузины. Репортеры тут же устремлялись к автомобилям и, облепив их, пытались заглянуть за тонированные стекла. Град вопросов сыпался на пассажиров, однако журналистская ретивость ни к чему не привела, ибо выудить из этих «забронированных» господ хоть словечко так и не удалось.

Вереница машин исчезла за воротами. И те вскоре захлопнулись.

Зачем члены правления «Торн Корпорейшн» слетаются в гнездышко? — ломали головы журналисты. Репортерам оставалось только строить догадки.

* * *

Провожая собравшихся в гостиную, старый дворецкий пыхтел как паровоз. В очаге круглый год трещали поленья, отбрасывая кровавые отблески на портрет Дэмьена Торна, висевший прямо над камином.

Вильям Джеффрис застыл перед портретом, вперившись в лицо человека, которого в былые времена считал своим идолом. Однако, поклоняясь кумиру, Джеффрис испытывал необъяснимый ужас, смешанный со странной ревностью и завистью: Дэмьен Торн был на редкость привлекательным мужчиной: высокий, красивый и обаятельный. А он — Джеффрис — чем мог взять он? Да, с такой внешностью далеко не уедешь: основательно поредевшая, седеющая шевелюра да бесцветные, водянистые глаза! И почему только на Торна свалилось все это изобилие?

* * *

Раздавшийся за спиной голос оборвал невеселые мысли. Обернувшись, Джеффрис увидел старика-дворецкого. Тот протянул ему бокал шерри и шепотом сообщил, что его ожидают наверху.

Быстрым взглядом скользнув по собравшимся гостям, толпившимся возле столика с кофе, Джеффрис молча последовал за дворецким. Тому потребовалась целая вечность, чтобы подняться по лестнице.

Задыхаясь, кряхтя и буквально на каждом шагу перевозя дух, он провожал наверх Джеффриса. Однако тот, предвидя, что подобное путешествие займет уйму времени, набрался терпения.

Наверху Джордж наконец, жестом указал на длинный коридор.

— Он хочет, чтобы вы стали свидетелем, сэр,— запыхавшись, обратился старик к Джеффрису. И с этими словами Джордж, как раненое животное, заковылял вдоль по коридору. Джеффрис внезапно ощутил волну страха. Напряжение сковало его. Он никогда не видел сына Дэмьена Торна. С юношей встречался только Бухер. Он-то и предал сына Дэмьена. Но почему? Это оставалось загадкой. Ведь даже предательство Иуды можно было объяснить. А чего добился Бухер, околевающий в какой-то зловонной и гнусной ночлежке?

Сумрак в коридоре сгущался по мере того, как они приближались к повороту в галерею. И вдруг в нос Джеффрису ударил резкий запах. Он исходил от огромного зверя. Джеффрис еще не видел его, но по глухому и низкому рычанию он мгновенно сделал вывод о размерах чудовища.

В тот же момент желтые, пылающие ненавистью глаза уставились на Джеффриса. Тот застыл как вкопанный. Джеффрис с детства боялся собак.

А за Дэмьеном вечно увязывался этот жуткий монстр. Теперь, похоже, он не отстает и от сыночка. Умом-то Джеффрис понимал, что представшее перед ним чудовище — всего навсего хорошо выдрессированная сторожевая собака, однако инстинкт самосохранения оказывался сильнее. И страх побеждал.

Пробежав мимо Джорджа, пес в мгновение ока оказался у ног Джеффриса. Сверкающие злобой глаза, оскаленная пасть. Давным-давно Джеффрис вычитал где-то, что если такую собаку, прыгнувшую на тебя, остановить на лету, у нее может разорваться сердце. Да, но только там похоже, забыли сообщить, как это сделать. Особенно в тот момент, когда пасть любвеобильного монстра сомкнется у тебя на горле.

Джеффрис отдавал себе отчет в том, что от него буквально несет страхом, но совладать с собой уже не мог. Шерсть на зверином загривке вздыбилась, но стоило Джорджу погладить чудовище по голове, как оно сразу же успокоилось.

— Я вырастил его,— усмехнувшись, прошепелявил дворецкий.

Джеффрис раскрыл было рот, чтобы ответить, но дверь перед ним внезапно распахнулась, и он очутился внутри часовенки. Когда-то Бухер достаточно четко описывал ее: выкрашенная в черный цвет, круглая комната с каменным

алтарем в центре. Потолок поддерживался шестью колоннами. Однако неожиданным показался Джеффрису смрад, стоявший в часовне. Как на скотобойне. Застоявшееся и гнущее зловоние, от которого к горлу тут же подкатывала тошнота.

Когда глаза свыклись с окружающим мраком, Джеффрис заметил, что и пол, и стены сплошь вымазаны запекшейся кровью.

— Я не прикасался здесь ни к чему,— раздался слева от Джеффриса глухой голос.

Резко обернувшись, Вильям разглядел пристально уставившегося на него молодого человека, облаченного в черную сутану и босого. Как замороженный, Джеффрис кивнул, не смея отвести глаза. Во взгляде юноши было что-то странное, гипнотизирующее. Как кобра, подманивающая кролика,— подумалось Джеффрису.

— После той ночи,— добавил молодой человек.— Я оставил кровь там, где она пролилась. И не хочу, чтобы ее смывали.

Взяв Джеффриса под руку, Дэмьен подвел его к алтарю. Здесь стоял гроб, поверх которого было накинута черное сатиновое покрывало.

— Тут покоятся земные останки моего отца,— холодно проронил юноша, а Джеффрис от неожиданности с трудом подавил нелепый смешок. И тут же почувствовал, что локоть его зажали словно в тисках. Он невольно преклонил колени.

— Я хочу, чтобы ты видел вот это,— выпалил вдруг юноша, отбрасывая капюшон сутаны и обнажая хрупкую шею. Кровь струилась по ней из семи точечных ран.

— Стигматы Назаретянина,— скривился сын Торна, дотрагиваясь пальцами до кровоточащих ран. Джеффрис невольно отшатнулся.

— Вкуси моей крови,— приказал юноша, протягивая руку к губам Джеффриса.

Тот затряс головой, плохо соображая, что происходит. Он хотел было сломя голову бежать из этой проклятой часовни, но ноги уже не повиновались ему.

— Вкуси моей крови,— снова услышал он.— Этого хотел Назаретянин от своих учеников. Он требовал от них вкусить и плоти его, а я ограничусь кровью. Только кровью.

Пальцы юноши коснулись губ Джеффриса. Кровь его была горячей и соленой на вкус. Джеффрис сглотнул: другого выбора у него все равно не оставалось. Он поднял

глаза и посмотрел на Дэмьена. Тот снова дотронулся до своих ран и коснулся затем лба Джеффриса.

— Ты мой помазанник,— объявил Дэмьен, и кровь, обжигая, заструилась по лицу Джеффриса.

Вильям приподнял было руку, намереваясь стереть ее, и тут взгляд его упал на пальцы. Он заметил на одном из них странный знак, состоящий из трех крошечных шестерок, похожих на завитки.

Когда Вильям выходил из часовни, собака больше не рычала, а старик-дворецкий таинственно улыбался ему, и Джеффрис внезапно почувствовал себя замечательно. Вечное проклятие лежало отныне на нем, и с этих пор будущее рисовалось ему в самых радужных красках.

Шестеро мужчин допивали кофе, и Джеффрис уловил их нервное состояние. Он попросил Джорджа подать всем шерри, и вскоре завязался оживленный разговор. Однако скрыть напряжение за этой нарочитой оживленностью так и не удалось.

Внезапно дверь распахнулась, на пороге появился молодой Дэмьен Торн. Он был одет в джинсы и рубашку. Раны на его шее исчезли. Это не укрылось от внимательного взгляда Джеффриса.

Он представил Дэмьену всех присутствующих. Те поочередно подходили и пожимали юноше руку. Люди невольно поеживались под пристальным взглядом Дэмьена. Накануне двое из них громко заявили, что, наверное, их пригласили к какому-то самозванцу. Но сейчас все мгновенно осознали, как сильно они ошибались, высказывая подобные еретические мысли. Теперь они надеялись только на прощение, потому что Дэмьен без труда читал все их мысли. К тому же он был копией своего отца. «Дэмьен ни капельки не похож на мать,— в который раз подумалось старому Джорджу.— Юноша напрочь лишен ее мягкости и очарования. Она умудрилась взрастить семя Дэмьена-старшего, не внося в него ничегошеньки своего.— Джордж вздрогнул, почувствовав вдруг на себе цепкий взгляд юноши.— От этого пострела ни хрена не скроешь!» Да, Дэмьен видел и знал все.

Битый час длилась встреча. Похоже, вечеринка затягивалась. Каждый из присутствующих подробно отчитывался, и его не перебивали. Затем наступила очередь вопросов. Теперь Джеффрис воочию убедился в уникальных способностях Дэмьена. Он открыл рот от изумления, поражаясь

его уму. Вильям внезапно вспомнил слова Бухера. Тот как-то заявил, что мозг мальчика работает подобно машине, занося в память мельчайшие детали. Дэмьен и вопросы-то задавал без тени улыбки, точь-в-точь, как компьютер. Ни ироничного замечания, ни неожиданного отступления, ни смешка. Только поиск информации. И вопросы: быстрые и точные.

Когда встреча наконец, подошла к концу, Дэмьен поднялся и взглянул на портрет своего отца.

— Джентльмены, благодарю вас,— сухо произнес он.

Собравшиеся закивали. Кто улыбался, а кто без всякого выражения на лице ожидал, когда же можно будет покинуть эту весьма странную обитель.

— Должен заявить, что в дальнейшем я не намерен встречаться с вами. Красоваться перед общественностью я также не собираюсь. Обо всем мне будет докладывать Билл Джеффрис. Он же будет получать и разного рода указания.

Дэмьен помолчал секунду.

— Это все,— добавил он после паузы, давая понять, что аудиенция закончена и присутствующие могут разъезжаться по домам.

Джеффрис рванулся к выходу и в тот же момент услышал, как его окликнули. Обернувшись, он заметил, что Дэмьен сделал ему знак задержаться. Внезапно сильный прилив раздражения захлестнул Вильяма. С какой стати он должен выслушивать приказы юнца? Но мысль эта исчезла так же быстро, как и возникла. Джеффрис вдруг снова ощутил на губах привкус крови. Он мысленно взмолился о пощаде. Юноша неожиданно скривился в усмешке.

Они шагали вдоль розария. Срывая высохшие, съезжившиеся бутоны, Дэмьен сминал их и отбрасывал в сторону.

— Подводя итог, можно сделать вывод, что мы положили конец всей этой заварухе вокруг Китая,— начал он.

Джеффрис кивнул.

— Именно! Годовой прирост населения составляет там двадцать миллионов. Чтобы выжить, китаезам придется расширять свои границы,— фыркнул он и расплылся в улыбке. Однако ни один мускул не дрогнул на лице Дэмьена. Вильям крякнул.

— Как когда-то гитлеровской Германии,— закончил Дэмьен.

— Совершенно верно.

— А дату захвата Тайваня уже назначили?

Джеффрис снова кивнул:

— Да. Войска приведены в боевую готовность.

— Какова численность армии?

— Если учитывать последний призыв, то свыше пяти миллионов.

— День саранчи.— Дэмьен снова усмехнулся. Взглянув на восток, он спохватился.— А как с Токио?

— Нет проблем,— заверил его Джеффрис.— Йена день от дня крепнет, а доллар вот-вот отдаст концы.

— И что же из этого следует?

— Баталии на экономическом рынке перерастают в самую настоящую войну.

— Значит, новые Хиросимы,— обронил Дэмьен.

— И новые Нагасаки,— подхватил Джеффрис.

Дэмьен вдруг радостно похлопал себя по плечам:

— Китай угрожает нам с Востока. Япония подрывает экономику Запада. Ближний Восток бурлит, как паровой котел, а Иран с Ираком готовы вцепиться друг другу в глотки. Глобальный хаос и анархия.

Джеффрис внезапно почувствовал, как все внутри у него холодеет.

— Тысяча лет мира,— глухо произнес Дэмьен.— Что за насмешка!

Оставалась еще одна мелочь. Джеффрис раздумывал, как подступиться с ней к Дэмьену:

— Сэр... Вы не слышали о книге... Мейсона? — промямлил наконец он.

Дэмьен кивнул.

— Вы хотите, чтобы я этим занялся?

— Занялись? Зачем?

— Я подумал, что это может представлять для вас некую...— Джеффрис замялся, подыскивая подходящее слово. Угрозу? Опасность? Он так и не успел договорить, потому что Дэмьен резко повернулся и зашагал прочь, явно не интересуясь подобной чушью.

Джеффрис пожал плечами, проклиная себя за глупость. Попутала же его нелегкая задать столь идиотский вопрос! Да разве может навредить какой-то шелкопер такому титану? Даже если у этого писаки два Пулитцера и куча денег. Придет же такой маразм в голову!

Глава V

Начало всегда давалось ему с трудом. Мозг пузырился, словно швейцарский сыр, от постоянных сомнений, что сама идея книги никуда не годится, что он вообще не сможет написать ее. Он давно исчерпал свой талант и т. д. и т. п.

Но по крайней мере сюжет здесь не являлся вымыслом. А иначе кого могут заинтересовать досужие фантазии пятидесятилетнего писателя?

Нет, сюжетец, похоже, что надо. Вот только как бы показовыристей «раскрутить» его?

Часа три рылся он в кипе газетных вырезок, пробегая глазами статью за статьей. Материалы первых лет пожелтели и буквально рассыпались в руках, а последние заметки еще пахли типографской краской. Однако все они, в сущности, повествовали об одном. О том, что на семействе Торнов лежит проклятье. Начиная с матери Дэмьена, Кей-ти Торн, выпавшей из окна госпиталя, до самого Дэмьена, скончавшегося от сердечной недостаточности в возрасте тридцати двух лет. Ни один из Торнов не почил с миром в своей постели, дожив до старости.

Мейсон встал, зевнул и, потягиваясь, расправил затекшие плечи. Покосившись на письменный стол, он остановил взгляд на заметке о Филипе Бреннане. Эта газетная вырезка лежала сверху.

Мейсон прочел ее три раза подряд. Загадочное убийство. В зарослях обнаружено тело со следами ножевых ранений. Отверстия были треугольной формы. Стало быть, и лезвия стилетов тоже. Такие раны практически не заживают. Да и как вообще может затянуться рана на горле? Хорошо, если смерть наступила мгновенно. А если нет? Мейсон не был в этом уверен. Что если агония несчастного Бреннана длилась целую вечность? Что тогда?

А кошмарные следы собачьих зубов? Медицинский эксперт установил, что это были укусы гигантского ротвейлера. Мейсон растерянно заморгал. Он ни хрена не смыслил в породах собак. Но почему этот растреклятый ротвейлер набросился на американского посла где-то у черта на куличках, в одном из Беркширских поместий?

А жуткая история с женой Бреннана, кинувшейся на обьятый пламенем гроб?

Короче говоря, вся эта вереница происшествий вызывала кучу вопросов. А ответов на них не находилось. Но один факт пробудил в Мейсоне просто жгучее любопытство. Секретарша в посольстве сообщила ему, что Бреннан присутствовал на ужине у Поля Бухера в тот роковой вечер накануне войны, которую теперь окрестили Армагеддоном.

Мейсон нутром почуял здесь что-то неладное. На первый взгляд подобный визит не вызывал удивления. Поче-

му бы послу не отужинать у Бухера? Но если принять во внимание, что вся история «Торн Корпорейшн» — это поистине целая сага, где на каждом шагу переплетаются тайны и преступления, не исключаящие и коррупцию, то сей факт вырисовывался совсем в другом свете. А ведь компания простирала свои шупальца во все уголки земного шара.

Так уж случилось, что по роду своей деятельности Мейсону приходилось быть циником. Ведь если хочешь узнать истинные намерения политиков, не верь тому, о чем они талдычат на каждом углу.

«Торн Корпорейшн» являлась крупнейшей в мире компанией, и уж если ее директор приглашает на ужин политика высшего ранга, то явно не для того, чтобы поиграть с ним на лужайке в гольф.

Филип Бреннан был обязан находиться в Лондоне в тот час, когда на Иерусалим падали бомбы, а не отбиваться от сторожевого пса в сельской дыре. Ведь накануне посла вызывали на Даунинг-Стрит. И он не мог не знать о надвигающейся катастрофе.

Да, чтобы состряпать приличную книжонку, придется покопаться в грязи. И ему не обойтись без помощника. Слава Богу, такой человек имелся.

* * *

После звонка из Нью-Йорка Анна Бромптон отложила все свои дела. Она уже почти завершила работу над тремя небольшими проектами. Однако это занятие может и потерпеть. Когда тебе звонит сам Джек Мейсон, нужно бросать все и мчаться сломя голову, куда он укажет.

На первый взгляд — да, пожалуй, и по трезвому размышлению — задумка Мейсона смахивала на довольно бредовую затею, однако что-то, а свои сомнения Анна уж как-нибудь отбросит. Если Мейсон полагает, что книга должна быть написана, то кто такая Анна Бромптон, чтобы спорить с ним? Анна почитала за великое счастье работать с Мейсоном и время от времени оказывать ему кое-какие услуги.

Оглядываясь назад, она вдруг припомнила их первую встречу года три назад. Как же ее тогда взволновал хриловатый голос Мейсона! А сам он совсем не походил на тех зануд, какие окружали Анну в полусонном издательстве.

На следующее утро ей доставили пакет с газетными вырезками и длинное письмо, но Анна, решив не разме-

ниваться по мелочам, остановилась на истории Филипа Бреннана. Для начала этого достаточно. Все равно отправным пунктом велено считать трагедию посла. Что ж, пора действовать. Может быть, ей и повезет.

* * *

Донна Элрод жила теперь в Кенте, подвизавшись там где-то на полставки. Она сообщила, что будет рада поговорить. Анна заполучила номер ее телефона от одной приятельницы, работавшей в американском посольстве. Набирая номер, Анна не питала на сей счет особенных иллюзий. Она прекрасно отдавала себе отчет в том, что личные секретарши, как правило, преданны своим шефам и привыкли держать язык за зубами. Но, к удивлению Анны, Донна Элрод легко согласилась на встречу.

Анна выехала рано утром, а в обед обе женщины уже приканчивали вторую бутылку вина в прелестном коттедже Донны. Между ними мгновенно возникла взаимная симпатия. Бывшая секретарша Бреннана с первого взгляда пришлась по душе Анне. На вид ей было лет пятьдесят. Брюнетка с подкрашенными хной волосами. Произношение выдавало в ней жительницу Манхэттена. Видимо, секретаршу уже давненько подмывало поговорить с кем-нибудь о Филипе Бреннани: она, похоже, искренне переживала его гибель и надеялась обрести покой после такой беседы.

— Последнее время он вел себя очень странно, — тихо произнесла Донна. — Например, Бог знает зачем летал в Рим.

— Он не объяснил, зачем?

Донна кивнула:

— Сказал, что ему надо в какой-то монастырь. Чтобы увидеться со священником. Кажется, неким де Карло, если мне не изменяет память. Или что-то вроде этого.

Анна сделала пометку у себя в блокноте. Между тем Донна Элрод продолжала:

— Знаете, Бреннан вообще отличался странностями. Как раз незадолго до того ужасного дня мы с ним болтали о том, куда бы ему с женой двинуть на отдых. И Бреннан заявил вдруг, что нормальному человеку на этой планете поехать уже просто некуда. Потому что везде и всюду воюют и убивают друг друга. — Донна улыбнулась. — Помню, например, что об арабском мире он говорил, будто тот раскололся на фундаменталистов и их противников. То есть,

попав туда, угодишь либо в лапы средневековья, либо на-
кнешься на суперсовременное дуло.

Анна хохотнула.

— В общем-то,— спохватилась Донна Элрод,— это замечание касалось любой страны. Когда я предложила отправиться в Испанию, Филипп забраковал мою идею, потому что, с его точки зрения, в Испании снова победил фашизм. В Индийском регионе царили коммунистические настроения, а стоило мне заикнуться о поездке в Швецию, Филипп махнул рукой, заявив, что там ему придется прятаться в бронированном автомобиле.

Улыбка на лице Донны исчезла, и женщина покачала головой:

— Но ведь действительно, в мире творится полная неразбериха, разве нет?

Возражать Анна не стала. Она лишь кивнула и попыталась направить разговор в другое русло. Анна закинула удочку, стараясь выведать, что Донна думает о мотивах преступления.

— А что я могу знать, если даже у полиции нет на этот счет никакой мало-мальски состоятельной версии,— усмехнулась та, пожав плечами.

— Но вы ведь неплохо знали Бреннана...

— Что с того? — Донна задумалась. — Это ужасно, умереть вот так... от удара кинжала...

Голос Донны задрожал, и она еле слышно пробормотала:

— Конечно, ум человеческий — штука чудовищная. Вы согласны? — Она бросила на Анну какой-то жалобный взгляд. — Давно пора отдать эту планету насекомым. Пусть бы себе преспокойненько размножались.

Анна в который раз попыталась отвлечь Донну от печальных мыслей.

— Знаете,— бодро вступила она в разговор,— помню, когда-то в детстве я прочла в одной книжонке, что однажды наш мир действительно достанется насекомым. Но там же один шутник возразил: если насекомые такие умные, то почему мухи вечно бьются о стекла, не замечая их.

Донна Элрод и бровью не повела. Она лишь уныло заметила:

— Но ведь на них радиация не действует. Представляете, как они разжиреют, питаясь нашими мертвыми телами...

Да, похоже, настало самое время откланяться.

На обратном пути в Лондон Анна прокрутила пленку с записанной беседой. Никакой ценной информации она не получила. Донна Элрод представляла собой классический пример вышколенной секретарши, тайно влюбленной в своего шефа. А теперь горько расплачивающейся за свое безнадёжное увлечение.

* * *

Ее пригласили на празднование десятилетнего юбилея издательства. Отметить это событие решили в одном из шикарных ресторанов Сохо. Анна приняла приглашение, надеясь как-то отвлечься от неудач, сопровождавших ее последнее время. В поисках информации по делу Анне ровным счетом ничего не удалось выяснить. В голову невольно закрадывалась мысль: уж не ошибся ли Джек Мейсон, выбирая себе помощника?

Нельзя сказать, чтобы Анна получала удовольствие от подобных вечеринок. Бестолковое переминание с ноги на ногу возле стойки бара; никчемная и глупая болтовня со знаменитостями, без зазрения совести позволявшими себе хорошо надираться за чужой счет, не церемонясь и позабыв о приличиях; дешевый флирт напропалую и сплошные претензии на собственную неповторимость уже порядком поднадоели Анне.

При всем при этом сама она тоже умудрялась затеять пустую полупьяную беседу, а к концу вечера вдруг с удивлением обнаруживала, что какой-нибудь подвыпивший идиот уже рьяно ухлестывает за ней, твердо намереваясь сопровождать Анну домой. На следующее утро голова ее раскалывалась, и Анна довольствовалась лишь обрывками воспоминаний о восхитительно проведенной вечеринке.

Она бросила взгляд в зеркало, поправляя прическу. У Анны была сногшибательная короткая стрижка, за которую женщина выложила чуть ли не состояние. Стрижка ей очень шла, открывая лебединую шею и красивые плечи. Платье подчеркивало высокую грудь, столь притягательную для мужских взоров. Правда, и женщины бросали на Анну весьма красноречивые, завистливые взгляды, но это значения не имело — она давно махнула рукой на недоброжелательниц.

Пожалуй, к недостаткам Анны можно было отнести ее острый язычок, причинявший Анне немало хлопот, однако

любая такая шпилька сопровождалась восхитительной, широкой улыбкой, которой Анна в совершенстве овладела еще в детстве. А посему на Анну не обижались, прощая ей колкости.

Собираясь сегодня на вечеринку, Анна здорово припозднилась. Однако сделала она это намеренно, прекрасно понимая, что чем позже явишься, тем вероятней встретишь кого-то, с кем захочется поболтать.

Прихватив бокал с вином, она вплыла в разношерстную толпу, подставляя одним щеку для поцелуя, а с другими просто перебрасываясь приветствиями. Знакомых лиц было сегодня хоть отбавляй: что ни говори, но во всей этой суматохе имелись и свои плюсы. Так что Анна, не скупясь, раздавала щедрые улыбки.

— Мисс Бромптон? — раздался за спиной глубокий, приятный голос с очень сильным акцентом. «Итальянец», — промелькнуло в ее голове. Обернувшись, Анна увидела симпатичного молодого человека с загорелым лицом южанина. Да. Смазливый мальчик, но не сногшибательный. К тому же чересчур молод. Молоко на губах не обсохло. Зовут Фрэнсисом.

— Фрэнсис? — улыбнулась Анна и, заметив, что у него в отличие от других нет в руке бокала, с любопытством взглянула на юношу.

— Вы ведь мисс Бромптон? — переспросил молодой человек.

Заинтригованная, она кивнула. Что-то в этом парне явно отличало его от всей пишущей братии, что-то старомодное и — Анна никак не могла найти подходящее слово — несветское. Почему он выбрал именно ее? В зале пруд пруди красоток и помоложе.

— Вы работаете над книгой о Торнах, не так ли?

Анна растерялась. Какого черта! Ему-то об этом откуда известно? Она сердито плеснула себе вина в бокал и удивленно подняла брови.

— Я прочел об этом в газете, — смутившись, торопливо объяснил Фрэнсис. — В «Стэндард».

— Ну да...

Естественно. Можно было бы догадаться. Стоит обронить где-нибудь словечко, как газеты тут же подхватят его.

— Я звонил вам домой, и автоответчик сообщил, что вы здесь.

Анне вдруг стало интересно, кто такой этот юноша и откуда он.

— Есть такое слово,— напрягаясь, наморщил лоб итальянец.— Когда все ломается на своем пути или что-то в этом роде..

— Идешь напролом,— улыбаясь, подсказала Анна. Интересно, какая нелегкая заставила этого сосунка идти напролом, чтобы добраться до нее? Юноша просиял и, видимо, осмелев, тут же поинтересовался, не сможет ли Анна уделить ему чуточку времени.

— Это вопрос жизни или смерти,— посерьезнев, добавил он.

У Анны мгновенно разыгралось воображение. Да, с подобной прелюдией к ней давно никто не подкатывался. Да еще такая лапочка. Однако волнение ее тут же сменилось разочарованием. Как только они отошли к окну, Фрэнсис протянул Анне конверт.

— Не уверен, что вы поверите моему рассказу. Однажды мне уже не повезло,— грустно вымолвил юноша, поникнув головой.

Анна открыла было рот, но Фрэнсис поднял руку, и она невольно подчинилась. Любопытство ее разгоралось.

— Всю свою жизнь я имел дело с Торнами. Разумеется, я не из их окружения. Наверное, вы и сами об этом догадываетесь. Я пытался предупредить людей, но всякий раз наталкивался на их равнодушие. В конце концов люди начали верить, но к тому времени они уже были обречены.

Анна расхохоталась. Какое-то ветхозаветное словечко. Обречены. Они, конечно, все обречены. Однако Фрэнсиса ее смех не смутил.

— Если я открою вам то, что известно мне,— продолжал он,— вы мне не поверите. Вы скажете, что я...— Он замялся на полуслове. И вдруг тоже широко улыбнулся.— Вы скажете, что я мелю чушь, не достойную вашего интеллекта.

— Ничего,— хмыкнула Анна.— Я потерплю.

— Все, о чем я вас прошу,— взволнованно произнес юноша,— это прочесть то, что хранится в этом конверте. Там список людей, которые так или иначе были связаны с Торнами. Я отметил тех, с кем встречался лично. Их всех объединяет одно...

Анна в нетерпении выхватила из его рук конверт, надорвала конец и извлекла содержимое. Список был очень длинным. Некоторые фамилии показались Анне знакомыми, однако большинство не говорило ей ни о чем. Едва Анна начала читать, Фрэнсис тихим голосом добавил:

— Этих несчастных объединяет то, что умерли все они ужасной смертью или бесследно пропали.

Анна как будто не слышала.

— Потрясающе,— срывающимся голосом обронила она.

Фрэнсис растерянно заморгал. Такой реакции он не ожидал.

Анна пробежала глазами первую страницу и взялась было за следующую, скользнув взглядом по последней фамилии в списке. Некая Чесса, работавшая у Поля Бухера.

— Можно мне все это оставить у себя? — спросила Анна с разгоревшимися от любопытства глазами.

— Ну, конечно. Именно за этим я здесь.

Анна привстала на цыпочки и чмокнула юношу в щеку, заметив, как тот сразу же зарделся.

— Уж не знаю, откуда только вы свалились мне на голову, милый синьор Фрэнсис, но я вам чрезвычайно признательна. Предлагаю сей же час ретироваться отсюда и завалиться куда-нибудь, где вы сможете поподробнее рассказать мне обо всех этих людях.

Фрэнсис вдруг возбужденно схватил ее за руку и отчаянно замотал головой:

— Послушайте, все эти люди пали жертвами Торнов. Список — предупреждение. Говорю вам. Свалить Торнов невозможно!

Анна попыталась выдернуть свою руку, но это не возымело никакого действия. Юноша продолжал трясти ее, расплескивая вино из бокала. На них стали оглядываться.

— Умоляю вас,— с жаром воскликнул Фрэнсис,— я не преувеличиваю. Если вы вмешаетесь, ваше имя только пополнит список. Если вы считаете, что я свихнулся, прикиньте в уме эти совпадения на досуге. Почему все они погибли так ужасно? И спросите себя: «Чем я отличаюсь от этих людей?»

Повернувшись, Фрэнсис зашагал к выходу, пробираясь сквозь толпу и не замечая ничего вокруг. Анна еще какое-то время наблюдала за ним, потом снова уткнулась в список.

— Господи,— прошептала она,— надо же, чтобы так повезло.

При первом же удобном случае Анна улизнула с вечеринки, проигнорировав массу соблазнительнейших предложений восхитительно завершить вечер.

Те, кто внимательно следил за оживленной беседой Анны с итальянцем, не преминули отпустить по ее поводу пару шуточек, и вот уже захмелевшие коллеги Анны шушук-

лись на каждом шагу о ее новом увлечении. Анне было решительно наплевать на эти сплетни. Пожалуй, даже льстило, что ей приписывают интрижку с юным красавцем. А вот обмолвись она сейчас кому-нибудь о том, что отправляется в отдел микрофильмов библиотеки Би-Би-Си, ей, конечно же, не поверят.

Всю ночь напролет корпела Анна над документами, позабыв о времени. Чесса, молоденькая няня трехлетнего Дэмьена Торна. Повесилась в оконном проеме особняка. Предполагаемое самоубийство. Мотив не известен.

Семейство Торнов: Кейти и Роберт; затем фотограф, священник, тут же несколько итальянских монахов; друзья, родственники, совсем незнакомые люди — вереница трагедий, окутанных тайной.

От Лондона до Чикаго — смерть и разрушение. И никакого мало-мальски толкового объяснения. Как болезнь, как чума, от которой нет спасения.

Уже забрезжило утро, когда Анна покинула здание библиотеки. Взглянув на часы, она прикинула в уме, что в Нью-Йорке сейчас середина ночи. Неважно. Такая информация не терпит отлагательств. Анна передаст ее по факсу.

Дома она вдруг вспомнила слова Фрэнсиса: «А чем я отличаюсь от остальных?» Сердце у Анны внезапно сжалось при мысли, что она никогда больше не увидит этого человека. Она взглянула на конверт и облегченно вздохнула. На обратной стороне были записаны и адрес, и телефон. Они были выведены каллиграфическим почерком. «Своего рода искусство», — улыбнулась Анна. Надо же, чтобы в 2001 году нашелся человек, которого по-настоящему заботит, чтобы его координаты были красиво записаны.

Глава VI

Мейсон решил ознакомиться с факсом за завтраком. По мере того как писатель углублялся в чтение, удивление и любопытство сменялись восхищением относительно способностей помощницы. В самом конце факса сообщалось о самоубийстве Поля Бухера, а также стояла небольшая приписка, в которой значилось:

«На этом заканчиваю и ложусь спать. Пожалуйста, отложи свои поздравления на восемь часов».

Мейсон с нежностью провел ладонью по бумаге, словно та была из тончайшего шелка. Однако стоила эта бумажонка куда дороже самого драгоценного шелка. Мейсону

и в голову не приходило, насколько глубоко проникла смерть в семейство Торнов. Насчитав тридцать две фамилии, писатель затаил дыхание. Что бы ни стояло за всем этим кошмаром, оно, видимо, было пострашнее чумы.

Похоже, над композицией книги не имело смысла ломать голову. Ибо сам по себе список уже диктовал разделение будущего романа на главы. Оставалось решить, как оживить сюжет и докопаться до подробностей. Мейсон поднял трубку, собираясь набрать номер телефона в Лондоне, но тут же передумал, вспомнив просьбу Анны не беспокоить ее несколько часов. Тогда он звякнул в авиакомпанию и заказал себе билет до Чикаго. Затем связался со своим приятелем из «Таймс», попросив того помочь собрать кое-какие факты из биографий живших в Чикаго людей, которые значились в списке.

Спустя два часа Мейсон уже летел на северо-запад. Он снова погрузился в чтение факса. Кто такой этот чертов Дженнингс? Или отец Дулан? Или, например, священник по фамилии Тассоне? Каких таких дел они наворотили, что навлекли на себя гнев подручных семейки Торнов? Дженнингсу отсекло голову листом стекла, Дулан был заживо похоронен. Тассоне — чуть ли не распят. Чертовщина какая-то.

Мейсон принадлежал к той категории людей, которые стараются предусмотреть все до мельчайших деталей. Получив от Анны сообщение о загадочном молодом итальянце и сопоставив эту информацию с другими фактами, Мейсон решил, что подобная задачка по зубам разве что компьютеру. А ему самому неплохо было бы подготовиться к встрече с Чикаго.

Как художник слова, Мейсон имел обыкновение посещать те места, которые описывал в своих книгах, чтобы как можно глубже проникнуть в атмосферу происходящего. Он намеревался побродить вдоль тех улочек, по которым ходили Торны, и подышать тем воздухом, которым дышали они. К слухам о привидениях Мейсон относился весьма скептически, но вот в творческое вдохновение верил безоговорочно.

Конечно, однажды он сядет за пишущую машинку. Вот тогда он будет молиться, чтобы нашлись нужные слова, чтобы он сумел выразить то, что бередило его ум и душу, чтобы люди с волнением, а не ради праздного любопытства читали сей труд. Торны проживут новую жизнь на страницах его романа, и вирус, поразивший их, наконец обнаружит себя.

Спустя несколько часов Мейсон прошелся по тому самому месту, где возвышался Музей Торнов. Затем писатель посетил кладбище. Он без труда отыскал семейный склеп Торнов. Усыпальница представляла собой массивное, круглое сооружение из гранита, с тяжелыми дубовыми дверьми, за которыми покоились останки четырех поколений, в том числе и Дэмьена Торна, скончавшегося в зените славы.

Коснувшись холодного камня, Мейсон невольно вздрогнул. Он почувствовал, как запылала кожа на ладони. Мейсон тут же отдернул руку, опасаясь, что она примерзнет к граниту, а затем с силой толкнул дверь. Но дверь не поддавалась. Возможно, в былые времена посторонние и заглядывали сюда, однако скоро двери заперли, охраняя от любопытных взоров покоившиеся за массивными стенами останки.

Мейсон чертыхнулся. Ему не терпелось увидеть склеп собственными глазами. Интересно, у кого можно попросить разрешения на вход?

Повернувшись, он неторопливо зашагал прочь, чувствуя, как сырой туман, поднимающийся над озером, пробирает его до мозга костей сквозь тонкое пальтецо. Не обращая внимания на сей малозначительный факт, Мейсон медленно побрел по кладбищу, время от времени останавливаясь, чтобы прочесть ту или иную надгробную надпись.

Одна из могил привлекла его внимание. Надпись на камне гласила, что под ним покоятся супруги Картрайт. Мейсон усмехнулся про себя, вспомнив вдруг о своих двух бывших женах. Вот интересно, а можно снять могилку на всех? Так сказать, вечная «любовь-на-троих». «Придет же такое в голову», — невесело хмыкнул он.

И тут Мейсон внезапно подумал о бедняге Дулане, которого непостижимым образом заживо закопали. Тайной оставалось и то, как святой отец умудрился угодить в свежевырытую могилу, а заодно и сломать себе шею.

Еще одна загадка. Виновного так и не нашли. И сколько бы трагедий ни разыгрывалось вокруг Торнов, ни одного преступника так и не удалось выявить. Все они словно в воду канули. Какой-то любитель мистики утверждал, будто возле могилы, в которую свалился Дулан, оказалось множество следов, наверное, гигантская собака рыла здесь землю. Его высмеяли и... только. А Дулана перезахоронили. И успокоились на этом.

Противный, липкий пот прошиб Мейсона, и он поспешил прочь с кладбища, решив по дороге заглянуть в бар, о

котором упоминалось в газетной вырезке. Там сообщалось, что в тот злополучный вечер Дулан забрел в этот бар и даже хватил лишку. Действительно, через минуту Мейсон разглядел на тропинке указатель.

Бар и гриль.

Мейсону вдруг страшно захотелось выпить.

После второй порции виски Мейсон извлек из кейса газету и принялся заново читать. Лысый и кругленький бармен, хитро прищурившись, вдруг громко воскликнул:

— А вы ведь Мейсон, а, сэр?

Мейсон в сердцах стукнул кулаком по столу и застоял, проклиная все телевизионные передачи, где он принимал участие.

— Чита-ал, чита-ал ваши книжки. Неду-урно,— протянул бармен.

— Спасибо. Скажите, вы могли бы рассказать что-нибудь о священнике? Ну, о том, который оказался заживо погребенным?

Бармен почесал затылок:

— Он тогда здо-орово поднабрался. Еле на ногах держался. А еще тащил с собой эту железяку, детектор, все чьи-то кости искал. Их вроде кто-то свистнул из могилы. Ну, кости Торна, что ли,— неприятно гоготнул толстяк, заставив Мейсона вздрогнуть.

— А полицейским вы об этом рассказывали?

— Чтоб потом от них бегать? Я что, дурак? — И он снова заржал.

Спустя час Мейсон выбрался наконец из забегаловки. Любопытство его разгоралось все сильнее. Похоже, ни на один вопрос в этой истории не существовало ответа. По крайней мере до сих пор.

Следующей в списке была Жаннет Финн, обитающая в пригороде, куда и направился Мейсон. Жаннет Финн оказалась хрупкой, седой старушкой. На лице ее так и застыла печаль.

Ни о чем не спрашивая, она проводила Мейсона в кабинет мужа. Стены здесь до потолка были заставлены книгами. Старинные фолианты с пожелтевшими от времени страницами, повествующие о древней истории и культуре, соседствовали с новейшими справочниками.

— Вот здесь Майкл и работал,— тихо сообщила вдова.— Он ведь был настоящим книжным червем, редко покидавшим стены своего кабинета,— улыбнулась она.— Я каждый час приносила ему чашечку свежего кофе...

Помолчав немного, Жаннет Финн поведала о том, что

однажды ее муж приобрел на аукционе какие-то кинжалы и, страшно взволнованный, упросил священника по фамилии Дулан отвезти их в Италию.

— А потом,— продолжала она,— он забыл о кинжалах, пока в прошлом году не прочел о них в какой-то газете. И тут же решил лететь в Англию.

Лицо старушки просветлело, но в следующий миг улыбка исчезла с него так же внезапно, как и появилась.

— Он никогда не выезжал за границу. И мне не следовало отпускать его.

Голос миссис Финн задрожал.

— Я просила его быть поосторожнее. Но потом он позвонил и сказал, что все это страшно важно и что он встретился с посланцем...

— Филипом Бреннаном? — быстро ввернул Мейсон. Старушка кивнула:

— Для Майкла этот груз оказался не по плечам. Ходить вот так, кругами. Он ведь знал книги, а жизнь...

Миссис Финн всхлипнула и смахнула слезы, покотившиеся по дряблым щекам.

— Я поехала в аэропорт встретить его. Думала, что Майклу будет приятно. Я видела, как садился самолет... И это самое страшное. Потом я поняла, что именно в ту секунду...

Мейсон знал конец этой трагедии. В момент приземления Майкла Финна раздавило шасси самолета. Непостижимо, каким образом несчастный вообще вывалился из самолета и оказался на шасси. Просто мистика какая-то. А сами похороны! Что они там вообще могли предавать земле, что могло остаться от человека, расплущенного таким кошмарным образом?

Наступила пора возвращаться. Надо было еще позвонить Анне в Лондон. Попрошавшись с Жаннет Финн, Мейсон бодро зашагал по дороге. На углу он на мгновение задержался, заметив, как старушка помахала ему из окна рукой — наверное, точно так же напутствовала она и мужа, провожая его в Англию год назад.

Глава VII

Пожалуй, тяжелее всего Фрэнсис переносил одиночество. Оно угнетало сильнее, чем страх. С последним-то Фрэнсис легко справлялся, особенно днем, когда в голове теснились разные мысли о будничном. Юноша прекрасно пони-

мал, что стоит ему только забыть о тех могучих силах, против которых Фрэнсис снова решился выступить, как его собственные силы мгновенно покинут его. И тогда на долю Фрэнсиса останется лишь бегство. Он будет искать убежища у себя дома, в Италии.

Фрэнсис, как никто другой, ощущал себя песчинкой в этой безграничной пустыне. Когда отец де Карло двадцать лет тому назад отправлялся в Лондон, рядом с ним находились шесть помощников. Внезапно вспомнив о священнике, Фрэнсис грустно вздохнул. Уже лежа на смертном одре, старик только и повторял, что жертва их была принесена не зря, что им удалось завершить свою миссию. Де Карло отошел в мир иной в счастливом неведении. Кроме того, старик был не один. В его последний час рядом находился брат Фрэнсис.

Молодой монах перекрестился. Богохульно так рассуждать. До тех пор, пока с ним Господь, Фрэнсис не одинок. Однако мысль о Боге не утешила юношу. Эх, если бы рядом оказался кто-нибудь, с кем можно было бы разделить это тяжкое бремя...

Фрэнсис упал на колени и начал иступленно молиться. Он потерял счет времени. И только покалывание в ногах возвратило его к действительности. Юноша поднялся и, умывшись, переделался в чистое белье. Внезапно он почувствовал себя агнцем, ведомым на заклание. Его вновь охватил дикий страх, и юноша вдруг истерично рассмеялся.

Перед уходом Фрэнсис снова запустил пленку Поля Бухера. Монах так часто слушал эту запись, что буквально наизусть знал весь текст исповеди. Он мог вспомнить каждый вздох и каждую паузу в признании Бухера. И знал теперь, что нужно делать. Ибо Бухер рассказал, где спрятаны кинжалы. Фрэнсис продолжал вслушиваться в хриплый, старческий голос, будто набираясь сил. Бухер словно обращался к нему... с того света. А это уже была поддержка.

Пленка кончилась. Фрэнсис щелкнул тумблером магнитолы, включая приемник. Узнав точное время, юноша прислушался к новостям, пытаясь вникнуть в ход происходящих событий. В информационной сводке сообщалось о средоточении войск на русско-китайской границе, о взаимном обмене нотами протеста. Напряжение в этом регионе неуклонно возрастало, и все миротворческие акции Белого дома, ООН и Совета Безопасности оказывались напрасными.

И вот так изо дня в день. По кругу. С утра до вечера одна и та же тягомотина.

Фрэнсис вздохнул, невольно коснувшись крошечного распятия, висевшего на груди. Он уже спускался по лестнице, когда хозяйка крикнула ему вслед, что его спрашивают по телефону. Женский голос. Поблагодарив, юноша взял трубку. Он испытывал неловкость. Ведь ему никто никогда не звонил. В Субиако телефонов вообще не было. Потому что отсутствовала сама необходимость в них.

Звонила Анна. Фрэнсис почувствовал, как краска мгновенно заливает лицо. Ее губы находятся в каком-то дюйме от трубки, женское дыхание почти касалось его уха. Анна хотела встретиться, заявив, что это очень важно, и продиктовала свой адрес. Можно заодно и пообедать, — добавила она.

Опустив трубку, Фрэнсис почувствовал дрожь в коленях. Прежде никто с ним так не разговаривал. В интонациях Анны он уловил нечто, заставившее его густо покраснеть. До этого момента окружающие воспринимали его только как брата Фрэнсиса. Зато для Анны он стал просто Фрэнсисом. И скорее всего женщина усмотрела совершенно иной смысл в обратном адресе, оставленном на конверте. Юноша принялся истово молиться, прося Господа только об одном — ниспослать ему силу, дабы устоять перед соблазном.

Дрожа от холода и нервного возбуждения, Фрэнсис к полудню добрался до Пирфорда. У ворот поместья он заметил человека в униформе. Тот внимательным взглядом окинул проходившего мимо Фрэнсиса. Юноша выдержал этот взгляд и заспешил дальше, вспоминая слова Бухера: система электронного слежения, охрана — все в точности соответствовало описанию. И Фрэнсиса снова обуял безотчетный ужас. Тот груз, что обрушился на его неокрепшие юношеские плечи, был невероятно тяжел.

Фрэнсис ровным счетом ничего не смыслил в интригах. А уж по части выуживания той или иной информации он вообще был профаном. Вот если бы дело касалось, к примеру, латыни или столярного ремесла, тут уж он бы блеснул мастерством...

Конечно, это не трудно — взять да и сообщить, где спрятаны кинжалы или что поместье под охраной! А вот как проникнуть в церквушку? Для этого, похоже, нужна целая армия профессионалов, а не какой-то одинокий монах.

Взглянув на небо, Фрэнсис перекрестился. Он словно ожидал озарения свыше. Если божественное провидение не поможет Фрэнсису, шансы его сводятся к нулю. Юноша медленно двинулся вдоль восточной стены. Бормоча полатини молитву, он не заметил, как охранник опустил руку на зажужжавший селектор.

* * *

Вилл Джеффрис считался человеком наблюдательным. Однако в этот раз он не услышал ни шороха. Джеффрис как раз докладывал Дэмьену о встрече министров иностранных дел в Пекине, когда, подняв глаза, увидел вдруг невесть откуда появившегося зверя. Обнажив клыки, со вздыбленной на загривке шерстью, пес уставился на Дэмьена, который также не сводил глаз с собаки. Раны на его шее внезапно начали кровоточить, и Джеффрис вдруг почувствовал на губах привкус крови. Его мгновенно замутило. Может, просто воображение разыгралось, или их троих действительно что-то связывало?

— Дэмьен? — Вильям легко коснулся руки юноши. И тут же невольно отпрянул, когда Дэмьен повернул голову. Глаза юноши сузились до ослепительных желтых точек, изо рта пахло смрадом, и Джеффрис мог лишь догадываться, какое именно слово сорвалось с губ Дэмьена: — Назаретянин...

Джеффрис растерялся. Не зная, как реагировать на происходящее, он задал один-единственный идиотский вопрос: — В чем дело, Дэмьен?

Резко повернувшись, Дэмьен стремительно зашагал прочь из зала, собака последовала за ним, а Джеффрис, почувствовав внезапный озноб, приник к камину. Раскрытая кожаная папка с докладом осталась на столе. Еще минуту назад отчет казался ему чрезвычайно важным делом, теперь же он и яйца выеденного не стоил. Джеффриса до смерти перепугал взгляд Дэмьена. Черт с ним, с Пекином, да и со всеми остальными мелочами. Джеффрис судорожным движением плеснул коньяку в свой бокал.

* * *

Дэмьен стоял на коленях в часовне и молился. Тут его и застал Джордж. Старый дворецкий нутром чуял, когда в нем нуждались, и сейчас выдался именно такой момент. Собака отступила, пропуская Джорджа внутрь, но старик,

сделав шаг вперед, остановился на пороге. Он замер как вкопанный, заметив издалека, как слезы струятся по щекам Дэмьена. Джорджа охватила глубокая жалость, ведь только он один знал о безмерном одиночестве юноши. Но чего-чего, а сочувствия Дэмьену не требовалось, ибо, обратив одиночество в одержимость, он уже не обращал на нее внимания. Он сотрет в порошок этот затхлый мир, избавит человека от вечного выбора между добром и злом. Разрушение как освобождение! Пора положить конец человеческим несчастьям и мучениям. Вот тогда наступит мир — вечное царство мертвых.

Дэмьен медленно повернул голову и поднялся с колен.

— Я чувствую Его божественную силу, — вымолил он. — Назаретянин снова нанес мне удар.

— Так было предначертано, — едва слышно подтвердил Джордж.

Дэмьен поник головой и, велев следовать за ним, вышел из часовни.

Странная процессия двинулась по коридору: впереди шагал юноша в черной сутане, за ним семенил шаркающий старик, а следом плелась собака. Натужное дыхание с хрипом вырывалось из могучей груди животного.

Миновав лужайку, они медленно направились вверх по холму, к церквушке.

У самых церковных ворот Дэмьен застыл на месте, вцепившись в руку старика.

— Вот здесь ты и наткнулся на знамение, — пробормотал он.

— Нет, не я, сэр, я ведь не знал, что в чреве зверя вынашивается другой зверь.

— Не важно. Все равно, ты поступил правильно. — В голосе юноши послышались теплые нотки. — Тебе недолго осталось прозябать на этой земле.

Джордж кивнул.

— Тебе воздастся за твою преданность.

Дэмьен не заметил тени страха, промелькнувшей на лице слуги. Последнее время Джорджа неотвязно преследовало сомнение. И, что еще хуже, дворецкий знал его причину: благостью и любовью, казалось, был напоен воздух вокруг. И весь этот елей что-то уж очень стремительно распространялся на людей, включая и Бухера. Ох уж эта отвратительная жажда покаяния! Но ведь и вездесущий Дэмьен пронюхал сей неотвратимый факт. Так какого же черта он мучает сейчас своего слугу, обещая тому вечное проклятье? Неудачная шутка?

Покосившись на Дэмьена, Джордж увидел, что его хозяин прислонился к воротам и не сводит пристального взгляда с церкви. Как и отец, Дэмьен никогда не осмеливался ступить на священную церковную землю, и Джордж отлично знал, что он при этом испытывал.

Вот и теперь, стоя напротив церкви, Дэмьен с пеной у рта выкрикивал проклятия, он буквально исходил яростной ненавистью. Отраженные громopodobным эхом, страшные слова его метались среди каменных развалин.

— Назаретянин! Ты все еще веруешь, что сможешь поразить меня,— воскликнул Дэмьен.— Но ведь твой тысячелетний мир — жалкая насмешка. Нынешнее человечество куда более жестоко, чем прежнее. Раковая опухоль поразила весь его организм, и планета принадлежит силам зла, Назаретянин.

Оцепенев, вслушивался Джордж в яростную эскападу своего хозяина. Внезапно старик ощутил в груди ноющую боль, голова его закружилась, а тело вдруг словно обмякло. Джордж почувствовал, что вот-вот упадет в обморок. Только не сейчас! Дэмьен неистовствовал, обрушивая гневные тирады на своего извечного противника.

— Сейчас никак нельзя,— еле слышно прошептал Джордж, вперив взгляд в худую спину юноши.

Ему нельзя умереть сейчас, прервав на полуслове своего повелителя, он не хочет раздражать его. Джордж с трудом удерживал равновесие, чувствуя усиливавшуюся дрожь в слабых коленях. А Дэмьен бушевал до тех пор, пока не выплеснул наконец всю свою ненависть. Казалось, он обессилел.

— Еще один тщедушный лакейчик,— хищно прищурившись, ухмыльнулся Дэмьен.— И на какой помойке ты их только находишь, Назаретянин? Что ж, новый попик достойно пополнит список твоих сгинувших прихвостней. Ты щедрой пригоршней швыряешь их мне одного за другим, так же, как когда-то бросал моему отцу, твердо зная при этом, что все они обречены. Что ж ты за ханжа такой, а? Какая тебе радость от их гибели? Уж больно ты охоч до их бессмертных душ, а, Назаретянин! Неужели тебе так необходимо, чтобы они побыстрее забрались под твоё крылышко?

Дэмьен умолк, устремив взгляд куда-то вдаль, за поле.

— Чушь собачья,— уже спокойно обронил он.— Эта твоя пешка ровным счетом не представляет никакой опасности. Бедняга.

В полумиле от церквушки стоял Фрэнсис. Прижавшись к восточной стене, юноша тревожно вглядывался сквозь ограду в заросли кустов и деревьев. Внезапно он вздрогнул: в глубине окутанного сумраком сада вспыхнули два желтых огонька. Молитва застряла в гортани юноши.

Глава VIII

Три ночи подряд Фрэнсис почти не смыкал глаз. Снова повторялось то, что с ним уже однажды случилось в ранней юности, когда он совершил грех, соблазнившись картинками «блуда» из Священного писания, а само слово «блудница» вызывало перед мысленным взором все новые и новые сладострастные видения. Даже образ девы Марии пробуждал в юноше совершенно определенные желания. Об этом наваждении Фрэнсис не смог бы рассказать ни на одной исповеди, даже отцу де Карло.

Теперь искушение вернулось в облике Анны. Ее лицо и соблазнительная, высокая грудь терзали юношу во сне, который смахивал скорее на тревожное забытие, на парализующую, болезненную полудрему. Утром же, открывая глаза, Фрэнсис чувствовал, как вина невыносимым грузом обрушивается на его душу, а он до сих пор не знает, как спастись от наваждения.

Но и дни превратились в пытку. На заре Фрэнсис сажился в электричку и ехал за город. Подходил к огромному особняку и, прислонясь к железной решетке, долго глядел сквозь нее в сад. Он пытался заставить мозг придумать что-нибудь. Но спасительного решения не находилось, и Фрэнсис, как побитая собака, понуро возвращался в Лондон.

Недалеко от гостиницы юноша набрел на церковь и с тех пор наведывался туда каждый день, умоляя Господа указать ему путь. Фрэнсис вспоминал библейские сюжеты и то, как Христос восстал из мертвых, пообещав людям, что силы тьмы отступят в конце концов и придет Его царствие. Четко и ясно, но вот как все-таки незаметно проскользнуть в церквушку мимо чудовищной собаки? Фрэнсис поднял глаза, устремляя взгляд к распятию за алтарем, и ему вдруг почудилось, будто Иисус взирает на него с жалостью и сожалением.

Никто не укажет ему путь. Он одинок и предоставлен самому себе.

На четвертую ночь все опять повторилось. Обливаясь холодным потом, Фрэнсис внезапно проснулся, пытаясь стряхнуть с себя остатки кошмара.

Губы Анны ласкали его тело, нежно принимая к нему. Фрэнсис вскочил и бросился в ванную, срывая на ходу пижаму. Он долго стоял под прохладными струями, пытаясь смыть с себя и вину, и грех. Закрыв глаза под освежающим потоком воды, Фрэнсис вспоминал слова священника о том, что Сатана имеет власть над человеческими умами и что зверь находит самое уязвимое место, чтобы проложить путь искушению. А уж предсказать его, оказывается, пара пустяков.

Так и не открывая глаз, пошатываясь, Фрэнсис вернулся в постель, скользнул под простыню и потянулся. Вдруг почувствовал запах — густой, сладковатый запах плоти. В следующее мгновение юноша ощутил легкое прикосновение, и вот уже у самого его уха раздался хрипловатый от страсти, срывающийся голос Анны. Он нашептал чудовищные мерзости.

Фрэнсис закусил губу и зажмурил глаза. Он попытался вытащить распятие, висевшее на груди, но не смог: мешало что-то мягкое и влажное. Юноша взревел, вырываясь из-под душившей его простыни, и кинулся в коридор. Там он упал, обхватив руками колени и уткнув в стену лицо. Рано утром в таком положении его нашла хозяйка.

Фрэнсис начал было бормотать какие-то жалкие оправдания в свой адрес, пытаясь убедить женщину, что иногда колобродит во сне, однако это ему не удалось. Хозяйка лишь скептически бросала красноречивые взгляды на синяки и кровоподтеки, покрывавшие его шею. Уж больно смахивали они на отметины чрезвычайно разгулявшейся страсти.

* * *

Анна разозлилась не на шутку. Этот итальяшка имел наглость продинамить ее. Он так и не явился. Анна, поджидая юношу, вылизала всю квартиру. Она даже купила цветы и, расставив их в вазы, прикинула, что так он будет чувствовать себя поуютнее. А он даже не соизволил позвонить и извиниться. Зато теперь вдруг объявился среди бела дня, когда она его вообще не ждала. Анна только-только выпорхнула из-под душа: волосы мокрые, никакой косметики и в помине, халатик полураспахнут. Анна холодно улыбнулась и проводила юношу в гостиную.

Фрэнсис очень изменился. Похоже, что он не спал целую неделю: бледность и усталость проступали даже сквозь загар.

Ладно, главное, что он все-таки сподобился явиться. То-то Джек Мейсон порадует, что она отыскала итальянца.

Коснувшись в разговоре какой-то чепухи, Анна выразила надежду, что ему нравится ее квартира.

— Мои джунгли,—продолжала она распинаться, но вдруг рассмеялась и извинилась, что цветы не очень-то свежие. Потом предложила выпить, но Фрэнсис не дал ей договорить.

— Послушайте, я завтра уезжаю,—робко пробормотал он.

— Да?

— И я снова хочу повторить то, что рассказывал однажды очень смелому человеку, когда впервые попал в Лондон. Хотя я предупреждал его, что он, возможно, сочтет меня за сумасшедшего.

Анна нетерпеливо хмыкнула. Опять старая песенка, как и в прошлый раз. Приступал бы уж сразу к делу, а не пялился ей в вырез, как какой-нибудь прыщавый школяр.

— Если я вам скажу, что выполняю миссию и что я единственный, кто может это сделать, пожалуйста, поверьте мне.

— Хорошо, но...

— Я могу в любой момент погибнуть, и это не пустые слова и не мелодрама.

— Ради Бога, Фрэнсис.—Анне порядком поднадоела затянувшаяся прелюдия, и она, кипя от негодования, заметалась из угла в угол. Уперев руки в бедра, Анна так завелась, что не заметила, как халат на ней распахнулся.

Зажмурив глаза, Фрэнсис на мгновение отвернулся. Потом протянул Анне перевязанный пакет, запечатанный красной сургучной печатью.

— Пожалуйста, сохраните его,—попросил юноша, отводя глаза.—Если я вдруг не вернусь, вскройте пакет. И, может быть, тогда вы наконец забудете о Торнах. Я уверен в этом.

Анна едва заметно покачала головой и собралась было высмеять Фрэнсиса, но тот внезапно положил руки ей на плечи.

— Просто имейте в виду,—с жаром воскликнул юноша,—что все, кто вступал на путь, на который вступил те-

перь и я, погибли. Если и меня постигнет та же участь, обещайте, что передадите бумаги властям.

— Да, но это зависит...

— Обещайте,— вошел в раж итальянец, вцепившись Анне в плечо.— Обещайте, что вы забудете о Торнах.

Его настойчивость и бесцеремонность вывели из себя Анну. Кроме того, юноша, похоже, собирался оторвать ей руку. Выдернув ее, Анна бросила на монаха сердитый взгляд.

— Обещайте же мне! — оглушительно взывал Фрэнсис.

— Да отвяжись ты! — взорвалась Анна.

Грубость как будто отрезвила его. Итальянец отступил на шаг. Тряхнув головой, он, как во сне, умоляюще протянул к ней руку.

Нет, Анне не показалось. Красноречивый жест не вызывал никаких сомнений. Разозлившись на этого смазливового красавчика, женщина лишь усмехнулась.

— Ну, ну, дружок, на шуры-муры у нас с тобой нет времени.

Фрэнсис подскочил к Анне настолько внезапно, что она не успела даже отпрянуть, почувствовав его губы у себя на шее. Выставив колено, Анна с силой оттолкнула юношу.

— Вон отсюда! И поскорее,— презрительно бросила она.

Поднявшись на ноги, Фрэнсис забормotal слова извинений. В голосе его слышались слезы и неподдельная мука.

— Анна, пожалуйста, простите. О, Матерь Божья, что я натворил,— в промежутках между рыданиями всхлипывал юноша, однако Анну его раскаяние ничуть не тронуло.

— Уходите,— холодно повторила она.— Что вы тут нюни распустили?

И Фрэнсис ушел, не проронив больше ни слова.

* * *

Теперь он понял, как нужно действовать. Надо просто перелезть через забор, добежать до церкви, опередив собаку, и забрать кинжалы. Ну, а уж если не получится, то все равно конец один.

Его больше не волновало, что с ним случилось. Его вообще больше ничего не волновало. Он повел себя, как животное, и нет ему прощенья. Фрэнсис плелся по улице, шепча скороговоркой молитвы и надеясь, что Господь все-таки не отвернется от него за содеянный грех.

Он и сам не помнил, как забрел в район Сохо. Сплошь и рядом его окружала расцвеченная неоновыми огнями реклама, предлагавшая на выбор все грехи, какие только есть на белом свете. Мужчины призывно подмигивали Фрэнсису из-за столиков, а размалеванные девицы преграждали ему путь. Фрэнсис окончательно потерял голову, не переставая удивляться про себя, как это полиция допускает подобное безобразие.

Проститутки не отличались особой привлекательностью. Наоборот, в большинстве своем такие особы казались ему вызывающе отвратительными. И — что было выше понимания Фрэнсиса — эти уличные шлюхи неудержимо влекли его. Он не знал мирской жизни. Не знал ее совершенно. Фрэнсис продолжал отчаянно молиться. Скрестив на груди руки, он уповал только на то, что ему удастся выбраться из этой мерзкой клоаки.

Похоже, он еще долго бродил по кругу, пока наконец не выбрался на крошечную площадь. И тут же тень огромного зверя метнулась перед ним, два злобных желтых глаза уставились на юношу. И опять словно неведомая волна подхватила и понесла Фрэнсиса. Он наткнулся на рекламный столб. На плакате красовалась броская фемина с лицом и грудью Анны. От столба исходил пряный, сладковатый аромат, и Фрэнсис вдруг почувствовал, как женские зубки вновь впиваются ему в шею. Однако Фрэнсис был глух ко всему окружающему и не слышал, о чем шушукаются и хихикают за его спиной проститутки и напoмаженные мальчики.

На город уже опустилась ночь, когда Фрэнсис приблизился к дому. Тот казался пустым, ни звука не доносилось изнутри. «И хорошей, — подумалось юноше, ибо Фрэнсис никого не мог сейчас видеть. Он хотел только одного: собрать свой нехитрый скарб и убраться из города куда подальше, туда, где жуткое искушение перестало бы мучить его.

Запахавшись, Фрэнсис вбежал в комнату. Он смежил веки и рухнул в постель, пытаясь урвать хоть часок для отдыха. И тут же кровь застыла в его жилах. Ибо Фрэнсис внезапно понял, что не один в комнате. Кто-то дышал в едином ритме с ним. Мужчина и женщина.

Юноша снова забормотал молитву и судорожно потянулся за распятием, но, коснувшись его, испугался, потому что на ощупь распятие оказалось как живая плоть. Фрэнсиса пёредернуло, и он открыл глаза.

На кровати распласталась Анна, а на ней лежал юноша. Их обнаженные тела были сплетены. Из уст Фрэнсиса вырвался стон, а эти двое как будто следили за юношей, не спуская с него глаз. И Фрэнсис вдруг узнал лицо молодого человека. Это был двойник Дэмьена Торна, осклабившийся в похотливой ухмылке. Желтые звериные глаза его не мигая уставились на Фрэнсиса.

Внезапно Анна перевернулась на бок и поманила Фрэнсиса рукой, как будто приглашала присоединиться к ним. Она молча призывала юношу овладеть ею. Затем Анна обронила какие-то слова, но Фрэнсис так и не понял их.

Он замотал головой, чтобы избавиться от этого кошмарного наваждения, но видение не исчезало. Фрэнсис через силу отвернулся и, вскочив с кровати, бросился к противоположной стене, на которой висело большое распятие. Монах привез его из Субиако. Распятие исчезло. Фрэнсис опустил глаза и тут же в нескольких шагах от себя заметил на полу крест с отколотой перекладиной.

Монах кинулся к распятию, схватил его и, прижав к груди, повернулся к постели. Юноша по-прежнему буравил Фрэнсиса взглядом. Из уголков его губ стекала слюна. От двойника за милю несло зловонием. Этот смрад почему-то напомнил Фрэнсису загаженный зоопарк. И тут монаха внезапно осенило, что нужно делать. Кинжалы-то пока могут и подождать.

— Отец Всемиловейший, придай мне сил, — прошептал он, с размаху опуская распятие в широко раскрытый рот Дэмьена и заталкивая его вглубь, в самую глотку. Анна завизжала, взметнув свое роскошное нагое тело, а Фрэнсис крушил зубы, рвал язык и десны, засовывая распятие все дальше и дальше, пока... сам не начал задыхаться. Он вдруг почувствовал боль этого юноши и привкус его крови у себя на губах. У Фрэнсиса перехватило дыхание. А желтые глаза торжествующе уставились на него.

Фрэнсиса стошнило, он попытался глотнуть воздуха, но, упав на колени, успел лишь заметить, что Анна, нашептывая мерзости и царапая простыню черными ногтями, похотливо тянет к нему руку.

* * *

Утром его нашла хозяйка. В глубочайшем шоке женщина трясущимися пальцами набрала номер полицейского участка. Спустя некоторое время явился блюститель порядка. Сей страж законности немало повидал на своем веку и не

избегал возможности прихвастнуть при случае репутацией тертого калача. Однако он до глубины души был потрясен увиденным и едва не потерял сознания. Первый раз полицейского стошнило тут же на месте и вторично уже в участке, когда он пересказывал случившееся дежурному сержангу. Два часа спустя он сел наконец печатать отчет. Полицейский ломал себе голову, пытаясь осмыслить, каким патологически изощренным воображением должен был обладать несчастный, который исхитрился свести счеты с жизнью таким вот варварским способом.

Глава IX

Анна целый день провела в библиотеке Би-Би-Си, и мысли ее до такой степени были погружены в работу, что, уже находясь в метро, она не обратила внимания на двух женщин, оживленно обсуждавших кошмарное убийство. Да, Лондон теперь похлеще Нью-Йорка. И кому только в голову пришло такое — казнить распятием?

Краем уха прислушиваясь к разговору, Анна отметила про себя, что судачившие рядом женщины обвиняют в случившемся всех и вся, начиная от плохой погоды и непредсказуемых китайцев и кончая телевидением, буквально затопленным сценами насилия. Анна едва заметно улыбнулась, сосредоточенно размышляя о том, что на некоторых семьях действительно лежит что-то вроде печати проклятья. Словно неведомая злая сила наваливается на этих бедолаг и держит их в тисках.

В какой-то мере Анна испытала странную закономерность и на себе. С ней то и дело приключалась какая-нибудь беда. Вполне возможно, что все эти неприятности — явления одного порядка. Еще в детстве на Анну время от времени падали разнообразные предметы, она вечно ранилась отвертками и молотками. А уж если Анне вздумывалось покататься на лошади... Однажды та понесла, и Анна чуть было не врезалась в забор. Когда Анна влюблялась, ее лучшая подруга прямо у нее из-под носа «уводила» воздыхателя. А что если и Торны всего-навсего продолжали этот ряд невезучих? Почему, собственно, нет?

Анна фыркнула, представив себе ожидавшую ее перспективу. И тут до нее начал доходить наконец смысл последних новостей.

«Полиция считает, что это самое жестокое убийство, с которым ей когда-либо приходилось сталкиваться»

Анна невольно взглянула на экран телевизора. И мгновенно вскочила от неожиданности. Весь экран занимало лицо Фрэнсиса. Закадровый текст сопровождал показ снимков: «Скотланд-Ярд располагает фотографией монаха и обращается к телезрителям с просьбой помочь. Если вам что-нибудь известно об этом человеке...»

Резкий телефонный звонок вывел Анну из оцепенения. Звонил ее приятель, видевший Анну с итальянцем на вечеринке. Его интересовало, не того ли бедолагу только что показали по «ящику». Пробурчав что-то невразумительное, Анна бросила трубку. Монах. Ну, конечно! Теперь странное поведение Фрэнсиса хоть как-то можно было объяснить.

Видеомэгнитофон в этот раз оказался включен, и Анна, перемотав пленку назад, вновь застыла, вглядываясь в грустное лицо на фотографии. Она смотрела в карие глаза погибшего, вспоминая его предупреждение держаться подальше от Торнов. И вдруг Анна по-настоящему испугалась. Значит, список пополнился еще одним именем. И уж это никак нельзя было отнести к обычному совпадению.

Слезы закапали у нее из глаз, и Анну охватило горькое чувство раскаяния при воспоминании о том, как грубо она обошлась с Фрэнсисом. Анна прорыдала целый час, прежде чем набрала номер полицейского участка.

* * *

В участке Анну терзали целую вечность, задавая кучу вопросов. Однако женщина смогла сообщить лишь при каких обстоятельствах они с Фрэнсисом встретились. Здесь же она упомянула и про более чем странное предупреждение юноши относительно семейства Торнов. Об имевшемся у нее списке Анна решила пока умолчать. Но и сказанного оказалось достаточно, чтобы привести полицейских в замешательство. Поблагодарив, ее отпустили.

Только дома Анна поняла, насколько случившееся выбило ее из колеи. Ведь она забыла сообщить полиции о пакете, что оставил ей Фрэнсис. Сверток лежал на письменном столе, и казалось, красная сургучная печать злое еще подмигивает Анне.

Пальцы у нее задрожали, когда она разрезала веревочку на пакете.

Анна вспомнила слова полицейского: «Убийца скорее всего просто псих, поскольку ни один нормальный человек не станет вгонять распятие в чью-либо глотку. Никаких

видимых мотивов для убийства не было, дверь в комнату не взломана, так что...»

Анна поморщилась, порезав палец об острый край оберточной бумаги, и, разозлившись, надорвала пакет, перепачканный кровью. На стол скользнули четыре кассеты и связка пожелтевших писем. К ней была приложена записка от Фрэнсиса. «Можете воспринимать это, как бред сумасшедшего. Тогда в него легче вникнуть. Здесь копии, сделанные мною с оригиналов».

Письма были переписаны удивительным каллиграфическим почерком, каждая отдельная буква — настоящее произведение искусства. Анна расправила первое письмо. Оно оказалось от Кейт Рейнолдс и было адресовано отцу де Карло. Фамилия этой женщины стояла где-то в середине списка. Фрэнсис точно охарактеризовал письмо Кейт. «Безумное послание». Однако само изложение поражало удивительной точностью и ясностью мысли. Здесь же Анна обнаружила и письмо некой Ламонт. Эта особа также числилась в списке.

Анна неторопливо читала, не пытаясь вникать в смысл прочитанного. Просто какой-то бред сивой кобылы! Да, вряд ли у Мейсона выгорит это дельце. Ежели он возьмется за подобный бред, его просто поднимут на смех.

Анна взялась наконец за пачку заметок и цитат, выписанных монахом из Библии. Все они повествовали либо о Втором пришествии Христа, либо о евреях, вернувшихся в Сион, а то и о встрече Христа с Антихристом и об Армагеддоне.

Тут Анна не выдержала. Вся эта белиберда по-настоящему разозлила ее. Подобную чушь мололи и фундаменталисты. В большей или меньшей степени. Уж сколько лет подряд американское правительство пыталось справиться с этими людьми, но пока сия затея не принесла видимого успеха. Анна в сердцах выругалась. Если только Мейсон сподобится сопоставить историю семьи Торнов с библейскими текстами, ему никогда не найти издателя! Все решат, что он просто малость «перетрудился».

Анна сунула в магнитофон кассету и устало откинулась на спинку кресла. «Святой Отец, простите мне мою неразборчивую речь», — услышала она надтреснутый, старческий голос. О Господи, опять очередной бред! Но, услышав имя Поля Бухера, Анна чуть не подпрыгнула в кресле. Раздражение ее как рукой сняло. Если на пленке записан действительно Бухер, то Анне есть что показать Мейсону.

Женщина начала внимательно вслушиваться в исповедь старика. Однако через некоторое время ее вновь охватило отчаяние. Опять кинжалы, опять Армагеддон. Новое безумие! Есть ли конец у этого массового помешательства?!

Часа два потратила Анна на прослушивание пленок. Потом сложила письма и кассеты в пакет, на котором значилось «Торны», и стала набирать номер телефона.

Мейсона дома не оказалось. Анна надиктовала сообщение на автоответчик и, задумавшись, принялась расхаживать по комнате. Что дальше? А ничего, буду продолжать начатое,— ответила она себе. В конце концов ей за это платили, стало быть, она должна выполнять свою работу. Даже если она граничит с безумием.

Из рассказа Бухера Анна узнала, что Маргарет Бреннан еще жива. Старик сообщал ее адрес — госпиталь в Хайгейте.

Ну, что же, надо звякнуть и в госпиталь. Если повезет, то ее туда... не пустят.

До госпиталя Анна доехала минут за тридцать, но эти полчаса показались ей вечностью. Вот пусть сам Мейсон и шляется по подобным заведениям, а Анна с детства панически боялась психушек. Ее собственная мать умерла в лечебнице для умалишенных. Травма эта так глубоко врезалась в душу Анны, что безумные крики матери до сих пор стояли у нее в ушах.

И сейчас Анне вдруг нестерпимо захотелось хлебнуть виски для храбрости. Может быть, сестры не унюхают запаха? Или, пожалуй, можно принять львиную дозу валерьянки, однако вся ее натура мгновенно восстала против такого издевательства. Кроме того, для подобных встреч требовалась ясная голова и определенная осторожность.

Местечко оказалось на редкость славным. И за это спасибо. Можно себе представить, что почувствовала бы Анна, окажись она у черта на куличках, в какой-нибудь мрачной и заброшенной юдоли. Хотя пациентам было, пожалуй, глубоко наплевать на местоположение подобного заведения. Кто знает...

Кэб остановился, и водитель указал на здание. Поеживаясь от внезапно охватившего ее озноба, Анна вышла.

Это был монастырь. И как это раньше не пришло ей в голову? Ведь она слышала название — «Святой Игнатий».

Несколько минут разглядывала Анна высокую, выцветшую от времени кирпичную стену, окружавшую здание, тяжелую дубовую дверь, увенчанную пиками. А вот вде-

ланные в кирпичную кладку электрический звонок и «глазок» были, казалось, здесь совсем не к месту.

Анна позвонила, услышав где-то вдали необычное залихватое треньканье. Массивная дверь приоткрылась, и в щелку просунулась голова в капюшоне. Монах окинул женщину изучающим взглядом.

Представившись, Анна сообщила, что ей назначена здесь встреча. Послышался звук отпираемого запора, и дверь со скрипом подалась, пропуская Анну. Внутренний дворик был вымощен каменными плитами; сплошная голая пустошь: ни деревца, ни скамейки, ничего и никого, кроме нескольких монахинь, молчаливо прошествовавших из одной двери в другую. Сей живописный уголок внезапно напомнил Анне тюремный двор. Только в нос здесь шибал еще и запах морфия.

Монахиня жестом пригласила Анну следовать за ней. Анна невольно оглянулась, впившись глазами в синее, глубокое небо над головой. Казалось, внешний мир вдруг бесконечно далеко отодвинулся от монастырских стен, и теперь до Анны доносилось лишь негромкое пение монахинь. «Монотонное и проникнутое тоской», — промелькнуло у нее в голове.

Но она тут же отругала себя за самонадеянность. Кто она такая, чтобы судить этих одиноких женщин и думать свысока, будто в их голосах звучат тоска и отчаяние? Они ушли от «мира» к Христу, и выбор их добровольный.

Внутри здания было не жарко. Прохладой веяло от выложенных зелеными плитами стен, от каменного пола. С Анной никто не заговаривал, никто не оглядывался на нее, пока она шагала вслед за монахиней по узкому коридору.

Анна случайно коснулась каменных плит и тут же отдернула руку: ей показалось, что стена сырая, но пальцы были сухими.

Монахиня остановилась возле двери и, повернув ключ в замке, толкнула дверь ногой. Анна не двигалась. Никто так ни о чем ее и не расспросил, ей не задали ни единого вопроса о том, кто она такая и зачем ей понадобилось навестить Маргарет Бреннан. Надо же, она-то решила, что проникнуть в госпиталь будет непросто, а здесь, похоже, до нее вообще никому нет дела.

Анна нерешительно переступила порог и невольно вздрогнула, услышав, как за ней громко захлопнулась дверь. Комната, куда она вошла, оказалась крошечной камеркой, похожей на тюремную камеру. Узкая железная койка, стул, стол — и больше ничего. Высоко над полом кро-

шечное оконце. Под ним, спиной к двери, восседала прямо на полу Маргарет Бреннан.

Анна кашлянула, но женщина даже не шевельнулась. Анна подошла поближе и, остановившись в двух шагах от Маргарет, окликнула ее по имени. Ноль внимания. Анна позвала громче, и женщина наконец оглянулась.

Анна едва сумела подавить крик. На нее уставилась старуха с испещренным морщинами, желтым лицом и совершенно седыми волосами. Ее вытаращенные воспаленные глаза были багровыми. А ведь с фотографий в газетах смотрело совсем иное лицо. Подобная встреча застала Анну врасплох. Ибо она ожидала увидеть благородное, красивое лицо женщины средних лет, а это... Ее встретила старая карга. Анна с трудом взяла себя в руки, выдавив на лице какое-то жалкое подобие улыбки.

— Миссис Бреннан, меня зовут Анна. Анна Бромптон,— представилась она.

Старуха улыбнулась. Лицо ее сморщилось как сушеное яблоко.

— Очень мило с вашей стороны заглянуть в эту обитель,— глухо отозвалась она.

* * *

Она говорила с бостонским акцентом, на блестящем английском, напомнившем Анне почему-то чету Кеннеди. Анна пожала протянутую руку и снова с трудом подавила отворачивание, прикоснувшись к сухой, шершавой коже.

— Сейчас чудесное время года,— задумчиво промолвила Маргарет.— Волшебный аромат цветов ...

Анна чувствовала себя не в своей тарелке. Растерявшись, она никак не могла придумать, как подступить к разговору о Торнах. Господи, и зачем только она вообще заявила сюда, какие сведения можно выудить из этой старой развалины?

Обычно Анна просто давала людям возможность высказаться и выложить ей все, что придет им в голову, незаметно подталкивая их к интересующему ее предмету. Сейчас все складывалось иначе.

— Должно быть, вы удивлены моим визитом,— пошла напролом Анна.

Маргарет вежливо улыбнулась.

— Нет,нисколько. Я понимаю вас.— И она снова отвернулась к стене.

— Я помогаю Джеку Мейсону.

Никакой реакции.

— Вы, наверное, слышали о нем.

— Писатель,— кивнула Маргарет.— Слышала, конечно. По-моему, даже встречала его на каком-то званом ужине в Нью-Йорке.

Теплее, теплее, это уже кое-что. Да, все-таки сегодня Анне везло. Она очаровательно улыбнулась:

— Понимаете, он взялся за книгу. О Торнах...

Выражение лица Маргарет мгновенно изменилось. Нахмурившись, она тряхнула головой и тут же отвернулась к стене.

— Это своего рода биографическое исследование,— быстро пояснила Анна.— Мейсона заинтриговали некоторые эпизоды из жизни...

— Дэмьена Торна,— внезапно перебила ее Маргарет, задрожав всем телом.

— Да. Но и других тоже,— скороговоркой добавила Анна.— Понимаете, Мейсона интересует странная зависимость между той огромной властью, которой обладает семейство Торнов, и страшным... роком, преследующим эту династию.

— Не напоминайте мне о Дэмьене Торне,— равнодушно проговорила Маргарет.

Анну вдруг пробрала дрожь, но она продолжала:

— Но если это вас расстраивает и волнует...

Маргарет резко повернулась к ней и неожиданно вскипела:

— Вы же ничего, ровным счетом ничего не знаете! — И она вскочила, вытянув руки с длинными ногтями, до смерти перепугав Анну. Та от неожиданности отшатнулась к двери, а Маргарет упала на стул, тяжело дыша и прикрыв лицо безобразными руками. Она разрыдалась, и плечи ее начали вздрагивать от этих рыданий.

Анна заметалась по каморке, не зная, что делать. Она хотела успокоить несчастную женщину, но одновременно страшилась ее ужасных ногтей. Несколько минут стояла Анна в нерешительности, растерянно глядя на плачущую Маргарет. Та, всхлипывая, как ребенок, утирала нос рукавом.

— Сядьте и выслушайте меня,— наконец произнесла она ровным голосом.

Молча кивнув, Анна присела на краешек койки, готовая в любой момент ринуться к двери, если возникнет необходимость. Тут она вспомнила о диктофоне и спросила:

— Вы не возражаете?

Маргарет никак не прореагировала на вопрос. Кажется, она разговаривает сама с собой.

— Это случилось в ночь Армагеддона...— безучастным голосом начала больная.

Сидя в душевной комнатенке, вслушиваясь в безумное повествование, Анна думала сейчас лишь об одном: как бы поскорее удрать из этого «веселенького» заведения. Снова Антихристы, снова Армагеддоны — опять все та же старая песенка. Но, с другой стороны, рассказ Маргарет странным образом завораживал, и хотелось дослушать его до конца.

Анна не пыталась прервать женщину, прикинув в уме, что, возможно, такое интервью окажет на больную благотворное воздействие.

— Мой муж был мужественным человеком, самым храбрым на свете. Именно он попытался уничтожить Антихриста в ту ночь, а я его убила.

Маргарет съежилась на стуле, глаза ее лихорадочно блуждали.

— Я вижу его во сне, вижу его отчаянное лицо, обращенное ко мне в поисках спасения. На него ведь тогда еще и собака набросилась. До сих пор помню его удивленные глаза, когда я вонзила кинжал ему в горло. Это меня только и утешает. В последний миг своей жизни он не успел испытать страх. Одно изумление.

— Но почему? Почему вы это сделали?! — воскликнула Анна, забыв, что разговаривает с умалишенной.

— Потому что тогда я была одержима дьяволом.— Маргарет слабо улыбнулась.— Вы думаете, что я сейчас безумна. Но это не так. Вот год назад я действительно душой и телом принадлежала Сатане.

У Анны запершило в горле, и она закашлялась, что помогло ей скрыть изумление, невольно отразившееся на лице.

Между тем Маргарет наклонилась вперед и протянула руку, показывая Анне указательный палец.

— Огонь так и не сумел выжечь клеймо,— грустно проронила она.— Посмотрите.

Прищурившись, Анна разглядела на пальце крошечный шрам. Какие-то завитушки, смахивающие то ли на три девятки, то ли на три шестерки.

— Кто имеет ум, тот сочти число зверя: ибо это число человеческое...

Внезапно в мозгу шевельнулись детские воспоминания, и Анна вслух договорила:

— Число его шестьсот шестьдесят шесть...

Маргарет торжествующе рассмеялась.

— Ну, вот,— выпрямившись, бросила она.— Число зверя и его знак.— Она яростно и с отвращением принялась тереть палец.— Моя награда,— чеканя каждое слово, произнесла она.— После того, как я переспала с учеником зверя.

Терпение Анны лопнуло. Она встала, потянувшись за диктофоном, но Маргарет опередила ее, вскочив и как-то уж больно театрально обвинив себя руками:

— Неужели вам неинтересно, кто это был?

Анна покачала головой:

— Мне кажется, что я...

— Поль Бухер,— перебила Маргарет.— Это был Бухер. Вы наверняка знаете, кто это. Я переспала с ним.— Маргарет вдруг наклонилась к лицу Анны, и та почувствовала зловонное дыхание сумасшедшей. Анна судорожно шарила за спиной в поисках дверной ручки.— Меня искушал дьявол,— зловеще шептала Маргарет.— И я понесла от него.

Анна изо всех сил дергала ручку.

— Миссис Бреннан, пожалуйста... Перестаньте, пожалуйста,— бормотала она.

Маргарет с улыбкой сфинкса резко отпрянула от Анны.

— И я бы родила ублюдка, как та бедняжка, что переспала с Дэмьеном, я бы тоже произвела на свет мерзость, вроде той, что обитает сегодня в Пирфорде.

Дверь никак не открывалась, а Маргарет все сильнее входила в раж.

— Но я одолела его, я его одолела. Я выскребла из своего чрева семя Сатаны.

Внезапно отпрыгнув в сторону, Маргарет Бреннан задрала юбку и обнажила жуткие шрамы на бедрах.

Анна рванула дверь. Та наконец подалась, и женщина вылетела в коридор, больно ударившись о стену. Она бросилась бежать, на ходу запихивая в сумку магнитофон.

— Я была тогда безумна...— эхом разнеслось по коридору.

Пальцы ее судорожно опустились на все клавиши сразу, как только Анна почувствовала вдруг на плече чью-то руку. Резко обернувшись, она увидела перед собой молоденькую, кареглазую монахиню.

— Пожалуйста, пойдемте со мной,— услышала Анна спокойный голос.

Она кивнула, метнувшись в сторону монахини. Из-за двери доносились душераздирающие крики Маргарет Бреннан. Мозг Анны словно переплавлял охватившие ее про-

тиворечивые эмоции. Но в одном женщина была абсолютно уверена: ей надо вырваться на свежий воздух и увидеть нормальных людей, с которыми можно болтать о погоде и о всякой другой чепухе.

Они свернули в другой коридор, и Анна растерянно заморгала, не понимая, куда они идут.

Монахиня остановилась, будто прочитав ее мысли.

— Если вы не возражаете... мать-настоятельница хотела бы поговорить с вами,— промолвила девушка, открывая перед Анной дверь.

— Мать-настоятельница? — Анна колебалась. Меньше всего ей хотелось задерживаться в этом здании. Однако, хочешь — не хочешь, она здесь гостя.

— Хорошо, только времени у меня в обрез,— спохватилась она, повернувшись к монахине.

Та с улыбкой пропустила Анну вперед и указала на стул, стоявший возле небольшого столика. Затем вышла и прикрыла за собой дверь.

Несколько минут Анна приходила в себя. Возбужденный голос Маргарет стоял у нее в ушах. Сердце готово было выскочить из груди.

Успокоившись, Анна огляделась вокруг. Мать-настоятельница задерживалась. Анна в одиночестве сидела в комнате, почти такой же крошечной, как и каморка Маргарет. Стены покрывал звуконепроницаемый толстый пластик. Анна поднялась со стула. Но почему же в комнате всего один стул, если с ней собираются побеседовать? Почему один?

Анна подошла к двери. Та оказалась обитой тем же пластиком и... без ручки. Сердце Анны бешено заколотилось, в горле внезапно пересохло. Она забарабанила в дверь и не услышала стука. Ничего. Ни звука.

— Эй,— закричала Анна, но слова застревали в горле.— Эй, пожалуйста-а...

Внезапно крошечное дверное оконце в двери распахнулось, и в него заглянула монахиня.

— Мать-настоятельница желала меня видеть,— промямлила Анна, стараясь скрыть дрожь в голосе.

Ничего не ответив, монахиня захлопнула оконце.

Приникнув к двери, Анна сползла на пол. Она еще пыталась убедить себя, будто все это — дурацкое недоразумение, что монахиня, наверное, просто приняла обет молчания и потому ей ничего не ответила, что мать-настоятельница вот-вот явится сюда, и Анну наконец выпустят.

Анна приподняла задвижку на оконце и выглянула в коридор. По нему шли две монахини. Она шагали, обнявшись и чему-то улыбаясь. Анна заметила у них на груди распятия, но выглядели те очень странно. И только когда девушки миновали дверь комнаты, Анна в нескольких футах от себя сумела как следует разглядеть фигурки на золотых цепочках. Оскалившиеся звериные пасти: туловища быков и копыта вместо ног. А также отвратительно торчащие чудовищные фаллосы.

У Анны перехватило дыхание, и она сдавленно взвизгнула от ужаса. Тогда одна из монахинь протянула руку и снова захлопнула оконце.

Анна кричала до тех пор, пока, окончательно охрипнув, не выбилась из сил, молотя в дверь. Все звуки поглощались массивными стенами, а кулаки мягко утопали в пластике.

Анна заплакала. Она всхлипывала и захлебывалась рыданиями, которых здесь все равно никто не слышал.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Глава X

Джек Мейсон с детства любил летать на самолете, не испытывая при этом ни малейшего страха. Вплоть до сегодняшнего дня.

И пока самолет, совершавший рейс из Америки, кружил над лондонским аэропортом Хитроу, Мейсон сидел, вцепившись в подлокотники кресла. Он пытался унять дрожь, внезапно охватившую его с головы до ног. Дама, устроившаяся рядом с Мейсоном, поглядывала на него с любопытством, невольно его тревога передалась и ей.

Мейсону никак не удавалось отделаться от навязчивых мыслей об ученом, которого буквально размазало по посадочной полосе. Точно так же писатель не мог выкинуть из головы и несчастную жену Финна.

Кроме того, Мейсону не терпелось заглянуть в туалет. Однако Джек продолжал стойчески переносить лишения, опасаясь, что если он встанет сейчас с кресла, его непременно занесет куда-нибудь не туда. Пытаясь хоть как-то отвлечься, Мейсон в который раз извлек из портфеля документы, полученные от Анны, и углубился в их изучение, хотя, похоже, уже наизусть знал содержание этих бумаг.

Скользнув пальцем по списку, Мейсон остановился против фамилии Кэрол Уаэтт. Молодую женщину обнаружили в незарытой могиле. На шее и щиколотках явственно проступали следы зубов. На тело наткнулись спустя две недели после того, как Кэрол исчезла. В ее последних публикациях повествовалось о серии необъяснимых ритуальных преступлений под названием «Смерть от Распятия», где журналистка сообщала также, что орудием убийства в этих случаях являлись кинжалы с рукоятками в виде фигурки Христа.

В записке Анна черкнула, что собирается проверить все данные, связанные с Кэрол Уаэтт, через одного из своих приятелей, политолога Джеймса Ричарда.

Мейсон хмыкнул. Кинжалы, незарытые могилы, следы зубов. Какая-то фантазмагория, в которой невозможно отыскать смысл.

Голос бортпроводника прервал его размышления. Самолет заходил на посадку, надо было пристегнуть ремни.

На несколько минут Мейсон позабыл и о Бухере, и о Бреннани, и о самом Дэмьене Торне. Смежив веки, впервые за долгие годы он вспомнил о Боге. Джек молился о благополучной посадке, и только когда авиалайнер подрулил к зданию аэропорта, Мейсон с чувством облегчения открыл глаза и отругал себя за невообразимое ханжество.

За считанные минуты Мейсон прошел паспортный и таможенный контроль. После жутких климатических изменений люди сейчас летали редко, опасаясь внезапно налетавших циклонов и ураганов. Джек окинул взглядом зал ожидания, но Анны там не обнаружил. Это его здорово огорчило. Правда, она и не обещала встречать Мейсона, но в глубине души тот надеялся, что Анна преподнесет ему приятный сюрприз. Джека всегда удивляло в ней сочетание жесткой профессиональной хватки с неожиданной сентиментальностью. Не задумываясь, Анна могла бросить все и ринуться, к примеру, в аэропорт. Но сегодня ее нигде не было видно.

— Приветствуем вас в Лондоне,— иронично пробормотал Мейсон, направляясь к стоянке такси.

Он снял номер в небольшом, но дорогом отеле Южного Кенсингтона, где обычно останавливались популярные киношники, пытавшиеся укрыться подальше от глаз восторженной публики и прессы. Отель был вызывающе роскошным, и постояльцы платили обслуживающему персоналу бешеные чаевые. Таких денег прислуга не зарабатывала нигде. Зато от нее и требовалось немало: держать язык за зубами и не распространять по округе сногшибательных сплетен о жильцах.

Распаковывая чемодан, Мейсон вдруг ощутил сильнейший приступ одиночества. Он набрал номер телефона Анны, но попал на автоответчик. Джек надиктовал на него свой номер и, попросив Анну перезвонить, пошел в душ.

Он растирался полотенцем, когда зазвонил телефон. Это оказался администратор снизу, сообщивший, что привезли процессор, заказанный для него Анной Бромптон.

Когда аппаратуру вкатили в номер, Мейсон не смог скрыть изумления: это был целый комплекс, состоящий из платы с клавиатурой, компьютера, монитора и еще Бог знает каких приспособлений. С такой штуковиной можно от-

правляться хоть на Луну,— промелькнула у Мейсона глупая мысль.

Человек, доставивший аппаратуру, принялся ее устанавливать, на ходу объясняя Мейсону, что к чему.

— Это самая последняя модель, сэр. Очень удобно. Ваша ассистентка сказала, что вам необходима самая лучшая машина.

Мейсон кивнул, ошарашенный всей этой «инопланетной» техникой. Вообще-то он всецело принадлежал к категории старомодных писателей, которые предпочитали стучать на обычных пишущих машинках, справедливо опасаясь, что совершенная умопомрачительная автоматика может убить их драгоценное вдохновение.

— И еще вот это, сэр,— спохватился посыльный.

Он протянул маленький конверт с кассетой и запиской от Анны, где сообщалось, что с помощью кассеты Мейсон сможет опробовать сию технику. «Это маленькая шутка»,— добавляла Анна.

Покосившись на посыльного, Мейсон растерянно заморгал. Тот сунул в отверстие кассету и отошел, а на экране вдруг засветились слова и появился текст: зеленые буквы на синем фоне.

«Откровение Иисуса Христа, которое дал Ему Бог, чтобы показать рабам Своим, чему надлежит быть вскоре».

— Это еще что за чертовщина? — Мейсон изумленно уставился на экран.

— Если я не ошибаюсь... мы это проходили в воскресной школе,— пришел на помощь служащий.— Это первые строки «Откровения Святого Иоанна Богослова». Последняя книга Нового Завета.

— Господи Иисусе,— опешив, воскликнул Мейсон.

Молодой человек тоже с удивлением смотрел на экран. Затем ткнул пальцем в пакет, который принес:

— Да, сэр, здесь помечено, что это именно так.— Он вдруг широко улыбнулся.— Знаете, вы можете купить в нашем магазине все книги Библии. Оба Завета. А еще полное собрание сочинений Шекспира.

— А мои книги у вас продаются?

— Простите, сэр, я как-то не обратил внимания, но полагаю, что да. Думаю, продается все, что вы когда-либо издавали.

— О Господи! — застонал Мейсон, глядя на экран, где высветились новые строки:

«Блажен читающий и слушающий слова пророчества сего, и соблюдающие написанное в нем: ибо время близко».

Джек замотал головой, будто стряхивая наваждение. Потом сел за компьютер, решив поиграть в какую-нибудь игру. Подспудно он вдруг подумал, что с Анной происходит какая-то чертовщина. И можно только надеяться, что голубушка не перетрудилась.

Два дня он обманывал сам себя, убеждая, что совмещает работу с отдыхом. Сначала он пообедал с одним из своих издателей, потом с лондонским литературным агентом. Затем звякнул своему закадычному приятелю, и они вдвоем наведались в несколько значных мест. На другой день Мейсон проснулся, чувствуя себя страшно виноватым.

Какая там работа! Дело и выпивка в данном случае несовместимы. Просто он решил малость расслабиться. И нечего тут сочинять, что все это время он занимался делом.

Уже в шестой раз звонил Мейсон Анне, однако все время отвечал автомат. Но вот одного автоответчик не мог сообщить: когда она вернется.

Придется работать в одиночку, пока Анна не возвратится. Досадно, однако деваться некуда. Мейсон купил рулон обоев и, расстелив его на полу обратной стороной, намалевал разноцветными фломастерами фамилии из списка, соблюдая хронологию. Потом переписал всех членов семьи Торнов, вырезал и прилепил кусочки обоев с фамилиями к стене.

Итак, все эти люди мертвы. Однако в бозе почил один только Дэмьен Торн, все остальные так или иначе погибли. И это исключение настораживало.

Дэмьен Торн, обладавший отменным здоровьем, умирает от сердечного приступа в возрасте тридцати двух лет. Анна, кажется, упоминала о том, что Дэмьен даже в детстве не болел. Никаких свинок, кори...

Мейсон в раздумье отошел к окну. Кэрол Уаггетт. Вот здесь можно покопаться. Пожалуй, стоит попробовать. Может быть, Анна уже связывалась с кем-нибудь на Флит-Стрит. Надо попробовать. И Мейсон набрал телефонный номер газеты. Женский голос ответил, что мистера Ричарда нет на месте. Кто спрашивает? Мейсон назвал, и голос в трубке мгновенно изменился, в нем появились заволаживающие нотки.

— Да уж, — усмехнулся про себя Мейсон, — два Пулитцера явно благотворно влияют на интонации секретарш.

Мистера Ричарда отыскиали в мгновение ока. Тот немедленно согласился отобедать с Мейсоном в отеле.

Через час он уже сидел у Джека в номере. Высокий, элегантно одетый мужчина, чувствующий себя как рыба в воде в верхних эшелонах власти и привыкший к общению с сильными мира сего. Ричард действительно был весьма искушенным и опытным дипломатом, к его советам прислушивались.

Министры приходили и уходили, а Джеймс Ричард оставался. Его уже начали воспринимать как неотъемлемую часть Уайтхолла.

За обедом мужчины немного поговорили о внутренней и внешней политике, припоминая трагические события годичной давности, которые привели к Армагеддону.

— Вам не звонила Анна Бромптон? — решил навести справки Мейсон, воспользовавшись удобным моментом.

— Да, но потом она исчезла.

Мейсон кивнул:

— Она ненадолго уехала из города. А потому я признателен вам за эту встречу.

Ричард принял комплимент с должным пониманием и поинтересовался, чем он может быть полезен Мейсону. И тот рассказал. Стоило Джеку упомянуть фамилию Уаетт, как Ричард мгновенно нахмурился.

— Это трагический случай, — обронил он. — Жуткая история.

— Попахивает мистикой, вам не кажется? — закинул удочку Мейсон. — Ведь нет ни причин для убийства, ни самого преступника.

Ричард развел руками.

— Знаете, Кэрол заглядывала ко мне буквально за несколько дней до гибели. Ей понадобилась моя помощь в какой-то несусветной истории с кинжалами. Кэрол приспичило немедленно встретиться с американским послом. — Ричард грустно покачал головой. — Бедняжка.

Насторожившись, Мейсон попросил Ричарда рассказать ему о кинжалах.

— Простите, — возразил было Ричард. — Боюсь, что это пустая трата времени. В общем, Кэрол вроде бы слышала, будто в Риме к Бреннану приходил какой-то сумасшедший монах и передал ему кинжалы для борьбы с дьяволом... Кэрол почему-то отнеслась к этому серьезно. Странная девушка. Хотя, если принять во внимание, что она была совсем молоденькой...

Мейсон вдруг шелкнул пальцами.

— Дважды два — будет... восемь! — пробормотал он.

— Простите... — оторопел Ричард.

— Так, ничего, упражняюсь в логике. Извините,— пробормотал Мейсон без всякой, казалось бы, связи.

Разговор опять вернулся в политическое русло, но Мейсон уже никак не мог сосредоточиться. Он постоянно думал о Бреннане и о том, что тело Кэрол обнаружили в Беркшире. А ведь в Беркшире располагалась и Пирфордская усадьба Торнов. Станным образом все в этой запутанной истории крутилось вокруг Пирфорда.

Пирфорд начинал преследовать Джека, и он уже едва слышал, о чем говорит Ричард. «...занят на следующей неделе,— долетело до его слуха.— Мне надо быть на Римской встрече в верхах и в этом чертовом Билдерберг-клубе».

Билдерберг тоже интересовал Мейсона. Финансисты и политики ежегодно собирались в обстановке полнейшей секретности и обсуждали судьбы мира. Встречи всегда носили неофициальный характер. Просто милые и безобидные посиделки: ни тебе акционеров, ни коммюнике и, конечно же, никаких репортеров.

Следующая фраза заставила Мейсона вздрогнуть. Ричард заявил, что в Билдерберге будет присутствовать Билл Джеффрис из «Торн Корпорейшн».

— Вы хотите сказать, что и Дэмьен Торн явится на эту встречу?

Ричард с сомнением покачал головой.

— Я не уверен. Сей юный отпрыск — настоящая загадка. Таинственная фигура, вроде Говарда Хьюза.

— Скажите, Ричард, вы не могли бы оказать мне услугу? — спросил вдруг Мейсон. — Вы не могли бы как-нибудь свести меня с Джеффрисом? Ну, передайте ему, к примеру, что я горю желанием перемолвиться с ним парой слов.

Ричард с сожалением развел руками:

— Простите, но сие выходит за рамки моих возможностей. Они и на дух не выносят никого из посторонних. Даже особ такого разлива, как я.

— Но ведь вы-то могли бы и попытаться, а?

Ричард с любопытством взглянул на Мейсона. А что он будет с этого иметь? За услуги ведь надо платить.

— Пожалуй, я попробую, мистер Мейсон.

— Джек.

— Джек, да, конечно. Но, может быть, и вы дадите интервью для нашей газеты?

Лицо Мейсона исказилось гримасой отвращения. Джек терпеть не мог никаких интервью, считая, что лучше всего за него говорят его книги. Он и близко не подпускал к себе журналистов.

— Мой начальник будет польщен,— добавил Ричард с улыбкой.

— А кто будет брать интервью? Вы? — встрепнулся Мейсон.

— Я был бы счастлив, Джек, но, боюсь, что у нас всяк сверчок знает свой шесток. Я ведь занимаюсь чистой политикой, к сожалению.

Вздохнув, Мейсон согласился. Тут уж ничего не попишешь, придется идти на издержки.

— Человек-то будет хоть приличный? Терпеть не могу, когда журналисты переворачивают все с ног на голову.

— Ну, только не в моей газете.— В голосе Ричарда прозвучала откровенная обида.

Когда они распрощались, Мейсон вдруг засомневался, правильно ли он сделал, напросившись на встречу с Джеффрисом.

Глава XI

Развернув газету, Мейсон застонал. Интервью с ним излагалось во всех мыслимых и немыслимых подробностях, занимая целиком первую страницу газеты. Сюда же была вклеена и фотография, где Мейсон стоит возле компьютера с фужером в руке.

Вчитываясь в публикацию, Мейсон ругался на чем свет стоит. Он припомнил все соответствующие подобному событию словосочетания. Нет, эта чертова баба ни слова не переврала, когда цитировала Мейсона, но то, как она поставила акценты, привело его в бешенство. В интервью Мейсон обронил фразу, будто семейство Торнов заражено вирусом зла. Журналистка, прицепившись к этой фразе, вставляла ее где надо и не надо. Но хуже всего было то, что эта оторва сообщила номер отеля, в котором остановился Мейсон. Тот еще и газету не успел дочитать, а телефон уже надрывался без умолку.

К вечеру Джек уже не на шутку опасался, что запустит аппаратом в стену. Разумеется, среди этих звонков мог оказаться и невероятно важный. Но мысль о том, что отныне вся страна знает, где он — Мейсон — обитает, что ему может названивать первый попавшийся шарлатан, страждущий поживиться за чужой счет, выводила писателя из себя. И тем не менее Мейсон, как заведенный, отвечал на все эти звонки, ведь они могли помочь ему в работе над рукописью.

К концу третьего дня Мейсон почувствовал, что находится на грани срыва. Его уже начала колотить нервная дрожь, когда он в очередной раз выслушивал психов, объявлявших себя либо «Вавилонскими блудницами, возлюбившими зверя», либо «цыганами, видевшими Второе пришествие», либо другими «очевидцами». Служащие отеля начали мало-помалу заводиться, потому что теперь к Мейсону валом валили бесконечные визитеры.

Писатель уже укладывал свои пожитки, собираясь в другой отель, когда телефон зазвонил снова. На сей раз это оказался администратор снизу.

— Сэр, к вам джентльмен.

— И кто же на этот раз?

— Говорит, что он дворецкий в Пирфордском поместье.

Мейсон насторожился: Пирфорд в интервью не упоминался. Может статься, что этот «дворецкий» и не шарлатан. Глядишь, попалась крупная рыбешка.

Джек велел пропустить его.

Через пару минут в дверь постучали. Перед Мейсоном возник старик, тут же напомнивший писателю манекен, какковые обыкновенно демонстрируют образцы швейного искусства времен давно минувших. Этот возвращал Мейсона в эпоху королевы Виктории. Однако, похоже, сей ходячий реквизит хоть и извлекли с какого-то чердака, да так и не успели как следует вытрясти.

Мейсон посторонился, пропуская старикашку. Тот скрипучим голосом представился. Его зовут Джордж. Просто Джордж.

— Спасибо, что побеспокоились, Джордж,— поблагодарил Мейсон.— Однако, простите за бестактность, я вынужден просить вас предъявить хоть какой-нибудь документ. Понимаете, сюда шляется столько шарлатанов...

Порывшись в кармане, старик вытащил из него фотографию. На снимке был сам Джордж — двадцатью годами моложе. Он стоял позади Дэмьена Торна. А то, что это был Торт, Мейсон ни капельки не сомневался.

— Сфотографировано восемнадцать лет назад, сэр,— пробормотал старик.— Операторы снимали тогда фильм о Пирфорде. А это Кейт Рейнолдс, знаете?

— Кейт Рейнолдс? — встрепнулся Мейсон.

— Ну да, она самая.

Мейсон боялся поверить собственным ушам. Похоже, клюнуло! Он жестом пригласил Джорджа сесть, но тот лишь подошел к окну, напряженно вглядываясь в даль.

— С вами все в порядке? — забеспокоился Мейсон.

Джордж кивнул, повернувшись лицом к Мейсону.

— Сэр, я приехал к вам по двум причинам,— глухим голосом произнес он.— Во-первых, чтобы предупредить, и, во-вторых, чтобы исповедаться.

Мейсон прищурился, заметив, что старик не сводит жадного взгляда с приоткрытого бара. Наверное, он с удовольствием пропустит стаканчик-другой шотландского виски,— решил писатель и, плеснув в бокал спиртное, с интересом наблюдал, как Джордж торопливо отхлебывает крепкий напиток.

— Я не алкоголик, сэр,— смущенно начал оправдываться Джордж.— Просто спиртное меня подкрепляет. Сердцу требуется какой-то стимулятор, иначе оно не выдержало бы.

На его лице появилось некое подобие улыбки, превратившееся в жалкую гримасу, когда Джордж опустил на стул, сцепив дрожащие пальцы.

— Вы человек верующий, мистер Мейсон? — внезапно осведомился он.

«О Господи, опять...» — внутренне сжался Мейсон. Он не вынесет больше подобной чуши, хватит, баста.

— Послушайте, давайте трезво смотреть на вещи, Джордж...— начал было Мейсон.

Но старик лишь махнул рукой.

— Вы просто выслушайте меня, и все. Может, оно и лучше, что вы человек не религиозный. Так, наверное, легче все воспринимать.— И он вытащил из кармана записную книжку.— Здесь есть все. Я записал это специально для вас.

Мейсон с трудом подавил зевоту. Ладно, придется ему выслушать эту мумию, а потом он сразу же двинет в другой отель. Он по горло сыт этим маразмом.

— Я вовсе не надеюсь, что вы поверите,— заволновался Джордж, будто читая его мысли.— Но вы, конечно, помните, о чем говорится в Библии: после Армагеддона — Тысячелетие мира.

— Да, да,— устало обронил Мейсон.

— Но никаким миром пока и не пахнет, не так ли?

Мейсон кивнул.

— Здесь, в записной книжке, я объясняю, почему до мира еще далеко. Следует прочесть кое-какие странички в «Откровении Иоанна Богослова», глава 20-я, стих 3. А потом пробежите и мои заметки, вы почувствуете связь.

Приподняв руку, старик еле слышно прошелестел губами:

«Когда же окончится тысяча лет, сатана будет освобожден из темницы своей и выйдет обольщать народы, находящиеся на четырех углах земли, Гога и Магога, и собирать их на брань. Число их, как песок морской».

Мейсон сидел, склонив голову.

— Джордж, вы говорили, будто хотите предупредить меня о чем-то...

— Ну да, мистер Мейсон. Забудьте о Торнах. Сами знаете, как там у Шекспира.

— Понятно. Есть многое на свете, друг Горацио.. Вы это хотели сказать?

— Именно. Шекспир понимал, что к чему. И я прошу вас, оставьте Торнов в покое, не то сгинете.

— Ну, хорошо. Это предупреждение. А где же ваша исповедь? — едва сдерживаясь от негодования, проговорил Мейсон.

— Благодарю вас, сэр.— Старик поднялся на ноги, с признательностью глядя на Мейсона.— Я ведь в каком-то смысле хочу вас использовать. Понимаете, я уже пытался помолиться Иисусу. Он, знаете ли, являлся мне во сне. Но я не смог. Как только начинаю произносить слова молитвы, меня охватывает дрожь. Я заикаюсь. И слова буквально застревают у меня в горле. Я и в церковь пытался войти, но уже на пороге потерял сознание. Не могу ступить на священную землю вот из-за этого клейма.

Старик протянул палец, и Мейсон различил на нем три крошечных завитка.

— Знак зверя, мистер Мейсон. Я обо всем вам написал. У Мейсона вдруг свело от напряжения шею.

— Вы закончили? — ледяным голосом спросил он.

— Да Я сказал даже больше, чем надеялся. Когда-то мне пообещали, что душа моя будет во веки веков проклята, и боюсь, что так оно и есть. Однако, предупредив вас и исповедавшись, я все-таки надеюсь, что хоть отчасти купил свой страшный грех.

Старик направился к двери.

— А вот теперь я уже покойник,— еле слышно произнес он.— От него нет секретов. Надеюсь только, что покался вовремя.

Мейсон пошел провожать дворецкого. Распахнув перед Джорджем дверь, он протянул старику руку для пожатия. И тут же вздрогнул, почувствовав, каким могильным холодом повеяло от ладони Джорджа. Это действительно была рука покойника, холодная, странно липкая и, казалось, совершенно бескровная. Взглянув в лицо старику, Мейсон

невольно отшатнулся: на обтянутом пергаментной кожей черепе застыли невидящие глаза мертвеца.

— Вот вы сказали, что не больно-то верите в Бога,— с неожиданным жаром вдруг затараторил Джордж.— Но я все-таки буду вам признателен, если вы помолитесь о моей душе. Вреда ведь вам это не причинит, а мне, возможно, облегчит участь. Вы помолитесь?

— Да,— к своему удивлению, с ходу согласился Мейсон.

Джордж сжал его руку и пошел прочь.

— Да, вот что,— спохватился вдруг Мейсон.— Вам не приходилось слышать про Анну Бромптон?

Старик отрицательно покачал головой.

— Она работает у меня. Куда она только запропастилась?..

Старик криво усмехнулся:

— Ну, естественно, и вы исчезнете. Никто не выживает.— Нетвердыми шагами он двинулся вдоль коридора.— Спасибо за виски. Возможно, оно поможет мне добраться до дома.

Мейсон видел, как старик добрал до лестницы. Писатель подошел к окну и выглянул на улицу. Через какое-то мгновение старик появился на пороге. Он кутался в пальто и горбился, как будто его сбивал с ног ураган. Но деревья стояли неподвижно. И тем не менее старик действительно словно угодил в эпицентр урагана, фалды пальто яростно били его по ногам, когда Джордж ковылял по улице. Вот он добрался до угла и, свернув за него, скрылся из виду. «Навсегда»,— почему-то подумал Мейсон.

Почти час ушел у Джорджа на то, чтобы поймать такси до Пирфорда.

Возвращаясь обратно, он думал о Мейсоне. За вежливостью писателя скрывались сомнение и недоверие. Мейсон ему не поверил, это ясно, как день, но по крайней мере Джордж сделал попытку исповедаться, а большего ему не дано. Да и отель такой чудесный! Чистый, уютный. Ему бы хотелось умереть в таком месте, а не в Пирфорде, где его непогребенное тело сожрут черви. Старик вздрогнул, съехившись и теснее запахивая пальто.

Чем ближе старый дворецкий подъезжал к поместью, тем большую слабость он ощущал во всем теле. Здесь, в этом зверинце, его душу держали взаперти. И если тело Джорджа покидало сию землю обетованную, душа оставалась заложницей до его возвращения. Подумать только, всю жизнь эта мысль утешала его. А теперь...

Было уже темно, когда машина подъехала к поместью. Выбравшись из такси, Джордж протянул водителю кошелек с деньгами.

— Возьмите, мне он больше не понадобится,— тихо промолвил старик.

Удивленный водитель забормотал слова благодарности и, неторопливо развернувшись, помчался обратно в город.

В зеркальце заднего вида таксист успел заметить, как старик бредет по дорожке к дому. «Рак»,— подумал водитель. Старик словно распространял вокруг себя какой-то гибельный смрад. Взглянув на деньги, таксист сделал то, чего не позволил бы себе при других обстоятельствах: размахнувшись, он зашвырнул кошелек подальше в темноту. А потом до отказа выжал педаль газа.

* * *

Каждый шаг давался ему с трудом. Джордж чувствовал, как его сердце бешено колотится, готовое вот-вот выскочить из груди. Впереди за поворотом он увидел выступающий в темноте силуэт особняка. Ни одно окно не светило. Дэмьен, наверное, в часовне. Это его время, его час, когда он молился, восстанавливая силы. Джордж медленно повернулся в сторону холма, вглядываясь сквозь деревья в белые стены церкви, отчетливо выделявшиеся на фоне черного неба.

— Пожалуйста, Боже,— попытался было произнести старик, но к горлу подкатила желчь, и на слове «Боже» Джорджа стошнило кровью.

Тут же при мысли о вечности его охватил панический, парализующий ужас. Вот оно, приближение смерти. В памяти внезапно всплыли услышанные еще в детстве жуткие, леденящие душу рассказы о преисподней и вечном адском пламени, о кошмарных чудовищах, поджаривающих на сковородках корчащиеся тела мучеников. Да, в свое время Джордж с усмешкой отмахивался от всей этой чепухи, теперь же она неизбежно превращалась в его собственное будущее, которое уже не за горами... А подтверждением тому служили сгустки выплюнутой крови, темневшие на траве.

Старик внезапно перестал чувствовать левую руку. Никакой боли, ничего — просто омертвевшая конечность. Он попробовал согнуть пальцы, но не смог даже пошевелить ими. Боль была бы желанней, чем эта пугающая бесчувственность.

Перед глазами стоял какой-то туман. Джордж двигался почти на ощупь, спотыкаясь и наталкиваясь на кусты и деревья, ветки которых больно хлестали старика по лицу. Он поранил ногу о камень и, вскрипнув, остановился, не замечая Дэмьена, чей силуэт нечетко вырисовывался на фоне деревьев чуть поодаль. Но в тот же миг Джордж услышал злобное рычание. Он понял, что не один здесь.

Старик силился разглядеть что-то в кустах. Он двигался на звук и наконец очутился лицом к лицу с Дэмьеном. Тот улыбался в темноте. Собака, застывшая у ног юноши, напряглась, готовая к прыжку.

Джордж поднес руку к глазам, словно это могло помочь ему разглядеть хозяина. При этом резком движении животное угрожающе оскалило зубы, приподняв морду. Джордж прекрасно знал, что зверю ничего не стоит в один прыжок преодолеть расстояние, разделявшее их, и впепить ему в глотку.

— Видишь, животяге не терпится разделаться с тобой сейчас же, на этом самом месте, где ты подсобил ему родиться. Неплохая благодарность, старик,— ухмыльнулся Дэмьен.

Джордж открыл было рот, чтобы ответить, но что он мог сказать в свое оправдание?

— Итак,— вкрадчиво продолжал юноша,— ты еще надеешься, что Назаретянин спасет твою душу?

— Прости меня,— едва слышно пролепетал старый слуга.— Пожалуйста, прости.

— Простить тебя?! — Улыбка исчезла с лица Дэмьена. Юношу охватил гнев, необузданный и страшный.— Простить? Мой отец никогда не прощал. Не прощаю и я. Ты обратился не по адресу.

Саркастическая усмешка снова тронула губы Дэмьена.

— Странно получается. Ты принес мне от отца весть, будто тысяча лет — всего лишь день, ты же теперь отворачиваешься от меня, от моего отца и отца моего отца. И ты еще смеешь молить о прощении?

Юноша отступил, указывая на церковь.

— Вот твоя дорога. Пройти каких-нибудь ярдов десять. Дерзай, старик. Давай шагай навстречу своему Господу — если сумеешь.

Рыдание сотрясало тело старика, изо рта снова потекла струйка крови, когда Джордж, опустив заплаканные глаза, двинулся мимо Дэмьена в сторону церквушки.

Собака зарычала, и Джордж подумал было, что она все-таки кинется на него, но животное просто кралось за ним

по пятам, и старик чувствовал зловоние, исходившее от пса.

— А тебе не кажется, что ты немного опоздал? — неслись вслед насмешливые выкрики Дэмьена. — Уж не надеешься ли ты получить отпущение грехов в свой последний час, а? Ведь ты же прекрасно знаешь, что Назаретянина так просто не надуешь. В конце концов Он знает тебя лучше кого бы то ни было. Уж Его-то на мякине не проведешь! Он-то быстренько разберется, что к чему. И что тобой движет страх, а вовсе не любовь к Нему. С Ним эти штучки не пройдут, Джордж. Нет, не пройдут. Этого Ему мало.

Медленно, едва переставляя ноги, старик дотащился до церковных ворот и, поколебавшись, направился ко входу в церковь. Распахнув дверь, он замер на пороге и внезапно обернулся. Дэмьен с собакой не решались войти в ворота. Так они и стояли, не пытаясь следовать за стариком дальше. И юноша, и животное хранили гробовое молчание. Пес от кончика носа и до хвоста дрожал, прижав уши. Лишь изредка слабое, еле слышное рычание доносилось из его глотки. Дэмьен же застыл, как изваяние, приковав взгляд к старику, и тому на какое-то мгновение вдруг показалось, что в глазах юноши мелькнуло сочувствие и, может быть, даже сожаление. Джордж внезапно вспомнил, как однажды Дэмьен заявил ему, что не сам выбирал свою судьбу.

И тут в измученной душе старика шевельнулось сострадание к этому молодому человеку, чувство истинно христианское. И тогда произошло нечто такое, от чего по впалым, морщинистым щекам ручьями покатились слезы: в левой руке Джордж ощутил покалывание, затем ее свела судорога. Значит, кровь опять побежала по руке.

Казалось, минула целая вечность, пока старик достиг алтаря. Зрение его прояснилось, и он уже больше не спотыкался. Сердце выпрыгивало у него из груди, и поначалу это испугало Джорджа, но зато кровь перестала течь из рта, да и тошнота отступила.

Старик застыл перед алтарем. Запрокинув голову, он уставился на распятие и не переставал удивляться, как это Бухеру хватило сил поднять крест. Фигура Христа была крепко привязана к балке, и, казалось, будто Иисус пристально смотрит на Джорджа, успокаивая и сострадая ему, готовый принять его душу.

Лестница почти упиралась в балку, и последняя ее ступенька была на одном уровне с головой Христа. Джордж ухватился за перекладину и, взглянув наверх, пробормотал:

— Прости мне, Господи, мой великий грех...

Визг и хохот за спиной заставили старика резко обернуться. Дэмьен по-прежнему стоял возле церковных ворот, и от его взгляда Джордж задрожал, как осиновый лист. Молнией промелькнула мысль о стервятниках, терзающих его плоть, шакалах и гиенах, ожидающих его смерти. Дэмьен неистово выкрикивал жуткие мерзости, издеваясь над попытками Джорджа вернуться к Создателю.

Из последних сил переставлял старик ноги с одной ступеньки на другую.

Он задыхался, каждое движение учащало пульс так, что сердце заходило в бешеном ритме. Надо было останавливаться на каждой перекладине, чтобы глотнуть побольше воздуха. Ладони Джорджа покрылись потом и соскальзывали при каждом неловком движении. Старик вдруг почувствовал, как в меченный зверем палец вонзилась заноза, но он с радостью принял эту боль. Джордж боялся только одного: чтобы сердце его не разорвалось прежде, чем он доберется до верха.

А Дэмьен продолжал осыпать старика проклятьями. И тогда тот запретил себе глядеть вниз и оборачиваться, потому что твердо знал: один взгляд — и он неминуемо рухнет с лестницы.

Силы покидали Джорджа. Он прижал лицо к перекладине и представил внезапно, какие муки испытывал Христос, когда в его плоть входили гвозди. Как вообще люди могли придумать такую пытку? Хотя, конечно же, не они это придумали, их умами владело зло, темная сила, с которой старик имел дело всю свою жизнь.

— Прости меня, — снова повторил он, услышав позади себя визг.

— Прости его, Назаретянин, — улюлюкая, кричал Дэмьен. — Прижми его к своей жалкой груди и тогда поймешь, что эта змея достойна Твоего Царствия.

Джордж дотянулся до следующей перекладины, потом еще до одной. Теперь лицо его почти касалось обугленных бедер Иисуса. Силы покинули его, и он не мог больше ни подниматься, ни спускаться. Он замер, прислушиваясь к жутким проклятьям Дэмьена внизу и к его леденящему кровью яростному хохоту.

— Господи, дай мне силы, — пробормотал старик, почувствовав вдруг на шее в том месте, где было клеймо зверя, зуд. Оно появилось много-много лет назад, и сейчас, когда старик не мог и рукой пошевелить, шея в этом месте нестерпимо чесалась — как будто в насмешку.

Сделав последнее усилие, Джордж поднялся еще на две перекладины и теперь смотрел прямо в лик Христа. Старик вдруг вспомнил о безумном художнике по имени Игаэль, который в незапамятные времена, идя на поводу у Сатаны, вырезал фигурку Христа перед тем, как свести счеты с жизнью.

Старик увидел кинжалы, торчавшие из спины Иисуса, и шесть огромных гвоздей в терновом венце. Он вспомнил ту страшную ночь, когда Дэмьен волочил распятие из часовни, и в какой-то момент от неловкого движения гвозди вонзились ему в шею, оставив на ней кровоточащие раны.

— Господи, я перед Тобой, чтобы просить у Тебя прощения. Вся моя жизнь прошла в сплошном грехе и растрочена попусту. В последние дни Ты стал являться мне во сне, предлагая покаяться, и теперь я вручаю Тебе мою душу, если Ты ее примешь. Возьми меня в Царство Твоего Отца, как обещал.

Громкий окрик заставил старика обернуться. Желтые глаза Дэмьена прожигали Джорджа насквозь, они испепеляли старика и словно пригвождали к лестнице, властно требуя повиновения, как когда-то это делал отец юноши.

Сейчас он упадет. Старик знал это наверняка. Он снова повернулся, чтобы взглянуть на лик Христа. И тут нога Джорджа соскользнула с перекладины, терновый венец вонзился старику в глаза, и на долю секунды тот буквально повис на шипах, испытав на мгновение мучительную агонию распятого Христа.

Пальцы Джорджа разжались, он полетел вниз, и предсмертный крик оборвался, как только тело рухнуло на алтарь, а затем соскользнуло на церковный пол.

Но прежде, чем пыль в проходе осела, душа несчастного покинула измученную плоть.

Глава XII

Джек Мейсон был не на шутку встревожен. Он, наконец, перебрался в отель Хилтон, где его больше никто не подстерегал, и теперь в его распоряжении оказалась уйма времени, чтобы все спокойно обдумать на досуге. Происходящее здорово взбудоражило его воображение. И вообще в этой истории не сходились концы с концами. А чего, собственно говоря, он достиг в своих поисках? Какими фактами располагал? Да никакими. Кроме разве что рассказней кучки обезумевших фундаменталистов, свихнувшихся

на «Откровении Иоанна Богослова». Джек смертельно устал от этой книжонки. Однако, изучая горы литературы и документов, он ни на дюйм не продвинулся в своих исканиях. И уж тем более вся эта белиберда никоим образом не проливала свет на семейку Торнов.

Джек уселся перед экраном компьютера и стал набирать заметки этого шараханутого Джорджа.

— Очередная абракадабра,— пробурчал под нос Мейсон, нажимая на клавиатуру и наблюдая, как на экране вспыхивают слова:

«Дэмьен Торн, зачатый Сатаной и самкой шакала, родился в Римском госпитале, в библейском Вавилоне».

— Самкой шакала...— пробормотал Мейсон.— Господи Боже!

«Существо, зачатое путем скотоложества, появилось на свет, как появляются экскременты...»

«Можете обследовать его тело,— писал старик.— У него нет пупка, потому что не было пуповины».

— Господи Иисусе! — воскликнул Мейсон.

Он словно остолбенел и так, не шелохнувшись, просидел, наверное, целую минуту. Затем набрал имя Кэрл Уатт.

На экране появилась информация. Девушка совершила фатальную ошибку, невольно став свидетельницей слабости молодого человека по отношению к ней. Юноша чуть не угодил в сети соблазна и собственной влюбленности, и потому она должна была умереть. Только таким образом Дэмьен мог очиститься от предательской слабости.

Да, вот уж безумие так безумие! Но Мейсона поразило, что здесь присутствовала логика.

— Если отбросить прочь весь этот сатанизм,— хмыкнул Мейсон,— получается, что имеется некое зло, которое притягивает людей, а затем отделяется от них.

Потом в заметках появились сноски из Библии, а в последнем сообщении значилось, будто земные останки Дэмьена Торна покоились не в фамильном склепе в Чикаго, а в Пирфорде, и сын Дэмьена черпал в них свои силы.

В мозгу внезапно всплыло воспоминание: кругленький толстячок-бармен, рассказывающий Джеку о тщедушном священнике, свалившемся в могилу. Мейсон задумчиво покачал головой. Опять все та же логика. Ну что, интересно, с ней делать? А может Анна Бромптон все-таки права?

Зазвонил телефон. Сначала Джек не хотел брать трубку, но затем передумал.

— Привет! — услышал он женский бодрый голос.

— Кто это?

— Твоя рабыня. Звоню из бара.

В зеркале напротив Мейсон разглядел отражение своего сияющего лица и, с большим трудом насупившись, холодно осведомился:

— Какая рабыня? Из какого еще бара?

— Интересно, сколько ты вылакал? — фыркнув, весело рассмеялась Анна и тут же сообщила, где находится. Мейсон растаял и велел Анне подождать его.

Сегодня Анна была какой-то странной: пожалуй, так с ходу Мейсон бы и не сказал, почему. То ли в ней вдруг всколыхнулась сексуальность, которая прежде в их отношениях никогда не проявлялась. Они всегда отличались теплотой, однако никогда не выходили из рамок чисто профессиональных.

А сейчас... Она и поцеловала-то его, как какая-нибудь шлюха.

— А ну-ка давай выкладывай, что там у тебя стряслось, — начал было Мейсон как ни в чем не бывало.

— Если бы я знала, — по-прежнему весело защебетала Анна. — Что-то вроде амнезии. Представь себе: вот я, преисполненная радости, вкалываю на тебя, а уже в следующий момент оказываюсь вдруг в полицейском участке Хайгейта и ничегошеньки не помню. Целая неделя моей драгоценной жизни просто выпадает у меня из башки.

Внезапно побледнев, Анна провела рукой перед глазами, словно отмахиваясь от назойливой мухи.

Мейсон нежно обнял ее за плечи и, погладив по волосам, почувствовал, что Анна пришла в себя. На губах ее вновь заиграла улыбка.

— Я бы хотела продолжить работу, — заявила она.

— Даже и не знаю, — опешил Мейсон. — Когда ты звонила мне в последний раз, ты, похоже, оказалась права, назвав все это сущей белибердой. Просто в точку попала. Жуткий маразм. Трупы, шакалы, Сатана...

— Хочешь все это бросить?

Мейсон пожал плечами.

— Вообще-то не мешало бы прочесть дебри фактов, что называется. Даю себе еще месяц, и если к тому времени ничего не прояснится, ни секунды не потрачу больше на эту ахинею.

— Хорошо. Я готова.

Анна принялась расспрашивать Джека, что тот сделал за неделю, и Мейсон сообщил ей о Джордже и обо всех телефонных звонках. Затем он поинтересовался, прихватила ли Анна пакет.

— Пакет? Какой пакет? — оторопела та.

— Ты же говорила. Из Италии.

Анна напряглась, сдвинув брови.

— Я не помню.

— Опять провал?

— Наверное.

— А что тебе сказал врач? Память восстановится или как?

— Он надеется. И я тоже,— пробормотала Анна, поднимаясь из-за стола.

Мейсон хотел было спросить еще о чем-то, но решил, что лучше повременить. Пусть теперь медики думают, как ей вправлять мозги, а его дело — загрузить Анну работой.

— Знаешь,— обратился он к ней.— Тебе придется выбирать: отправляться к астроному в Сассекс или двинуть в Рим со своим приятелем Джеймсом Ричардом.

Анна подняла руку, словно собиралась бросить монетку.

— Рим.

— Я так и думал.

Они поцеловались на прощание, и снова Мейсон спросил себя, уж не разыгралось ли у него воображение? Или эта самая «амнезия» страннейшим образом повлияла на его помощницу? Поцелуй был явно не символический. Ну вот, только этого ему и не хватало для полного счастья! На этот раз Джек мысленно подбросил монетку. Конечно, воображение! Золотое правило, которого он придерживался всю жизнь, гласило: ни при каких обстоятельствах не заводить интрижек с коллегами по работе.

* * *

В тот же вечер, направляясь в Сассекс, Мейсон попробовал хоть на время забыть о том, что работа над книгой застопорилась. От этой поездки Джек ожидал очень много. Письмо астронома явилось прямо-таки оазисом здравого смысла в пустыне религиозного безумия.

«Я прочел о Вас статью в газете,— сообщал астроном,— и хотел бы пригласить Вас к себе в обсерваторию. Возможно, Вас заинтересует информация о так называемой Вспышке Трех Звезд, о сближении светил в одной из Галактик около восемнадцати лет назад. Рациональной связи с Вашей книгой здесь нет, но кое-какой материал о Торнах у меня для Вас имеется. Единственное, что от Вас требуется, это на какое-то время выбросить из головы весь этот абсурд».

И адрес: Фернбанковская обсерватория, Сассекс. Автор послания рассуждал вроде бы как человек здравомыслящий. В любом случае Джека ожидает хоть какое-то разнообразие, даже если поездка и не принесет особых результатов.

Обсерватория занимала небольшое строение с куполом и просторным холлом. Выйдя из машины, Мейсон бросил взгляд на небо, по которому плыли легкие облака. Что ж, у него есть все шансы понаблюдать сегодня в телескоп звезды.

Барри Кинг ожидал его у входа. Небольшого роста, подвижный и юркий человечек. Смахивающий на воробья, подумалось Мейсону. Астроном поблагодарил писателя за приезд и тут же ввернул, что прочел парочку его книг и что они неизмеримо талантливее фильмов, поставленных по этим романам. Мейсону на миг показалось, что Кинг попросит у него сейчас автограф, но астроном добродушно улыбнулся, пропуская Джека вперед на винтовую лестницу.

Минут десять Кинг водил Мейсона по обсерватории, с гордостью демонстрируя писателю современнейшее оборудование: компьютеры, мониторы, и, надо сказать, осмотр действительно произвел впечатление на Мейсона. Теперь он нисколько не жалел, что приехал сюда.

Это почувствовал и Кинг. В глубине души астроном сомневался, не зря ли он побеспокоил известного писателя. Но Мейсон, слава Богу, проявил искренний интерес к подобной экскурсии и не задавал никаких идиотских вопросов, как это обыкновенно делали другие посетители. Он обрадовался, как ребенок, когда Кинг предложил ему взглянуть на слайды звезд.

— Созвездие Ориона, — объявил Кинг, нажимая одну из кнопок на панели диаскопа. И тут же из щели в подставке выскользнул слайд. Кинг поправил его на стекле, освещенном снизу, и перед глазами Мейсона замигали звезды.

— Мы можем увеличивать изображение, фокусировать его, как угодно, проникая таким образом в глубины Вселенной, — с гордостью произнес Кинг, вытаскивая слайд, на котором значилось «Троица».

— А вот и слайд, из-за которого я вас пригласил, — посерьезнел он. — С тех пор ведь минуло восемнадцать лет, а я и по сей день не могу понять многого.

Мейсон заметил на слайде три светящиеся точки, как будто сближавшиеся. Он изумленно взглянул на астронома.

— Вспышка,— пояснил Кинг.— Я был тогда всего лишь помощником, и все же... Астронома звали Джон Фавелл. Бедняга умер три года тому назад. Он-то и обнаружил странное движение светил в районе Кассиопеи. Три звезды сближались, потом была вспышка. Явление само по себе абсолютно невероятное. Вот почему я попросил вас приехать.

Мейсон по-прежнему ничего не понимал, и астроному потребовалась уйма времени, чтобы рассказать, как к Джону Фавеллу приезжал некий священник, молотивший какую-то чепуху насчет Второго Пришествия, о котором можно якобы прочесть на небесах. Оно — это Второе Пришествие — предсказывалось еще в древние времена.

— Вроде Вифлеемской звезды? — быстро вставил Мейсон.

— Ну да. Белиберда, конечно, но Джон Фавелл был человеком вежливым и не стал смеяться над священником. Напротив, он пригласил его и еще двух монахов наблюдать за сближением. Он беззлобно подтрунивал над ними, подчеркивая, что сам-то наблюдает в телескоп не небеса, а небо. Но если бы вы только видели, как плакали от счастья священник и монахи, когда три звезды наконец слились воедино! Я никогда не забуду их лиц, исполненных религиозного восторга! Знаете, удивительная это штука — вера. Эх, если бы и у меня была такая же...

«Снова все та же религиозная песенка,— раздраженно подумал Мейсон.— Опять я, похоже, у разбитого корыта».

— Мистер Фавелл написал об этом статью,— продолжал Кинг.— Он назвал ее «Вспышка трех звезд». А священник переименовал ее в «Святую Троицу».

Вытащив слайд, Кинг добавил:

— Мы обнаружили также точку максимальной интенсивности и спроецировали ее на поверхность земли. Местечко расположено неподалеку отсюда.

Астроном спрятал слайды и достал папку с письмами.

— После того события священник написал нам несколько писем, где рассказал о том, как они посещали этот уголок и оказались свидетелями Второго Пришествия Христа. Безумие, конечно.

— Когда все это случилось? — оживился Мейсон.

— 24 марта 1982 года. Как только я прочел интервью, то сразу же вспомнил эту историю. И письма.

Опешив, Мейсон уставился на астронома, ожидая пояснений.

Тот пошелестел листками и прочел:

«Помните, мистер Фавелл, что Дэмьен Торн — Антихрист и что...»

Мейсон громко чертыхнулся, но Кинг, вздрогнув, казалось, с пониманием взглянул на писателя и поспешно добавил:

— Тут есть еще кое-что, мистер Мейсон. Дело в том, что после публикации статьи Фавелла мы получили известие из обсерватории в Кейп-Хэтти. Они сообщали, что за несколько лет до вспышки также наблюдали непонятное движение светил. Тогда родилась черная звезда.

Но не сам снимок привлек внимание Мейсона, а дата, начертанная на нем: 6—6—6.

Кинг перехватил его взгляд, заметив, как плечи Мейсона вздрогнули, словно от холода.

— Шесть утра шестого июня, — затараторил астроном. — Вы не представляете, как взволновался священник, когда мы рассказали ему об этом. И он сразу же интерпретировал все по-своему. В тот день родился Дэмьен Торн. А три шестерки...

— Я знаю, — перебил его Мейсон. — Число зверя.

На какую-то долю секунды недоверие вдруг покинуло Джека, и он почувствовал страх. Но тут же Мейсона охватила гнев. Джек выругался и пристально посмотрел в лицо Кингу.

— Но ведь это чушь, а? — умоляющим голосом пробормотал он.

— Конечно, мистер Мейсон, — опешил Кинг. — Должно быть, просто совпадение. В противном случае наука просто теряет всякий смысл. Разве нет?

И двое мужчин, обменявшись взглядами, почувствовали вдруг, что разговор этот навсегда заронил в их души сомнение.

* * *

В Пирфорде на каменном полу часовни лежал Дэмьен Торн. Опустошенный и подавленный, он оплакивал потерянные души Джорджа, Бухера и самого себя.

Теперь он остался в одиночестве, и оно было мучительным. Он заходил в рыданиях, раскачиваясь из стороны в сторону и утирая кулаком слезы. Он знал, что времени у него оставалось в обрез. Немного погодя он поднялся с пола, задержав взгляд на останках отца. И тогда постепенно жалость к самому себе вытеснилась. Отступила и слабость, сменившись растущей внутри него силой.

Юноша закрыл глаза, концентрируя сознание на своем предназначении и вызывая в памяти образ Христа. Ярость бушевала в нем, изливаясь потоком омерзительных оскорблений. Сжав кулаки, Дэмьен поносил своего вечного врага на чем свет стоит; он жаждал отомстить за павшего ангела, за отца и за себя, черпая силы в лютой ненависти и готовый обрушить свой гнев на любого, кто только посмеет восстать против него.

А в машине, что мчалась сейчас в Лондон, Джек Мейсон неожиданно почувствовал озноб, и его охватил приступ дикого, животного страха. Взглянув в зеркальце, Джек увидел в нем перекошенное от ужаса лицо старика.

Глава XIII

Собираясь в очередную командировку, Джеймс Ричард терпеливо втолковывал жене, насколько важна эта поездка. Однако супруга и слышать ничего не желала.

— Что еще за тайный клуб? — ворчала она. — Какие еще фримасоны?

— Ну что-то вроде просто масонов, только в тысячу раз секретней, — объявил Ричард.

Он позернулся к жене, и лицо его расплылось в умильной улыбке: с некоторых пор он частенько облачался в личину эдакого добродетельного и счастливого супруга. Ибо уже давным-давно Ричард понял, что выбор подруги оказался неудачным, жена совершенно его не понимала. Особенно теперь, когда Ричард начал крутиться в высших эшелонах власти, бок о бок работая с сильными мира сего. А его дражайшая пассия по-прежнему довольствовалась лишь «ящиком», менторским тоном комментируя прически хорошеньких дикторш и ведущих.

— Пятьдесят лет назад, — спокойно начал Ричард, — Бильдербергский клуб был организован как клуб для политиков и бизнесменов, представляющих прежде всего интересы НАТО. Теперь он перерос в нечто большее. Членами его являются самые значительные люди как с Востока, так и с Запада. И в обстановке абсолютной, понимаешь, абсолютной секретности они, грубо говоря, делят мир на зоны влияния. Ну, скажем, кому финансировать войну в определенном регионе, какой режим ввести в том или ином государстве и прочее. Все это, понятно, осуществляется при соблюдении статус-кво и сохранении власти в одних руках. Понимаешь?

— А-а-а...— протянула она.

— Это самая таинственная «кухня» во всем мире. О ней стараются помалкивать. Ведь здесь принимаются безоговорочные решения, не подлежащие никакому суду. Если, скажем, в Клубе решат, что, например, Аргентина должна потерпеть полный экономический крах, то, значит, так оно и будет, и никто в самой Аргентине — будь то демократы или вояки — не сможет ничего сделать.

— И ты считаешь, что это хорошо? — укоризненно спросила жена.

— Это создает прочную базу стабильности на планете.

— А как же те, кто проигрывает?

— Дорогая моя, проигравшие всегда были и всегда будут.

— Наверное, ты прав,— согласилась Ева.— Ну, да ладно.

Ричард вздохнул и, чмокнув жену в щеку, сообщил, что они расстанутся всего на неделю. Неделя в Риме — очень даже неплохо! Все-таки приятно, черт подери, встречаться с людьми, которые знают, каким образом надо держать планету в ежовых рукавицах.

* * *

Самолет шел на снижение, и пассажиры приникли к иллюминаторам, разглядывая островок аэропорта, куда им через некоторое время суждено будет ступить. Внизу происходило какое-то необычное движение. Аэропорт Леонардо да Винчи смахивал сейчас на военный лагерь: со своего кресла в салоне первого класса Джеймс Ричард заметил на примыкающих к аэропорту дорогах танки, а в воздухе кружили десятки военных вертолетов.

Да, с подобными мерами предосторожности Ричард еще пока не сталкивался. Но ведь и никогда раньше, насколько ему было известно, в Бильдербергском клубе не собиралось сразу столько политических лидеров мирового масштаба.

Уж кому сейчас не позавидуешь, так это службе безопасности и ребятишкам из личной охраны прибывших политических и денежных вортил. Да, неделька, похоже, предстоит не из легких. У Ричарда, конечно, есть и помощники, три человека. Один из них будет проследивать всю просачивающуюся из Бильдерберга информацию. Так что поступающие от него сводки придется проглядывать по нескольку раз в день. Но, слава Богу, связь здесь работает безотказно — если, конечно, будет, что передавать.

По пути в город автомобиль застрял в дорожной пробке. Ричард от нечего делать лениво разглядывал сквозь стекло соседние машины и вдруг увидел группу инвалидов — одного на костылях, другого в инвалидной коляске. У мужчины чуть поодаль лицо было чудовищно обожжено, тут же находилась слепая женщина с ребенком на руках.

Неподалеку Ричард заметил такую же кучку несчастных. И еще одну. Все они двигались в определенном направлении. Ричард обернулся к водителю, поинтересовавшись, что происходит. Тот неуверенно пожал плечами.

— Никто не знает, — откликнулся он. — Они прибывают последние три дня на автобусах и поездом из всех уголков планеты. Площадь Святого Петра уже полна ими. Из-за этих чертовых инвалидов ни проехать, ни пройти.

Пробка немного рассосалась, и машина медленно двинулась мимо убогих калек. Ричарду стало не по себе, он не мог спокойно лицезреть этих обиженных судьбой людей. К горлу подкатил комок, и Ричард поспешно отвел взгляд.

Главный вход отеля был увешан флагами стран, представлятели которых участвовали во встрече на высшем уровне. Большинство делегатов останавливались именно в этом отеле, и повсюду слышалась их разноязыкая речь. Ричард улыбнулся, предвкушая встречу с каким-нибудь старым приятелем. Позже они, разумеется, двинут в бар.

Оказавшись в номере, он разобрал вещи и около шести вечера спустился в бар. Первая же встреча оказалась на редкость удачной и приятной.

— Тебя-то как сюда занесло? — Ричард с улыбкой подошел к Анне, еще издали заметившей его.

— Джек Мейсон отправил меня по твоему следу. — Анна пожала протянутую руку. — Чтобы проследить, что ты честно выполняешь условия вашей сделки, — обронила она шутливым тоном.

— А он не подумал, что я могу и разозлиться?

— Так уж и разозлиться? — Анна кокетливо стрельнула в него глазами.

Ричард рассмеялся и подозвал бармена. Эта женщина ему нравилась. Они познакомились года два назад. И он рад был видеть ее сейчас. Вот уж ей-то не надо объяснять, что такое Бильдерберг.

* * *

Никто не мог с точностью сказать, кто именно организовал такой странный марш инвалидов. Ведь для этих го-

ремык не подавались специальные автобусы, среди них не оказалось ни одного лидера, несчастные не размахивали ни плакатами, ни транспарантами, никто из них ни к чему не призывал.

Когда впервые инвалиды появились на площади Святого Петра, полиция попросту не обратила на них внимания, а туристы да праздные зеваки расступались перед ними — одни из вежливости и сочувствия, другие же, наоборот, из отвращения.

Но толпа с каждым часом росла и на четвертый день запрудила уже всю площадь и примыкающие к ней улицы и переулки. Игнорировать такое скопление народа становилось невозможно. Поразительное это было зрелище — среди всей разношерстной и разновозрастной людской массы ни одного здорового человека!

На четвертый день, вечером, на площади появились репортеры. Установив телекамеры, они пытались заговорить с кем-нибудь из толпы, но такие попытки ни к чему не привели. Калеки отказывались отвечать на вопросы, чем окончательно сбили с толку журналистов.

Все это походило на какой-то молчаливый протест. Возможно, таким образом убогие и обездоленные граждане пытались привлечь внимание участников встречи в верхах? Или, может быть, представителей Ватикана? Толпа не двигалась и безмолвовала.

В глаза бросалось также и то, что на площади собрались одни евреи и арабы. Это было понятно даже самому неискушенному наблюдателю. Сюда съехались жертвы последнего Холокаста — те, кто выжил после Армагеддона

* * *

Лимузин мчался в Пирфорд. Вилл Джеффрис взглянул на часы. Пятнадцать минут на доклад, а затем напрямик в Хитроу. Он был точен до минуты и все равно нервничал — как всегда при встрече с этим юнцом.

Бухер однажды обмолвился, что чувствовал себя как кролик, ползущий в пасть удаву, когда ему предстояло ехать на отчет к Дэмьену. Ни один человек, будь то сам президент Соединенных Штатов, не производил на окружающих такого впечатления. А Дэмьен Торн, как и его отец, был вроде прорицателя: он видел людей насквозь и мгновенно оценивал происходящее. И отец, и сын отличались феноменальной памятью. Лишь небеса могли помочь тем, кто пытался обвести их вокруг пальца.

Джеффрис хмыкнул, отбросив такую богохульную мысль. Машина затормозила, и он вышел из нее. Гравиевая дорожка захрустела под ногами.

Охваченный дрожью, Дэмьен сидел возле камина и наблюдал по телевизору за самолетами, один за другим идущими на посадку в римском аэропорту, от здания которого то и дело отъезжали целые вереницы автомобилей и мотоциклов. Все эти транспортные колонны устремлялись в город.

Дэмьен взглянул на Джеффриса и ухмыльнулся. Однако тому показалось, что выглядит юноша усталым и изможденным. Лицо Дэмьена — и без того всегда исключительно бледное — прорезали преждевременные морщины. «Да ладно, вот уж это точно не мое дело», — подумал Джеффрис, не сказав ни слова.

— Вы принесли доклад? — спросил Дэмьен.

Джеффрис кивнул, протягивая папку с документами.

— Саймон из Пекина, — задумался Дэмьен. — Брэддок из Вашингтона. — Он щелкнул пальцами. — Так. Ну, что же, все решено.

— Вам нужны копии повестки дня, сэр? — услужливо склонился Джеффрис, но Дэмьен лишь махнул рукой, приказывая замолчать. Он не сводил глаз с экрана телевизора, где показывали площадь Святого Петра. Комментатор объяснял, что журналисты так и не выявили ни одного лидера этой загадочной демонстрации.

— Дэмьен, повестка дня...

И снова лишь обрывающий взмах руки.

— Я хочу полюбоваться этой пантомимой, — пробормотал юноша.

Собравшиеся на площади смотрели теперь в одном направлении, на юго-восток. И вдруг все, как по команде, преклонили колени. Над площадью, словно шелест, разнесся стон от боли в искалеченных спинах и суставах.

— Что там происходит? — вытаращился на экран Джеффрис.

— Возносят молитвы да хнычут по разоренным землям, — откликнулся Дэмьен, криво усмехаясь. — Эти дураки молятся своим идолам. Надо же, арабы и евреи запели в один голос!

Они усталились на экран и заметили, как в толпе появились священники. Они благословляли коленопреклоненных людей.

Джеффрис утратил интерес к происходящему на экране и, отвернувшись от телевизора, покосился на Дэмьена,

который по-прежнему ухмылялся и как будто выискивал взглядом кого-то в толпе. Он напряженно всматривался то в лицо молодой женщины с ребенком на руках, то в спящего старика, то в сосредоточенного на молитве юношу.

— Однажды Полю Бухеру хватило смелости покритиковать меня и сравнить с отцом. Разумеется, подобное сравнение оказалось не в мою пользу, — ядовито обронил вдруг Дэмьен.

Джеффрис не знал, что и ответить.

— Знаете, в какой-то момент и я поддался искушению. Но с этим давно покончено.

Джеффрис ждал каких-то объяснений, но Дэмьен умолк и снова повернулся к телеэкрану.

Над толпой неслась монотонная молитва. Камера остановилась на лице старика-раввина с белоснежной бородой. Он бормотал молитву и ласково поглаживал младенца в коляске.

Внезапно Дэмьен напрягся, склонившись к экрану, а старик-раввин вдруг запрокинул голову, устремляя взор куда-то в небо, словно увидел там что-то. Губы его зашевелились, глаза сощурились — казалось, он устался прямо на Дэмьена.

А тот лишь усмехнулся...

...Лишь Бог владел сейчас мыслями и душой старика. Он молился Господу и просил только об одном: чтобы отчаянье оставило наконец этих обездоленных людей. Он не спрашивал Творца, зачем Тот допустил весь этот ужас, ибо неисповедимы пути Господни. Он лишь умолял Бога направить его на верный путь и обратить слабости людские в их силу, отведя праведный гнев от несчастных. И каждому ребенку, каждой женщине, каждому мужчине указать истинную дорогу.

Он молился, чтобы страдания наконец покинули этот мир, а люди возрадовались бы, как и было предсказано. Вера его поминутно крепла, он просил у Господа прощения за все зло, что творили земные правители, за их губительные бомбы, за их душевную слепоту, ставшую причиной целого океана бедствий.

Внезапно, оборвав молитву на полуслове, старик замолчал и устался в одну точку. Он не мог больше произвести ни звука. Словно кто-то вдруг вырвал шнур из розетки и оборвал таким образом линию связи.

Старик начал испуганно озираться по сторонам, но никого не увидел вокруг. Он был один. И тут в нос ему уда-

рил отвратительный смрад. Зловоние исходило от стервятников, шакалов и гиен, невесть откуда взявшихся здесь, на площади. Смрад разлагающейся плоти.

Старик-раввин замотал головой и, опустив глаза, вздрогнул, увидев чудовищное существо, которое держал на своих руках. Гнусное отродье, вперив в раввина взгляд желтых неподвижных зрачков, протягивало к нему свои когтистые лапы.

Старик закричал не своим голосом; размахнувшись, он что было сил швырнул звереныша на землю и опрометью бросился бежать отсюда. Но стервятники нагоняли раввина, они рвали его на части, не давая сделать и шагу, они заживо сдирали с него кожу... От их смрада старик начал задыхаться. Он рухнул на пыльный булыжник и тут же почувствовал, как обезумевшие птицы раздирают ему горло. Кровь заливала глаза, старик пытался позвать своего Бога, но не мог вымолвить ни слова. Он забыл имя своего Бога. Да и своего имени он не мог теперь вспомнить...

Холод и мрак окружили раввина, и в свой последний миг он вдруг понял, что Бог почему-то покинул его.

Хаос, охвативший площадь, перекинулся и на прилегающие к ней улицы. Никто, кроме, пожалуй, десятка человек, стоявших возле старика, не знал, как и почему началась эта страшная бойня. Еще минуту назад на площади царили мир и спокойствие, а уже в следующее мгновение разыгралось бессмысленное, кровавое побоище. Лишь несколько человек видели, как старик-раввин схватил вдруг младенца-араба и, осыпая его проклятиями, швырнул на землю, а затем ринулся бежать. Но скрыться ему не удалось.

Отец несчастной крошки бросился раввину под ноги и, сбив его, начал страшно избивать старика единственной уцелевшей рукой. Он наносил удары в ребра, голову, глаза и губы, не обращая внимания на вопли старика. И тогда к нему присоединились еще двое арабов, видевших, как еврей убил ребенка.

— Вот оно — вековечное иудейское вероломство! — Трое арабов буквально разорвали раввина на части, и в тот же момент на них набросились несколько евреев. Око за око, зуб за зуб!

Драка мгновенно распространилась по всей площади, спрессовав слепых, хромых и беспомощных людей в один яростный и кипящий ненавистью сгусток. Над толпой то и дело раздавались неистовые вопли и крики.

Этот клубок охваченных безумием людей, которые орали, шипели, кусались, царапались и убивали друг друга, напоминал теперь кошмарный сон...

Над площадью Святого Петра повис тяжелый стон, вошедший в себя крики агонии и смертельный ужас...

Дэмьен, усмехаясь, повернулся к Джеффрису. Тот, уставившись на экран, стоял с открытым ртом.

— А Назаретянин завещал им любить ближнего своего, как самого себя,— ехидно объявил Дэмьен и, хохотнув, выключил телевизор.

Джеффрис, не мигая, смотрел на него и плохо понимал, что происходит.

— Когда ваш рейс? — как ни в чем не бывало осведомился Дэмьен.

— В три тридцать.

Дэмьен хмыкнул:

— Ну, к этому времени кровавое месиво уже выгребут с площади.

Глава XIV

Джек Мейсон считал, что у него довольно стойкий иммунитет против всякого рода телевизионных уток. В этом, разумеется, имелись и свои плюсы, и минусы. Например, Джек мог абсолютно трезво анализировать самые разные события, отбросив эмоции. Однако дамы осуждали его за хладнокровие, и он прекрасно их понимал. Но такова уж была его натура, а горбатого, как говорится, могила исправит. Однако события на площади в Риме потрясли Джека до глубины души, и он с трудом сдерживал рыдания, когда ему позвонила Анна.

— Ты была там? — срывающимся от волнения голосом выдавил Мейсон.

— Нет. Так же, как и ты, смотрела по телевизору.

— Почему они это сделали?

— А кто их знает...

Мейсон уловил в голосе Анны раздражение и какое-то странное безразличие. Наверное, из-за помех на линии.

— Выдвигают разные версии,— продолжала Анна.— Массовая истерия или массовый психоз. Выяснили только, что начал эту бойню какой-то сумасшедший раввин.

— Да, но почему? Почему он это сделал?

— А кто его знает? — повторила Анна, и снова в ее голосе послышалось раздражение.— Я ходила сегодня на площадь, но она все еще оцеплена полицией. Единственное,

что я там разглядела, это горы поломанных инвалидных колясок, костыли да пятна крови повсюду.

— Господи Иисусе,— прошептал Мейсон.

— Не уверена, что Он имеет к этому отношение,— ровным голосом холодно отрезала Анна.— Я тут заехала в госпиталь. Они там едва справляются. Как во время войны... Если тебе нужны цифры, то уже на сегодня десять трупов и среди них трое детей. А раненых вообще пруд пруди. К тому же они и так калеки.

Оба замолчали. Потом Мейсон попробовал заговорить снова о книге.

— Ну, а как далеко мы с тобой продвинулись? — интересовался он.

— Ни черта мы не продвинулись. На конференцию обратиться невозможно. Похоже, сложнее, чем в женский монастырь. Да и информации никакой оттуда не выудить: делегаты не высовывают носа из отеля.

— А к Джеффрису ты не пыталась подобраться?

— Здрасьте, еще как пыталась. Мне осталось только розы послать ему.

— Так давай!

— Знаешь, я бы, пожалуй, даже переспала с ним, если бы это было возможно. Но проституток к отелю на дух не подпускают.

— О Господи,— выдохнул Мейсон.— Иногда я страшно жалею, что влез в это дерьмо.

— Единственная соломинка — это наш приятель Ричард. Он тут заикнулся, будто один итальянец кое-что задолжал ему, так что после конференции Ричард попробует растрясти макаронника.

Но Мейсон слушал вполуха. На экране снова появились кадры кровавых событий на площади в Риме.

Внезапно Мейсон понял, что книга его — ничто по сравнению с этим кошмаром.

Джеймс Ричард еще не решил для себя, радоваться ему или опасаться неожиданного внимания со стороны Анны. Он всегда считал себя докой по части женщин, однако не позволял им садиться на шею. А возможностей для выбора у него хоть отбавляй,— при случае любил прихвастнуть Джеймс. Просто он всегда помнил о своей безукоризненной репутации.

Ричард был твердо уверен, что коллеги по достоинству оценивают его виртуозное умение разбивать женские серд-

ца, нисколько не подозревая, что лишь тактичность и деликатность не позволяли окружающим прямо заявить ему в лицо, какой он самодовольный зануда.

Анна без труда нащупала эту слабину Ричарда, а тот не мог не признать, что хоть Анна уступает ему как журналист, но уж чего-чего, а ума ей не занимать. Однажды вечером она вдруг обронила, что «он наверняка должен знать кого-нибудь в Бильдерберге».

— Разумеется, дорогая,—выпятил грудь Ричард, вспомнив, что Джованни Скартизи ему кое-чем обязан.

Позвонив Джованни, он пригласил итальянца на ужин.

И отлично. Хоть чуточку отвлечься от бешеной гонки последних дней. Ведь, кроме этой встречи в верхах, где он чувствовал себя как рыба в воде, Ричарду приходилось еще выуживать кое-какую информацию, касающуюся расстрелятого Бильдерберга. А связь между встречами в верхах и Бильдербергом была видна невооруженным глазом. После заседания политики прямым ходом отправлялись в Бильдерберг: как будто судьбы мира решались именно там, а не наоборот.

Вот и сегодня сильные мира сего по очереди — сначала американцы, затем русские, следом за ними китайцы — гуськом двинули в Бильдерберг. А всякие там коммюнике, которые Ричарду приходилось сочинять в поте лица, это как мертвому припарки! Судьба планеты решалась в Клубе, а не на конференции. Это и дураку понятно.

Закончив очередное коммюнике, Ричард решил, что имеет право расслабиться, и отправился на ужин. Джованни — отличный собеседник, остроумный и раскованный. А вот Анна? Анна пока под вопросом. Ричард самодовольно усмехнулся, почувствовав в груди сладкое томление.

Он хитро прищурился, поправляя перед зеркалом галстук. За спиной светился экран телевизора. Делегаты покидали конференцию и направлялись в аэропорт, стремясь поскорее добраться до своих драгоценных кабинетов или дворцов. Результатов, разумеется, не было достигнуто никаких. Ровным счетом никаких.

* * *

Ужин удался на славу. Кушанья были отменными, вино чудесным, а официанты вежливыми и обходительными, без лишней суетливости. Все трое непринужденно болтали, то и дело срываясь на хохот. Анна, затянутая в черное строгое платье, пренебрегла сегодня украшениями, но выглядела ослепительно. Роль хозяина взял на себя Ричард.

Такая роль пришлась ему впору. Как раз этого Ричарду не доставало сегодня — для полноты ощущений.

Джованни очаровал их. Фамилия этого высокого, пятидесятипятилетнего итальянца не сходила в свое время с газетных страниц. А уж сколько невероятных эплетен она породила! Однако последние годы Джованни со своей второй женой жил затворником, и затащить его куда-нибудь стоило огромных трудов. Сегодня он, похоже, сделал исключение. Тряхнув стариной, Джованни мило и весело флиртовал с Анной, от души смеясь над историями, которые она так затейливо рассказывала.

Около полуночи Джованни собрался было уходить, пробормотав заплетающимся языком извинения. Но Ричард и не думал принять их. Все, о чем они до сих пор болтали, являлось лишь прелюдией, а Ричард прекрасно помнил о своем обещании Мейсону. И он заказал бутылку виски.

— На дорожку, — захихикала Анна, — до моего номера.

Джованни подавил зевок, но все же согласился остаться.

«Не переборщить бы, а то он вообще перестанет сообщать», — подумал Ричард, разливая виски.

В два часа ночи Ричард решил, что настало самое время для наступления. Уж по части выуживания информации ему не было равных, и Ричард частенько этим бахвалился, заявляя, что похож на рыбака, вытягивающего редкую рыбешку. Вот и сейчас Джованни легко проглотил наживку.

— Думаю, китайцы все-таки придут на следующую конференцию, — снова забросил удочку Ричард.

Джованни икнул, размышляя, кого же из них двоих предпочтет сегодня Анна.

— Никаких шансов, — отрезал он, глядя в бокал. — «Торн Корпорейшн» хранит свои тайны как зеницу ока. Просто сторожевые псы какие-то.

Ричард с напускным безразличием обронил:

— Ну да. Знал я там одного такого — Вилл Джеффрис.

— Джеффрис? Да это просто мальчик на побегушках. Всем управляет молодой Торн. Он, и никто другой. Как вы так любите говорить? Паук, раскидывающий тенета.

Анна хмыкнула:

— Я столько слышала о нем. Поговаривают, что юноша — сплошная загадка, а не человек. Так?

— Загадка?! — опешил Джованни. — Да от него уже всех тошнит. Дэмьен всем перекрыл кислород. А китайцы у него просто под калбуком. Вы же, наверное, слышали его

лозунг, а? Контролируя питание, ты правишь бал на планете.— Он умолк и через секунду добавил: — Единственное, чего никто не понимает... зачем Торну весь этот бардак? Ведь политической выгоды здесь ровным счетом никакой...

Он снова замолчал. Спустя некоторое время Джованни безразлично отметил про себя, что Ричард покинул их. А потом память равнодушно зафиксировала, как вышла из-за стола и Анна.

«Наверное, вслед за Ричардом,— подумал он,— с бутылкой недопитого виски и двумя бокалами».

* * *

В отеле международной корреспонденции дежурный редактор взглянул на часы. Он прикинул в уме, что уже через полчаса сможет взять такси и отправиться домой.

Зазвонил телефон. Выяснив, кто на проводе, дежурный жестом подозвал из-за стола старшего редактора.

— Джим Ричард,— подмигнул он.— По-моему, лыка не важет.

Редактор взял трубку и несколько минут стоял, нахмутив брови. Потом заговорил:

— Слушай, Джимми, это я, твой редактор. Твой редактор.

Повернувшись к помощнику, он прошептал:

— Чушь какая-то. Несет ахиною про Третью мировую войну. Нализался в стельку.

— А мне-то что с ним делать? — оторопел помощник, беря трубку.

— Да что хочешь. Отвяжись как-нибудь.

* * *

Через полчаса в спальне Ричарда раздался резкий телефонный звонок. Ева сквозь сон потянулась к аппарату. Из трубки донеслось хриплое дыхание и прерывистые стоны Джеймса. Нет, она не ошиблась. И хотя они с Джимми уже с незапамятных пор не занимались сексом, его голос во время любовных утех она еще не успела забыть. Вздрагивая и прижав трубку к уху, Ева вслушивалась в звуки, которые ни с чем не спутаешь. Она как будто глядела на экран. В первое мгновение Ева хотела бросить трубку, но пальцы словно приклеились к ней. А женский голос, срываясь, просил и умолял Джеймса о таком, таком... И Джеймс, похоже, делал это.

Ева медленно опустила трубку и целую минуту неподвижно смотрела в темноту, а потом у нее началась истерика.

Джеймс Ричард с трудом приходил в себя. Все тело ныло и гаднило. Сначала Джеймс решил, что ему привиделся кошмар. Хотя и эротический, но все равно, без сомнения, кошмар, и скоро он проснется рядом со своей Евой, примет душ, оденется и отправится в контору.

Разлепив свинцовые веки, Джеймс с ужасом заметил следы губной помады, синяки и царапины. И тогда он понял, что это был не сон. Джеймс застонал и, повернувшись, увидел лежавшую на тумбочке снятую трубку. У него перехватило дыхание. Джеймс снова закрыл глаза, отдавая себе отчет в том, что теперь он потерял абсолютно все. И сейчас он молил Господа лишь об одном: если эта чертова война начнется, пусть первая бомба упадет на Рим.

Глава XV

Джек Мейсон начал опасаться за свой рассудок. Он уже не мог заснуть без снотворного. А те кошмары, которые одолевали его каждую ночь, лишь отдаленно напоминали сон. Просыпаясь, Джек чувствовал, что напряжение не проходит, и эта накапливаемая усталость усугубляла его нервозность. Он совсем потерял голову, пытаясь найти всему разумное объяснение. Нервы его стали сдавать. Ибо любое рациональное рассуждение неизменно упиралось в библейский текст, и — что самое ужасное — мор уже, похоже, был готов принять это.

Как ни крути, библейские аналогии начинали приобретать определенный смысл. Возвращение евреев в Сион было предсказано, но вот вторая часть пророчества — явное безумие: после возвращения евреев Христос якобы вновь родится и встретится с Антихристом в Армагеддоне.

Разве не ахинея? Как пить дать, чушь собачья. Однако теперь Мейсон уже не мог отмахнуться от этих мыслей.

Если все в мире предопределено и люди суть не что иное, как марионетки в руках некоего божества — злого или доброго, неважно, — то к чему вообще суетиться? Не лучше ли безропотно ожидать исполнения рока? А если твоя судьба тебе не принадлежит, то жизнь вообще теряет изначальный смысл.

Вся эта история с Антихристом — сущий бред. Но тогда почему же он мучается, неотвязно думая о последних событиях и постоянно соотнося их с Библией?

Мейсон метался по комнате, чувствуя себя как зверь в клетке. Он окинул затравленным взглядом компьютер, дискеты, кассеты и многочисленные заметки. Ведь надо же, в какой-то момент он допустил-таки слабину и пошел на поводу у своих эмоций, заказав в библиотеке дискеты с комментариями к каждой главе Священного Писания.

Мейсон включил компьютер и, «перелистав» на экране страницы, нашел ту, где вчера остановился.

«И увидел я ангела сходящего с неба, который имел ключ от бездны и большую цепь в руке своей. Он взял дракона, змея древнего, который есть диавол и сатана, и сковал его на тысячу лет...»

Мейсон обратился к комментариям, и на экране появились слова: «Возможно, текст символический, хотя некоторые специалисты считают его истинным. Сравните со Вторым посланием Петра, глава третья, стих восьмой».

Какую-то долю секунды машина выискивала соответствующий текст, и вот он появился на экране:

«Одно то не должно быть сокрыто от вас, возлюбленные, что у Господа один день, как тысяча лет, и тысяча лет, как один день».

Мейсон собрался было снова нажать на кнопку, но компьютер уже обходился и без него, работая в заданном режиме. Монитор высветил строчки из «Откровения», которые Мейсон и без того знал наизусть:

«Когда же окончится тысяча лет, сатана будет освобожден из темницы своей и выйдет обольщать народы, находящиеся на четырех углах земли. Гога и Магога...»

Внизу был комментарий:

«Гог из земли Магог, принц Роши, Мешехи и Тубала. «Роша» вполне могла означать слово «русский»».

Мейсон тяжело вздохнул. Голова раскалывалась, и он с трудом концентрировал внимание на экране, где строчка за строчкой печатался список погибших и без вести пропавших. Всех, кто был замешан в этой темной истории, связанной с семейством Торнов.

Мейсона снова — в который раз за последние дни — охватил озноб, походивший на сильнейшую лихорадку. Даже ночью Джек вскакивал от внезапной дрожи во всем теле.

Список наконец закончился. И тут в голову Джеку пришла простая и ясная мысль. Он даже испугался, но

мысль эта засела, как заноза. А что если он задаст этому электронному всезнайке кое-какой вопросик? Не зря же он выкладывает кругленькую сумму за пользование компьютером!

И Джек выбрал из списка несколько фамилий.

Габер Дженнингс, фотограф: снесло голову листом стекла.

Карл Бугенгаген, археолог, и Майкл Морган, фотограф: заживо погребены.

Джоан Харт, журналистка: несчастный случай.

Отец Томас Дулан: заживо погребен.

Майкл Финн, ученый-теолог: несчастный случай в самолете.

Против каждой фамилии Мейсон указал, сколько времени эти несчастные посвятили исследованиям династии Торнов. Ну вот, а теперь попробуем-ка проиграть варианты. И Джек напечатал еще две фамилии.

Анна Бромптон, исследователь.

Джек Мейсон, писатель.

Затем составил новое задание:

«Прогноз. Сколько времени понадобится этим людям для завершения их работы?»

На экране тут же появился ответ.

Анна Бромптон: два дня.

Джек Мейсон: два дня.

— Да это просто кошки-мышки какие-то, — вздрогнув, прошептал Мейсон. На Джека вдруг накатила волна дикого, панического страха, поднявшаяся из самых недр его существа.

— А иди ты! — взорвался Джек, глядя на монитор. — Чертова машина! Что тебе вообще может быть известно?!

Он отключил программу. Что с ним происходит? Чего ради он орет на грудку железа? Пытается подальше упрятать свой ужас перед «курносой», как только эта куча металлолома напомнила Джеку о смерти? Предсказание собственной кончины ценой в тридцать тысяч долларов.

Снова склонившись над клавиатурой, он пробормотал:

— Ладно, если уж ты такая умная и знаешь наизусть и «Откровение Иоанна Богослова», и «Послания» апостолов Петра и Павла, и все такое прочее, давай, голубушка, отвечай. Что будет потом?

В ту же секунду на экране высветились всего два слова: Конец света.

И тут Джека Мейсона охватил приступ истерического смеха. Он хохотал до упаду, пока не начал икать. В живо-

те Джек почувствовал колики. Спустя несколько минут он кое-как пришел в себя и, сев, схватился за виски.

— Боже Милостивый,— пробормотал Джек.— Конец света. После Армагеддона Третья мировая война...

Мейсон вдруг принялся тихонько напевать, сначала еле слышно, а потом все громче и громче. Он затянул библейский псалом, внезапно всплывший в памяти, затянул так, как когда-то в детстве, сидя на жесткой церковной скамье. Там же стоял и священник, лицо которого Джек забыл. Зато хорошо помнил, как его — Джека — больно ударяли деревянной тростью, если во время службы он вдруг начинал хихикать.

С тех самых пор церковь в сознании Мейсона всегда ассоциировалась с болью и мучениями. Христос страдал на кресте, и обещание Его воскрешения казалось лишь иллюзорным утешением на фоне страшной агонии. Едва достигнув зрелости, Мейсон безболезненно выкинул из головы мысли и о воскрешении, и о самом Христе. И вообще все глупости, связанные с Его учением.

И вот теперь Джек распевал псалом: «...по зеленым долам, мимо вод журчащих ведет Он меня...»

Закончив петь, Мейсон почувствовал вдруг странное успокоение и добавил «аминь». Он сидел с закрытыми глазами, отрешившись от всего на свете. Однако теперь он уже не сомневался, что передышка будет короткой.

Позвонив из Рима, Анна сообщила, что прилетает в два часа дня. Мейсон решил съездить в аэропорт и встретить ее. Комната начала угнетать Джека, стены и потолок словно наваливались на него, а компьютер сводил с ума. Мейсон решил чуточку отдохнуть.

В такси было включено радио. Из динамиков доносилась то музыка, то короткие сводки новостей.

Мейсон смежил веки. Ровный музыкальный ритм навевал сон, и Мейсон искренне позавидовал диск-жокею, которого вряд ли мучили проблемы конца света. А вот он — Мейсон — никак не мог отделаться от мыслей о растреклятых Торнах, о страшном списке и обо всем остальном, связанном с этой кровавой историей. Опять в голову полезли слова старого Джорджа о том, что молодой Дэмьен, как в свое время и его отец, властвовал над умами людей. Вызывая у них галлюцинации, он мог свести несчастных с ума.

В памяти всплыла еще одна фамилия из списка. Дойл, американский посол в Великобритании. Предшественник Дэмьена Торна. Застрелился у себя в кабинете. Необъяс-

нимая трагедия. Кошмарное самоубийство, не имеющее вроде бы никаких видимых оснований.

Дэмьен Торн. Тайна, покрытая мраком.

В который раз Мейсон проклинал свое разгулявшееся воображение. В погоне за жареными фактами он напрочь утратил связь с действительностью и объективность. Дело никуда не годится. Пора приходить в себя. Следует хорошенько пораскинуть мозгами... Но как?

До Мейсона долетели обрывки новостей. Сообщалось, что китайцы заняли Тайвань.

— Очередная бойня, черт их подери, — в сердцах воскликнул таксист.

Мейсон лишь присвистнул. Да и что с того? Следом за новостями началась какая-то дурацкая викторина, и ее участников не интересовало ничего, кроме бесплатной поездки в Грецию. Даже если все вокруг в одночасье провалится в тартарары.

Анна уже поджидала Джека на стоянке такси. Мейсон наклонился, чтобы чмокнуть ее в щеку, и в нос ему ударил резкий запах перегара. Глаза Анна прятала под темными очками, а толстый слой грима скрывал, по-видимому, следы бурной ночи.

— Чувствую себя, как распоследнее дерьмо, — вместо приветствия буркнула Анна, и Мейсон растерянно заморгал в ответ. Давненько не приходилось ему слышать подобное признание от дамы. А Анна уже тащила его куда-то за рукав, приговаривая, что ей жизненно необходимо глотнуть кофе.

За столиком она раскрыла сумочку и вытащила из нее диктофон.

— До Джеффриса мне добраться не удалось, но послушай вот это.

Мейсон подключил наушники и поморщился, когда у него в ушах зазвучал пьяный разговор. Китайцы сначала захватят Тайвань, а потом всем скопом обрушатся на Россию. Мужской голос забормотал о сое, голоде и контроле «Торн Корпорейшн» над планетой. Все давным-давно «расписано по полочкам», осталось только осуществить план И все дела.

Да уж, действительно. Усмехнувшись, Мейсон снял наушники и вопросительно взглянул на Анну.

Анна рассказала, как весело они отужинали.

— А что Ричард? — ввернул Мейсон.

— В самолете его не было. И на завтрак он тоже не пришел, — пожала плечами Анна.

Ну, не пришел, так не пришел. Это не имело никакого значения.

— Ты слышала сегодня про Тайвань? — внезапно спохватился Мейсон.

Кивнув, Анна зевнула.

— Конец света не за горами, — неожиданно рассмеялась она.

А Мейсон вдруг почему-то вспомнил о том, что не выполнил обещание, данное Джорджу. Он же дал слово старику помолиться о нем. А ведь в заметках Джорджа упоминался, кстати, и план Торна в отношении Тайваня. Мейсон тогда не обратил на эту писанину никакого внимания. Ладно, он помолится о старикашке, а заодно и об Анне. А лучше, пожалуй, обо всем человечестве на крошечной планете, под названием Земля.

* * *

Сидя в кэбе, Мейсон с любопытством озирался по сторонам. Наконец он увидел то, что искал: небольшую церквушку в переулке. Джек попросил таксиста остановиться. Чертыхнувшись, Анна поинтересовалась, что ему здесь вдруг понадобилось. И Мейсон рассказал ей о своем обещании старому дворецкому.

— Зайдем, — предложил Джек. — Поставлю-ка свечу за упокой его души.

Внезапно Анна побледнела, как полотно. С ног до головы охваченная дрожью, она застыла, не сводя взгляда с церковного шпиля.

— Анна, да что с тобой? Пошли, хуже-то нам от этого не будет. Даже может...

Он не успел закончить фразу, потому что Анна вдруг ринулась прочь, рванувшись с такой силой, что тут же налетела на столб. Она судорожно, как в молитве, сцепила руки, почувствовав, как крошечный шрам жжет ей ладонь.

Мейсон попытался было ухватить Анну за рукав, чтобы, влепив пощечину, вывести из странного гипнотического состояния, в котором она находилась, но Анна уже бегом пересекала улицу, не обращая внимания на поток машин и визг тормозов.

Господи, да что же с ней такое творится? То амнезия, то гипноз... Ему и в голову не приходило, что Анна такая воинствующая атеистка. Хорошо, он больше ни о чем не будет ее спрашивать, а пока надо все-таки выполнить обещание.

Часом позже Мейсон находился уже в отеле. Странное неожиданное умиротворение снизошло на него. Пятнадцать минут, проведенные в церкви, произвели на Джека прямо-таки терапевтический эффект. И это поразило Мейсона до глубины души.

Если церковь оказывает подобное влияние на неисправимого скептика, то что уж тут говорить об истинно верующих?

На пороге спальни Мейсон вдруг застыл, как вкопанный. По комнате словно ураган пронесся. Все было перевернуто вверх дном. Даже компьютер был сдвинут с места, мерцая пустым, голубым экраном.

Мейсон вызвал администратора. Кто заходил? Заглядывала его помощница. Да, ей открыли номер, он же сам приказал...

Мейсон поблагодарил и, не дослушав, опустил трубку. Посидел немного, обхватив голову руками. Если бы он не впутывал в это дерьмо Анну, она наверняка была бы сейчас здорова.

Глава XVI

Его час пробил. Все, что было предначертано, должно осуществиться. Чему быть, тому не миновать. Оставалось разыграть финальную сцену.

Облаченный в черную сутану, Дэмьен преклонил колени перед алтарем в часовне. Он молился вслух.

— Отец, вот и пришло наше время, — тихо вымолвил юноша. — И очень скоро я воссяду по Твою левую руку. Финал не за горами, людишки со дня на день разожгут пламя, которое поглотит все и вся. Твое низвержение в бездну будет отмщено, и твари, явившиеся на свет по воле Бога, сгинут навсегда. Они собственными руками вырыли себе могилу, создав оружие, которое их же и уничтожит. Такую развязку легко можно было предугадать.

С тех самых пор, как Адам соблазнил Еву и Каин поднял камень на брата своего, такой финал был неизбежен. Назаретянин попытался что-то изменить, но явно просчитался. «Возлюби ближнего своего», «как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними...» А они погрязли в грехе, злобе и ненависти, и скоро тьма во веки веков покроет землю.

И я возрадуюсь. Отец, я возблагодарю Тебя за то, что дал мне силы довести все до конца. Власть Назаретя-

нина слабеет. Я тоже знавал поражения, да сгниют на небесах души тех, кто предал меня!

Но пламя войны сотрет с лица земли все живое, и воцарится мир мертвых. Ты отомстишь сполна.— Дэмьен протянул руку и коснулся черепа своего отца, взиравшего на сына пустыми глазами.— Пусть разгорится пожар войны!— с пафосом воскликнул Дэмьен, поднимаясь с колен.

По всему свету ученики запрокидывали головы, вперив долгие взгляды в небеса. Лишь немногие счастливыцы доподлинно знали, что вскоре присоединятся к своему кумиру, будучи очевидцами последних событий, другие же — просто возносили молчаливые молитвы. И те, кому суждено было стать очевидцами, выходили на дороги, двигаясь прочь из городов.

* * *

Джеку Мейсону снилось, будто его руки прикручены к кресту толстыми веревками, а ноги повисли в воздухе.

И даже во сне Джек помолился, обрадовавшись тому, что его руки привязали веревками, а не прибили гвоздями, как Иисусу. Этой пытки он бы не вынес.

У подножия креста кто-то стоял. Джек открыл глаза. Обнаженная женщина. Сначала ему показалось, будто рядом — его первая жена, но это оказалась Анна. Улыбаясь, она смазывала его тело каким-то снадобьем. Но прикосновения ее пальцев не приносили облегчения. Наоборот, тело горело, как в огне. Мейсон попробовал было протестовать, но слова застревали в горле, а Анна, приблизив к нему свое лицо и хихикая, укусила Джека за губу, так что по его подбородку заструилась кровь.

Он отпрянул, испуганно уставившись в пустоту и тьму, однако ничего не смог там разглядеть. Тогда Джек попытался было вспомнить слова псалмов, но и это не удалось ему. Закрыв глаза, он постарался уснуть, но сон не шел. Почувствовав запах воска, Джек начал думать о Спасителе, однако божественный образ ускользал. Тогда Джек забыл и Его имя.

И тут снова появилась Анна, запах воска обострился. В руке она сжимала прут для клеймления. Кончик его был раскален.

Она помедлила мгновение и — теперь без тени улыбки — ткнула раскаленный металл в его лицо. Джек взвыл от боли и резкого запаха плоти. Так пахнет пережаренная свинина. У него потекли слюны, которые Джек не мог

остановить. Они смешивались с кровью из прокушенной губы ..

Мейсон проснулся, с головы до ног покрытый липким холодным потом. Лоб горел, невыносимая боль пронизывала виски. Мейсон дрожал как осиновый лист. Кое-как поднявшись, он побрел в душ.

Когда струи воды коснулись его, Джек с остервенением начал драить кожу так, будто вся она была покрыта жирным слоем, который никак не смывался. Мейсон опасался взглянуть в зеркало. Он боялся, что увидит на своем лбу клеймо.

Запястья ныли и саднили. Собрав всю свою волю, Мейсон попробовал сосредоточиться, припоминая предупреждение Джорджа насчет галлюцинаций. Еще посмотрим, чья возьмет.

Джек несколько минут стоял перед запотевшим зеркалом, не решаясь открыть глаза. Наконец, Мейсон протер ладонью стекло, и на короткое мгновение ему показалось, будто на лбу алеет клеймо. Тогда Джек насухо вытер зеркало и взглянул снова. На него уставилось его собственное, встревоженное отражение — и без клейма на лбу! Воспрянув духом, Мейсон улыбнулся и поблагодарил Всевышнего.

До утра Мейсон проспал без сновидений и кошмаров, а на рассвете его разбудил телефонный звонок. Это оказался его литературный агент. Гарри звонил из Нью-Йорка, где в это время стояла глубокая ночь. Что там стряслось, почему он звонит на заре, — спросонья подумал Мейсон.

Гарри беспокоил Мейсона вовсе не из-за романа. Никакие книги не имели теперь значения. Китайцы напали на Россию, и Гарри хотел от Мейсона только одного: чтобы тот первым же рейсом выметался вон из Европы.

— Само собой. Спасибо, Гарри, — коротко оборвал агента Мейсон.

Он включил телевизор. Русское информационное агентство сообщало, что китайцы, «как саранча», заполонили с востока их страну, а с саранчей у них разговор короткий — они просто сметут ее с лица земли.

Это уже была Третья мировая война, и даже дикторам плохо удавалось скрывать свой ужас.

Мейсон встал и нагишом прошел в гостиную. Подняв трубку, набрал телефонный номер Анны. И нарвался на автоответчик, сообщивший, что ее нет дома.

Ладно, не важно. Мейсон догадывался, куда она запропастилась. Туда же поспешит и он. Снова взяв трубку, Мейсон вызвал администратора.

— Скажите, я могу нанять вертолет? — осведомился Джек.

— Конечно, сэр. Когда он вам потребуется?

— Он был мне нужен уже пять минут назад, — бросил в трубку Мейсон, натягивая на ходу рубашку.

— Понял...

Но Мейсон уже не слышал ответа. Хлопнув дверью, он выскочил из номера и стремглав бросился к выходу.

Глава XVII

Час настал.

Один за другим, молчаливой цепью, ученики двигались по коридору к часовне. У входа они на мгновение задерживались. И только потом им дозволялось переступить порог.

Дэмьен был облачен в сутану, собака лежала подле его ног. Стигматы на шее юноши кровоточили, а ритуал продолжался. Каждый ученик вкушал кровь Дэмьена, затем обходил вокруг алтаря, оплакивая земные останки его отца. По щекам текли слезы. Встречались и другие лица. Те, что сохраняли непроницаемость. Внезапно одна девушка упала в обморок, ее тут же подхватили и вынесли в коридор. Джеффрис внимательно проследил за этим.

Когда последний ученик отошел от него, Дэмьен взял в руки череп отца и велел Джеффрису собрать останки в черный мешок. Ни разу не обернувшись, юноша навсегда покинул часовню. Вместе с Джеффрисом и собакой он миновал коридор и, спустившись по лестнице, направился через холл к выходу. Снаружи, на лужайке, его поджидали ученики.

Окинув взглядом толпу последователей, Дэмьен усмехнулся.

— Сказано, — начал он, — те, кто имеет клеймо зверя, восторжествуют в этот час, а остальных Бог призовет к Себе.

Ученики, съезжившись под пристальным взглядом Дэмьена, принялись истошно креститься обратным знамением.

— Пора, — скомандовал юноша. — Возрадуйтесь же со мной.

Над толпой пронесся шепот:

— Возрадуемся...

— Ваша преданность да вознаградится.

- Возрадуемся...
- Конец света близок.
- Возрадуемся...

Дэмьен подождал, пока снова воцарилась тишина, и переступил порог особняка.

— Следуйте за мной и будьте свидетелями.

Толпа расступилась, пропуская юношу. Мгновенно построившись, ученики гуськом двинулись вверх на холм, направляясь к церкви. Холодный день был в полном разгаре. Плотные свинцовые облака нависали над головой, выцветшая трава на лужайке покрылась изморозью.

Дэмьен дошел до церковных ворот и остановился. Остальные окружили юношу; в морозном воздухе дыхание ледяными струйками поднималось над разрушенной крышей церквушки, и казалось, что внутри разгорается пожар.

— Владейте Божьей обителью, да не окажут вам сопротивления христиане,— с жаром воскликнул Дэмьен.— Ну что, Назаретянин? Где же они, твои христиане, ведь ты в них так нуждаешься? Мы пришли сюда, чтобы поглотиться и над тобой, и над отцом твоим, и над твоим дурацким учением. Мы торжествуем, потому что победа за нами.

Дэмьен осторожно шагнул вперед, очень медленно, с опаской вошел в ворота и уже более уверенно двинулся к церкви.

— Видишь, Назаретянин,— крикнул он в небо.— Я ступил на священную землю.

Возле входа в церковь юноша застыл на месте, уставившись на распятие, привязанное к балке. Он не мог сделать ни шагу. Дэмьену нужна была сила и поддержка учеников. Он обернулся, призывая их за собой внутрь полуразрушенного здания.

Ученики, не отрывая взглядов, следили за своим кумиром. Так же, как и юноша, они опасались ступить на священную землю. Но, видя, что с Дэмьеном ничего не случилось, они ринулись внутрь, суетливо занимая места поближе к своему идолу. Ученики расположились полукругом возле Дэмьена.

Тот снова ухмыльнулся и, проходя между учениками, заглядывал им в глаза. Он с нежностью поглаживал женщин и протягивал руку мужчинам. Детям же Дэмьен широко улыбался.

Внезапно одна женщина упала в обморок от его прикосновения.

— Поднимись,— холодно произнес Дэмьен.— И наберись сил. Приготовься к последнему испытанию.

Ученики опустились на колени. Дэмьен повернулся лицом к востоку и вперил долгий взор в небеса. Он больше не слышал ни бормотанья, ни детского плача, ничего. Скрестив на груди руки, он закрыл глаза.

Сначала звук был нечетким: едва различимая вибрация над облаками, потом он стал резче и громче. Дэмьен не слышал его до тех пор, пока этот гул не зазвучал у него над головой. Сутана его мгновенно всколыхнулась, и юноше пришлось удерживать ее.

Раздался истошный женский крик, и Дэмьен открыл глаза, уставившись вверх на яркий свет и инстинктивно затыкая уши от оглушительного рева мотора. Он вздоргнул и обхватил себя руками. Ученики не сводили с него глаз, ожидая приказа.

Мейсон выпрыгнул из вертолета еще до того, как заглох мотор и замерли лопасти. Он постоял на лужайке, взглянув сначала на особняк, а затем и на церквушку на вершине холма.

Еще в вертолете Джек краем глаза заметил человека в сутане, и этого оказалось достаточно. В свете прожектора он узнал юношу. Дэмьен был живой копией своего отца. Ошибка тут исключалась, и Мейсона вдруг прошиб холодный пот. Мозг тут же пронзила мысль: поживее убираться отсюда куда глаза глядят. Похоже, настало самое время сматываться подобру-поздорову из этого чертова логова. Но любопытство пересилило.

Да и выбора у Мейсона не оставалось. Ему во что бы то ни стало надо найти Анну. И лицом к лицу предстать перед объектом своих наваждений, даже если эта яркая сцена явится финальной в его собственной пьесе, под названием жизнь.

Стоило Мейсону приблизиться к церкви, как толпа зашевелилась. На первый взгляд там находилось сотни две человек, всех возрастов, от мала до велика. Они не сводили глаз с пришельца. Мейсон присмотрелся к первым рядам, надеясь в глубине души, что Анны не окажется среди зловещего людского скопища. В этот момент из толпы выступил Дэмьен. И тут, несмотря на внутреннее сопротивление, Мейсон внезапно поверил всему, что он слышал и читал о таинственном юноше.

Толпа расступилась, пропуская Джека. А он, горделиво запрокинув голову и выпрямив спину, словно подобная осанистая и лихая выправка помогала ему подальше упрятать страх, шагал напролом. Однако все эти штучки были, похоже, как мертвому припарки. Ибо толпа смахивала на

свору собак, учуявших след. И Мейсон отдавал себе отчет: эти люди почувствовали ужас, охвативший его.

Дэмьен застыл в дверном проеме церкви. Собака находилась подле него. Мейсон сделал над собой усилие, чтобы не броситься вон отсюда. Юноша в сутане, жестом пригласив Джека внутрь, процедил сквозь зубы:

— А-а, еще один защитничек.— В голосе Дэмьена звучал ядовитый сарказм.— Даже в свой последний час Назаретянин не хочет признавать поражения.

Мейсон промолчал и отвел глаза в сторону, опасаясь очередных жутких видений. Он шагнул внутрь здания и еще раз скользнул взглядом по толпе.

Все, о чем прочел Мейсон, внезапно предстало перед его взором: и запятнанное кровью деревянное распятие, привязанное к балке — семь кинжалов так и торчали в ней, — и разлагающийся труп старика...

Мейсон почувствовал головокружение, но успел опереться о косяк, чтобы не упасть. И все равно он не верил своим глазам. Всю жизнь Джек пытался найти ключ к любой тайне, опираясь на разум. Вот и сейчас он продолжал хвататься за ту же соломинку, стараясь объяснить с помощью логики то, во что мозг уже просто отказывался верить.

Позади вдруг раздался голос Дэмьена:

— Что-то вам здесь не по душе, мистер Мейсон?

Мейсон заставил себя обернуться на язвительный голос. Он лихорадочно пытался вспомнить слова псалма, но память отказывала.

— Что ж, дерзайте, — усмехнулся Дэмьен. — Попробуйте разубедить хотя бы одного из них своими аргументами. Попытайтесь указать им путь истинный. Ну, хотя бы одного убедите. Думаете, вы преуспеете в том, что не удалось Назаретянину? — Дэмьен расхохотался. — Что ж, попытка не пытка!

Мейсон обвел взглядом собравшуюся толпу и покачал головой. Как сквозь сон до него опять донесся голос Дэмьена.

— Девять из десяти явились ко мне, повинуюсь соблазну, — продолжал тот. — Человеческая природа так предсказуема. Девять из десяти. Кого-то, конечно, убедили аргументы, но большинство поддалось соблазну. Клеймо зверя, Мейсон, как нельзя кстати пришлось им.

И тут Мейсон заметил, как к нему ведут какую-то женщину, облаченную в сутану. Капюшон скрывал ее лицо.

Но еще до того, как она скинула капюшон, Джек знал, кого он под ним увидит.

— Перед вами — наша «новенькая», — пояснил Дэмьен. — Справиться с ней было раз плюнуть. Так что мы ее мгновенно обратили в нашу веру. Почва была давно подготовлена. Бредни Назаретянина не коснулись ее души. А ведь сколько еще таких толковых на свете...

Обратив к Мейсону свое размалеванное, как у дешевой проститутки, лицо, Анна вдруг зловеще ухмыльнулась, и Джек испуганно отшатнулся.

Молоденькая монахиня, державшая Анну за руку, уставилась Мейсону прямо в глаза.

— Любопытство привело ее к нам, а мы просто указали ей путь, — ехидно произнесла она, обнажив зубки.

Мейсон окликнул Анну, но та отвернулась и захихикала.

— Ищите и обрящите... — Внезапно Анна замолчала, и Мейсон с ужасом понял, что ему теперь никогда не вернуть Анну.

Дэмьену, похоже, надоел весь этот спектакль. Повернувшись к Мейсону, он крикнул:

— А теперь отправляйся прямиком к своему Создателю.

И Мейсон повиновался. Он медленно двинулся к проходу, не сводя глаз с распятия, пока не наткнулся на тело старика. Оно смердило. А фрак с белоснежной бабочкой на раздувшейся шее и высокий воротничок выглядели чудовищно на покрытом личинками трупe с уже пустыми, выеденными глазницами. Комок подкатил к горлу, и Мейсон тут же стошнило. Его рвало до тех пор, пока не пошла желчь, и Джек рухнул на колени, молясь и зажмурив глаза. Он пытался молитвой отгородиться от того кошмара, что происходил за его спиной.

Все началось с младенца, орущего от голода. Ему дали грудь, и он жадно начал сосать материнское молоко. Молодые люди, стоявшие рядом, мгновенно возбудились и принялись похотливо шарить глазами в толпе, выискивая женщин. Те мгновенно ответили на зов, и скоро тишину всколыхнули хриплые стоны животного вожделения.

Сначала это была лишь небольшая горстка людей. Мейсон видел, как Дэмьен, не обращая внимания на происходящее, отошел в сторону. Привстав с пола, Мейсон разглядел Анну, сдиравшую с себя сутану.

Мейсон невольно перекрестился, поймав себя на кощунственной мысли, что ему тоже хочется обладать Анной и что он едва справляется с диким, необузданным желанием.

Стыд охватил Джека, как только он снова поднял глаза к распятому Иисусу.

Если прав тот священник и Христос опять ходит по земле, Мейсону придется ой как тяжело. Сможет ли он замолить свои грехи?

Обернувшись, Мейсон заметил, как дряхлый старик, видимо, не способный уже к совокуплению, подобрал с пола щепку и с остервенением начал скрестить ею каменную кладку церковной стены. Вскоре к нему присоединились другие, и стена задрожала под их неистовыми ударами. Сатанисты буквально растаскивали Божью обитель по кускам. Сдирая кожу с рук, они марали церковные стены своей кровью.

Дэмьен хохотал, выкрикивая проклятья, и толпа, опьяненная кровью и духом разрушения, вторила ему. Мейсон скрючился возле алтаря. Никто не обращал на него внимания. Ибо он не представлял для них теперь ни малейшей опасности. Так, мошка какая-то, залетевшая на огонек...

И Мейсон снова зажмурил глаза, а, открыв их, увидел рядом Анну. В разодранной сутане, та призывно склонилась над ним.

Анна протягивала к нему руки и, похотливо нашептывая мерзости, умоляла взять ее. Джек вдруг вспомнил свой ночной кошмар. Размахнувшись, Мейсон со всей силы влепил Анне пощечину, надеясь привести ее в чувство, однако удар пришелся по носу. Мгновенно хлынула кровь.

«Я сломал ей переносицу», — с ужасом подумал Мейсон.

— Анна, — пробормотал он, — пожалуйста, очнись. — И тут Джек заметил, что глаза ее словно ожили. Анна как будто пробуждалась от тяжелого сна.

— Джек? — Она сидела на полу, глядя на Мейсона широко раскрытыми, удивленными глазами. Одной рукой Анна утирала кровь на лице, а другой пыталась натянуть на себя лохмотья.

Мейсон протянул было руку Анне, но толпа, почуявшая кровь, отбросила Мейсона к стене.

— Анна! — закричал он в отчаянье, но силы были неравны. Сатанисты надели на Джека, они выворачивали ему руки, и он уткнулся носом в пыль, ощущая смрад, исходящий от них: зловоние грязного совокупления, смешанное с запахом крови. Какое-то время сквозь яростный рев Джек еще улавливал стоны Анны, затем они стихли.

Стервятники почуяли кровь — дальше сработал инстинкт.

И вдруг все разом прекратилось. Мейсона отпустили, и он рухнул возле алтаря. Сатанисты же в мгновение ока сгрудились вокруг Дэмьена и с восторгом уставились на него. Мейсона внезапно пронзила грустная мысль: да, похоже, юноша прав, и человечество не заслуживает права на существование. Конец ему пришел. И ладно. Впервые за свою жизнь Джек Мейсон обрадовался смерти. И молился лишь об одном: чтобы все произошло поскорее.

Сатанисты не оставили от церквушки камня на камне. Их окружали груды развалин, и лишь деревянные балки, поддерживаемые такими же мощными столбами, возвышались над обезумевшей толпой.

Словно окаменев, Мейсон даже не заметил, как Дэмьен подошел к алтарю и велел принести сюда земные останки своего отца. Он извлек их из урны и, разложив на алтаре, склонился в молитве. Ученики последовали его примеру, и вновь воцарилась тишина. Ни один сатанист даже не шелохнулся. Похоть их улеглась, и теперь они молча внимали своему духовному повелителю.

Мейсон покосился на дверь. Он мог бы сейчас беспрепятственно сбежать, пока его сумасшедшие стражи застыли в трансе, но куда ему идти и с кем разделить свой последний час? Ему уготована ужасная судьба — погибнуть в окружении этих гнусных ублюдков. Внезапно Мейсона охватила жалость к самому себе. И тогда на грани отчаянья Джек взмолился, вопрошая Создателя, что же такого страшного натворил он в своей жизни и чем заслужил подобный конец?

Дэмьен поднялся с пола, жестом приказав ученикам оставаться на коленях. Потом повернулся и, запрокинув голову, обратился к распятию:

— Все, Назаретянин. Я перестал чувствовать твою силу и твое присутствие.— Дэмьен помолчал и продолжил:— Написано ведь, что Сатана обманет народы на четырех концах земли. Но это, пожалуй, даже и не ложь. Это их предназначение и судьба. Человечество само сделало выбор. Оно отвергло твое слащавое и приторное обещание вечного мира.

Дэмьен повернулся к ученикам.

— Посмотри на них, Назаретянин. Вымазанные в нечистотах, в грязи собственного вожделения, они пресмыкаются передо мной.

Дэмьен скользнул взглядом по толпе.

— Всех вас увижу в аду,— проговорил он, и еле слышное «аминь» эхом прозвучало ему в ответ.

Дэмьен снова повернулся к алтарю.

— Да святится имя Твое, Отец. И придет Твое царствие на земле, как в аду...

— Аминь,— хором подхватили ученики.

— Твоим будет царствие, да не убудет мощь Твоя и сила...

— Во веки веков,— отозвались сатанисты.

— Аминь,— произнес Дэмьен.

Наступила полная тишина. И тут вдруг раздался дикий хохот, заставивший всех вздрогнуть.

Повернувшись, сатанисты увидели в проходе женщину. Она была облачена в белоснежную тунику и держала в руках серебряную урну. Медленно двигаясь по проходу и вытянув вперед руки, она обратилась к Дэмьену, словно никого больше не замечая.

— У меня тоже имеется клеймо,— заявила женщина.— Так что и я должна присутствовать здесь.

Пока она приближалась, Дэмьен все ниже и ниже склонился над алтарем.

— Столько лет я обожала тебя,— произнесла женщина, поворачиваясь к собравшимся.— Ради тебя я спала с По-лем Бухером. Ради тебя я убила.

Из груди женщины вырвался стон.

— Убила, ради этого ублюдка.— Она ткнула пальцем в Дэмьена.— Там, в его черной, поганой богадельне. Охваченная безумием, заколола собственного мужа. Никогда мне не смыть с себя его кровь.

Она взметнула над собой серебряную урну.

— Вот здесь покоится прах моего мужа. Человека, которому я наставила рога, а потом и прирезала.

На короткий миг женщина закрыла глаза, будто погружаясь в молитву, а затем стремглав бросилась к лестнице, не дав никому опомниться. Дэмьен сделал было шаг в ее сторону, но вдруг остановился, и Мейсону на какое-то мгновение показалось, что в глазах юноши мелькнуло смещение. Собака рванулась с места, но было поздно: женщина уже карабкалась вверх по лестнице.

Она добралась до верха, и ее ослепительная белая туника развевалась, словно крылья. Сатанисты, как вкопанные, замерли на месте, не сводя с нее глаз.

— Боже мой,— пробормотал Мейсон, перехватив взгляд Дэмьена.

Женщина уже восседала на балке. Терновый венец поранил ей бедра, но она, казалось, не обратила на это внимания.

Какое-то время она сидела неподвижно, потом улыbnулась и пинком отбросила лестницу. Женщина рассмеялась, заметив, как толпу внизу все сильнее охватывает паника. Лестница грохнулась на землю, подняв клубы пыли, на мгновенье окутавшие распятие.

Когда пыль рассеялась, все увидели, что Маргарет Бреннан все еще громко хохочет, вцепившись в урну с прахом мужа.

— Говоришь, что пришло твое времечко, Дэмьен? Бре-шешь, ибо написано: после Армагеддона души мертвых воскреснут и вознесутся. Мой муж снова будет жить, и тогда мы с ним опять воссоединимся.

Дэмьен взвыл. Это был рев зверя, полный ярости и ненависти. Юноша вскочил на алтарь и, застыв на мгновенье на четвереньках, поднялся затем во весь рост. Он тянул к Маргарет руки, норовя вцепиться в нее, но женщина была вне досягаемости. И тогда Дэмьен воскликнул, обращаясь к распятию:

— Опять ты пытаешься одурачить меня! И снова с помощью моей же ученицы, этой заблудшей души!

Маргарет сорвала с урны крышку.

— Мерзкий ублюдок! — взвизгнула она и высыпала прах прямо на голову Дэмьену. Пепел попал в глаза, ослепив юношу. Маргарет задела распятие, и расшатанные балки затрещали.

Толпа испуганно подалась назад. Раздались предостерегающие возгласы, но Дэмьен, казалось, ничего не слышал. Он с остервенением тер глаза и метался возле алтаря. Сквозь слезы, застилающие глаза, юноша разглядел ядовитую усмешку Маргарет Бреннан. Женщина что есть силы раскачивала деревянное распятие: шипы венца вонзались и ранили ее ноги, но Маргарет, как заклинание, твердила лишь одну фразу:

— Ублюдок! Мерзкий ублюдок!

Сверху донесся треск, и Мейсон в один голос со всеми закричал, чтобы Дэмьен спустился с алтаря.

Балка с привязанным к ней распятием не выдержала и, рухнув, полетела вниз. Дэмьен распростер руки — он и не думал защищаться. Встав в полный рост, юноша словно вызывал Иисуса на поединок. Лицо его исказила гримаса ненависти, а из горла вырвался яростный вопль. В этот момент обугленная и запятнанная кровью фигура Христа швырнула Дэмьена на алтарь, распластав и подмяв под себя. Хрустнули сломанные ребра. Последнее, что увидел

Дэмьен, была Маргарет Бреннан, которая, сорвавшись, падала вниз, и терновый венец, летящий ему прямо в лицо...

Воцарилась гробовая тишина. И среди этого безмолвия раздался равномерный стук. Это на каменные плиты падали капли крови. На алтаре, из-под распятия, виднелись лишь ноги и руки Дэмьена, судорожно вцепившиеся в Христа и еще вздрагивающие в последних конвульсиях.

Потом он замер.

Первым к алтарю бросился Мейсон. Он действовал, как автомат. Оттолкнув кого-то, Джек схватил распятие, чтобы опустить его на землю. Но только он дернул крест, деревянная фигура тут же распалась на две части. Джек оттащил с алтаря каждую половину распятия. Он дрожал с головы до ног и, охваченный приступом тошноты, не смел взглянуть на раскроенный череп Дэмьена.

Только сложив обе половины распятия, Джек решился посмотреть на распростертое тело. Дэмьен Торн уставился на Мейсона незрячими глазами, в которых застыла ярость, и Джек с ужасом отшатнулся, заметив семь кинжалов, торчавших из тела юноши.

И тут в памяти возникли обрывки письма от старого священника, ссылавшегося на указания археолога по фамилии Бугенгаген:

«Каждый стилет должен быть погружен в тело по самую рукоятку в виде креста. Первый кинжал самый важный. Он уничтожает физическую жизнь и должен находиться в центре креста. Остальные кинжалы призваны отнять жизнь духовную. Все должно совершиться на священной земле».

Дэмьен Торн сгинул. Сгинули его плоть и его дух. Останки юноши, воссоединившись с прахом отца, исчезли навсегда.

— Да, ну и дела,— спохватившись, буркнул Мейсон, стирая лужицу крови между пятым и шестым кинжалом.— А ведь старик-то оказался прав, и пупка у Дэмьена Торна действительно не было.

Мейсон невольно перекрестился. Сзади раздался вой.

Ученики на коленях выползали из церкви, повизгивая и поскуливая, как щенки. Тело Маргарет Бреннан покоилось возле разрушенной стены, куда оно рухнуло. Склонившись, Мейсон прикрыл туникой обнаженные ноги женщины. Череп ее был разбит, но выражение торжества и облегчения навсегда застыло на лице Маргарет.

Мейсон двинулся вдоль сломанных скамеек и, выйдя в церковный дворик, застыл у ворот. Собака лапами рыла яму. Мейсон молча наблюдал за ней. Прошло довольно много времени. Земля промерзла, однако силищи у этого исчадия ада было хоть отбавляй. Собака закончила наконец копать могилу и сползла в нее. Закрыв глаза, чудовище еще несколько раз вздрогнуло в агонии...

Мейсон пошел прочь, бросив напоследок взгляд на церковную стену, где четыре столетия висела табличка. Теперь от нее остались одни щепки. Мейсон поднял с земли две из них и, сложив щепки в виде креста, направился в сторону особняка.

Внезапно его окликнули.

Из кустарника показалась Анна. Женщина стояла на коленях. Лицо и тело ее было залито кровью. Собравшись с силами, Анна еще раз тихонько позвала Мейсона.

— Слава Богу,—обезумев от радости, выдохнул Мейсон, бросаясь к ней и подхватывая ее израненное тело.

— Все? — еле слышно прошептала она.

Мейсон молча кивнул.

Страданиям наступал конец...

ЭПИЛОГ

На экране ученые мужи то и дело задавали друг другу один и тот же вопрос, однако никто из них так и не смог дать мало-мальски вразумительного ответа. Почему вдруг война не развернулась по запланированному сценарию? Почему так и не нажали на кнопку, ведь над ней уже была занесена рука? Ответа не имелось. В ход пускались разного рода прописные истины. Особенно муссировали мысль о том, что человечество якобы дошло до края пропасти, но вовремя остановилось, отступив от этого края. В последний миг здравый смысл возобладал.

Почему? Комментаторы лишь переглядывались с умным видом, пожимая плечами. Какое это имеет значение? Радоваться надо, а не ломать голову над тем, что не играет теперь никакой роли.

Джек Мейсон выключил телевизор и покосился на свой письменный стол, заваленный документами. Поверх бумаг лежал пухлый конверт с кассетами и письмами. Анна обнаружила его у себя и тут же переслала Мейсону с короткой запиской, где сообщила, что врачи надеются на ее окончательное выздоровление.

«А вот душевные раны будут затягиваться еще долго,— подумал Джек.— Однако время — лучший лекарь. Постепенно все войдет в нормальное русло. Успокоится и душа, и тело».

Зазвонил телефон. Это оказался Барри Кинг из обсерватории. Срывающимся от волнения голосом он сообщил, что в восточной части неба вспыхнула новая звезда. Барри зафиксировал ее рождение до мельчайших подробностей. Это его первая звезда, и он хотел бы знать, как ему назвать ее. Улыбнувшись, Мейсон предложил астроному самому решить столь важную задачу.

Повесив трубку, Джек устался на запрошенный в пишущую машинку лист бумаги. Пожалуй, первые строчки

всегда самые важные. Теперь Мейсон знал, что все-таки напишет книгу о Дэмьене Торне. Сейчас в руках у Джека имеется куча документов. Все факты у него наконец в кармане. Дело только за вдохновением.

Мейсон бросил взгляд на пожелтевшее письмо священника, где говорилось о пророчестве Бугенгагена. Археолог утверждал, что Армагеддон случится не один раз. Это сражение происходило во все эпохи и повторится вновь. Время движется по кругу. «...все то, что нынче ново, в веках минувших тыщу раз до нас уже случалось — и случится снова».

Мейсон знал, с чего начать книгу. С появления черной звезды. С рождения Дэмьена Торна.

И Джек Мейсон склонился над пишущей машинкой:

«Все произошло в тысячную долю секунды. Движение в галактиках, которое обычно занимало триллионы лет, свершилось в мгновение ока..»

А уж над названием книги он подумает как-нибудь в другой раз...

«И ничего уже не будет проклятого: но престол Бога и Агнца будет в Нем, и рабы Его будут служить Ему. И узрят лицо Его, и имя Его будет на челах их. И ночи не будет там, и не будут иметь нужды ни в светильниках, ни в свете солнечном: ибо Господь Бог освещает их: и будут царствовать во веки веков».

ОТКРОВЕНИЕ: 22,3

Содержание

Джефри Конвиц

СТРАЖ-2

Повесть

*Перевод Сюзанны Алукард
и Вадима Терещенко*

7

Гордон Макгил

**КОНЕЦ
ЧЕРНОЙ ЗВЕЗДЫ**

Повесть

*Перевод Валентины Волостниковой
и Марины Яковлевой*

325

Литературно-художественное издание
Библиотека остросюжетной мистики

В ы п у с к 8

Джефри Конвиц
СТРАЖ-2

Гордон Макгил
КОНЕЦ
ЧЕРНОЙ ЗВЕЗДЫ

Составитель и редактор
Чичина Тамара Васильевна

Оформление художника
Л. В. Брылева

Технический редактор
К. И. Заботина

Сдано в набор 23.09.93 Подписано к печати 21.11.93.
Формат 84×108^{1/32} Гарнитура «Академическая» Печать высокая.
Усл. печ. л. 23,52 Усл. кр.-отт. 24,57 Уч.-изд. л. 25,56. Тираж 50 000 экз.
Заказ 827 Цена договорная.

Набрано и отпечатано в типографии издательства «Пресса».
125865, ГСП Москва, А 137, ул. «Правды», 24

